

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

АЛЕКСАНДР

БУШКОВ

СЛЕПЫЕ
СӨЛДАТЫ

СЛЕПЫЕ
СӨЛДАТЫ

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВАРОГА

СВАРОГ

В занимательности Александру Бушкову не откажешь.
Книжное обозрение

Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе
Свароге, не сомневайтесь, дальше — только интересней.
Радио «Маяк»

В деле создания героев Александр Бушков никогда
не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает
провинциальной самоуверенностью, здравомыслием
и крепкой психикой советского офицера.
Сварог тут не исключение.
Книжная витрина

«Сварог» вывел Александра Бушкова
в число фантастов первой лиги.
FANтастика

Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной
классикой в то время, когда понятия «русское фэнтези»
еще и не существовало.
Мир фантастики

...Великолепная фэнтезийная проза.
Уникальный, ни на что не похожий, глубоко продуман-
ный мир. Мощная магия, мрачные пророчества.
Фирменный стиль, искрометный бушковский юмор.
Русская фантастика

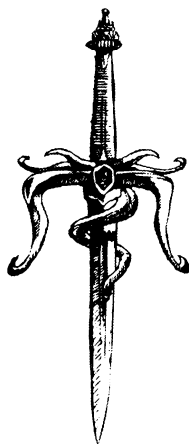
Добросовестное отношение к военным и державным
реалиям, глобальное авторское видение мира, внятность
мотивов и обоснованность поступков персонажей...
Книжное обозрение

Есть писатели, которые несут золотые яйца,
а есть — которые пишут хорошие книги.
Александр Бушков старается это совмещать.
Русский журнал

Таларский цикл — самый любимый поклонниками Бушкова.
Это изумительный язык: легкий, занимательный, понятный,
с приятным юмором.
Ozon.Ru

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

СЛЕПЫЕ СОЛДАТЫ

Москва
ОЛМА Медиа Групп
2013

УДК 821
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова «Слепые солдаты» принадлежит ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

Авторы стихов, приведенных в романе: Александр Величанский, Ойгерд Довмонт, Хорхе Манрике

Обложка Сергей Иващук

Книга печатается в авторской редакции

Бушков А.
Б 90 **Слепые солдаты: Роман.** — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. — 448 с. (Сварог — фантастический боевик).

ISBN 978-5-373-00545-6

В пышных церемониальных встречах идет парадная жизнь Сварога, поочередно выступавшего в роли аж семи королей и одного великого герцога. Венценосные особы безмятежно съезжаются в резиденцию Виглафского Ковенанта — величественный замок, сейчас самое безопасное место на всем Таларе.

Все вульгарные пикантности и пороки — измены, ревность, насилие и обман... — скрыты за ставнями королевских покоев. Где-то там зреет заговор, а в ответ ему — праведная месть!

Пусть легкий ветерок лениво колышет многочисленные флаги, гордо реющие над королевскими резиденциями. Но, рассвирепев над морями и океанами, он запросто может превратиться в огненный шквал. Который сорвет белый флаг с черным солнцем на башнях острова Дике.

УДК 821
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-373-00545-6

© Бушков А., 2012
© ОЛМА Медиа Групп, 2013

И было, что наутро они снова выступили в бой; и был велик и страшен тот день; все же они остались без победы.

Книга Мормона, Ефер, 15, 17

Глава I

КОРОЛЕВСКИЕ БУДНИ

Широкий подвал тянулся, вероятнее всего, не менее чем на лигу — и тройной ряд синевато-белых дампов, уходя вдаль, понемногу сливался в одну линию, а линия превращалась в ниточку, в паутинку, конца которой от ступенек разглядеть никак не удавалось. Уж в э т о м случае покойный Фаларен мелочности не проявил и свой жуткий зверинец отгрохал с нешуточным размахом. Так, что Сварог все еще не мог отойти от изумления. Грандиозное оказалось сооружение. Поневоле впечатляло.

Он неторопливо шагал, заложив руки за спину, медленно поворачивая голову вправо-влево. У его правой ноги, неотступно сопровождая с навыком опытного придворного, вальяжно выступал Золотой Кот, еще одно неожиданное приобретение. Создание это и в самом деле как две кали воды походило на здорового откормленного кота, в золотых кудряшках шерсти, с толстым пушистым хвостом и немигающими желтыми глазами с вертикальным, как полагается, зрачком. Еще один механизм, по какому-то королевскому капризу выполненный из золота, по крайней мере, снаружи. Все копии живых существ при королевском дворе покрыты натуральнейшим золотом — ну а что у них внутри, Сварог и не собирался выяснять. Чересчур уж детским поступком было бы раз-

бирать кого-нибудь из безмозглых болванов-лакеев, чтобы только узнать, что у них внутри.

Правда, Золотой Кот к безмозглым никак не относился, наоборот. Изъяснялся грамотнейше, лексикон у него был богатый, искусственный интеллект поразительный, и, если не поворачиваться к нему, не видеть, оставалось полное впечатление, что беседуешь с умным и эрудированным человеком.

У покойного короля он выполнял примерно те же функции, что Интагар у Сварога — начальник тайной полиции да вдобавок совмещавший функции полудюжины земных министров (что, впрочем, вряд ли являлось очень уж трудным делом, учитывая специфику Хелльстада, а также здешнее население).

Умен был Фаларен, лишний раз убедился Сварог. Единично руководить всеми делами королевства, пусть даже такого специфического — не монаршее дело. Нужен кто-то особо доверенный, на кого можно взвалить львиную долю работы: но, опять-таки учитывая специфику, никак не следует поручать такой пост ч е л о в е к у. Л ю д я м Фаларен (как и Сварог на его месте) отводил исключительно роли мелких шестерок (каковой, если за глаза называть вещи своими именами, был тот же мэтр Лагфель). Вот покойничек и создал себе умнейшего робота, каким образом, теперь уже не доищешься. А вот почему придал вид не человека, а кота, тоже теперь не узнаешь...

Справа и слева, хвостами к стене подвала, головами к проходу, сложив крылья, подобрав лапы, лежали Золотые Драконы, не столь уж впечатляющих размеров, но крайне внушительные на вид. Синевато-белые отблески ламп тусклыми искорками отражались в их потухших сейчас фасеточных глазах. Вовсе не глаза это были, конечно, а линзы мощных лучеметов. Вряд ли только ими ограничивалось бортовое вооружение золотых ящеров: там, где крылья соприкасались с туловищами, чернели какие-то подозрительные круглые дыры, по полудюжине с каждой стороны, крайне напоминавшие авиапушки из навсегда покинутого Сварогом мира. Но это, конечно, что-то гораздо серьезнее...

Драконов Сварог не считал — просто отметил в уме, что их тут несколько десятков. Дальше потянулись ступенчатые стеллажи из темного дерева, от пола до потолка, и на них в дюжину рядов восседали Золотые Филины, размером не превосходившие живых, ушастые, с теми же тускло-фасеточными глазами. Вот этих, считая навскидку, наберется несколько сотен. И, как следовало из толковых, доступно высказанных объяснений Золотого Кота, одна такая птичка могла, пожалуй, провести успешный воздушный бой если не с боевой виманой или драккаром, то уж безусловно с боевым брагантом — и еще неизвестно, кто остался бы победителем...

Пригасшее было удивление вспыхнуло вновь, когда он дошел до стеллажа, где аккуратнейшими рядочками помещались Золотые Воробьи, опять-таки величиной с живых. Он хотел было задать вопрос спутнику, но по наитию догадался и сам, в чем тут хитрость. Идеальное оружие для шпиона и диверсанта. Десяток-другой тайных агентов, проникших в намеченный ко взятию город с карманами, набитыми такими вот воробушками, способны нанести противнику урона больше, чем парочка полков морской пехоты...

Военно-воздушные силы закончились. Начались, так сказать, сухопутные войска. Тесными рядами, бок к боку, стояли Золотые Псы (здоровенные, наподобие каталаунских пастушьих волкодавов), Золотые Кабаны ростом чуть ли не по грудь Сварогу. У него осталось впечатление, что дырки в пяточках этих милых свинок выполнены отнюдь не для лучшего сходства с живыми прототипами: не зря же ноздри, отсюда видно, закрыты изнутри серебристыми острыми конусами сложного плетения...

Золотые Нетопыри (выводившие из строя живую силу противника мощным ультразвуковым пучком, моментально ответил на вопрос Золотой Кот), Золотые Ящеры (юркие, проворные, трудно уязвимые в силу малых размеров огнемёты), даже Золотые Ежи — про этих Сварог и не стал спрашивать, все равно ясно, что не для добрых дел предназначены.

Потом кончилась и разнообразнейшая живность. Далее уже располагались не копировавшие всевозможную фауну устройства, а самая натуральная военная техника, пусть и насквозь незнакомая. Круглые, овальные и прямоугольные платформы на дюжине паучьих лап, на них установлены разнообразные непонятности: пакеты из полудюжины овальных труб, утыканные длинными иглами шары, пирамиды из шариков без шипов, загадочные решетчатые конструкции, ряды блестящих конусов на высоких стержнях, нечто вроде огромных овальных тарелок... И прочая загадочная машинерия. Судя по не которым наблюдениям, часть этих устройств можно было поднимать под достаточно большим углом возвышения — наподобие зенитного орудия.

В самом конце, на протяжении уардов полусотни, стояли вовсе уж химерические устройства — все до одного, сразу видно, опять-таки способные передвигаться самостоятельно. Иные, казалось, мог придумать исключительно параноик, по недосмотру начальства прижившийся в военном конструкторском бюро. Но вот уж кем не был покойничек Фаларен, так это параноиком. Чтобы не угодить в смешное положение, Сварог пока что не стал требовать пояснений, дабы не повторилась история с «Рагнароком», когда Глаин охотно отрапортовал ему, что в носовой части лодки установлен гразерт, но что же такое гразерт, объяснить так и не смог...

Он поднялся по дюжине ступенек, прикрыл за собой бесшумно захлопнувшуюся дверь, присел на скамейку у входа и с удовольствием вдохнул прохладный вечерний воздух. Уже привычно откинув полу алой королевской мантии, потянул из кармана сигареты. Золотой Кот устроился рядом с ним, усевшись по-кошачьи.

Вот такие дела. Догадывался, что Фаларен не был по натуре пацифистом, но чтобы до такой степени... Не нужно было подробно и обстоятельно расспрашивать Золотого Кота о каждой разновидности боевых машин, и без того можно составить кое-какое впечатление. Дело даже не в Харуме — Харум эта армада могла захватить в считанные недели. Пожалуй что, и ларам это воинство могло причи-

нить нешуточные неудобства. Особенно если допустить, что естественную в боях убыль военной техники Фаларен мог восполнять по мере надобности. Особенно если вспомнить, что его б а з а, то есть Хелльстад, неуязвима для любого воздействия ларов, как недавно обмолвился канцлер, даже пресловутый «Белый шквал» тут бессилен...

Он безмятежно пускал дым, разглядывая располагавшийся совсем недалеко Вилердеран — второй замок Фаларена, но не паривший над землей подобно Вентордерану, а испокон веков стоявший на своем месте (как, собственно, замкам и положено на Харуме). Красивое здание из желтого с темными прожилками камня, с башенками, шпилями, галереями и острыми крышами, крытыми светло-коричневой черепицей. Что-то около двух тысяч лет назад, как выяснилось, скучающий Фаларен в поисках новой игрушки возвел этот замок, набрал себе самый настоящий двор (за хорошие деньги подыскав по всему Харуму благородных дворян и дам, придворных поэтов и лакеев), завел даже конюшни и зверинец. С полгода избражал обычного земного короля, потом игрушка прискучила, людей отправили восвояси, щедро наградив, а четвероногих обитателей конюшен и зверинца попросту выставили за ворота (добрая половина из них в Хелльстаде уцелела и прижилась, плодя потомство). С тех пор Фаларен в замке не появлялся ни разу, но все сохранилось великолепнейшим образом: дворец с его механическими обитателями, беседки и фонтаны, искусственные водопады и гроты. Вот только от его величества так и не поступило указаний ухаживать за парком — и парк разросся, превратившись в дикую чащобу, давно скрывшую мощные дорожки...

Еще неделю назад Сварог и не подозревал, что обладает, оказывается, еще и э т а к о й недвижимостью. Он попросту все эти годы бывал в Хелльстаде редко, случайными наездами, постоянно откладывая на потом и изучение компьютера, и полную инвентаризацию недвижимости, начиная от того загадочного постаменты с каменной птицей и кончая военно-морскими домами

отдыха. И наконец выбрал время, засел здесь на двое суток, настрого наказав беспокоить его разве что в случае какой-нибудь очередной глобальной жути вроде Багряной звезды.

И сразу отыскалась масса интересного, в том числе Вилердеран. В ответ на упрек мэтр Лагефель пожал плечами и сказал, что у него не было приказа рассказывать новому государю о каких бы то ни было строениях, ему лишь поручалось в свое время представить полный список всех обитателей Хелльстада с развернутой характеристикой таковых — что он и исполнил в точности. Он был совершенно прав, Сварог смущенно фыркнул и взял попреки назад.

Сейчас он думал, что Вилердерану, кажется, суждено простоять в том же положении неведомо сколько лет. Роскошный замок, конечно (Сварог его успел на скорую руку осмотреть), но что с ним прикажете делать? Никакого двора из людей он здесь заводить не собирался, всякий раз, прибыв в Хелльстад, останавливался в Вентордеране, там же принимал и редких немногочисленных гостей. Библиотека, компьютер — все в Вентордеране. В Вилердеране тоже есть парочка сильных компьютеров — они лишь поддерживали защиту замка (Фаларен, надо полагать, постоянно ждал от ларов какого-нибудь очередного нехорошего сюрприза, в чем был прав) да обеспечивали деятельность чего-то вроде научной лаборатории, где Фаларен, пока жил здесь полгода, производил какие-то эксперименты, насколько удалось понять, дурацкие и бесполезные... В общем, Сварога замок не интересовал вовсе. Особенно после того, как оказалось, что там нет никакой аппаратуры, способной обнаружить вход в пещеру токеретов.

Вот именно, токереты... Золотой Кот (как и подобает начальнику тайной полиции) о них прекрасно знал, но знания его оказались крайне куцыми: да, где-то под Хелльстадом есть огромная пещера, где обитают крохотные человечки, вроде бы лишенные души, — но у Фаларена никогда не было с ними никаких отношений, ни дружеских, ни враждебных, и ни разу Кот (практически ровесник

Хелльстада, созданный Фалареном вкупе со всем прочим) не получал указаний токеретами заниматься. Вообще, Золотой Кот за последние лет пятьсот королем не вызывался ни разу, никаких распоряжений касательно чего бы то ни было не получал, так и торчал здесь. Человек давно рехнулся бы после нескольких столетий одиночества, но роботу такое, разумеется, не грозило.

Покосившись на застывшего статуей новоявленного со-трудничка, Сварог подумал: хорошо все же, что это робот. Окажись на его месте человек, еще неизвестно, как сложились бы отношения: мог сразу сбежать за пределы Хелльстада, как тот ронин, а мог и, улучив момент, вознать узурпатору что-нибудь острое в спину. Золотой Кот же принял появление нового короля как нечто само собой разумеющееся и даже не задал ни единого вопроса: сначала был один король, теперь появился другой, в той же мантии и той же митре, вот и все. Сварог догадывался, в чем тут дело: должно быть, вложенные в Кота программы попросту не предусматривали такого события, как смена короля. Соответственно, не было ни планов на сей счет, ни собственного отношения к происшедшему. Молчаливо подразумевалось, видимо, что Фаларен будет занимать свой трон вечно...

— Это единственный арсенал? — спросил Сварог.

Кот моментально оживился, поднял голову, потускневшие было глаза налились желтым:

— На берегу Итела есть еще один, ваше величество. Триста Золотых Касаток и пятьдесят Золотых Гривастых Крокодилов — для действий против кораблей и портов. И сотня Золотых Щук — если потребовались бы какие-то мелкие акции на Ителе.

Крепенько все было продумано, не без уважения подумал Сварог. Отчего же, старательно создав всю эту армаду, Фаларен так никогда и не пустил ее в ход? Опасался, что, начав завоевывать Харум, переступит некую черту, за которой лары вовсе уж остервенеют? Сварог никогда никого здесь об этом не спрашивал прямо, но у него имелось серьезное подозрение: в случае какой-то по-настоящему глобальной угрозы, исходящей с земли, и Канцлер, и во-

енный министр без особых угрызений совести оставят от Талара лишь исполинское облако пыли и камней. А уж Фаларен со своим механическим воинством как раз и был бы угрозой глобальной...

Или все было иначе? И это золотое воинство оказалось очередной наскучившей игрушкой? Создавать ее, продумывать было, без сомнения, чертовски интересно, но вот потом... Потом Фаларен, нельзя исключать, мог попросту и подумать: «А собственно, на кой мне черт что-то завоевывать?» И забросить арсеналы, как забросил Вилердеран, как забросил когда-то Орлиное Гнездо — совсем небольшой красивый замок, возведенный на вершине скалы у подножия Гун-Демии-Тенгри, откуда открывался великолепнейший вид на Хеллльстад, на многие сотни лиг.

Или здесь крылось что-то еще, о чем уже никогда не догадаться? Кто ж знает...

— Имеются какие-то мастерские, на которых можно производить новые партии?.. — он показал большим пальцем за плечо, на дверь арсенала.

Кот прекрасно понял его жест:

— Да, государь. Подземные заводы в десятке лиг отсюда. Прикажете показать на карте?

— Как-нибудь потом, — небрежно отмахнулся Сварог.

А вот теперь следовало подумать о главном: пригодится ли ему для каких-то практических целей вся эта армада, мощь, по сравнению с которой «Рагнарок» выглядит детской игрушкой?

После долгих и серьезных размышлений он пришел к выводу: пусть уж все так и остается на прежнем месте. Для войн на Харуме ему достаточно и того, что уже имеется в распоряжении. Воевать с Небесной Империей он, разумеется, не собирается. Конечно, оставался Горрот. Вот именно, Горрот... Против Горрота вся эта золотая орава оказалась бы как нельзя более кстати. Никакое оружие ларов на его территории, как достовернейше установлено, не действует, оно просто-напросто перестает работать (и все приборы наблюдения отказывают, от орбитальных до портативных, которые брали с собой агенты). Но кто сказал, что это рас-

пространяется на оружие, произведенное в Хелльстаде? Проверить, в конце концов, несложно. Поручить Коту послать по Ителу в горротские пределы одну-единственную Золотую Щуку, чтобы она где-нибудь в глуши попробовала... ну, скажем, спалить паршивую рыбацью лодку. И если удастся...

И если даже удастся, все равно нельзя пускать на Горрот это золотое воинство. Горрот он, предположим, разобьет без труда... и тем самым покажет Канцлеру, чем располагает как король Хелльстада. Ход мыслей Канцлера и его решения в этом случае предугадать невозможно. Он еще терпит Сварога в качестве короля нестрашного курьеза-Хелльстада, совершенно безобидного для окружающего мира, диковинного реликта Шторма, населенного экзотическими тварями. А вот как он отнесется к Сварогу, располагающему силой, способной на равных потягаться со всей мощью ларов? Чертовски интересный вопрос... Сердце вещует, что отношение может перемениться самым решительным образом... Тут, если что, и Яна не спасет... и даже не узнает, что стало причиной его безвременной кончины. Не надо строить иллюзий по поводу собственной неуязвимости. Таковой попросту не существует. Будем реалистами: если Канцлер усмотрит в Свароге нешуточную угрозу для империи, в конце концов найдет способ отправить его к праотцам. Так, что и Яна не догадается. Он не добрый и не злой, он — Канцлер Империи, и все тут... Должность такая.

Единственное, что пригодится, причем не за пределами Хелльстада, а именно что в пределах — та сотня Золотых Шмелей, что сидит аккуратными рядочками на соответствующем стеллаже в подземелье. Миниатюрные воздушные разведчики, гораздо совершеннее двух дюжин Золотых Пчел мэтра Лагефеля, которые вот уже почти год, неустанно рыская над Хелльстадом, не могут обнаружить не то что вход в пещеру токеров, но даже ее точное расположение. Сварог давно уже предполагал, что вход следует искать именно там, где они столкнулись с крохотными вертолетами, где растут карликовые дубы, и Пчелы проутюжили там все вдоль и

поперек, но ничегошеньки не нашли. Быть может, Шмелям повезет больше...

Он решительно встал, затоптал окурок. Кот оживился, присел на задние лапы:

— Будут какие-то приказания, ваше величество?

— Конечно, — сказал Сварог, привычным движением извлекая из воздуха карту Хелльстада. — Поднимите всех до единого Золотых Шмелей. Пустите в круглосуточный поиск. Они способны отыскать подземные пустоты?

— Да, ваше величество, ведь это на войне порой необходимо...

— Прекрасно, — сказал Сварог. — Пусть ищут пещеру токеретов. А если удастся, пусть ищут и вход. Особенное внимание уделить вот этому району, — он показал пальцем на карте. — Далее. Пошлите по Ителу Золотую Щуку в пределы Горрота.

— Насколько далеко?

— Не особенно далеко, — сказал Сварог. — Лига-другая в пределах Горрота, этого будет достаточно. Ее задача — попытаться нанести пусть минимальнейший, но ущерб. Спалить привязанный на берегу рыбачий челнок, сжечь какую-нибудь хибарку на берегу. И тому подобное. Понимаете?

— Да, ваше величество. Вы хотите проверить, будет ли наше оружие действовать в Горроте?

— Вот именно, — сказал Сварог. Спыхватился: — А откуда вы, собственно, знаете, любезный, что чье-то оружие в Горроте не действует?

— С некоторых пор в Горроте не действует оружие ларов, — бесстрастно, как всегда, ответил Золотой Кот. — Наш Центр, — он показал в сторону Вилердерана, — до сих пор подключается к некоторым компьютерным сетям ларов и получает обширную информацию. Так поставил его величество, когда одновременно с постройкой дворца создавался Центр. Король около пятисот лет не запрашивал информации, но не было приказа прекратить ее сбор...

— Почему вы ничего не сказали о Центре? — рявкнул Сварог.

— Потому что вы не спрашивали, ваше величество.

Сварог моментально остыл: вспомнил что имеет дело не с человеком. У роботов своя логика. Сварог не требовал от него рассказать обо в с е х технических хитростях дворца — он просто-напросто ходил по залам и изредка задавал вопросы насчет каких-то конкретных штук (главным образом тех, что выглядели особенно экзотично). И допустил, как оказалось, крупную промашку. Правда, его извиняло то, что прежде он не имел дела с интеллектуальными роботами и не знал их привычек.

— Вот именно, — повторил он. — Нужно проверить, будет ли наше оружие действовать в Горроте...

Оглянулся на Вентордеран, метрах в трехстах от подземелья повисший над самой землей с опущенной лестницей. Ладно, в Глан он успеет, и эта сволочь Одо никуда не денется, пара часов роли не играет...

Он небрежным движением пальца заставил карту раствориться в воздухе и распорядился:

— Выпускайте Шмелей и Щуку. Потом покажете мне Центр.

Центр производил впечатление. Вдоль доброй половины чердака протянулась анфилада из четырех комнат, вместо дверей снабженных высокими арками. В каждой торчали из стены полдюжины огромных стеклянных полусфер (в одних размеренно и неторопливо кружили, переплетаясь и меняя цвет, неяркие полосы света, в других столь же неторопливо перекачивались мириады разноцветных шариков). Меж ними и арками стояли по три компьютерных стола, за ними восседали золотые обезьяны чуть ли в человеческий рост, все поголовно украшенные черными беретами. Вполне возможно, Фаларен со своим замысловатым чувством юмора не зря сделал компьютерщиков именно обезьянами и нацепил береты, пародирующие головные уборы Сословия Совы, разве что без эмблем. Обезьяны сидели, как отлично вымуштрованные, вот только особой работы что-то не замечалось — так, кое-где вспыхивали цветные огоньки и змеились радужные полосы.

Все они синхронно встали, поклонились Сварогу и вновь навывтяжку устроились перед пультами. Судя по всему, руководствуясь той же логикой: был один король, а теперь пришел другой...

Золотой Кот проворно показал лапой:

— Зал защитных устройств. Мало ли что может произойти... Зал наблюдения за системами ларов: компьютерными, наблюдательными, защитными. Зал манипулирования нужными районами во время прихода незваных гостей. Зал наблюдения за Таларом.

Сварог в который уж раз подумал о покойнике не без уважения: спесив был и капризен, но отнюдь не глуп, не просто кочевал по своему королевству в летающем чуме под названием Вентордеран... Он обратил внимание: справа у каждого стола располагался особый стул, пустой, гораздо роскошнее тех простых, на которых сидели обезьяны, напоминавший формой и цветом вентордеранский королевский трон.

— Место короля, — кивнул Золотой Кот, с проворством истого министра полиции перехватив его взгляд. — Вот только государь очень давно перестал здесь бывать, сказав, что ему стало неинтересно. Вся самая важная информация, конечно, моментально передавалась в компьютер Вентордерана, но гораздо менее важная просто копится, Центр работает на одну десятую мощности, не более того. Идет рутинное дежурство.

Искушение оказалось слишком сильным... Сварог, не колеблясь, уселся на королевское место в зале наблюдений за системами ларов. Положив руки на пульт, через миг, как и следовало ожидать, знал, как со всем этим управлять. И хладнокровнейшим образом вошел в сеть Кабинета Канцлера. Согласно той же хитрейшей юридической казуистике он не нарушал законов: сюда запрещалось входить с н е б е с н ы х компьютерных сетей, а касаясь земных никакого запрета не было: исключительно оттого, что на земле таковых не существовало, но это уж юридические казусы...

Сначала ничего интересного он не обнаружил — огромные папки касаясь каких-то чисто хозяйственных дел, большей частью совершенно непонятных. Потом

попались вещи поинтереснее: отчет отдела, занятого исключительно наблюдением за Хелльстадом — впрочем, состоящий из грустных констатаций того факта, что очередное хитрое наблюдательное устройство оказалось бесполезным. «Вот так-то, судари мои, — злорадно проворчал он. — Здесь вам не там...»

Он не особенно и удивился — более того, ничуть не удивился — наткнувшись на отдел, занятый исключительно наблюдением за его персоной, перемещениями и, по возможности, кругом общения. Обижаться и сердиться не следовало — на то он и Канцлер, должность такая... Ага, вот и полный список работавших на Канцлера земных придворных — ну, никого о ком стоило бы сожалеть и злиться за стукачество, люди Канцлера выбирали самых незаметных, но способных пролезть в любую щель. Надо отдать Канцлеру должное: донесения о встречах Сварога с Яной составлялись в самых сухих и обтекаемых выражениях. Ага, он и возле Элвара парочку людей держит, и возле Диамер-Сонерила, и возле кучи сановников, способных на что-то серьезно влиять. Впрочем, Сварог на земле устроил примерно то же самое — должность такая...

Он поневоле зачитался отчетом об акции, лирически именуемой «Луговая ромашка». С давних пор, выдумав какое-то новое оружие, его украдкой пытались применить против Хелльстада — где-нибудь на окраине, авось что интересное да получится. Речь, правда, не шла об очень уж у б о й н ы х вещах — так, мелочи. Имелось донесение военного министра: как бы ни пылали любопытством «эти господа из Магистериума», применение «Черной молнии», «Огненного колеса» и уж тем более «Белого шквала» способно вызвать непредсказуемые, но безусловно тяжкие последствия для примыкающих к Хелльстаду районов Талара.

Так-так-так... Оказывается, некоторые вроде бы мирные с виду торговые — а то и пиратские корабли, — заходившие в Ител на территории Хелльстада, были на деле замаскированными лабораториями с той самой новейшей аппаратурой. И, как со злорадством отметил Сварог, от этой аппаратуры ни разу не случилось никакого толку,

просто-напросто отказывалась работать. А посему в отчете имелаась написанная еще полтора года назад каким-то советником Кулганом крайне пессимистичная докладная, призывавшая не тратить время, технику и силы на это безнадежное предприятие, за столько тысяч лет ни разу не приведшее к успеху. Ничьей резолюции на ней не имелось, но, судя по тому, что на последующие полтора года все работы прекратились, Канцлер к ней прислушался.

Вообще, много чего интересного обнаружилось в архиве Канцлера — но Сварог понимал, что придется тут просидеть несколько дней, а такой роскоши он себе не мог позволить. Главное, ниоткуда не явствовало, что Канцлер замышляет против него что-то недоброе — наоборот, накладывал на кое-какие сообщения агентуры весьма одобрительные для Сварога резолюции.

Он уже хотел было выйти, но наткнулся на папку нешуточных размеров, озаглавленную с тем самым дурным канцеляризмом, с каким безуспешно и вяло боролся у себя на земле. «Подробный и обстоятельный отчет о жизни и поведении Ее Императорского Величества Высокой Госпожи Четырех миров с момента восшествия на престол Империи и до настоящего времени».

«Ах, ты ж, сукин кот, — подумал Сварог не без профессионального восхищения, — ты и ее под колпаком держишь, разумеется, из самых что ни на есть высших государственных соображений...»

И вот тут вот искушение выхлестнуло за все пределы, оказалось слишком велико. Возможно, он поступал и чуточку непорядочно, как знать... Хотя, как частенько случается, тут же подвернулось вполне убедительное оправдание: зная все, что знает о Яне Канцлер, быть может, удастся это использовать именно что в ее пользу, почему бы и нет?

Он повернулся к ближайшему обезьяну:

— Сколько времени потребуется, чтобы скопировать этот отчет?

— Не более двух минут, государь. Если для компьютера Вентордерана, получится еще быстрее.

— Займитесь, — сказал Сварог, опять-таки не испытывая никакого раскаяния.

В конце концов, если наткнется на что-то по-настоящему личное, слово себе дает, сотрет моментально, ни одним глазком не заглянет... Стыдно чуточку, но никак не удастся себя пересилить: как никак, это его девушка. И, между прочим, достоверно известно, что ей-то случалось читать отчеты о его поведении — очень уж надежные косвенные данные имелись. Профессия такая, что поделаешь... Никогда бы не полез в ее личный дневник или письма, но тут со всем другое: официальный документ, судя по шифру, доступный примерно десяти высокопоставленным сановникам...

— И там, наверху, ни разу не обнаружили, что вы подключаетесь к их сетям? — с любопытством спросил он.

— Ни разу, государь. Наша система работает на других принципах.

— На каких? — машинально спросил Сварог.

И выслушал пространную лекцию о каком-то пробое в апейрон-поле, позволяющем создать точечный канал. Дослушать пришлось до конца — он понимал одно слово из десяти, но прерывать Обезьяна было как-то неловко, пусть даже роботы не способны испытывать эмоций и мысленно комментировать поступки хозяина. Вот заключительную часть он понял прекрасно, для этого не нужно было иметь семи пядей во лбу: в свое время физика ларов почему-то прошла мимо этого явления, никто его не изучал, а, следовательно, не было и соответствующей аппаратуры. Вполне возможно, точно так же обстоит и с Беттой, пронеслось у него в голове. Нечто такое, мимо чего высокомудрый Магистериум отчего-то прошел...

Он положил в карман небольшой черный кругляшок со сложным золотистым узором и поднялся, чтобы уйти. Мысленно хлопнул себя по лбу: почему не подумал об этом раньше, балбес?

Наблюдательные системы ларов отчего-то бессильны разглядеть что-либо в Горроте... а как обстоит со здешними? Уж если здешние умельцы сумели подключиться к компьютерной сети ларов...

Он прошел в четвертый, последний зал, опустился в кресло и приказал очередному безучастному, как древняя каменная баба, обезьяну:

— Покажите мне Акобар. С высоты... уардов ста.

Обезьян обычным, их лишенным эмоций голосом отчеканил:

— Простите, государь, сначала придется сделать «проход»...

— Как это? — не понял Сварог.

Обезьян объяснил, причем так, что сейчас Сварог понимал все прекрасно, кроме пары-тройки каких-то специфических терминов. Наблюдательные системы ларов располагаются высоко в воздухе, и потому всегда получается «вид сверху» — ну, а чтобы рассмотреть что-то подробнее, нужно «снижаться». Здешние системы устроены как-то иначе, «взгляд» наблюдателя перемещается над землей, подобно птице, при нужде приходится подниматься вверх, поворачиваться вправо-влево. Иная методика, только и всего. Здешние устройства даже совершеннее: «глаз-ухо» можно завести внутрь дома, осмотреть любую комнату — на что техника ларов не способна.

— Ну, тогда п о д о й д и т е к Акобару, — сказал Сварог и уточнил, предчувствуя от педантичного робота именно такой вопрос: — со стороны заката.

Экран вспыхнул, но вместо города на нем появился лишь странный черно-белый узор, неподвижный, красивый, напоминающий исполинскую снежинку.

— Это еще что такое? — сердито спросил Сварог.

— Не знаю, — бесстрастно ответил Обезьян. — Тако-го никогда не наблюдалось государь. Неизвестный эффект.

— А когда последний раз наблюдали за Горрогом?

Обезьян ответил мгновенно:

— Восемнадцать лет назад, три месяца семь часов сорок семь минут назад, Государь.

— Так... — проворчал Сварог. — Интересно...

Он не собирался сдаваться так быстро — и по его командам Обезьян добрый квадранс манипулировал аппарату-

рой. Пытался «подойти» к разным городам на разных высотах. Пытался «зайти» в город по Ителу. И всякий раз возникал тот же красивый, непонятный, начинавший уже бесить узор. Тогда Сварогу пришло в голову, что приборы, несмотря на их здешнюю фантастическую долговечность, могли и забарахлить.

Однако от этой мысли пришлось отказаться, когда экран исправно показал Дике, какие-то неизвестные, заросшие густым лесом крутые берега (Сварог до сих пор успел обозреть лишь малую частичку острова, главным образом, порт с крепостью, и потому не мог определить место, да и не стоило уточнять, главное — система работает). Ну, что же, и для систем ларов Дике был полностью доступен, а вот сам Горрот закрыт начисто...

Чисто для проверки он назвал Обезьяну еще несколько мест — в Снольдере, в Ронеро, на Сегуре. И всякий раз система работала исправнейшим образом. Вот так, значит... Единственное отличие в том, что здесь появляется та чертова «снежинка», а на экранах ларов словно бы кружит снежный буран, метель из белых хлопьев, за которыми не удастся ничего рассмотреть... Суть одна и та же. Полная блокировка.

— Ваше мнение? — спросил Сварог.

— Представления не имею, государь, что это. Ничего подобного прежде никогда не случалось.

— А если предположить, что перед нами искусственно созданные помехи?

Без всякого раздумья Обезьян ответил:

— Теоретически можно допустить и такое объяснение.

— Можете выяснить точно?

— Конечно, государь. Но времени потребуется много. Подобная задача никогда раньше не ставилась. Не могу сказать заранее, сколько времени это отнимет, но определенно много часов. Нужно составить новые программы, произвести действия, какие никогда раньше не производились...

— Займитесь немедленно, — сказал Сварог и встал.

У него не было времени торчать здесь «много часов»...

— Если это искусственный барьер, сделайте все возможное, чтобы его преодолеть, — добавил он и направился к выходу, сопровождаемый Золотым Котом.

Выбравшись из чащобы, он задержался. Золотой Кот, выжидательно замерший у ноги, спросил:

— Будут ли еще какие-то приказания, ваше величество?

— Золотые Шмели пусть работают днем и ночью, — сказал Сварог. — Если будут хоть какие-то результаты, немедленно о них сообщать мэтру Анраху. Вот кстати... Запомните накрепко. Мэтр Лагефель был и остается лишь передатчиком моих распоряжений... а вот что касается мэтра Анраха — во всех делах, что связаны с исследованием Хелльстада, он может самостоятельно что-то предпринимать, как если бы я сам приказывал, подтверждения у меня требовать не следует. Только в этих делах, — уточнил он вящей предусмотрительности ради. Абсолютно ни в чем он Анраха не подозревал и доверял ему всецело, но было бы неосмотрительно передавать кому бы то ни было п о л н у ю власть над Хелльстадом.

— Далее, — продолжал он раздумчиво. — Центр. Те задания, что я им дал, они наверняка будут выполнять скрупулезно, и ваше вмешательство тут не требуется. Но поручите им еще одно... Пусть остаются постоянно подключенными к системам в е р х н и х, — он ткнул пальцем в усыпанное звездами ночное небо. — Любое упоминание обо мне должно фиксироваться. Составлять регулярные сводки.

— Нет нужды отдавать такое приказание, государь, — сказал Кот. — Точно такое же указание действовало при вашем предшественнике... разве что он давно, очень давно не интересовался сводками. Так что придется всего лишь заменить в программах его имя на ваше. Это минутное дело.

— Тем лучше, меньше работы, — сказал Сварог. — Сводки мне нужны еженедельные... разумеется, если все будет обстоять с п о к о й н о. В случае, если окажется, что против меня что-то замышляется, извещать меня немед-

ленно, — он оглянулся на темные башни, возвышавшиеся над дикой чащобой.

Кот успел рассказать практически обо всем, что касалось Вилердерана. В его обширных подземельях, кроме огромного винного погреба (способного привести в несказанное умиление принца Элвара) смирнехонько торчали сотни две болванов, Золотых Лакеев, обладавших именно тем минимумом интеллекта, что необходим дворцовому слуге. И примерно такое же количество уже не человекообразных роботов, как раз и предназначенных для обустройства окрестностей и, при необходимости, любых переделок.

— Выведите из подвала всех «рабочих», — распорядился Сварог. — Пусть трудятся круглосуточно: убрать эти дикие дебри, восстановить парк, фонтаны... все прочее. Одним словом, Вилердеран должен вернуться в то состояние, в каком он пребывал, когда здесь обитал мой предшественник. Все понятно?

— Разумеется, государь.

Самому Сварогу восстановленный в прежнем блеске замок был необходим не более, чем ронерскому драгуну — учебник математики. Его здесь интересовал исключительно Центр. Однако представилась возможность, самому палец о палец не ударив, разделаться с одним из бюрократических требований Диаметер-Сонирила. Согласно каким-то там очередным параграфам, любой земной король обязан был обладать замком или хотя бы резиденцией. Вентордеран ни под одну из этих категорий, как оказалось, не подходил — потому что летал, то есть п е р е м е щ а л с я. А замок или резиденция обязаны были прочно и постоянно с т о я т ь на определенном месте, как и полагается всем земным зданиям. Смешно, но та знаменитая мельница, где самодур Гитре когда-то устроил резиденцию, ни одному параграфу не противоречила — поскольку пребывала на одном месте и перемещаться была не способна.

Откуда росли уши, Сварогу уже давненько рассказал один из секретарей Диаметера-Сонирила. Лет двести назад Варде Ронерский, не просто самодур, а окончательно тронувшийся умом субъект, устроил свою резиденцию в обзо

из десятка повозок — и принялся таким цыганским табором кочевать по стране, останавливаясь разве что на ночлег, да и то не всегда. Эта затея принесла очень многим, и за облаками, и на земле, в сто раз больше неудобств, нежели мельница Гитре. Именно тогда и появился параграф касаемо п о с т о я н с т в а. Ну, а примерно через месяц, когда сановники и министры, осатанели от такой жизни, короля-странника со всем возможным в такой ситуации почтением с г р е б л и гвардейцы и поместили под присмотр лейб-медиков в уединенный замок. Регентом стал старший сын, и все наладилось... А параграф, разумеется, остался.

«Одной заботой меньше, пусть и мелкой, — подумал Сварог, шагая к лестнице Вентордерана. — Будет его высочеству великолепный замок, полностью отвечающий параграфам. А там как-нибудь можно и Элвара в гости пригласить, на экскурсию по винным погребам...»

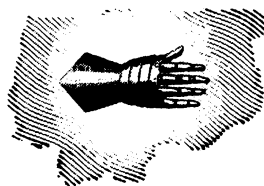
Он неспешно поднялся по лестнице, мысленно отдав соответствующий приказ. ...Вентордеран двинулся на заказ — там, с той стороны границы, лигах в трехстах отсюда, Сварог оставил свою виману-самолет.

Вот с этим серьезным неудобством ничего нельзя было поделаться. Абсолютно все, сделанное наверху, здесь работать отказывалось. Оружие не действовало, любой летательный аппарат, едва пересекши хелльстадскую границу, плюхался наземь, и вся его аппаратура моментально вырубалась. Фаларен в свое время позаботился, конечно. Вот только Сварогу приходилось, прибывая в Хелльстад, оставлять виману на границе, у которой нужно было постоянно держать Вентордеран. То же касалось и всех сподвижников, соратников и сотрудников, прибывавших по делу. Меж тем, что любопытно, «Рагнарока» это совершенно не касалось, субмарина преспокойно плавала по Ителу в пределах Хелльстада, приставала к берегу, и ее оружие (Сварог специально проверил) действовало безотказно. Почему обстояло именно так, он еще не доискался. Была лишь версия, что Фаларенова придумка не действует на предметы, созданные до Шторма, — но вот научного обоснования у версии не имелось, а оно, Сварог считал, не помешало бы.

Пройдя в свой малый кабинет (давным-давно переделанный под его собственные нужды), повесив мантию на золотой крючок и сняв митру, Сварог какое-то время задумчиво рассматривал тот самый черный диск со сложным золотистым узором, содержащий массу интересных подробностей о жизни Яны. Увы, знакомство с ним следовало отложить на потом — такой массив информации отнял бы часа четыре, а времени не было. Следовало поспешать в Глан, не отвлекаясь ни на что постороннее.

Он брезгливо поморщился, представив, чем вскоре придется заниматься, — но ничего тут не поделаешь: просто необходимо...

Глава II

О СКУЧНЫХ ФИНАНСАХ

Эта комната немаленькой гланской пыточной вполне официально носила название «увещательной» — здесь, и правда, клиента сначала уговаривали рассказать по-хорошему все, что интересует хозяев, не доводя дело до посещения более неприятных помещений. А потому она имела вид стандартного канцелярского кабинета средней руки: стол, несколько жестких кресел, писец за столиком в углу. Правда, чтобы клиент не забыл, что пребывает все же не в каком-нибудь департаменте уличного освещения, в углу помещался один-единственный предмет богатого здешнего инструментария: затейливый агрегат размером с комод, предназначенный для следственных действий, способных ужаснуть многих.

Обстановка царила самая спокойная, деловая, ни тени суеты. Глэрд Баглю, за долгую службу навидавшийся всего на свете, сидел в углу со скучающим видом (ничуть не притворяясь). Одноглазый главный палач и его прилежные сотрудники тоже не проявляли ни малейших эмоций. Да и Сварог, уже обвыкшийся и с этой стороной королевского ремесла спокойно курил за столом, где устроился как старший по положению.

Словом, можно сказать, покой и безмятежность. Портит эту картину только господин Одо, которого во избе-

жание случавшихся порой сюрпризов крепко держали за локти два дюжих помощника палача. Волновался, болезный, и бледен был, как смерть, и пот с него лил чуть ли не струями, его непроизвольно подергивало и корчило, а временами он постукивал зубами. Правда, никаких позорных запахов о него пока что не распространялось, но это во многих случаях исключительно вопрос времени. Классическая картина: человек рассчитывал на успех предприятия и немаленькое, надо полагать, вознаграждение, но столкнулся с полным крахом всех приятных надежд...

— Покажите ему, — распорядился Сварог, не повышая голоса.

Один из помощников палача проворно бросился к низенькой дверце в углу и распахнул ее настежь. Державшие Одо проворно подтащили его к двери и поставили так, чтобы прекрасно видел, что там внутри. Главный палач деловито распорядился:

— Таз давайте. А то все они норовят пол запачкать, плевать им, кто убирать будет...

Самый младший подмастерье (тот, что до сих пор пугал здешние инструменты) проворно подскочил с большим жестяным тазом и встал так, чтобы при необходимости моментально его подсунуть клиенту.

Сварог со своего места не видел, что там, в комнатке — но прекрасно знал, что сейчас предстало взору господина Одо. Там, на каменном полу, прикованное за ноги цепью к стене, сидело не ч т о, до сих пор имевшее большое сходство с человеком. Вот только выглядело оно жутко: все в засохшей крови и лоскутках кожи, со значительной убылью пальцев на руках и ногах, лишенное ушей, носа и кое-чего более существенного... До Сварога порой долетало тихое поскуливание — устал, утомился наконец, уже не орет, как в первый день...

Решив, что прошло достаточно времени, Сварог приказал:

— Ко мне его.

Дверь захлопнули, Одо вернули на прежнее место перед столом, на сей раз держа еще крепче — потому что

ноги у него подкашивались и волочились по полу. Подматерье с тазом бдительно помещался на удобной позиции. Одо оказался покрепче, чем предполагалось: наизнанку его таки не вывернуло, но из бледного он стал каким-то зеленоватым, потел так, словно его поливали из лейки, закатывал глаза и трясся. Один из помощников сунул ему под нос резко пахнущую склянку и рывкнул:

— Нюхай, зараза, со всем усердием! Вздумаешь в обморок падать, железом пригрею!

Одо старательно и шумно втянул обеими ноздрями, замотал головой, зачихал. Нельзя сказать, чтобы после этого он стал выглядеть пристойнее, но в обморок падать вроде бы не собирался. Сварог показал пальцем — и клиента усадили на жесткий стул, все так же старательно держа за локти.

— Ну, хватит, — сказал Сварог холодно. — Все равно не поверю, что вас полностью вышибло из разума. Наверняка видывали виды в этой жизни и вряд ли впервые вступили на скользкую дорожку... Будете говорить нормально, или приказать вам для начала уши калеными щипцами прижечь... нет, вонь будет. Что-нибудь другое, не опасное для здоровья, но крайне болезненное...

— Осмелюсь предложить, государь... — почтительно сказал главный палач. — Нос в тиски. Ни запаха, ни особого вреда для здоровья, зато болючее...

— Пожалуй, — сказал Сварог. — Принесите.

— Н-не надо! — вырвалось у Одо.

— Не надо, — сговорчиво повторил Сварог. — Итак, вы готовы говорить членораздельно и со смыслом... Вы его узнали? Этого, за дверью? Нет? Ну конечно, сейчас его родная мама не узнает... И все же... Вы неглупый человек, у вас, возможно, есть догадки и соображения?

Молчание длилось недолго. Одо, обливаясь потом, прошепел:

— Сувайн...

— Он самый, — сказал Сварог. — Впрочем, чтобы сделать такое умозаключение, особого ума не требовалось: у вас был один-единственный, более-менее посвященный в ваши грязные дела сообщник, остальные — рвань, ис-

полнители... Все верно, Сувайн, который, как нетрудно догадаться, выдал абсолютно все о ваших делах, что только знал. Правда, после этого с ним еще довольно долго упражнялись здешние мастера...

— Зачем? — вырвалось у Одо.

— Не из личной мести, — серьезно сказал Сварог. — Уж поверьте королевскому слову. Я бы никогда не приказал пытаться человека, который хотел меня убить, из чистого удовольствия. Как-то это мне не свойственно, правда. Меня столько раз пытались убить, что даже и глупо в очередной раз злиться всерьез. Ну, хотели убить... Дело житейское. Подозреваю, не раз еще попытаются, к чему нервы тратить... Тут другое. Когда меня ловили, егеря вашего Сувайна убили бродячих комедиантов. Мужчин просто убили, а женщин еще пытали и насиловали. А ведь они были совершенно ни при чем... и неплохие были люди...

Едва он замолчал, Одо вклинился, почти крича:

— Я им ничего подобного не поручал! Вообще ничего не знал, как вас там ловят...

— А я вас в этом и не обвиняю, — пожал плечами Сварог. — Просто вы были г л а в н ы м. А я поклялся там, над трупами, что все, причастные к тому делу, света белого не взвидят... Те егеря мертвы — увы, не моими трудами. Сувайн получил сполна. Остались вы один. Ну, конечно, делу время — потехе час. П о т е х а начнется только после того, как вы выложите все, что меня интересует, — он неплохо ухмыльнулся. — А вы все выложите, Одо. Здешние мастера умеют извлечь любую правдочку... Бывали осечки, Баглю?

— Ни единой, государь, — кратко ответил из своего угла глэрд.

— Вот видите, — сказал Сварог. — У меня мало времени, поэтому с вами сразу начнут работать обстоятельно и всерьез. Вас уже проверили люди, наделенные соответствующим даром. Есть конечно, колдуны... или просто люди, раздобывшие заклятья, делающие их совершенно нечувствительными к боли. Но вы не колдун и никакими заклятьями не владеете. Правда... Мне доложили, что о б щ а т ь с я вы с какими-то колдунами или магами обща-

лись, а как же, и довольно плотно. Остались с л е д ы. Их даже я вижу, хотя маг из меня никудышный. Знаете, это выглядит так, словно человек здорово испачкался в саже... Вы самый обычный человек, и вам будет больно. Вот только кто вы такой... Попробуем подумать, немного времени найдется. Ваши ронерские бумаги на имя градского обывателя Лелиано — фальшивка, очень искусная, правда, пахнущая не частным промыслом, а государственной конторой. Вы поняли, почему те люди, не похожие на палачей, раздели вас догола и осматривали самым тщательным образом?

— Н-не совсем, — признался Одо.

— Ну, это так просто... — усмехнулся Сварог. — О человеке очень много могут сказать его тело и руки... Тело у вас сытенькое, упитанное, руки — прямо-таки аристократа, хотя нет, тут нужно подобрать какое-то другое определение. В конце концов, господа дворяне, никогда, конечно же, не работающие руками, тем не менее, много ездят верхом, тренируются с оружием, а это оставляет свои следы. Даже у королей. С вами обстоит совершенно иначе. Руки у вас такие, словно вы отроду не держали в руках ни поводьев, ни меча. Нежные, как у придворной красотишки. И ступни такие же, полное впечатление, что только здесь вам пришлось достаточно часто ходить пешком, и вы изрядно сбили ноги... Зато на пальцах у вас те самые знающие люди обнаружили старые, крайне специфические мозоли, какие остаются у тех, кто долго пользуется пером, большими ключами, всевозможными счетными машинками. У вас руки ученого, канцеляриста, купца, банкира... Но для первых трех категорий вы о ч е н ь уж холеный. Ну и наконец... Вы растягиваете гласные в конце слов, глотаете гласные после «п» и «м», часто вместо «з» употребляете «с». Так говорят либо уроженцы Балонга, либо те, кто прожил там много лет. Одним словом, вы из Балонга.

— Предположим... — сказал Одо, настороженно поблескивая глазками.

— Без всяких там «предположим», — сказал Сварог. — Вы, безусловно, из Балонга. Конечно, вторая канцелярия

Провизориума, получи она такой приказ, довольно быстро установит вашу подлинную личность, но к чему нам тратить время, если вы в том месте, где развязывают лубые языки? Сами все выложите... — он сделал паузу. — Быть может, вы догадываетесь, каков бывает на таких вот допросах первый, прямо-таки традиционный вопрос? Ну, шевелите мозгами, вы ведь умны, я успел убедиться, да и оклемались немного, глазки больше не закатываете, в обморок рушиться не собираетесь, даже при виде Сувайна не сблевали, а ведь порой и закоренелых разбойничков выворачивает... И некоторая работа мысли у вас уже определенно прослеживается, верно? Вы начали думать, преодолев первое ошеломление и страх. Человек вроде вас, оказавшись в таком положении, очень быстро начинает лихорадочно искать выход... Я ведь прав, Одо? Вы уже и не потеете почти, и взгляд у вас осмысленный... Так какой здесь первый, традиционный вопрос?

Одо криво усмехнулся:

— Не соглашусь ли я расколоться без пыток?

— Вот именно, — сказал Сварог. — И у вас шкура останется целой, и людям в поте лица трудиться не придется... Всем удобно.

Писец в углу встрепнулся, оживился, взял из стопки бумаги верхний лист и нацелился на него стилосом.

Глядя Сварогу в глаза с примечательной смесью надежды и злости, Одо с расстановкой произнес:

— Я не уверен, что мне выйдут какие-то удобства.

— Почему? — спокойно спросил Сварог.

— Я выложу все, а потом меня все равно начнут пытаться, как Сувайна, — его легонько передернуло. — Из этой вашей мести, согласно той вашей клятве... Где же тут удобства?

— Резонно... — проворчал Сварог. — Хотя... Знаете ли, Одо, с клятвами, в отличие от недвусмысленных обещаний, порой обстоит... по-всякому. Их никак не годится нарушать, но их порой можно... толковать. Здесь тоже есть лазейка — и моей чести ущерба не выйдет, и вам будет выгода... Да, я сказал тогда «все, причастные к этому делу...» Но под этим делом можно ведь понимать

не в с е ваше предприятие, а лишь убийство комедиантов. К которому вы и в самом деле не имеете никакого отношения, не приказывали их убивать, вообще о них не слыхивали... Что, если мы посмотрим на вещи с этой точки зрения?

Одо смотрел на него исподлобья, колюче, недоверчиво. Но в глубине горела надежда...

— Почему бы вам и не рискнуть? — спросил Сварог с ухмылкой. — По крайней мере, я даю вам ш а н с. А в вашем положении, любезный, умный человек хватается за любой шанс...

— И никаких гарантий... — проворчал Одо.

— Шанс — это не гарантии, это просто шанс, — сказал Сварог. — А впрочем... Королевское слово, данное при свидетелях, — это уже не клятва, которую порой можно толковать по-разному... Вы согласны?

— Допустим, — настороженно процедил Одо.

Сварог коснулся своей золотой цепи, состоявшей из цветов чертополоха вперемешку со старинными геральдическими знаками, означавшими пламя и отвагу. На цепи висел золотой гланский герб — как принято повсеместно, герб государства в то же время и герб его короля. Положив на него ладонь, Сварог чутьочку сжал пальцы.

— Слушайте меня внимательно, Одо, — сказал он холодно, выразительно, четко. — Даю вам королевское слово: если вы сами добровольно выложите все — но именно что все — пытаться вас не будут. Пальцем не тронут. Более того. Вас не предадут ни плахе, ни виселице, ни огню, вас не отравят, вас не закопают заживо. Вы останетесь под замком, что правда то правда, но умрете вы естественной смертью, сколько бы ни прожили. Клянусь вам в том королевским гербом при благородном свидетеле и многих неблагородных. Устраивает вас это?

Одо подался вперед так стремительно, что помощники палача не сразу спохватились, лишь через пару секунд припечатали его спиной к жесткой спинке кресла.

— И не раздерут лошадьми, — быстро, словно в горячем бреду, проговорил он. — И не отдадут на съедение диким зверям. И не бросят в воду в мешке кошками.

— И не раздерут лошадьми, — усмехнулся Сварог. — И не отдадут на съедение диким зверям. И не бросят в воду в мешке с кошками. Повторяю, жить вы будете за решеткой, пока не умрете естественной смертью. Ну? Я вам по всем правилам дал клятву на королевском гербе. Серьезнее клятвы просто не бывает, вы не можете не знать...

— И не уморят голодом! — воскликнул Одо.

— И не уморят голодом, — кивнул Сварог, все еще держа руку на гербе. — Ну, вы будете еще что-нибудь вспоминать или наконец перейдем к делу?

— И не используют против меня убийственную магию, — выпалил Одо.

— А вы изряднейший зануда... — поморщился Сварог. — И не используют против вас убийственную — да и какую бы то ни было другую — магию. Ну, все на этот раз? Или еще что-то? Да, и с башни вас сбрасывать не будут, и на бочку с порохом сажать не станут... Ну, я же сказал: жизнь за решеткой и естественная смерть.

— Навечно? — спросил Одо.

— Хотите чистую правду? — ухмыльнулся Сварог. — Не знаю. Я же вас не обманываю, а разговариваю предельно откровенно. Бывает, людей извлекают даже из вечного заключения, если они окажут какие-то особенные услуги. Как будет в вашем случае, мне неизвестно. Поэтому ничего не могу обещать заранее.

Одо откинулся на спинку кресла, прижался к ней затылком, прикрыл глаза.

— Вот теперь я начинаю вам верить, — почти прошептал он. — Когда хотят обмануть, дают л ю б ы е обещания...

— Я вас не обманываю, вот и не даю л ю б ы х, — сказал Сварог. — Ну, закончим с клятвами и обещаниями? Чтобы знать, ждать ли от вас каких-то о с о б е н н ы х услуг, нужно, сами понимаете, чтобы вы выложили все. Имеете в виду: я умею определять ложь...

— Я знаю.

— А еще мы поступили очень хозяйственно, — сказал Сварог. — Не стали отрезать Сувайну язык, так что он в любую минуту дополнит ваши показания, если вы реши-

те о чем-то умолчать. И, хотя вид у него крайне предосудительный, и здешние господа мастера, и врачи клянутся: все, что он перенес, ни жизни, ни здоровью, в общем, не угрожает. Может прожить хоть лет двадцать... Что же, мы договорились?

— Договорились, — буркнул Одо, опустив глаза.

— Отлично, — сказал Сварог и встал. — Давайте помениаемся местами любезный Баглю, вы кое в чем искуснее меня...

Он скромно уселся в углу — так, чтобы видеть лицо Одо и в мгновение ока определить, если тот соврет. Занявший место за столом глэрд Баглю спросил жестко:

— Настоящее имя, происхождение?

— Одо Каторат. Сын патриция Гиля Катората...

«Тыфу ты, — подумал Сварог, — а я все ломал голову, кого он мне напоминает... Ах, как интересно заворачиваются дела...»

...Молодчики Интагара проворно и бесцеремонно приняли все меры, чтобы подопечный, чего доброго, не вздумал сбежать вне края, куда никакая тайная полиция не имеет доступа. Содрали алый плащ с золотыми пчелами, сняли с шеи золотую пектораль, а с пальцев все до единого перстни. Убрали все, где могло оказаться крохотное хранилище яда. От стола оттеснили сразу же: Интагар рассказывал Сварогу давний случай, когда некий вельможа, затеявший заговор против Конгера, в одну из позолоченных завитушек как раз и велел доверенному человеку сделать маленькое приспособленье. Когда заговор был раскрыт, и в кабинет к сановнику ворвались люди из Багряной Палаты, он, предвидя долгие пытки и не самую примитивную казнь, хлопнул ладонью по завитушке, из крохотного пузырька с ядом выскочила игла, вонзилась... Обыскали, выложили на стол содержимое карманов и толкнули клиента на стул для посетителей, бдительно вставши по обе стороны и следя за его руками.

Подвергнутый этой унижительной процедуре впервые в жизни, подопечный тем не менее сохранял полнейшее хладнокровие — и даже, пожалуй, смотрел с толикой презрения. Сидел в исполненной достоинства позе, гордо

задрав голову. Статная фигура, красиво уложенная шевелюра с ниточками седины, ухоженная борода с седыми прядями, абсолютно невозмутимое лицо. Патриций Круглой Башни Гил Каторат, в нынешней иерархии — второй в Балонге человек после Сварога, глава одного из трех крупнейших банкирских домов государства. Глава третьего по счету заговора, несказанно превосходившего первые два не только по изощренности, но и по размаху, по количеству вовлеченных патрициев и нобилей. Грубо прикидывая, заговор объединил две трети здешних владельцев банков и их наиболее приближенных финансистов. Персон, благодаря положению и жизненному опыту, умевших хранить тайны. И тем не менее бедняга Альдорат нащупал кое-какие ниточки — но сделать ничего не успел...

Прошло уже две недели с тех пор, как всем им стало ясно, что король живехонек, пребывает в человеческом облике, а Одо с Сувайном исчезли неведомо куда. И тем не менее никто из них даже не попытался скрыться. Впрочем, это понятно и без объяснений Интагара. Специфика профессии. Это какой-нибудь дворянин (мало ли примеров?) в подобном случае набивал карманы семейными драгоценностями, натягивал гильдейский камзол и пускался в бега. С банкиром, особенно высокого полета, обстоит совершенно иначе. Если он заранее не приготовил себе на другом конце континента надежное убежище с новыми документами, жильем и запасом золота, в считанные дни бегство не подготовишь и слишком много с собой не унесешь. Лишившись своего банка, патриций становится никем. И очень трудно ему скрыться в мире, который ему совершенно незнаком... Пара-тройка нобилей помоложе и попроворнее, правда, пустилась в бега, но Интагар заверял, что выловить их будет нетрудно.

Сварог подошел к столу и, задумчиво покачиваясь с пятки на носок, осмотрел все, что там лежало. Ничего интересного: массивные золотые часы в бриллиантовой осыпи, карандаш в золотом футлярьчике, еще несколько подобных безделушек. Ничего интересного, кроме...

Вот это было что-то насквозь непонятное и совершенно не сочетавшееся с прочим. Сварог взял черный камень — тяжеловатый, идеально отполированный, овальный, с выступавшим на одной стороне круглым бортиком и продолговатой луночкой внизу. Ни с какого боку не драгоценный. Талисман? Мало ли какие талисманы с собой таскают даже самые солидные и богатые люди...

Пожав плечами, он положил странный камень обратно — не было времени заниматься пустяками. Подошел к патрицию почти вплотную, уставился в глаза, но Каторат стойко выдержал его взгляд.

— Все, надеюсь, понятно? — спросил Сварог спокойно.

— Конечно, — столь же ровным, недрогнувшим голосом ответил патриций. — Коли уж вы в человеческом обличье и ворвались ко мне с полицией... — в глазах у него впервые мелькнуло что-то похожее на тревогу или горе. — Вы пытали Одо?

— И пальцем не тронули, — сказал Сварог. — Он оказался очень здравомыслящим человеком, без всяких пыток выложил все, что знал. Конечно, он знал далеко не все, но все, что знал, рассказал. Если помните, я умею определять, лжет ли человек или говорит правду...

— Что с ним? — голос патриция лишился прежней бесстрастности.

— К сожалению, он мертв, — не моргнув глазом, солгал Сварог. — Ему все же не хватило здравомыслия: показалось, что подвернулся удобный случай для бегства, темнело, конвоиры стали стрелять.. Мне, право, жаль. Он мне был еще нужен...

Патриций прикрыл глаза, хотя его лицо осталось столь же бесстрастным. «Кто ж тебе виноват, сволочь? — без всякого сочувствия к отцовской скорби подумал Сварог. — Никто тебя не заставлял вовлекать любимого сына в заговор и поручать именно ему такое...»

— Хватит жмуриться, — сказал Сварог.

Когда патриций поднял веки, в глазах у него стояла ненависть — холодная, бессильная. Он почти прошептал:

— Как вам везет... Просто невероятное везение...

— Согласен, — сказал Сварог. — Везение чистойшей воды. Вы все великолепно продумали, стоит отдать вам должное... Где вы раздобыли зеркало и заклинание?

Патриций покривил уголки губ:

— В закрома к банкирам стекается столько интересных вещей... Далеко не одни только деньги.

— Нужно будет учесть, — серьезно сказал Сварог. — Я как-то никогда не думал об э т о й стороне вопроса... — он наклонился к Каторату и негромко спросил: — П о ч е м у? Зачем вы все это устроили, да еще с таким размахом? И столько вовлекли? Я действительно не понимаю. Неужели все дело в том, что я взял примерно четверть содержимого Круглой Башни? Но это ведь был не грабеж. Это был самый натуральный займ. В обеспечение вам были даны в Трех Королевствах и земли, и корабельные леса, и рудники, даже парочка золотых... Объясните, Каторат. Или вы думали, что вас каким-то образом обманут?

— Нет, — сказал патриций. — Видите ли... Обеспечение, конечно, неплохое, но слишком уж велики суммы, которые пошли на д о л г и й займ. Банкиры не любят слишком долгих займов, а уж когда речь идет о таких деньгах... Слишком много времени прошло бы, прежде чем деньги стали бы возвращаться, не говоря уж об извлечении прибыли. Земли еще нужно осваивать, леса — рубить и вывозить древесину, рудники — разрабатывать, восстанавливать... Есть банкирские дома, которых устраивают д о л г и е займы... Но не меня.

— Ну вот, кое-что проясняется, — сказал Сварог. — И все вовлеченные в заговор собратья по ремеслу, конечно, из тех, кто рассуждает точно так же?

— Разумеется. К тем, кого это устраивало, не было смысла обращаться.

Сварог пытливо уставился на него:

— И это что, единственный мотив?

У него осталось впечатление, что патриций помедлил оттого, что собирался солгать, — но, видимо, тут же вспомнил, что со Сварогом такие номера откалывать бессмысленно.

— Нет, — сказал он наконец. — Простите за прямоту, но вы перестали быть для нас нужным.

— Ах, вот оно что... — Сварог усмехнулся. — Великого Кракена больше нет, Багряной Звезды — тоже, все нужные вам привилегии вы от меня получили, на Сильвану влезли... В самом деле, зачем вам теперь я... Это все? Или есть еще что-то?

Ровным голосом, словно читал лекцию, патриций продолжал:

— Впервые за тысячи лет создалась уникальнейшая ситуация. Ни в Снольдере, ни в Ронеро, ни в Харуме, ни в Глане нет п р я м ы х наследников престолов. Точнее, осталась одна-единственная Старая Матушка, но это... — он вновь покривил губы, — это, в конце концов, не столь уж серьезная проблема... Если бы с вами и с ней приключилась какая-нибудь неприятность... Нигде нет прямых наследников с железными, неоспоримыми, юридически безупречными правами на престол. Только незаконные отпрыски вроде Арталетты и далекая родня прежних монархов...

— Достаточно, — сказал Сварог. — Я прекрасно понял. Повсюду хаос, повсюду начинаются войны меж претендентами на престол, Горрот и Лоран, конечно же, моментально вступают в игру, пытаются захватить все, что удастся... Это, пожалуй, на годы. На долгие годы. И повсюду — вы. Согласно старинным установлениям, неприкосновенные для всех воюющих сторон. Вы продаете оружие всем и каждому, ссужаете деньги, пусть даже долгие, давите конкурентов — те банкирские дома в четырех странах, что для вас сейчас пусть и не опасные, но все же конкуренты, — получаете массу прибыли и выгод... По сути, подгребаете под себя континент... — он покрутил головой не без некоторого восхищения. — Неплохой план...

— И вполне выполнимый, — бесстрастно сказал патриций. — Если бы не ваше везение... — губы снова покривились. — Возможно, король Сварог, вы и считаете нас какими-то чудовищами, вселенскими злодеями, подлецами, каких свет не видел... Но это в а ш а точка зрения, человека с д р у г о й стороны. Для нас подобное — о б

р а з ж и з н и. Мы так живем тысячи лет. Цель банкира — извлекать прибыль. Всегда. Везде. Из всего, что возможно. И не плестись в хвосте событий, а самим создавать ситуации, когда прибыль может оказаться весьма достойной. Такова истина. Вы, наверное, меня ненавидите?

— Честное слово, нет, — усмехнулся Сварог. — По очень простой причине: у меня есть немало гораздо более серьезных объектов для ненависти. А вы... Ну, по большому счету, дело житейское. Банкиры, стервятники, заговоры, своя жизненная философия... Некогда мне тратить на вас ненависть. Тем более что вы проиграли начисто, а я, соответственно, выиграл немало... — он продолжал жестче, напористее: — А посему оставим эту праздную болтовню и перейдем к делам конкретным. Ваш сын знал далеко не все. Зато вы знаете все и всех. О чем должны рассказать вплоть до мельчайших деталей, сами понимаете. Вопрос только в том, к а к будет проходить наша откровенная беседа: здесь же, в этой комнате, или в пыточных подвалах? Проявите то же здравомыслие, что ваш сын, или вас придется у б е ж д а т ь?

— Здесь, — почти не промедлив, сказал патриций. — Я не переношу боли, даже самой легкой. Что ж, все рухнуло, остается только избежать пыток... — он поднял на Сварога глаза, которые сейчас никак нельзя было назвать спокойными или бесстрастными. — Но вот потом... Когда я выложу абсолютно все? Вы же меня казните?

— Могу вас заверить, что нет, — сказал Сварог без улыбки. — Знаете, с некоторых пор я очень редко применяю смертную казнь. Потому что у меня катастрофически не хватает рабочих рук в Трех Королевствах. Конечно, есть люди, которым опасно сохранять жизнь даже на каторге. Но вы все к таковым не относитесь. Без ваших банков вы абсолютно не опасны. И не настолько еще стары, чтобы не смогли орудовать киркой и лопатой.

— Пожизненная каторга?

— Но все-таки — жизнь, — холодно усмехнулся Сварог. — Или у вас есть другие предложения? — спросил он иронически.

— Есть, — спокойно сказал патриций.

— И какое же?

— Заключение, пусть и пожизненное, но в моем собственном доме. Его нетрудно превратить в тюрьму: решетки на окнах, замуровать большинство дверей, поставить стражу. Со всеми чадами и домочадцами и достойным содержанием.

Сварог даже оторопел чуточку: это даже не наглость, это что-то другое. Он видел особняк Катората и даже пару раз бывал там: роскошная тюрьма, что уж и говорить, любой приговоренный к отсидке от такой бы не отказался...

Он спохватился и постарался придать лицу самое бесстрастное выражение — а вот Интагар, стоявший за спинкой кресла, сразу видно, все еще не мог опомниться от услышанного.

— Интересно, — сказал Сварог. — Очень интересно. Ну, с ума вы, конечно, в одночасье не сошли... Если подумать... Вы полагаете, у вас в рукаве и в самом деле есть что-то, что позволяет торговаться и выдвигать т а к и е условия?

— Я позволю себе именно так и полагать, — сказал патриций, напряженно глядя ему в глаза.

— Ну? — почти грубо спросил Сварог.

— Я имею в виду «королевский секрет». «Королевское помилование особого рода». Насколько я знаю, эта традиция не нарушается никогда и нигде? Смягчение наказания в обмен на секрет, имеющий для короля особую важность?

— Да, все верно, — медленно сказал Сварог. — Эта традиция не нарушается нигде и никогда...

— Вот это и будет мое условие — не просто смягчение наказания, а именно наказание, о котором я вам говорил.

— Условие... — протянул Сварог. — Когда человек в вашем положении выдвигает у с л о в и я — это крайне интересно. Тем более что человек вы весьма неглупый, я это на своей шкуре испытал... Говорите. Только помните, что всегда король сам, один оценивает, насколько важен секрет.

— Я знаю. И полагаюсь не столько на вашу честь, сколько на ваш ум, король Сварог... Разрешите подойти к столу и взять тот черный камень?

— Идите, — не колеблясь, кивнул Сварог.

Он не чувствовал пока что никакой опасности. Магии в том камне, он сразу определил, было не больше, чем в мусоре на улице. Даже если это какое-то неизвестное оружие, то оно может оказаться исключительно метальным и Сварогу причинить вред не в состоянии. Вот остальные...

Чуть отодвинувшись, он опустил руку в карман и сжал рубчатую рукоятку бластера. В случае чего убивать этого скота ни в коем случае нельзя, из него еще нужно выжать подробнейшие показания о заговорщиках... но таковые он превосходно может дать и оставшись без рук. Вряд ли пожилой банкир владеет оружием лучше Сварога...

Не раздумывая, он открыто вынул бластер и держал так, чтобы при опасности вмиг лишить патриция блудливых рученок. Тот покосился со вполне объяснимым легким удивлением — ну да, впервые в жизни видел бластер...

— Это такое оружие, — сказал Сварог спокойно. — Если попробуете выкинуть какой-нибудь фокус, останетесь живы... но без рук. Показания вы и в таком состоянии прекрасно сможете давать...

Патриций сказал без тени иронии, даже с некоторым одобрением:

— Вы предусмотрительны, король Сварог...

— С такими, как вы, станешь... — проворчал Сварог, держа его на мушке. — Ну?

Патриций подошел к столу. Слева и со спины к нему вплотную придвинулись молодчики Интагара — напряженные, подобравшиеся, готовые ко всему. Справа, в паре шагов, поместился Сварог, уже прикинув, как в случае поганных сюрпризов хлестнет лучом бластера, словно плетью — сверху вниз, по запястьям. Интагар встал по другую сторону стола, опустил было руку в карман, но, встретив повелительный взгляд Сварога, вынул ее пустой.

Патриций даже не стал брать камень в руки — он просто положил подушечку большого пальца в ту самую лунку, зажмурился, пошевелил губами...

Сварог видел, что у обоих сыщиков буквально челюсти отвисли. Интагар держался гораздо лучше, он-то был уже

этим знаком, но все равно, изумление на его бульдожьей физиономии изобразилось несказанное. Сварог подозревал, что его собственная физиономия не являет сейчас собою образец хладнокровия.

На темной поверхности стола, меж его краешком и камнем появилась самая настоящая клавиатура компьютера.

Она была нематериальна, состояла из полос неяркого синего света, но все же это была именно она, пусть чуточку и не такая, к каким Сварог здесь привык: буквы, полный алфавит, дюжина непонятных значков... Другого истолкования этому просто невозможно дать: натуральная клавиатура компьютера... или нечто, похожее на нее как две капли воды...

Патриций, косясь на бластер в руке Сварога, стараясь двигаться медленно и плавно, выпрямился, убрал руки со стола. Спросил чуточку хрипловатым от волнения голосом:

— Желаете увидеть, как это работает?

— Сделайте одолжение, — сказал Сварог и махнул сыщикам: — Ребятки, поддержите-ка его покрепче, только правую руку оставьте свободной...

Те моментально выполнили приказ. Патриций, на миг утратив невозмутимость, покосился на Сварога удивленно. Но Сварог-то знал, что делал, прекрасно помнил, как тогда, в Вентордеране, второй царедворец (не отысканный до сих пор, хотя все еще ищут, и усердно) через тамошний компьютер юркнул неизвестно куда. Абсолютно неизвестно, на что способна эта черная хреновина, так что Катарат тоже может отколоть номер...

— Давайте, показывайте, — распорядился он.

Патриций медленно протянул свободную руку, прошелся пальцами по клавиатуре со сноровкой человека, давно и умело владеющего компьютером. «Бетта! — мелькнуло в голове у Сварога. — Или тут другое?»

Он напрягся, но тут же расслабился. Никаких неприятных сюрпризов не произошло. Перпендикулярно к темной полированной поверхности стола зажегся... нет, не экран, а просто какой-то длинный текст размером уард

на уард. Сварог присмотрелся. Крупная надпись вверх: «Сноль, биржа паевых листов, сегодня». А далее — названия, названия, цифры, цифры...

— Это... — начал было патриций.

— Я знаю, что это такое, — сухо оборвал Сварог.

Уж такие вещи полагалось знать королям, если они прилежно занимаются государственными делами. Паевые листы — нечто очень похожее на акции покинутого им мира. Акции предприятий, рудников, торговых домов, корабельных, транспортных и прочих компаний — тех, что не пребывали в единоличном владении. Соответственно, давно уже существуют и биржи, и биржевая игра. Текущая довольно вяло, без того размаха, что на Земле в конце двадцатого века, но доходы приносящая. Не астрономические, но солидные.

О т к у д а эта информация происходила, стало ясно сразу же: в правом верхнем углу Сварог увидел две знакомых эмблемы: одна вычурная, побольше, вторая маленькая, гораздо более скромная. Второй департамент Канцелярии земных дел, надзиравший за таларской экономикой. Все данные черный булыжник с п е р оттуда, — и уж безусловно не в первый раз, а значит, его никто не зафиксировал и не отследил... как и компьютер Бетты. Вот такие веселые дела: на Харуме обнаружился уже в т о р о й компьютер, незамеченным подключавшийся к системам ларов... вот только забавы Бетты в сто раз безобиднее.

— Так-так-так, — сказал Сварог. — Кому-кому, а уж вам знакома эта эмблема... — он показал на герб Канцелярии. — И вы прекрасно знаете, о т к у д а воруете... Только биржевые отчеты?

— Нет, конечно, — сказал патриций. — Там еще много полезного: сведения о ярмарках и торгах, протоколы коллегий по банкротствам, новейшие указы королей касательно финансов, экономики. Обладая всем этим...

— Да можете не объяснять, — поморщился Сварог. — Тоже мне, загадка. Вы все это узнаете гораздо раньше, чем все остальные, на чем зашибаете неплохую денежку, оборотистый вы наш... И откуда же вы это взяли? На земле такую штуку изготовить невозможно. Добрый волшебник

подарил или черта вызвали на перекрестке восьми дорог, как оно полагается?

— Вы не поверите...

— Вы забыли, что мне нет нужды верить или не верить, — пожал плечами Сварог. — Вы станете рассказывать, а я определю, врете вы, или нет...

— Совсем из головы выскочило...

— Ну?

— Не было ни доброго волшебника, ни черта, — сказал Катарат уже без прежней бесстрастности, с некоторым волнением. — Полтора года прошло, а я все ломаю голову и не могу додуматься... Хотя, в принципе, какая разница? Он есть и работает исправно... Он просто п о я в и л с я. Понимаете? Взял и появился. Когда я собирался отойти ко сну и пришел в спальню, он лежал на ночном столике, прямехонько под лампой. И он з а г о в о р и л со мной. Довольно приятным женским голосом... похожим скорее не на голос молодой девчонки, а зрелой женщины, неглупой и рассудительной... Я удивился и испугался, конечно, но не настолько, чтобы с воплями бежать из спальни, созывать слуг... Я в жизни повидал вещи и пострашнее говорящих камней, особенно в молодости, когда был еще всего-навсего старшим писцом у дядюшки в банке, объездил весь Харум, бывал даже в Ямурлаке... Ну, камень. Ну, говорящий. И только. Вы знаете, что меня еще успокаивало? Ее тон. Интонации как две капли воды походили на речь купца или банкира, собравшегося предложить собрату по ремеслу выгодную сделку. Это меня как-то и совсем успокоило... Короче говоря, она сказала, что этот камень — «машинка знаний». Что она позволяет забирать знания из компьютерных сетей ларов...

— Ого! — фыркнул Сварог. — Какие вы слова знаете...

— Я обо всем этом и понятия не имел, — хмуро сказал патриций. — Откуда бы мне знать такие вещи? Это она мне все подробно растолковала... кстати, не так уж сложно понять, если объясняют толково...

Действительно, мысленно кивнул Сварог. В принципе, дело нехитрое. Вон взять хотя бы Интагара — моментально разобрался что к чему, через несколько дней получит

компьютер и Томи в качестве наставницы. А уж потом держитесь, соколы мои, Интагар с компьютером — это нечто...

— Я спросил, кто она. Она тут же ответила: Фея Знаний, бескорыстно одаряющая людей знаниями, — он глянул на Сварога беспомощно, даже испуганно. — Я потом наводил справки у знающих людей, лучших, каких только можно найти за деньги. Никто не знает о такой фее, о ней нигде ни словечка...

Вот именно. Сварог в жизни о такой фее не слыхивал. Конечно, он и сегодня не стал бы утверждать, что знает абсолютно все нечеловеческие сущности (многие для его дел просто бесполезны, и заучивать их списки ни к чему). Но о фее, одаривающей людей вполне материальными дарами, непременно упоминалось бы на первых страницах ученых трактатов и сводок тайной полиции, что земной, что небесной...

— И дальше?

— Она спросила, какие знания я хотел бы получать от камня. И тут...

— И тут вас осенило, — усмехнулся Сварог.

— И тут меня осенило, — с подобием бледной улыбки кивнул патриций. — Такая выгода... Конечно, я осторожничал, долгую жизнь прожил, прекрасно знаю, кто иногда является без приглашения и предлагает подарки, которые потом боком выйдут... Но она н и ч е г о не хотела. Понимаете? Ничего! Никаких договоров, подписанных кровью из пальца, никаких обязательств, клятв, ответных услуг. Ничего. Поставила одно-единственное условие: держать это в полной тайне от всего окружающего мира. И даже не грозила никакими карами в случае нарушения условия, просто сказала: я человек разумный, с большим жизненным опытом, сам должен понимать, что это условие следует соблюдать — к собственной выгоде. И была совершенно права. Словом, я пообещал. Она очень быстро научила меня обращаться с камнем, это оказалось совсем нетрудно...

— И вы начали зашибать денежку... — фыркнул Сварог.

— Не сразу, — серьезно сказал патриций. — Сначала я нашел надежного мага, не шарлатана и не слабачка, умеющего держать язык за зубами, если вознаграждение ему отмеривают горстями. Он заверил, что здесь нет ни тени черной магии или присутствия нечистой силы. Что это п р о с т о камень. Правда, он усматривал в камне некоторую странность, объяснить, в чем она заключается, не мог, но все так же заверял, что с ч е р н ы м это не связано никак. Я так полагаю, чуял, что это все же не просто камень... коли уж это машинка, у нее должна быть какая-то внутренняя суть, какой-то свой механизм, верно?

— Безусловно, — задумчиво протянул Сварог.

Прекрасно помнил, что старуха Грельфи пару раз именно в таких выражениях отзывалась о парочке предметов: есть, мол, некая неопределимая, но не имеющая никакого отношения к ч е р н о м у странность...

— Ну, тогда я окончательно успокоился и начал с камнем р а б о т а т ь, — продолжал Катарат. — И полтора года все шло прекрасно, камень ни разу не подвел, знания шли самые верные, а высокие небесные господа, — он усмехнулся уже вольнее, — как фея и говорила, так и не заметили, что скромная мышка-норушка что ни день крадет у них на кухне крошку-другую... Впрочем, это ведь не кража в обычном понимании, не так ли, государь?

Сварог промолчал с суровым видом, но про себя подумал, что ситуация и впрямь несколько пикантная: там, наверху, нет ни единого закона, запрещающего бы земным жителям вторгаться в компьютерные сети ларов. Исключительно по той простой причине, что в пользовании у землян — как предполагалось! — нет ни единого компьютера и неизвестно, появятся ли вообще. Ну, разумеется, всегда мог найтись очередной гений из тех, что далеко опережают свое время, а то и освоивший новые заклинания маг. Но при обнаружении таковых их не в замок Клай или тюрьму Лорс упрятали бы, а просто-напросто забрали наверх на всю оставшуюся жизнь и приспособили бы к делу в Магистериуме или Мистериоре — так гораздо практичнее. Но, в любом случае, нарушения законов нет, потому что нет самих законов...

— Фея больше не объявлялась, — добавил Катарат. — Впрочем, она сразу предупредила, что так и случится... — он заговорил быстрее, явно волнуясь: — Ваше величество, я совсем забыл уточнить: с этим камнем могу управляться только я. Есть слова, которыми его мысленно включаешь или выключаешь... но никто другой, даже зная их в точности, ничего не добьется. Э т о работает только в моих руках...

Поразительно, но он не врал! Впрочем...

— Иными словами, если мне необходим камень, необходимы и вы? — усмехнулся Сварог. — И неразумно загонять вас в Три Королевства ворочать киркой или сажать в подземелье? На это вы мне мягко и ненавязчиво намекаете?

Бледный, напряженный, неотрывно глядя Сварогу в глаза с некоторым подобием вызова, патриций произнес:

— Ваше величество, камень работает только у меня в руках...

— Посмотрим, — с легкой ухмылочкой сказал Сварог. — Выключите его. Отлично. Ребятки, отодвиньте господина бывшего банкира в сторонку...

Подойдя к столу, он привычным жестом, как не раз это проделывал с самыми разными устройствами, положил обе ладони на прохладный гладкий камень, сосредоточился...

И н и ч е г о не произошло. Ровным счетом ничего. Впервые умение Сварога в мгновение ока проникать в суть любого устройства и понимать, как им управлять, отказало. Начисто. Как не бывало такого умения. Он словно стоял перед толстенной стеной, положив на нее ладони, — а стена не механизм, она не более чем стена.

Не соврала неведомая фея или кто там скрывался за приятным женским голосом... Защита, конечно. Способная без труда противостоять технологиям ларов. Ну, на Харуме это не первый случай, взять хотя бы Хелльстад и Горрот... К т о? И о т к у д а?

Он взял камень, оказавшийся не таким уж тяжелым, преспокойно опустил в карман камзола.

— Ваше величество! — вырвалось у патриция.

Обернувшись к нему, Сварог некоторое время держал паузу, не отводя от патриция сурового взгляда, — чтобы сукин кот получил хотя бы порцию моральных терзаний, мучаясь неизвестностью по поводу своей участи. Заработал...

— У вас есть родные? Близкие? — спросил Сварог.

— Никого, кроме Одо... — он спохватился, лицо застыло. — Никого. Вдовею шестой год, больше детей нет, а с семейством сестры с давних пор как-то не сложились отношения...

— Это даже облегчает задачу, — сказал Сварог бесстрастно.

— Что вы имеете в виду? — настороженно спросил патриций, судя по его виду, все же ожидавший самого худшего.

— Да ничего особенного, — сказал Сварог уже рассеянно. — Ну что же, это настоящий «королевский секрет», согласен. И традиции нужно уважать. Вот только вы, любезный, хотите того или нет, отправитесь ко мне в гости. Т у д а. — он показал пальцем в потолок. — Погостите, и долго. Поскольку влипли в историю, какая непременно кончается подобным приглашением в гости. О чем, надо полагать, не раз подумывали и раньше — уж в таких вещах должны разбираться по роду деятельности и житейскому опыту...

...В той самой «увещательной», где вчера Сварог беседовал с Одо, дюжине человек было тесновато, не рассчитана она на такое количество народу. Но делать нечего, во всем обширном хозяйстве Баглю не было комнаты побольше, не заставленной орудиями производства... Правда, тесниться плечом к плечу все же не пришлось, меж жесткими казенными стульями оставалось свободное пространство. По коему и расхаживал Сварог, заложив руки за спину, в последний раз подыскивая наиболее точные формулировки.

Молодой герцог Брейсингем, восходящая звезда снольдерской государственной машины, выглядел самым безмятежным. Он к тому же непринужденно устроился не на стуле, а на крышке того самого пыточного приспособо-

бления жуткого вида — где и в самом деле можно было рассесться гораздо удобнее (несомненно, первый и последний случай в истории комнатки). Остальные, примерно половина, чувствовали себя, сразу видно, чуточку угнетенно — все прекрасно понимали, что их привезли сюда отнюдь не в качестве клиентов заведения, но таково уж было заведение...

Сварог прошел к единственному свободному стулу, сел и сказал весело:

— Профессор, ну что вы, право... Довольно уж озираться украдкой с таким видом, словно за вами вот-вот придут. Вы же все понимаете...

— Понимаю, государь, — со скорбным видом отозвался старичок в мантии и берете Сословия Совы. — Но место больно уж... неуютное.

— Зато идеально подходящее для секретнейшего со-
вещения, — сказал Сварог серьезно. — Зд е с ь можно совершенно не опасаться шпионов. Они если и попадают сюда, то совершенно в другом качестве. Давайте-ка, господа мои, настроимся на деловой лад. Это касается тех, кто, подобно господину профессору, испытывает душевное неудобство. Брейсингем, сидите спокойно и не трогайте больше рычагов — а то еще заработает, чего доброго... Вот так. Все должны настроиться на деловой лад...

И он оглядел присутствующих взглядом строгого учителя. Присутствующие отобраны по узкопрофессиональному признаку: барон Грауш, снольдерский Хранитель Сокровищницы, граф Дино, только что сделанный Сварогом Первым Казначеем Казначейства, глэрд Киармор, Главный Ключарь королевства (все трое, если отвлечься от предписанных традицией пышных старомодных титулов — министры финансов). Герцог Брейсингем — как управленец, занимавшийся в том числе и финансами. Ключник-капитан Федероу — министр финансов Ганзы, четверо крупных банкиров, наиболее ожесточенно конкурировавших с коллегами из Балонга (двое из Снольдера, двое из Ронеро). И, в качестве возможных консультантов, два университетских профессора, из Ремиденума и снольдерского Каорна, всю жизнь преподававших финансы и

банковское право. Пока что — ни единого чина из тайной полиции, их время еще придет...

— Прошу полного внимания, господа мои, — сказал Сварог насквозь деловым тоном. — Многие из вас — а все здесь люди весьма не глупые — наверняка обратили внимание, что подбор участников совещания, если можно так выразиться, крайне специфичен (ганзеец машинально кивнул). Речь у нас пойдет исключительно о финансах. Точнее, о Балонге. Я принял решение закрыть примерно две трети банков Балонга. На вечные времена. Банки закрыть, капиталы конфисковать, долговые расписки и векселя обратить к нашей собственной пользе...

Он сделал паузу, обвел взглядом присутствующих. Равнодушных не оказалось, примерно у половины лица стали удивленными, а у другой — откровенно радостными. Ганзеец даже, не сдержавшись, весело оскалился и махнул перед грудью сжатым кулаком. Ну, человека можно понять и простить столь явное выражение эмоций — очень уж большими антагонистами испокон веков были Ганза и Балонг. Ганзейцам для успешных трудов позарез необходимо, чтобы повсюду как можно дольше стоял мир, от войн им один ущерб. Ну, а с Балонгом обстояло как раз наоборот, как об этом с профессиональным цинизмом толковал патриций Каторат...

Решив, что дал им достаточно времени на усвоение столь ошеломительной новости, Сварог продолжал:

— Это не произвол и не самодурство Сварога Барга. Это справедливое возмездие, именно так. Примерно две трети банкиров Балонга составили заговор против моей скромной персоны. Не мятеж с целью борьбы за прежнюю независимость, а заговор с целью убийства означенного Сварога Барга (заметив х и т р ы й блеск в глазах ганзейца, он заговорил еще суше, жестче). Мое королевское слово, господа — никакой провокации или облыжного навета. Заговор был, прекрасно продуманный, и мне удалось остаться в живых по чистой случайности. Ну, это длинная и невеселая история, она не имеет отношения к нашему совещанию... Заговор раскрыт, все его участники выявлены поголовно, — он скупой, очень скупой улыбнул-

ся. — Повторяю, никакого произвола. Наоборот, скрупулезнейшее соблюдение законов самого Балонга. Я был и остаюсь Первым Патрицием, а по тамошним законам люди, покушавшиеся на жизнь Первого Патриция, признаются государственными изменниками и подлежат не только казни, но и полной конфискации имущества. Все по закону. Канцелярия Земных Дел не сможет усмотреть в наших действиях ничего противозаконного. Позиция наша железная. Конкретика выражается в том, что мое величество получает в полную собственность примерно две трети содержимого Круглой Башни, все движимое и недвижимое имущество означенных банков, все выданные им векселя, долговые расписки и заемные письма. Филиалы за пределами Балонга — или какую-то их часть мы сохраним, сменив, разумеется, персонал. Такие вот новости, господа мои. И в связи с этим мне необходимо в кратчайшие сроки, здесь и сейчас получить ответ на единственный вопрос, который меня всерьез тревожит... Не вызовет ли этот разгром — назовем вещи своими именами, мы же не дети — какого-то обширного и опасного финансового кризиса? Вы лучшие финансисты Харума, господа, без лести. Потому я вас здесь и собрал, что вы — лучшие. Я покину вас примерно на квадранс. Если возможно за этот срок получить полностью п р а в д ы й, обоснованный ответ — найдите его...

Он встал, осторожно протиснулся меж сидящими и вышел, тихонько прикрыв за собой низкую сводчатую дверь. На приличном расстоянии от нее по длинному узкому коридору взад-вперед размеренной походкой расхаживал глэрд Баглю, вооруженный до зубов. Исполнял роль простого часового — учитывая состав совещания, с гордостью.

Сварог подошел к нему, на ходу доставая сигарету:

— Ну, как обстановка?

— Спокойнейшая, мой король! — браво отрапортовал Баглю. — Что касаясь людей — замок оцеплен так, что мышь не прошмыгнет. А что до колдовства — старухи пока не обнаружили ни единой попытки магическим образом сюда проникнуть и подслушать...

Ничего удивительного, подумал Сварог. Не зря же Интагар организовал все так, чтобы срубить с хвоста любую слежку, кто бы ею ни занялся, с земли или с небес. Нет, но как прекрасно все складывается: две трети содержимого Круглой Башни — да на треть этого можно в Трех Королевствах столько полезного наворотить. А Маре на расходы по вторжению на Дике хватит вовсе уж скромных по сравнению со всей д о б ы ч е й сумм. И будет из чего профинансировать строительство пяти новых железных дорог. И второго паровозного завода. И достроить Дилошский университет. И поднять пособия переселенцам в Три Королевства. И много чего еще, нужного в хозяйстве, оплатить. И ведь, как в том анекдоте, все правильно. Ни провокации, ни облыжных наветов. Сами напросились. Тебя повесят, а ты не бунтуй...

Он вздохнул: насколько проще и веселее жилось раньше, не имея за душой ни единой короны — рубал чудовищ, убегал от чудовищ, скакал в погоню и удирал от погони, отвечая исключительно то за данное поручение, то за Странную Компанию... А теперь... А теперь в голове сметы и расчеты, экономика и финансы...

Хотя... Оставались еще неразысканные токереты и тайны Горрота, а также болтавшиеся где-то в глубинах две исполинских змеюки. Вот э т о, есть подозрения, будет отличаться от скучных и серых королевских будней...

Он дал им, сверх квадранса, еще десять минут — хотя они там и финансисты от Бога, дело слишком серьезное... Истребив три сигареты подряд, вернулся в комнату.

И обнаружил там полное молчание — коему, несомненно, предшествовал жаркий спор: кое-кто раскраснелся, ганзеец растегнул верхние пуговицы кафтана, кто-то переводит дыхание...

Сев на свое место, Сварог спросил:

— Итак, господа мои? Барон Грауш, вы самый старший по возрасту из заведующих королевскими финансами. Быть может, вы и изложите общее мнение? Если только к нему пришли...

Барон, явно польщенный, встал, выпрямился:

— Государь, вопрос оказался не столь уж сложным, и времени для продуманного ответа вполне хватило. С е р ь е з н ы й кризис и в самом деле может грянуть, но в одном-единственном случае: если мы ликвидируем филиалы данных банков за пределами Балонга. Они чересчур уж крепко в п л е т е н ы своими финансовыми операциями в экономику Снольдера, Ронеро, да, пожалуй, и Харума. Глан, правда, это практически не заденет...

Глэрд Киармор явственно пробормотал себе под нос:

— Да уж, не пускаю я сюда этих процентщиков-кровопивцев...

— Пограничье и Вольные Маноры серьезный кризис, в общем, тоже не накроет, — продолжал барон. — Но, повторяю, Снольдер и Ронеро достанется не на шутку. Конечно, нет необходимости сохранять все абсолютно филиалы, но значительную часть их следует оставить. Коли уж это будут н а ш и банки, они нам самим пригодятся. Вот это и есть ответ.

— У кого-нибудь есть возражения? — спросил Сварог, обведя пристальным взглядом присутствующих. — Если есть, прошу высказываться со всей откровенностью.

Все, однако, молчали, и не похоже по лицам, будто кто-то все же имеет собственное мнение, но решил его затаять. Только ганзейский казначей проворчал:

— Моя б воля, я б их все позакрывал. Но коли кризис... Вам, господа, виднее. Вот только надо бы их помаленьку п е р е н а л а д и т ь, чтобы не были больше нацелены на прибыль от войны.

— Б о л ь ш у ю часть, — сказал герцог Брейсингем. — Но не все. Нам понадобится какое-то количество филиалов, работающих и на войну, — у его величества еще хватает противников, так что с о в с е м нам от войн не избавиться.

— Пожалуй что, — кивнул ганзеец.

После короткого молчания Сварог спросил:

— Я полагаю, высказались все, кто хотел? Теперь слушайте внимательно, господа мои. С этой минуты вы все, здесь присутствующие — особая королевская комиссия по управлению доставшимся нам н а с л е д с т в о м.

Такова моя воля. Я распорядился, вас сейчас же перевезут в... — он усмехнулся, — в гораздо более уютный замок, где нет никакой здешней машинерии. Работать придется день и ночь, учтите, в нашем распоряжении — считанные дни. Никому из вас нельзя долго отсутствовать на постах. Так что, я вас п р о ш у, напрягите все силы... В чем ваша задача? Как можно быстрее рассчитать, какие филиалы оставить, какие — закрыть. Подобрать для остающихся надежный персонал. Кстати, все документы уже изъяты из банков в Балонге, к вечеру их доставят сюда самолетами — а с ними и некоторое количество банкиров. Еще раньше придут несколько высокопоставленных господ из секретных служб — вам на подмогу, для решения специфических задач. Особое внимание уделите векселям, долговым распискам и заемным письмам. Тут, сдается мне, следует провести некую... с о р т и р о в к у. Если какой-то долг вредит государственным интересам какого-либо из моих владений — аннулировать. Может оказаться так, что в долговую паутину попал и не в состоянии выпутаться какой-то ценный для государства человек... или просто, скажем, вдова с малыми детушками, которую при неуплате вышвырнут на улицу. В подобных случаях — тоже аннулировать. Но это, повторяю, должна быть именно что сортировка, а не долговая амнистия для всех абсолютно. Государственные долги Балонгу, разумеется, аннулировать полностью. Остается еще треть уцелевших банков, на которые мы не в состоянии воздействовать п о д о б н ы м образом, но тут уж ничего не поделаешь. Зато все, что зависит от н а ш и х банков, должно быть перестроено так, чтобы служить нашим интересам, и только нашим. Да, все сегурские долги н а ш и м банкам списать полностью, — он нехорошо усмехнулся. — А вот во всем, что касается Лорана, Горрота и Святой Земли — никакой мягкости. Ни малейших уступок, скидок, продлений и послаблений. Все, что они н а м должны, следует д р а т ь точно в срок...

— Простите, государь... — громко произнес граф Дино.

— Да?

— Последние распоряжения могут касаться только Лорана со Святой Землей. Горрог три года назад выплатил все свои долги и с тех пор не должен никому. Ни монеты. Не вполне понимаю, как им это удалось, но удалось как-то...

— Интересно... — проворчал Сварог. — Я об этом не знал... Шаган в должниках?

— Да.

— Здесь — особое отношение. Шаган — дружественное нам государство. Ничего не списывать и не аннулировать, но при нужде широко применять все существующие в банковских делах льготы. Что еще? Финансистов из Харума подключить к работе только после того, как план будет полностью готов. Какой-то Харум, знаете ли, м у т н ы й, мало там искренней верности — а вот пролоранская партия имеется... Ну, вот и все, пожалуй. Если я что-то упустил, если понадобятся еще какие-то крупномасштабные меры, разрабатывайте их сами. Но, повторяю, постарайтесь превзойти самих себя, у вас в запасе считанные дни...

— Сильвана, — сказал граф Дино. — Нужно составить те же планы для н а ш и х банков там.

— Вот я и говорю, — сказал Сварог. — Все, что я упустил, разрабатывайте сами, у вас все полномочия. Указ о создании вашей комиссии я уже подписал, его вам выдаст глэрд Баглю. Все должно быть по закону... — он встал, и следом торопливо поднялись остальные. — Там во дворе кареты, господа, езжайте, и успехов вам. Я улетаю в Ронеро.

Он не сразу, но заметил, что барон Грауш держится в уголке, явно стараясь остаться с ним наедине. Дождавшись, когда так и произошло, Сварог с интересом осведомился:

— У вас что-то личное, барон? Или есть какие-то секреты?

Барон мялся, вертел в руках шляпу, немилосердно комкая поля. Видимо, решившись, поднял глаза и с покайным видом выпалил:

— Простите, ваше величество!

— Это еще за что? — с искренним изумлением спросил Сварог. — Обязанности свои выполняете исправно, из казны ни монетки не присвоили...

— Видите ли, ваше величество... Когда обсуждалось ваше... п р и г л а ш е н и е на снольдерский трон, я был решительно против. Считаю, что вы не справитесь, что вы человек для этого, простите за вульгарность, ремесла случайный... Теперь мне стыдно за те мысли и те речи... Просите, ваше величество...

— Да полноте, барон, — сказал Сварог. — Забудьте все. Я приказываю, — он рассмеялся. — По чести говоря, между нами, я тоже одно время полагал, что не справлюсь. Но вроде бы получается, а?

...Четверо всадников, придерживая коней, медленно спускались по высокому пологому откосу к берегу Итела, над которым стояло уединенное здание. Сверху Сварог прекрасно рассмотрел подворье: посреди — не особенно и большое здание, как две капли воды похожее на обыкновенный купеческий лабаз (глухие стены, только под самой покатою крышей тянется ряд зарешеченных окошечек, невысокая, обитая железом дверь). Вдоль забора еще три домика, поменьше — для охраны и obsługi. Конюшня, собачник. На добрых пару лиг вокруг — ни проезжих дорог, ни тропинок. Жители Равены старались обходить это местечко десятой дорогой даже при отсутствии официального запрета тут появляться...

Видимо, их давно заметили снизу — когда Сварог в сопровождении Баруты и пары ратагайцев подъехал к воротам, их торопливо распахнули и навстречу вышел пожилой человек в бордовой накидке Багряной Палаты с золотыми языками пламени на левом плече и золотым шитьем советника на правом, с невыразительным, даже скучным лицом поседевшего на королевской службе педанта.

— Ну что? — спросил Сварог, спрыгивая с коня.

Советник низко поклонился:

— Они там. Прошу вас, государь.

Сержант в бордовом мундире торопливо распахнул перед идущими тяжелую дверь. Сварог, как и подобает королю, вошел первым, озираясь без всякого любопытства.

По периметру здания шел проход шириной уарда в два — а все остальное занимала кубическая яма со стороны уардов в десять. Вся она была выложена темным гранитом, прилаженным так искусно, что между швами блоков нельзя просунуть и бритвенное лезвие — и ни одна капля воды наружу не проникнет. На уард ниже кромки странное сооружение сплошь закрыто толстой решеткой с железными лесенками поверху и несколькими решетчатыми люками.

Сварог присмотрелся. В противоположной стене, уардах в трех над каменным полом, зияло круглое отверстие диаметром в пол-уарда. Из него тонюсенькой, со спичку, струйкой непрерывно вытекала вода, уже оставив на полу лужицу размером с военный плащ. Прямо посередине помещения стояло странноватое сооружение — несколько составленных вплотную друг к другу каменных прямоугольных колонн, самая верхняя достигала в высоту не менее трех человеческих ростов. Срезы колонн достаточно большие, чтобы на них мог поместиться человек. Ну да, вот оно что: приговоренный может искать спасения на этой «лестнице», только не спасется и на самой высокой колонне, вода поднимается гораздо выше, и тут уж придется вплавь, сколько продержишься...

Те, внизу, их пока что не видели — там стояла тишина. Видимо, инстинктивно убрались к противоположной от трубы стене, торчали сейчас где-то под ногами Сварога и его спутников...

Сооружение это велел возвести восемнадцать лет назад Конгер Ужасный, — в поисках наиболее изощренного наказания за особо мерзкие преступления, тогда же перечисленные в особом реестре. Сомнительная честь стать первым клиентом заведения выпала некоему молодому маркизу из старинной и почтенной фамилии. В общем, обычная история: даже в таких семьях не раз бывало, что заводился позор семьи...

Маркиз был из тех игроков, у кого это увлечение переросло в манию: кости, карты, гусиные бои, вообще любая игра, где на кону стоят деньги. Как случилось со многими, его преследовала фатальная невезучесть. Стандартная, в

общем, история: займы, векселя, из дома начинает пропадать посуда из благородных металлов, а иногда и фамильные драгоценности, отец, в конце концов, отказался оплачивать долги сыночка и всерьез пригрозил: если тут не возьмется за ум, от него отрекутся по всем правилам.

Для вертопраха-маркиза положение осложнялось еще и тем, что шансов на майорат не было: маркиз был вторым сыном. В совершеннейшем отчаянии он попросил отца сейчас же выделить ему «лоскут» — ту сумму, что по законам наследования причитается младшим братьям и сестрам. Суровый батюшка — говорят, кремень был не мягче отца Леверлина — категорически отказал, заявил, что не хочет, чтобы семейные деньги моментально перекочевали к ростовщикам и содержателям игорных домов. А был он еще не стар, лет сорока пяти, здоров и крепок, как и старший брат маркиза, так что надеяться на их кончину не приходилось...

Маркиз, к тому времени окончательно превратившийся в «ночного дворянина», украл из спальни матери два перстня с крупными камнями, обратил их в деньги и принялся искать нужного человека — благо к тому времени обзавелся обширными знакомствами на «темной стороне улицы». А зверь бежит, да прямо на ловца... Довольно быстро он вышел на некоего аптекаря, владельца солидного заведения в центре города. Вот только этот почтенный знаток фармакопеи основную часть дохода получал, если можно так выразиться, с заднего крыльца, сбывая надежным людям порошочки и жидкости, в считанные мгновения разлучавшие тело с душой, — причем большей частью собственного изобретения, такие, что их не могли обнаружить здешние врачи. Еще один, мать его, гений, опередивший свое время...

Сторговались. Маркиз маскировки ради вел самый благонамеренный образ жизни, сидел дома, читал книги — так что родня начала считать, что молодой гуляка принял к сведению отцовское предупреждение. В конце концов, и такое часто случалось.

Через неделю, перед обедом, маркиз собственноручно (опасно было подкупать слуг, мало ли что) вылил пузы-

рек прозрачной жидкости в кувшин с вишневым прохладительным напитком, который, он знал, пить будут все до одного. Перед самым обедом ему принесли письмо срочной почты (которое маркиз сам себе отправил). Прочитав его, он объявил отцу, что обедать не будет, должен ускакать по срочным делам. Один старый знакомый хлопотал ему неплохое местечко в министерстве двора, с таким доходом, что удастся довольно быстро отделаться от кредиторов и вообще благонаравно делать карьеру при дворе. И даже дал прочитать написанное измененным почерком письмо.

Отец даже растрогался. И благословил. Маркиз ускакал, а все семейство уселось обедать. Там, за столом, их и нашли мертвыми в конце обеда пришедшие подавать десерт слуги: отца, мать, гостившую у них тетушку, старшего брата, младшую сестренку одиннадцати лет и младшего брата неполных шести годочков...

Конечно, были медики, полиция и вскрытие. Но аптекарь свой немалые денежки получал не зря: врачи не нашли яда. Маркиз (отныне полноправный наследник) рвал на себе волосы, заливался рыданиями, бил головой об стену — словом, горевал долго и бурно. Конечно, у полиции были подозрения на его счет — как обычно в таких случаях и бывает. Но не было ни малейших улик, да и мнение опытных медиков работало в пользу маркиза, а черной магией тут и не пахло.

Маркиза стубила непредвиденная случайность. Муж той самой отравленной тетушки, занимавший хорошую должность в министерстве двора, давненько уж был весьма ценным агентом Гаудина, с которым при очередной встрече и поделился подозрениями. А Гаудин в таких случаях помогал своим людям, чем мог — быть может, не из душевного благородства, а чтобы покрепче привязать к себе благодеяниями...

Восьмой департамент вступил в игру. Ночью устроили эксгумацию — и покойников взялись исследовать уже специалисты Гаудина, против которых гений фармакопеи смотрелся бледно. Яд быстро обнаружили, изучили, описали. После чего маркиза плотно обложили сыщиками-

ми восьмого департамента — и через два дня засекли, что он отправился к аптекарю, чтобы заплатить вторую часть суммы. О том, что в воротнике его плаща уже вшит крохотный микрофончик, маркиз не подозревал, он в жизни не слышал о существовании микрофонов...

Из канцелярии земных дел Конгеру были отправлены официальные бумаги, извещавшие, как развлекаются иные его маркизы, — с приложением медицинского заключения. Маркиза и аптекаря брала уже Багряная Палата — и довольно быстро выбила признание. Аптекаря Гаудин со свойственным ему чуть циничным прагматизмом забрал к себе (мало ли, как и где может пригодиться, отбросов нет, есть кадры), а маркиза оставил в полном распоряжении Конгера. Конгер его и отправил в то самое заведение, велел заведовавшему машинерией инженеру отрегулировать и пускать воду так, чтобы отравитель прожил не менее недели. Так и вышло. Его даже регулярно кормили, опуская на веревке корзину — чтобы не ослабел и не свалился раньше времени, чтобы д е р г а л с я до последнего...

По наклонной железной лесенке с высокими перилами Сварог спустился на другую, пролежавшую по решетке. Оглянулся. Ага, вот они сидят у стены. Что за выражение на бывшей физиономии Сувайна — сплошь покрытой засохшей кровью гротескной фигуры — уже не определишь, а у Одо такой вид, словно он с яростной надеждой обдумывает планы бегства, но куда ж отсюда сбежишь...

Сапоги Сварога грохотали по железным перекладинам довольно громко — и те двое внизу вскинули головы. Сувайн так и остался сидеть у стены, уронив руки меж колен, а вот Одо, проворно подбежав так, что Сварог оказался прямо над ним, задрал голову. Давненько уж Сварог не наблюдал на чьей-либо физиономии такой ненависти, обращенной на его скромную персону... И на человека-то уже не похож...

— Предатель! Клятвопреступник! — завопил Одо, зачем-то подпрыгивая, как будто мог дотянуться до решетки.

Холодно усмехнулись, Сварог ответил спокойно:

— Боюсь, вы ошибаетесь, любезный. И вовсе уж зря именуете меня клятвопреступником. Освежите в памяти данную мною клятву, от первого до последнего словечка. Я клялся не проделывать с вами многих вещей — и никто их не будет проделывать. Я, кроме этого, обещал, что вы будете жить за решеткой, пока не умрете естественной смертью. Так и произойдет. Вы за решеткой, и вы умрете естественной смертью. Клятва не нарушена ни в одной букве. Вас даже будут кормить. Иначе это уже выйдет нарушение клятвы, а я клялся не морить вас голодом... Ну, а в том, что вы никогда не слыхали об этом месте и не приняли его в расчет, я не виноват... Примечания мелким шрифтом, как это частенько бывает в ваших банкирских векселях и закладных... В общем, ругайте меня как угодно, но вот слово «клятвопреступник» здесь не годится.

Одо, грянувшись наземь, принялся форменным образом колотиться об пол. Сварог смотрел на обоих мрачно и почти равнодушно. Не было ни радости, ни мстительного удовлетворения, только опустошенность и тоска. Тоска еще и от того, что правосудие сплошь и рядом оказывается запоздавшим, и никого уже не вернешь, и ничего уже не поправишь. В ушах у него вновь звучал чистый, высокий голос Кайи:

— *Всадник в шлеме сбитом,
сшибленный в бою,
Верный конь, копытом
топчущий змею...
Сомкнутые веки.
Выси. Облака.
Воды. Броды. Реки.
Годы и века...*

Он резко повернулся и, уже не слушая раздававшихся снизу воплей, быстро пошел по лесенке. Поднялся наверх, повернулся к ожидавшему приказаний советнику:

— Продолжайте...

— Сколько они должны прожить? — без малейших эмоций осведомился советник.

Сварог хотел было ответить «Сутки». Но тут же вспомнил, в какой кровавый хаос превратился бы Харум после его внезапной смерти, сколько погибло бы мирных людей...

— Трое суток, — сказал он твердо. — Кормите хорошо...

И быстрыми шагами, ни на что вокруг не глядя, вышел из жуткого дома, одним махом взлетел в седло и пустил коня в ворота, когда их успели распахнуть только наполовину. Галопом понесся над берегом, по пустынной равнине. Светлый король Сварог в очередной раз совершил правосудие над заведомыми мерзавцами, едва не устроившими так, что весь Харум залило бы кровью и заволокло дымами пожарищ, — почему же на душе только опустошенность и тоска?

Въехав в город, он не особенно и сбавил аллюра, неся окраинными улицами, пока не выехал к аэродрому. Часовые у ворот, узнавшие его издали, отсалютовали мушкетами. Сварог проехал примерно половину длинного ряда обитых самолетов, натянул поводья у своей виманы, ничем не отличавшейся от других.

Бросив поводья Баруте, распорядился:

— Возвращайтесь во дворец. Скажи там, что меня не будет самое малое сутки.

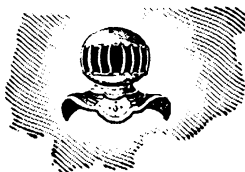
— Понятно, государь, — поклонился Барута. — Доброй дороги.

И проворно отъехал подальше — к самолетам он до сих пор относился очень неодобрительно. Сварог взбежал по ажурной лесенке, втянул ее за собой, сел в кресло и в полминуты задал программу автопилоту. Самолет, правдоподобия ради чихая выхлопами и вращая винтами, выкатился из ряда и, как полагается, совершив длинный разбег, взмыл в небо. Оказавшись достаточно далеко от столицы и поднявшись высоко, он вышел на сверхзвук и помчался к границам Хелльстада, к тому месту, где поджидал Вентордеран.

Маленький отдых, подумал он. Неотложных дел нет, все вроде бы идет благополучно. В Балонге уже заняты все до одного грешные банки и арестованы все до одного причастные к заговору, сейчас, без сомнения, завзято

топящие друг друга — с заговорщиками так частенько и бывает. В столице ни малейших беспорядков — учитывая, сколько там Свароговых войск, переброшенных туда якобы для выдвижения в Горрот... Надо считаться и с тем, что кое-кто из неповинных в заговоре начнет однажды думать: «А вдруг и до нас дойдет очередь?» Уж это обязательно. Нужно будет собрать их вскоре, успокоить, дать королевскую клятву, что ни один неповинный более не пострадает, обрисовать кое-какие интересные перспективы... В конце концов, как это у банкиров водится, подавляющее их большинство наверняка испытывает сейчас не классовую солидарность с пострадавшими, а радость от того, что из игры вышли серьезные и крупные конкуренты. Как тогда сказал Катарат? «Образ жизни». Вот именно. Катарата, конечно, придется забрать с собой, в девятый стол — ну что поделает, если только этот сукин сын умеет обращаться с загадочным камнем-компьютером?

Глава III

ЖИЛА-БЫЛА ДЕВОЧКА...

Сварог уютно устроился в малом кабинете Фаларена — в отличие от всех прочих блиставших роскошью помещений Вентордерана, эта небольшая комната обставлена совершенно иначе: скорее уж напоминает виденные им кабинеты на базе «Стагар» или комнаты военно-морского санатория. Совершенно тот же стиль мебели, те же светильники, и обои похожи, и картины с кораблями, и даже потемневший штурвал на стене. Ностальгия, а? Наверное, иногда ему надоедала выдуманная и заведенная им самим пошлая роскошь, и он уходил сюда, как бы возвращаясь в прошлое... Высокий бар битком набит е з д е ш н и м и напитками (подобные бутылки Сварог видел тогда в санатории): иной, не нынешней формы, другие этикетки, другие названия, разве что слова «келимас», «вино», «ликер» написаны в точности, как пишутся сейчас. Правда, с ходу и не определить, что такое «басьен», «толаж» и «оутон», но и с этим помаленьку разберемся. Откупорив пузатую бутылку королевского келимаса под названием «Старый дуб» и изображением могучего лесного великана на этикетке, Сварог принялся, определил полное отсутствие яда, сделал маленький пробный глоточек и остался вполне доволен. Вызвал слугу и потребовал блюдо с закусками, что золотой болван исполнил со всегдашним про-

ворством. Вслед за слугой в дверь просочился Золотой Кот, остановился в сторонке, ухитрившись придать себе равнодушно-выжидательный вид. Положительно, было в нем что-то от Интагара. Познакомить их как-нибудь забавы ради?

— Итак? — спросил Сварог, когда слуга вышел.

— Очередные драки и стычки между неразумными тварями... Ничего серьезного, все как обычно. Это неинтересно?

— Неинтересно, — сказал Сварог.

— Вот в этом месте, — он зажег рядом с собой небольшую карту Хелльстада и коснулся когтем точки на ямурлакской границе, — полчаса назад в наши пределы вступили очередные искатели сокровищ. Три человека с лошадью.

— Черт знает что, — проворчал Сварог. — До сих пор проходной двор устраивают... Когда остановятся на ночлег, соберите все наши «страшилки» и устройте им хорошее представление.

— А если не сбегут, государь?

— Ну, тогда пошлите Серебряный Вихрь, пусть вышвырнет всю компанию. Что Лагевель с Анрахом?

— Вторые сутки усердно работают со всеми наличными Золотыми Шмелями, но успехов пока нет... Вот и все наши новости.

— Идите, — сказал Сварог.

Золотой Кот лихо повернулся через левое плечо и тихонько вышел. Идеальный все-таки министр тайной полиции — не предаст, на деньги не польстится, в заговор не впутается. Заботы у него, правда, кукольные по сравнению с прочими подвластными Сварогу державами, ну да что тут поделаешь...

Он уселся в уютное кожаное кресло перед невысоким столиком с компьютером — здешним, конечно, его собственные превратились бы тут в безжизненные коробки. Достал черный диск, покрытый затейливым золотым узором, положил его на панель компьютера. Налил себе добрую порцию келимаса и медленно вытянул. До сих пор останавливало что-то.

Сварог вновь перечислил сам себе прежние аргументы. Будь это личный дневник Яны, ее письма — он, честное слово, носу бы туда не сунул. Но это, как он уже убедился, просмотрев первую страницу, — официальный документ из Кабинета Канцлера, пусть и помеченный значком высшей секретности, тем не менее, судя по коду, в любой момент доступный самое малое двадцати высшим сановникам империи, в том числе и Гаудину. Ну, а если учесть, что Сварог — полноправный преемник Гаудина, да еще шеф девятого стола... Это уже не моральная проблема, а чисто бюрократическая. Если добавить, что сам Сварог в архивы Канцлера не лазил, за него это давным-давно проделали другие, а он всего-навсего отыскал бесхозный документ... С формальной точки зрения — никаких зацепок. Вообще, нужно было ставить на ваши компьютеры защиту получше, господа, самонадеянность подвела...

Он решил. Налил себе еще бокал и вставил диск.

Начинался «Отчет» официальным сообщением о внезапной смерти Императора, последовавшей, как утверждалось, от сердечного приступа. Медицинского заключения в отчете нет. Быть может, оно отыщется в других досье, не входящих в отчет, надо будет потом поискать, пусть обезьяны потрудятся... Вот так просто — свалился Император, могучий мужик тридцати с небольшим лет по земным меркам, прямо на пиру с сердечным приступом, и все попытки медиков вернуть его к жизни оказались тщетными...

Черт, и никаких бумаг о расследовании! А ведь Канцлер с Гаудином (как он сам на их месте) следствие провели бы обязательно, пусть проформы ради. Ну, поищем. Быть может, и эти бумаги — в каких-то других досье...

Между смертью Императора и коронацией Яны — перерыв в восемь дней. Ни единого документа. Недельный траур? Или вокруг опустевшего трона что-то происходило? Сплошь и рядом, когда законной наследницей престола оказывалась малолетняя кроха, начинались с о б ы т и я...

Вообще, интересные дела у них творились не так уж и давно. За полгода до смерти Императора Императрица,

большая любительница охоты, отправилась на Сильвану. И погибла там опять-таки естественной смертью. Одна из тех трагических случайностей, что порой встречаются на охоте, — зверь поднят, началась азартная погоня, всадники рассыпаются по лесу, теряют друг друга из виду, сколько раз и коронованные особы оказывались в полном одиночестве. Э та история как раз была Сварогу отлично известна — он наткнулся в архивах восьмого департамента на отчеты, помеченные даже чуть меньшей степенью секретности. Ее величество неслась галопом, исчезнув с глаз егерей и охраны, горячий жеребчик, судя по следам, понес в чащобу, толстая дубовая ветка оказалась как раз на уровне головы всадницы, и она не успела пригнуться... Никаких следов злоумышления...

Но вернемся к коронации. Вполне вероятно, были какие-то если не события, то интриги, причем вовсе не обязательно направленные на свержение Яны. Кто-нибудь — любители всегда найдутся — мог бы попытаться потеснить Канцлера, в чьих руках оставалась вся власть, и пропихнуть себя в регенты. Регент при шестилетнем монархе — тот же монарх.

Ага, протокол совместного заседания Палаты Пэров и Тайного Совета! Идея о регенте возникла почти сразу же. Однако принц Элвар регентом быть категорически отказался, заявив, что это не по его уму — государственные дела. Точно так же поступил и Диамер-Сонирил, чему Сварог ничуть не удивился: конечно, принц просто-напросто не хотел оставлять свой идеально отлаженный механизм, Канцелярию земных дел, ради еще большего, но незнакомого и неотрегулированного в его вкусе.

Были еще принцы и принцессы крови, числом двадцать три человека обоего пола, дальние родственники императорской фамилии — но публика все сплошь несерьезная, занятая исключительно светскими увеселениями и по давней традиции допускавшаяся разве что к третьестепенным государственным делам (Сварог это давно знал). Препустой народец (как тогда казалось заседавшим). Выступили только два принца крови (точнее, надо

полагать, дали выступить только двум), всецело поддержавшие обоих принцев короны.

Интересно, интересно! Барон Аркас, член Тайного Совета, вдруг предлагает назначить регентом пэра Империи герцога Ингера, «известного своим государственным умом, неустанными трудами на благо Империи и неутомимой энергией». Его поддерживают еще двое пэров...

И вот тут, очень похоже, с л а ж е н н о выступают противники этой идеи. Принц Элвар в короткой эмоциональной речи твердит, что регентство — пережиток седой старины и за последние две тысячи с лишним лет как-то даже и не применялось. Диамир-Сонирил закатывает длинную речь, пересыпанную ссылками на параграфы, законы, кодексы, регламенты. Сварог ничего толком не понял (да наверняка и все присутствующие тоже), но заключительная фраза ясна: принц присоединяется к мнению брата. Тут уже принцы и принцессы крови, словно хор в древнегреческой трагедии, в полном составе наперебой нудят с мест, что и они против регентства как пережитка прошлого. Ну вот, наконец! Выступает командир гвардии и деликатнейше, изящными намеками, хитро-сплетением дипломатических словес дает понять, что военным эта затея тоже не по вкусу, что согласно законам о престолонаследии, и высшие государственные учреждения, и гвардия, и армия, и Серебряная бригада пока что всецело подчиняются Канцлеру, а вот механизм подчинения вооруженных сил этому самому полузабытому регенту вроде и не установлен законами... И неизвестно еще, когда будет установлен. Военные быть в таком подвешенном состоянии не привыкли, ну совершенно...

Это, конечно, ультиматум, хотя и облаченный в изящные дипломатические формулировки. Не случайно дискуссия как-то стихает, комкается и наконец приходит к концу. Чуть ли не единогласно принимаются окончательные решения. Никаких перемен в системе правления и управления. Канцлер остается на своем посту. Все министры, главы канцелярий, кабинетов и коллегий остаются на своих местах. После окончания недельного траура Яна-Алентевита Кейнгор, принцесса короны и наследни-

ца престола, должна быть коронована. Другими словами, Канцлер победил с разгромным счетом. Нигде в бумагах об этом не упоминалось, но Сварог, не новичок в таких делах, крепко подозревал, что Келл Инир, где происходило совещание, был еще до его начала набит гвардейцами и людьми из Серебряной бригады, — такие дела иначе не делаются, не зря противники Канцлера (умелые интриганы, надо полагать) сдались так легко.

Что-то имена знакомые мелькнули... Герцог Ингер и барон Аркас. Вот именно, эти два субъекта давным-давно арестованы как главы окопавшейся в Империи «Черной благодати» и остаются в тюрьме Лорс, откуда выйдут только ногами вперед — как и их сообщники из придворных, Магистериума и Мистериора...

Далее Сварог просмотрел видеозапись коронации — зрелище долгое, невероятно пышное и для человека постороннего чертовски скучное. Сложные перемещения по огромному залу раззолоченных, брызжащих самоцветами процессий, нечто напоминающее медленный балет (смысла этого зрелища Сварог так и не понял), удаляется шеренга рыцарей в белом, держа мечи острием вниз, на их место заступают рыцари в золотистом с клинками острием вверх (ну, это понятно, на земле есть похожее, символы прежнего царствования и нового)... В общем, роскошнейшее, наполовину непонятное, нудное, долгое зрелище. У Сварога чуточку защемило сердце, когда он увидел Яну крупным планом: на чересчур большом для нее троне, так что ножки далеко не доставали до земли (хорошо еще, догадались подставить золоченую скамейку), сидела шестилетняя девочка в короне и мантии, залитая алмазным блеском — вот только личико у нее оставалось печальным, отрешенным, словно она напряженно ждала момента, когда все это кончится, можно будет забиться в уголок и поплакать. Осиротевшая восемь дней назад шестилетняя кроха, не вполне видимо и понимавшая, зачем ее принуждают во всем этом участвовать, восседая неподвижной куклой. Только принц Элвар (разумеется, поддавший), смотрит на нее с искренним сочувствием, временами наклоняется и что-то шепчет в ухо.

У всех остальных скорее не человеческие лица, а маски актеров, старательно исполняющих сложнейшую пьесу. Угнетающее зрелище, которое Сварог побыстрее запил бокалом келимаса.

А это уже год спустя — Канцлер вместе с несколькими пэрами, членами Тайного совета и обоими принцами короны обсуждает действительно серьезный, нужный и правильный вопрос: какое образование должна получить императрица, как будет протекать учеба и как ее организовать.

Серьезный, нужный и правильный вопрос... Стоп, стоп! Тут определенно имелась некая несообразность. Ага, вот оно! Совершенно непонятно, зачем понадобилось собирать столь представительное совещание, когда достаточно было бы вызвать парочку специалистов из Магистериума? О здешней системе образования Сварогу еще в прошлом году подробно рассказывали Элкон и Томи. К шести годам ребенку с помощью той самой аппаратуры Магистериума, которую Сварог испытал на себе, в к л а д ы в а ю т в голову минимум необходимых пока что знаний: чтение и письмо, умение общаться с помощью детской компьютерной сети, а вдобавок курс придворного этикета, геральдики, генеалогии, истории Империи (каковая, как не без оснований полагал Сварог, крепенько фальсифицирована). В семь детишки с помощью магов из Мистериора осваивают фамильную книгу заклиний (лишь наполовину общую для всех, остальная половина содержит знания и умения, присущие какому-то конкретному роду). Далее их на пару лет, собственно говоря, оставляют в покое, пусть играют и забавляются, как хотят. И только к девяти в к л а д ы в а ю т в голову, опять-таки в Магистериуме, обширные курсы многих наук. И после того начинается настоящая учеба. Сварог прекрасно помнил, что тогда сказал магистр: «Можно вложить человеку в память гигантские вороха справочников, учебников, географических атласов, руководств по управлению аппаратами и агрегатами. Но подлинно профессиональные знания он должен получать обычным путем, осмысливать их, впитывать...»

Учеба таковая продолжается три года. За это время специалисты из Магистериума определяют, есть ли у ребенка склонности и способности к тем или иным наукам. Если да, он поступает уже в трехлетний Лицей при Магистериуме — всерьез овладевать наукой либо специальностью.

Если, конечно, захочет. Поскольку тут не может быть никакого принуждения, подавляющее большинство дворянских недорослей (особенно девушки) идти в Лицей отказываются категорически, предпочитая вести светскую жизнь при дворе. Так что в Лицее обычно обучается не более двадцати человек — оттого-то и приходится выискивать на Сильване способных антланцев и давать им полное образование. В Магистериуме уже примерно половина сотрудников — именно что антланцы, пусть и считающиеся второсортными, но выученные на совесть. Иные спесивые высокородные господа не раз заявляли, что не стоит давать серьезное образование «быдлу», но Канцлер прекрасно знает о дикой нехватке ученых и инженеров...

Бывает по-разному. Скажем, Элкон, у которого нашли нешуточные способности к неким «кварковым биотехнологиям», в Лицей не пошел, несмотря на все уговоры, как раз потому, что заниматься хотел компьютерами, и только компьютерами, а Канилла, графиня Дегро, которой прочили карьеру А-физика (редкость для девушки), столь же твердо заявила, что ее привлекают электронные системы станцией наблюдения, а от А-физики ее форменным образом тошнит...

Одним словом, система давно отработана, наверняка охватывает и принцев короны, и, как в данном случае, малолетнюю императрицу. К чему же понадобилось созывать столь представительный совет?

Ага, вон оно в чем дело! Интересно, и весьма... О подобных исключениях из правил Сварог и не слыхивал — во всяком случае, Элкон ни словечком не упоминал...

Далее шел документ, подписанный тремя высокопоставленными чиновниками Магистериума и двумя магами Мистериора — тоже, судя по титулам, не последними людьми в своем заведении. Оказалось, во-первых, что Яна

уже освоила фамильную императорскую книгу заклиний, на год раньше обычного срока. Принц Элвар пояснил, что сделано это было по личному указанию императора, не соизволившего объяснять кому бы то ни было, даже родным братьям, мотивы своих поступков. Между прочим, это произошло через неделю после гибели императрицы (уж не предчувствовал ли император что-то такое? — подумал Сварог).

Гораздо интереснее оказалось «во-вторых». По единогласному мнению всех пятерых, подписавших сей меморандум, Яну попросту *н е л з я* было обучать с помощью тех самых аппаратов, в считанные секунды набивающих голову человека массой разнообразных знаний. Нельзя, и все тут, категорически. Первый случай за всю историю Империи. Всех поголовно можно, а Яну — нельзя. Чересчур велик риск, что кончится серьезным мозговым расстройством, а то и необратимым сумасшествием.

Вот это так бомба... Пятерка ученых мужей привела подробные и обстоятельные аргументы в пользу своего убеждения, занимавшие три листа. Вот только Сварог из всего этого не понял ни словечка. Канцлер, судя по всему, тоже — согласно следующей бумаге, он вызвал всех пятерых на совет, и объясняли они суть часа полтора — видимо, мучительно подыскивая наипростейшие объяснения сей высокоученой галиматье. И явно Канцлера в конце концов убедили. Поскольку он отдал приказ: механические средства обучения исключить полностью, все возложить исключительно на живых людей (ну, разумеется, компьютеры в роли подручных средств позволялись — но никакого технотронного воздействия на мозг). Интересные дела, покачал головой Сварог. Что же она за уникам такой? Из ученого меморандума понять решительно невозможно, как ни бейся...

Так что пришлось составить долгосрочную программу обучения, подробно расписанную, как и перечень ученых мэтров, коим предстояло стать прилежными преподавателями для одной-единственной ученицы. Поскольку без руководителя такие программы обставлять безусловно не стоит, после короткой дискуссии единогласно назначи-

ли на эту роль лейб-медика Яны, как-никак знавшего ее с младенчества. Для порядка приставили к девочке еще и двух пожилых фрейлин покойной императрицы (фрейлины свое звание сохраняют пожизненно). И, полное впечатление, решив, что сделали достаточно, создали действенный механизм, умыли руки, с головой уйдя в свои обычные дела. Длиннейшая вереница следовавших за этим историческим совещанием документов состояла из коротеньких, казенно-сухих отчетов опять-таки приставленного к девочке камергера двора: что преподают в данный момент, каковы успехи, а то и неудачи.

Начали, конечно, с того, что, по мнению царедворцев, в первую очередь необходимо монаршей особе: придворный этикет Империи и земных королевств, история императорской фамилии и Империи, геральдика и генеалогия земная и небесная, краткий курс истории земных государств. Легко представить, какое «удовольствие» доставляла эта заушь шестилетней девочке — тем более, что этот важнейший, по мнению царедворцев, курс растянулся на четыре года. Камергер частенько (и наверняка уныло) сообщал в еженедельных отчетах: «ее величество изволят капризничать», «ее величество изволят требовать, чтобы отведенное для занятий время сократили наполовину», «ее величество назвали тему урока пусть не непристойными, но безусловно неприглядными словами». И даже «ее величество отказались от урока, скрывшись за постами Бриллиантовых Пикинеров, куда преподаватель и госпожи фрейлины не имеют доступа!» Читая все это, Сварог только ухмылялся: вы бы ей еще вздумали А-физику преподавать, интеллигенты...

Худо-бедно, но обучение как-то продвигалось (судя по некоторым обмолвкам, после всевозможных компромиссов, послаблений и внеочередных развлечений в виде подкупа и поощрения).

Впрочем, самым печальным (Сварог это быстро понял) было даже не то, что на малолетнюю девочку обрушили горы зауми. Учить ее учили, но никто не воспитывал. Как это в обычае и на земле, Яне выделили в качестве «официальных друзей и подруг для игр и забав чуть ли не две дю-

жины ее ровесниц и ровесников из самых знатных семей. Больше половины из них, не придясь Яне по сердцу, со временем были по ее настоятельному требованию отставлены, зато остальные (кстати, те, кто сейчас почти поголовно служил у Сварога в девятом столе) стали настоящими друзьями и подругами (насколько можно быть другом или подругой императрицы). И все же... Возле нее так и не было никого, кого можно было назвать настоящим в о с п и т а т е л е м. Фрейлины на ту роль никак не годились. Вероятнее всего, и Канцлер, и высокие сановники в свое время просто не подумали, что воспитатель ребенку необходим...

Характер у Яны стал портиться на глазах, о чем прилежно и с тревогой докладывал уже лейб-медик. Лет в восемь с ней впервые случился п р и с т у п — тот самый всплеск неконтролируемой магии, что Сварог самостоятельно наблюдал у себя в замке, когда она рассердилась на канцлера. Сорвавшиеся с креплений роскошные люстры порхали по залу, пока не разбились об пол, плясала мебель, падали статуи, с одежды присутствующих облачка-ми разлеталось золотное шитье...

Встревоженному Канцлеру ни лейб-медик, ни маги из Мистериора не смогли объяснить, в чем тут дело. Честно признались: иная древняя магия императорской фамилии до сих пор секретом фамилии и остается. Секретом, недоступным даже принцам крови...

Диамер-Сонирил ясности внести не пожелал, сухо сообщив Канцлеру, что это секрет фамилии — в подтверждение чего, как и следовало ожидать, вывалив ворох параграфов, как он это прекрасно умел. Принц Элвар поступил и того проще: осушив стакан, буркнул: «Герцог, это дела семейные, и нечего тут вынюхивать...»

И случилось так, что именно принц Элвар, гуляка, бродяга и искатель приключений, проводивший в Каталауне больше времени, чем в небесных замках (но никак не глупец и не простак!), поправил дела. Вот уж о ком никак нельзя было сказать, что он пропил мозги... Вечный холостяк, он не представлял толком, к а к воспитывать малолетних детей, но каким-то здоровым инстинктом чувство-

вал, что воспитывать их н у ж н о. А потому назначил себя самозванным воспитателем, принялся за дело, как умел, даже подсократив ради такого случая употребление алкоголя (ну, примерно наполовину). И заявил канцлеру, что всю эту «церемониальную заумь следует крепенько подсократить, то есть отводить ей лишь половину прежнего времени — ну, а об остальном он сам позаботится, пока девчонка и в самом деле не повредила умом от всей этой белиберды, которой сам он в свое время обучался через пень-колоду и не считает, что это пошло ему во вред.

За воспитание племянницы (которую искренне любил, в отличие от Диамер-Сонирила, тот к Яне был равнодушен, впрочем, как и ко всем без исключения обитателям Империи) принц Элвар взялся незатейливо, как уж ему душа подсказывала. Он просто-напросто практически каждую неделю забирая Яну с собой в Каталаун, таскал за собой по деревенским праздникам, свадьбам и прочим торжествам (а когда чуть подросла, стал брать и на охоту). Более того, он ее регулярно брал в гости, когда отправлялся к своей очередной тамошней подруге. Благо все они наперечет были не какими-то там гулящими девками, а вполне приличными одинокими женщинами с неустроенной судьбой, часто — молодыми вдовушками с детьми. При той невероятной популярности, какой пользовался в Каталауне принц (иные его именовали некоронованным каталаунским королем, к хорошо скрываемой досаде земных владык, коим принадлежали те или иные области Каталауна), его племянницу везде принимали со всем радушием, женщины сплошь и рядом видели в ней не блестящую императрицу, а «бедную сиротинушку», так что кое-какую долю женского тепла и участия она получила. Канцлеру эти регулярные поездки в Каталаун были крайне не по нутру, но против принца короны он был бессилен — ну, что поделать, если принц располагался выше всех и всяческих законов? Да к тому же самой Яне такое времяпровождение нравилось ужасно. Единственное, что мог сделать Канцлер в компании с Гаудином, — постараться, чтобы Яна всегда была надежно прикрыта группой телохранителей.

В самом начале, когда принц только приступил к воспитанию на свой лад, он привез из Каталауна одну из лучших бабок-сказочниц, знавшую невероятное количество сказок, легенд, баллад, песен и баек из жизни. А чуть погодя через своих ронерских знакомых сманил на небеса старуху Грельфи — чтобы развлекала Яну безобидными, но эффектными колдовскими штучками. Бабку поселили в Келл Инире, применив официальную формулировку «состоящая при императорских покоях прислужница», а для Грельфи оборудовали тот самый летающий островок-декорацию, где Сварог и побывал вскоре после прибытия сюда.

Снимков Яны (украдкой сделанных в Каталауне соглядатаями канцлера) в отчете хватало. И Сварог признал, что принц, несмотря на все его чудачества, выбрал правильный путь. К двенадцати годам Яна форменным образом расцвела, еще больше похорошела, выглядела на пару-тройку лет старше, отлично ездила верхом, умела танцевать все каталаунские танцы, стрелять из лука и мушкета, имела на счету пару оленей, кабана и несколько зайцев с лисицами, научилась даже печь пироги. Ничего похожего на ее прежние снимки — мрачноватая, неулыбчивая, губы плотно сжаты, в глазах устойчивая тоска...

Один только раз случился мелкий досадный инцидент. В Каталауне взрослеют быстро, и за девушками возраста и облика Яны местные парнишки уже пытаются неуклюже и застенчиво ухаживать. Ну, а Яна изрядно п р о н и к л а с ь Каталауном... В общем, на одной из шумных свадеб Элвар чисто случайно обнаружил, что племянница и младший брат жениха, парой лет ее старше, целуются за углом амбара — впрочем, робко и неумело. Яна получила легонький подзатыльник, ее кавалер — полновесный, оба выслушали серьезную нотацию с упором на то, что дело тут не в императрицах и крестьянах, а просто обоим еще рановато подражать взрослым. После чего Элвар через своих многочисленных тамошних приятелей велел потихоньку распуścić известие: ежели кто-то его племянницы коснется хоть пальцем не в танце, жутко и думать, что ждет виновного. К каковому известию все отнеслись

очень серьезно. Канцлеру, конечно, настучали, и он в деликатных фразах выразил принцу неудовольствие, но тот, вынудив его хлопнуть стакан из своей верной баклаги, отмахнулся: ничего страшного, если девчонка двенадцати лет однажды неумело чмокнула парнишку, главное, меры приняты, больше такого не повторится, слово принца короны... И не без ехидства добавил: по достовернейшим данным, собственная доченька Канцлера, всего-то на год старше Яны, намереди в темном уголке Изумрудной лестницы целовалась с пажом и, по докладам, не так чтобы робко и неумело... У принца Элвара, как ему и полагалось по титулу, имелась и своя свита, и гвардейская рота, и библиотечарь, и канцелярия с должным количеством соглядатаев. Другое дело, что из-за образа жизни принца все это немалое количество людей бездельничало годами, помаленьку зверея от скуки.

Как явствовало из множества бумаг, составленных уже после событий, лучше бы было Канцлеру поглядывать в другую сторону. Да и принцу не помешало бы внедрить в свиту Яны парочку ловких соглядатаев. Да вот, проморгали. Никто и подумать не мог, что не на земле, а в Келл Инире к ней может подкрасться нешуточная беда...

Когда Яне было двенадцать, согласно давнему плану, ей предстояло пройти и курс изящных искусств. Кандидат в преподаватели имелся, как тогда полагали, великолепный: молодой, лет тридцати по земным меркам, герцог Наргел, старой, почитаемой фамилии, обладавший большими познаниями и опытом именно что в изящных искусствах. Коллекционировал живопись (был даже своим человеком на Бараглайском холме и Квартале Палитры в Сноле), сам недурно рисовал, особенно портреты дам, кроме того, в своем сильванском поместье устроил самую настоящую балетную школу, куда набирали ровесниц и ровесников Яны. Это длилось уже несколько лет, и повзрослевшие танцоры и танцорки «первого набора» не раз выступали с большим успехом и в Келл Инире, и при некоторых королевских дворах на земле (за что герцог удостоился нескольких земных орденов, имперской «Золотой Арфы» и мантии почетного члена Сословий Сво-

бодных Искусств в Снольдере, Ронеро и Лоране). Одним словом, самый подходящий человек, как было решено в свое время высокой комиссией еще пять лет назад.

Как выяснилось позже (когда все хватались за головы и наперебой обвиняли друг друга в преступном ротозействе), этот знаток и ценитель искусств, обаятельный красавец с великолепной репутацией при дворе оказался еще и блестящим конспиратором, ведущим двойную жизнь. Умен был, сволочь, и коварен... Никто об этом не подозревал (включая соответствующие службы Канцлера и Гаудина), что юные девицы из силванской балетной школы с самого начала служили ему натуральным гаремом. Таковы уж у него были пристрастия касаясь совсем юных. Нечто вроде герцога Лемара, только, пожалуй, погнуснее: Лемар, надо отдать должное прохвосту, все же таких вот малолеток никогда не трогал.

И этот живописец-балетоман, вульгарно выражаясь, положил глаз на Яну...

Учебные курсы никто не контролировал — в том смысле, что никому никогда не приходило в голову проверять, какими учебными пособиями пользуются на каждом из них. Камергер всего-навсего интересовался у очередного преподавателя, такого же благородного лара, как идут уроки, делает ли ее величество успехи или Канцлера особенно порадовать нечем. И со спокойной совестью отправлял очередную короткую отписку.

Воспользовавшись этим упущением, герцог старательно подобрал для Яны весьма специфический курс наглядных пособий (скульптура, живопись, поэзия и проза). Ничего не скажешь, он состоял исключительно из классики, небесной и земной, но эта классика, вместе взятая и по отдельности, категорически не годилась для девочки двенадцати лет, которой рано было столь углубленно, долго и подробно знакомиться с иными сторонами взрослой жизни. И которая, как в том возрасте сплошь и рядом бывает, уже начала проявлять робкий интерес к этим самым сторонам и успела пару раз поцеловаться...

Все эти «пособия», до одного, имелись в отчете (где, начиная с того момента, бумаги помечались уже гораздо бо-

лее высокой степенью секретности, предназначаясь лишь для обоих принцев, Канцлера, начальника его разведки и Гаудина). Книги Сварог даже бегло читать не стал — он знал несколько названий, парочку одолел в свое время, а что до остальных — хватило иллюстраций. Альбомами Седеса и Каранто, пусть они и великие художники, следовало долго и старательно дупить по голове того, кто их подсунил двенадцатилетней девчонке, пусть и выглядевшей старше своих лет, — как и увесистым томом сонетов Жега Маделара. Ну, и все остальное было того же пошиба. Все было рассчитано на то, чтобы мягко и ненавязчиво, вливая отраву по капельке, оказать на девчонку определенное действие и как следует разжечь неподходящее в ее возрасте любопытство...

По этому, с позволения сказать, курсу изящных искусств Яна занималась четыре месяца — как кое-кто и рассчитывал, с большим интересом, даже резко сократив поездки в Каталаун. Естественно, у нее возникало много вопросов — на которые учитель отвечал подробно, тактично, деликатнейшим образом подбирая слова. Что служило очередными капельками яда. Ни разу за эти месяцы герцог не попытался выйти за рамки отношений «учитель-ученица». Потом стало ясно, что это не самодеятельность записного педофила, вздумавшего украсить свою коллекцию редкостной жемчужиной, а заговор, и серьезный — но позже, гораздо позже... А пока что меж девочкой и мэтром установились весьма доверительные отношения и разговоры шли очень уж откровенные — ну не с кем взрослеющей девочке было откровенно поговорить о некоторых вещах — не с фрейлинами же. Тем более что к тому времени Яна уже порой перешептывалась с подружками о том и о сем, чего благонравные девочки из хороших семей вроде бы еще знать не должны. Однако любовью дворец — никак не монастырь, тут даже юные девицы невольно насмотрятся и наслушаются всякого. А герцог искусно вел свою партию — так что Яна, как со многими до нее случалось, р е ш и л а, будто в него влюблена. Тем более что парочка ее подруг уже призналась ей в том же самом — правда, в отношении других объектов...

Лейб-медик, благообразная сволочь, которого Яна знала с тех самых пор, как себя помнила, в заговоре состоял, как позже оказалось, с самого начала. Именно он, когда Яна в очередной раз захандрила и стала рваться из Келл Инира все равно куда, и предложил Канцлеру вроде бы абсолютно безобидную идею. Сменить обстановку полностью, самым решительным образом. Отправить императрицу на Сильвану недели на две, без обычной надоевшей свиты, «официальных друзей и подруг» и осточертевших фрейлин (которых, Канцлеру самому должно быть известно, Яна и ее друзья иначе как «копченными селедками» за глаза не именуют). Чтобы прожила эти две недели в поместье герцога, училась бы там танцам, общалась исключительно с балеринами, своими ровесницами и даже жила бы вместе с ними в общей спальне.

Сама Яна эту идею приняла с несказанным восторгом и заявила, что готова отправиться на Сильвану немедленно. Канцлер, не особенно и раздумывая, идею одобрил. Не господь Бог и не первый мудрец Вселенной, он просто не ожидал т а к о й наглости и т а к о г о коварства. К тому же они с Гаудином были тогда замотаны, как ломовые лошади, с головой уйдя в распутывание и урегулирование головоломной и тяжелой интриги — как позже выяснилось, инсценированной заговорщиками для отвлечения внимания от Сильваны.

Одним словом, девочка сама кинулась в мастерски поставленную ловушку. Привыкла, что императрица всегда находится в совершеннейшей безопасности, особенно в имени человека с прекрасной репутацией, в которого она к тому же... А тут еще лейб-медик, сука гладкая, перед отлетом на Сильвану очень деликатно и тактично дал примерно такое напутствие: вполне возможно, ваше величество, вы там столкнетесь с чем-то, с чем прежде не встречались, и там будут происходить непривычные для вас вещи, но пугаться этого не следует, все люди взрослые и вы тоже, у взрослых появляются новые интересы и желания, которые не стоит сдерживать, собственно говоря, заверяю авторитетно, вам следует рассматривать

все происходящее как очередной курс обучения, который проходят все благородные девицы...

Конечно, на Сильвану с ней отправились гвардейцы, телохранители и слуги, среди которых имелись агенты как Канцлера, так и Гаудина. Однако гвардия и охрана в таких условиях несут службу в отдалении, охраняя скорее подступы к поместью, а слуги не топчут по пятам и не дышат в ухо, в особенности если императрица им приказывает реже попадаться на глаза. И уж тем более не имеют доступа в девичьи спальни. Так что Яна с самого начала самым тесным образом общалась с двумя дюжинами балерин, герцогских шлюшек, форменным образом отгородивших ее якобы невзначай от прилетевших с ней слуг.

С этими юными шлюшками взрослые, коварные, умные и циничные люди предварительно работали долго и старательно, распределяя роли, мизансцены, доверительные рассказы и якобы случайные вопросы. Крутая была дрессировочка, как потом выяснилось.

Задача была поставлена четко и недвусмысленно: лишь самую капельку выходя за пределы положенного почтения к венценосной особе, мягко, деликатно и неустанно о б р а б а т ы в а т ь ее днем и ночью. Внушать, что в ее годы близость с мужчиной — самое естественное дело, рассказывать, как это приятно и увлекательно, делиться собственным богатым опытом, самую чуточку посмеиваться над ее невинностью, твердить, как влюблен в нее герцог, ссылаться на многочисленные примеры из того же курса классики...

Балеринки оказались обаятельными, веселыми и остроумными девчонками, к тому же ничуть не похожими на ее прежнее окружение, — и Яна, в восторге от столь необычного отдыха, сдружилась с ними моментально. Два дня она старательно разучивала балльные танцы, и все это время действие понемногу раскручивалось: фривольные разговорчики, пикантные анекдоты, сначала ее учили не стесняться танцевать в одном только прозрачном балахоне перед музыкантами и балетмейстерами, потому что они не более чем слуги, а слуга, собственно, и не мужчина вовсе, а предмет мебели, живой инструмент (эти поуче-

ния, Впрочем, ничем не отличались от тех, которые Яна выслушивала в Келл Инире с раннего детства). Потом учили не стесняться еще более скудно одетых партнеров-мальчишек, речь ведь идет о большом искусстве (и это внутреннего сопротивления не встретило, Яна не раз бывала в балете).

Яд сочился по капельке, особенно ночью в общей спальне. Те же фривольные истории из собственного опыта, взрослые тайны, продиктованные вроде бы чистой воды любопытством, расспросы о любовных отношениях при императорском дворе. Признаться по совести, такая девичья болтовня свойственна не одним только злчным местечкам вроде герцогского гарема. В отчете отыскалась бумага, где некий агент Канцлера, явно пытаясь задним числом оправдаться, уверял: по достоверным данным, в Келл Инире императрица и ее «официальные подруги» порой вели столь же фривольные разговоры. Переходный возраст, ничего не поделаешь...

На третью ночь Яну, без всякого труда, достаточно шутиливо взяв «на слабо», научили танцевать *тоголаду* с раздеванием, здешний аналог стриптиза. На четвертую, опять-таки без особого труда, затунули в эротические игры изрядно развращенных балеринок. На пятую в спальне объявилось несколько мальчиков-балерунчиков, и игры стали еще фривольнее.

Сварог временами поскрипывал зубами, читая подробные протоколы допросов. Самое печальное, что юная девушка участвовала во всех этих забавах собственной волей: переходный возраст, любопытство, стремление ни в чем не уступить новым подругам, раскованным и познавшим все на свете. Да и лейб-медик, которому она привыкла доверять, высказался достаточно определенно. Девчонка не понимала, что ее умело развращают, шажок за шажком...

В ту ночь она проиграла три раза. Один раз, платя проигрыш, пришлось танцевать *тоголаду* для всех, дважды она на квадранс уединялась с парой мальчиков в задней комнатке, откуда выходила красная до ушей — руки выигравшие распускали изрядно.

Все дело в обстановке, которую для нее искусно создали. Ни тени принуждения или грубости, отношение самое почтительное, разве что с легонькой ноткой фамильярности, вполне уместной в этих обстоятельствах. Даже тогда, в задней комнате белозубые юные красавчики держались предельно вежливо. Обаятельные улыбки: «Яна, ты позволишь?», «Я расстегну, да?», «Можно, я сниму?» Восхищенные взгляды: «Ты лучшая на свете!» Хитрые подначки: «Яна, ты сама согласилась играть, но никто здесь никого не неволит, можешь уйти в любой момент, если считаешь, что еще маленькая для таких игр...» Постоянные комплименты: «Яна, ты чудесная! Мы слышали, ты надутая чванная злючка, прямо-таки боялись тебя поначалу, а ты такая... Ты такая...»

Потом она, по прекрасно знакомой Сварогу азартности характера, сама ввязалась в игру посерьезнее, прекрасно зная к тому времени, что проигрыши в этом случае платят уже «игрой на флейте любви». Разумеется, все было подстроено так, что выиграть она не могла ни разу, ни при какой погоде... И более часа провела в одной из задних комнат с тремя танцорами. Обаятельные мальчики потешились вволю, изощряясь, как только возможно в такой ситуации. Понятно, какие побуждения ими двигали, кроме старания прилежно выполнять герцогские приказы: антланцы, вечные холопы, быдло — и вдруг им выпадает случай сделать «флейтисткой» саму императрицу. В чем они потом признавались на допросах — несомненно, лязгая зубами и белые от ужаса...

Вся эта компашка старательно докладывала герцогу о малейших деталях. Было отмечено, что на следующую ночь, когда снова явились обаятельные, вежливейшие юнцы, Яна держалась уже совершенно спокойно, обвыклась и освоилась, оказавшись в результате неизбежных проигрышей в задней комнате, уже не краснела почти. Глупенькая девочка начала привыкать к новым забавам. Сварог выругался поначалу, читая очередные показания, но потом подумал не без самокритичности: собственно говоря, в полузабытые советские времена в старших отрядах пионерских и спортивных лагерей порой после отбоя

происходили вещи, не особенно и отличавшиеся от кропотливо описанных забав. Старо, как мир: девочки торопятся познавать жизнь...

Те, чьи приказы выполнял герцог, задачу перед собой поставили серьезную: развратить Яну до крайних пределов, посадить на подобные развлечения, как на наркотик, заставить видеть только в них цель и смысл жизни. Благо в таком возрасте из человека можно при известном мастерстве вылепить что угодно... Впрочем, и настоящие наркотики — пресловутая курительная дурь с островов — тоже планировалось пустить в ход чуть попозже. Хотели добиться, чтобы к совершеннолетию стала законченной шлюхой и наркоманкой, которой дела Империи абсолютно неинтересны. Ну, а правила бы другие, найдя способ избавиться и от Канцлера, и от Гаудина, и от полудюжины крупных фигур. Ни крови, ни трупов. Ни переворота, ни отречения, ни самоубийства — просто-напросто императрица стала бы чисто декоративной фигурой, а Империя перешла бы в другие руки...

Сварог нигде не нашел прямых аналогий и упоминаний, но у него создалось впечатление, что заговорщики прекрасно помнили историю Элтис Лоранской двухсотлетней давности. Юную королеву, в четырнадцать лет оставшуюся без родителей и взошедшую на трон, точно такие же умные и коварные господа сановники мастерски приохотили ко всем видам любви и многодневным попойкам. В истории можно насчитать немало королей, которые, не чураясь ни любовников, ни пиров, тем не менее долго и толково правили железной рукой. Элтис оказалась слаба — и последующие десять лет, пока королева все свободное время без остатка делила меж мягким ложем и пиршественным столом, страной правил вкупе с сообщниками некий граф, дальний родственник правящей династии. В конце концов его все же зарезали «товарищи по партии», решив, что зарвался и забрал себе много воли, — но последующие восемь лет ничего в жизни королевы не изменили. Потом, правда, когда она умерла, перебрав то ли вина, то ли возбуждающих зелий, ее племянник, до того много лет притворявшийся безобидным

дурачком, сумел привлечь на свою сторону гвардию, перерезал кучу сановников и правил долго, но это уже другая история...

В очередную ночь Яну с таинственным видом зазвали в уединенную спальню, где уже поджидал герцог с огромным букетом лилий (здешний символ беззаветной любви), проникновенными, романтичными признаниями в любви и даже легонькими намеками на самоубийство в случае ее холодности. Неделя о б р а б о т к и свое дело сделала — Яна и не подумала уходить. Была «флейта», был «шмель в розовом бутоне», но до г л а в н о г о все же не дошло, Яна в последний момент испугалась. Правда, пообещала через день-два, окончательно собравшись с духом, уступить. Герцог, разумеется, был сама галантность, заверяя, что готов ждать. Потом показал ей видеозапись одного из «заседний» Академии Лилий королевы Дайни Барг и сказал, что следующей ночью здесь состоится нечто подобное, только еще более роскошное и красивое — и он намерен сделать Яну королевой праздника.

Очень возможно, так бы и произошло. А на оставшуюся неделю, как выяснилось на допросах, для нее была приготовлена обширная программа: всевозможные групповухи, все виды любви, какие только могут прийти в голову здешней публике, наркотики и немало прочей гнуси. К а к о й она уехала бы отсюда, и думать не хочется. Ну, а в Келл Инире ее, конечно, не оставили бы в покое, закрепляя успех.

Читая все это, то и дело взбадривая себя келимасом, Сварог все же подсознательно надеялся на счастливый финал: вспоминал тот ее визит к нему, когда она, стоя возле панно с единорогом, аллегорическими фразами призналась в недавней потере невинности. Следовательно, отсюда она отбыла невинной, черт возьми!

Так оно и оказалось. Случалось уже, что весьма даже ловкие и коварные заговорщики проваливались оттого, что все внимание уделяли равным себе по положению, а на всевозможную мелочь не обращали внимания со всей дворянской спесью. Впрочем, тут был еще и счастливый случай...

Бабка-сказочница, все еще состоявшая при дворе, от скуки бродила по покоям Яны, куда имела беспрепятственный доступ (кроме комнаты личной связи Яны, но туда из знатных-то допускались считанные единицы). В конце концов она отправилась в учебный зал, битом набитый «наглядными пособиями» в надежде отыскать там что-нибудь интересное для обозрения (как раньше там же в отсутствие Яны и очередного учителя любовалась загадочными приборами и механизмами, непонятными, но крайне интересными на вид).

Интересного она там обнаружила целую грудую, начиная со статуй и статуэток, по ее собственному выражению, «похабных донельзя». Потом, то и дело отплевываясь, полистала альбомы Седеса и Каранто и пару-тройку других. Ни писать, ни читать она не умела, но картинки в книгах говорили сами за себя. «За что ни возьмись — похабень!» — прокомментировала она потом.

Бабка призадумалась своим цепким и практичным деревенским умом. С одной стороны, она давно знала, что у высоких господ свои нравы и причуды. С другой же... Четыре года она прожила в Келл Инире, общаясь, понятно, исключительно со слугами (а слуги, как известно, всегда знают о господах больше, чем те сами о себе), так что кое-какое представление о нравах и обычаях дворцовой жизни составила. По этим представлениям выходило: в з р о с л ы е высокородные господа, конечно, позволяют себе изрядную вольность нравов, но вот четыре месяца подряд учить двенадцатилетнюю девчонку с помощью всей этой «груды похабени» — получается как-то и неправильно. Особенно если учесть, что она была свидетельницей того, как принц Элвар влил по подзатыльнику Яне и тому парнишке за безобидный, в общем, поцелуй. «Ну вот нюхом я чувствовала, господин Гаудин: тут что-то неправильное, воля ваша!»

К кому из высоких господ обратиться, она просто не представляла. Как искать принца, решительно не знала — видеосвязь она освоила ровно настолько, чтобы связываться с подругой, старухой Грельфи.

Она и связалась. И поделилась сомнениями: как-то это оно, пожалуй, неправильно... Господские нравы, конечно,

для простого человека — темный лес, но все равно, что-то тут не то... Девчонка ж совсем... Вон, за простой поцелуи получила по шее от его высочества, а тут...

Грельфи, с ее острым как бритва, умом не тратила времени на охи и ахи. Подробно расспросив бабку обо всем, что она там видела, велела сесть где-нибудь тише воды, ниже травы. И отключилась. После чего, владея видео гораздо лучше сказочницы, стала разыскивать принца Элвара. К счастью, он не болтался в очередной раз по каталаунским чащобам, а пировал у себя в маноре со своими гвардейцами и пребывал еще в том состоянии, когда мог воспринимать окружающее довольно здраво.

Принц, давно уже знавший, что старая колдунья — женщина большого ума и паниковать по пустякам не станет, нисколько не колебался. Он прихватил своего секретаря (радешенького, что после долгого безделья подвернулось хоть какое-то дело), двух сыщиков из своей канцелярии, сделав крутая, забрал еще и Грельфи, зная массу интересных способностей, которыми она обладала, — и полетел напрямик в Келл Инир.

Тщательно осмотрев «учебные пособия», он высказал вслух мысль, что тут и в самом деле что-то нечисто. Секретарь (исполнявший еще и ничуть не обременительные обязанности библиотекаря) поддакнул, добавив, что ему приходилось где-то читать о подобных случаях — когда юных девиц мастерски совращали при помощи таких вот «курсов». Сыщики высказались в том же духе. Грельфи заявила, что з д е с ь она ничего такого не чувствует, здесь ничего т а к о г о не происходило, но все это, голову на отсечение, насквозь неправильно...

Принц был давним и заядлым охотником — и в принципе то, что пришло ему в голову, от охоты отличалось мало. Отправив две виманы в Каталаун, он поднял свою гвардейскую роту, посадил ее на три межпланетных бранганта, способных достигать соседних планет за какой-то час, — и на полной скорости помчался на Сильвану.

Оставив две машины с большей частью гвардейцев на орбите, он приземлился в поместье, где его со всем должным почтением встретил герцог.

Не было ни взрыва ярости, ни даже скандала. Давний и заядлый охотник — а это занятие не терпит ни вспыльчивости, ни поспешности, — принц с безмятежным видом налил герцогу стакан из своей баклаги (пришлось выпить, а куда денешь, получить что бокал, что простой стакан из рук принца короны — большая честь). Тогда принц с самой теплой и безмятежной улыбкой объявил, что решил вот взглянуть, как идут дела у племянницы в овладении бальной премудростью.

Как может отказать герцог в подобной просьбе его высочеству? Они направились к летнему амфитеатру — принц с герцогом, пара гвардейцев (старательно делавших вид, что они тут чисто для почета) и старуха Грельфи, на вид благостная и отрешенная, но уже пустившая в ход незаметно для окружающего мира кое-какие свои ухватки.

Уже само по себе зрелище Яны, в одной коротенькой прозрачной тунике танцевавшей под приятную музыку с полудюжиной подруг, принцу доброго настроения не прибавило (надо сказать, балет он не понимал и терпеть не мог). Однако он сдержался, сделав вид, что речь идет о каком-то пустяке, отвел старушку в сторону и поинтересовался:

— Ну как?

Грельфи ответила шепотом:

— Ваше высочество, блудом здесь несет, как из нечищенной конюшни навозом. И от нее, простите великодушно, тоже уже пахнет изрядно. А тот, — она повела глазом в сторону герцога, — успел руку приложить, от него и кожей пахнет...

Дальнейшее разворачивалось молниеносно. Двое гвардейцев моментально по знаку принца сгребли герцога. Остальные, выскочив из браганта, заняли позиции. С небес тут же обрушились две машины с остальными.

Заметившие что-то неладное и сбежавшиеся сюда гвардейцы с телохранителями, узнав принца и подчиняясь его грозному рыку, проворно выстроились в две шеренги с приказом так и стоять, под ногами не путаться. Гвардейцы принца быстренько прочесали поместье, со-

гнав к амфитеатру всех его обитателей, — а потом, вместе с балеринками, загнали в самое большое здание с приказом охранять и ждать дальнейших распоряжений. Напоследок принц приказал уничтожить здешний узел связи к чертовой матери. И стал полным хозяином положения. Одна только Яна стояла посреди амфитеатра, уронив руки, и округлевшими глазами таращась на непонятные события.

— Он не один, — шепнула Грельфи на ухо принцу. — Он только подручный,

— Разберемся, — заверил принц.

Не тратя времени на долгие объяснения, он попросту сдернул с одного из гвардейцев плащ, закутал Яну и буквально за шиворот потащил ее в брагант, по дороге отдав гвардейцам дополнительные распоряжения и оставив обоих сыщиков, чтобы в темпе начали расспросы.

Когда брагант несли к Талару, принц затащил все еще удивленно хлопавшую глазами Яну в небольшую комнатку, выставив оттуда штурмана, не утерпев, опрокинул стакан и два счета объяснил племяннице, куда она попала и что с ней, без всякого сомнения, намеревались сделать. Не то чтобы он особенно не выбирал выражений, но лексиконом пользовался довольно вольным. Потом потребовал не хныкать, а рассказать, чем она тут занималась, напирая на то, что там, за дверью, старуха Грельфи, которая без всяких сыщиков докопается до правды.

Яна уже ревела в три ручья, рассказ обо всем здесь пережитом пришлось вытаскивать буквально по крошечке. Впрочем, принц не особенно увлекался деталями, перестал, когда понял, что г л а в н о г о не произошло. К тому же его крайне заинтересовало упоминание Яны о лейб-медике и его наставлениях. Принц, какой-никакой завсегдатай двора, прекрасно знал, что эта парочка, герцог и медик, никогда не были не то что друзьями, но даже добрыми приятелями. А потому начал думать (вспомнив к тому же последнюю реплику Грельфи), что речь идет, пожалуй, о натуральном заговоре. После чего вышел и с большой сноровкой принялся бить герцогу морду, угрожая, что вот прямо здесь, своим неразлучным охотни-

чьим ножом отхватит нечто крайне герцогу дорогое, если немедленно не услышит пары-тройки имен, — за какую хирургическую операцию ему ничего не будет, ясен пень.

Он был не на шутку страшен — громадный, пьяный, расхристанный, со сверкающим ножом в добрый локоть, зажатом в волосатом кулаке. Герцог, прекрасно знавший, что принцу и в самом деле ничего не будет, заложил лейб-медика, еще парочку высоких господ, потом, как это часто случается, затянул длинный, плаксивый рассказ про то, как его, голубиную душу, обманом заманили, совратили с пути истинного и вовлекли во всякие непотребства коварные, злые люди. Сам он пошел на это исключительно из-за беззаветной любви к Яне, от которой давно потерял голову. Эти излияния души были бесцеремонно пресечены принцем пинком под ребра.

Когда брагант прибыл в манор принца, там уже дожидались прибывшие на тех самых двух виманах из Каталауна с полсотни старых знакомых, сподвижников по охотам и гулянкам (добрую половину из них принц избавил кого от решетки, кого от чего похуже). Особого уважения к здешним высоким господам эта лихая публика не испытывала, а за принцем готова была в огонь и в воду...

По приказу принца двое из них, достав ножи, занялись герцогом уже не спеша и обстоятельно, громко комментируя предстоящие манипуляции. Обошлось без особого членовредительства, все ограничилось парой царапин — герцог, впервые в жизни угодивший в такую ситуацию, сыпал именами и подробностями так, что секретарь едва успевал записывать.

К некоторой радости принца, ни Канцлера, ни Гаудина среди заговорщиков не оказалось. Однако Элвар решил все же преподать урок кое-каким самонадеянным разгильдяям, за мелкими интригами проглядевшим столь серьезный заговор. Благо времени у него хватало, если верить герцогу (а ему, пожалуй, можно было сейчас верить), в заговор не вовлечен никто, имевший бы отношение к гвардии, армии или Серебряной бригаде, так что вооруженного противодействия опасаться не следовало.

Бабку Грельфи принц отправил успокаивать все еще рыдавшую Яну. Двух оставшихся при нем гвардейцев — арестовать лейб-медика (остальные, пожалуй что, могли и подождать, никуда не денутся). Сам же с полусотней каталаунцев вылетел в манор, где располагался Кабинет Канцлера, представлявший собой красивое трехэтажное здание, ничуть не похожее на крепость. Охраны там было — по пальцам пересчитать, четверо или пятеро облевившихся гвардейцев, прекрасно помнивших, что этот манор в жизни не подвергался нападению, штурму, налету. День к тому же выдался воскресный, выходной, так что в здании был только Канцлер и полдюжины дежурных чиновников. Свое подразделение спецназа у Канцлера, как и у Гаудина, имелось, но дислоцировалось оно в Келл Инире.

Так что здание было занято в считанные минуты. Принц прекрасно знал его планировку — и оттого нападавшие первым делом ворвались на узел связи и в кабинет Канцлера. Невооруженные связисты сдались без сопротивления, не особенно и рассуждая, — благородному лару приставленный к горлу клинок опасен не менее, чем обитателю земли... Точно так же и секретарь в приемной Канцлера смиренхонько встал к стеночке под нацеленным на него клинком, не задавая излишних вопросов. В общем, Канцлер был в одночасье лишен связи с внешним миром и решительно ничем не мог более управлять.

В кабинет к нему принц Элвар ввалился в одиночку — чтобы не посвящать спутников, пусть и старых друзей, в иные неприглядные секреты. Кратенько обрисовал, как обстоят дела в данном маноре и любезно попросил не дергаться.

Сохранивший полнейшую невозмутимость Канцлер поначалу поинтересовался, не есть ли происходящее с принцем помрачением ума от келимаса — должно же таковое когда-нибудь наступить после стольких лет беспросветного пития? Принц гордо отвечивал, что он и пьяный ловчее и сообразительнее иных трезвых. Кратенько рассказал о происшедшем, предъявил составленный секретарем список заговорщиков, заверил, что один

пленный, дающий у него в маноре искренние показания, уже есть. И в завершение посоветовал (правда, под его бдительным присмотром) связаться с его манором.

Канцлер связался. Увидел на экране все еще хныкавшую Яну, закутанную в гвардейский плащ поверх прозрачной бальной туники. Утешавшая ее Грельфи, завидев Канцлера, тут же, не выбирая выражений, высказала все, что думает об уме и расторопности его и Гаудина, едва не проглядевших, как императрица по милости людей, в первую очередь и обязанных ее беречь, как зеницу ока, едва не вляпалась в большую и серьезную беду.

Только тогда Канцлер поверил. Грельфи он недолюбливал за ее привычку частенько резать правду-матку в глаза, невзирая на лица (хитрая ведьма прекрасно понимала, что пока она служит при императрице, ни Яна, ни принц Элвар не дадут ее никому пальцем тронуть). Но относился к ней достаточно серьезно. Никаким дурацким розыгрышем и не пахло.

Канцлер вскричал, что следует действовать. Принц Элвар, не убирая прихваченного из манора меча в ножны, ответил, что неизвестно еще, кто будет действовать. Поскольку у него есть сильные подозрения, что Канцлер с Гаудином, хотя и не значатся в наспех составленном списке заговорщиков (включаящем, возможно, далеко не всех), могут тоже состоять в заговоре. Иначе как же случилось, что они просмотрели т а к о е? Из чистого головотяпства? Ой ли?

Канцлер, надо полагать, взвился. Вряд ли принц верил, что замешаны и он с Гаудином, — наверняка хотел просто-напросто в отместку за нешуточное разгильдяйство наказать легоньким моральным террором. Сухие строки отчета детали обходили молчанием, но, несомненно, состоялся разговор на повышенных тонах (в той степени, в какой опытный царедворец Канцлер мог себе это позволить, пререкаясь с принцем короны). Принц Элвар грозил, что объявит Угрозу Короне, вышибет в отставку не только Канцлера с Гаудином, но и дюжину-другую занимающих высокие посты, не даст возможности собраться ни Тайному Совету, ни Палате Пэров (поскольку и там

могут оказаться заговорщики), созовет Ассамблею Фамилии (все без исключения принцы и принцессы), подтянет туда гвардию и в два счета большинством голосов изберет себя, учитывая молодость Яны и вопиющую некомпетентность разогнанного руководства, Временным Хранителем Трона. И уж тогда покажет всем, с какого конца у черепахи хвост...

Канцлер, несомненно, пережил немало неприятных минут и оказался в отчаянном положении: ситуация вполне позволяла подверстать это дело под эдикт об Угрозе Короне, и принц имел полное право все это проделать. Тем более что гвардия за ним, безусловно, пошла бы, а у Канцлера не было никаких законных возможностей этому помешать, разве что поднять мятеж, на что он никогда не пошел бы...

Отчет умалчивал, как получилось, что принц отказался от прежних обвинений и спорщики помирились. Видимо, Элвар решил не затягивать забаву, поскольку нужно было действовать. Что он и разрешил великодушно Канцлеру, а сам, забрав каталаунцев, улетел к себе в манор — на Яну опять н а к а т л о, и со стен летели картины, мебель разлеталась в щепки, с треском рвались продольными лоскутами гобелены с охотничьими сценами, под потолком кружили сорвавшиеся с подставок олени рога и кабаны головы, воздух был полон пляской длинных сиреневых искр, слуги и гвардейцы попрятались кто куда...

В бумагах не значилось, как Элвару удалось в конце концов и ее успокоить, — видимо, их составители и сами не знали. Но удалось как-то. Яна потребовала у дядюшки немедленно увезти ее в Каталаун, и они отправились в замок принца в глухом ущелье, где Яна просидела неделю, категорически отказываясь возвращаться в Келл Инир, вообще разговаривать с кем бы то ни было н а в е р х у. Канцлер предложил принцу прислать пару хороших психологов, но Элвар, не особенно и дипломатично отказавшись, поступил по-своему: велел срочно доставить в замок двух давно знакомых ему знахарей из соседней провинции. Старички поили Яну какими-то травами, «вытгивали ладонями умственную боль», натирали какими-то

бальзамами, душевно с ней беседовали и за день почти полностью вернули душевное спокойствие. Ничего удивительного, Сварог был наслышан о таких вот лесных старичках от надежных людей...

Как оказалось, Яну больше всего удручало даже не то, что с ней проделывали в поместье, — к т о м у она отнеслась довольно спокойно, признавшись дядюшке в откровенном разговоре, что все это было не унизительно, а интересно и приятно. Ее невероятно ранило другое — что все эти веселые, дружелюбные, ласковые мальчики-девочки оказались подлецами. Девчонка впервые столкнулась с настоящим коварством, предательством, обманом...

Тем временем наверху бушевала п о т а й н а я гроза. Судя по очередным отчетам, Канцлер о с а т а н е л. Ко вполне понятной злости на заговорщиков, есть подозрения, примешивался и жгучий стыд за свои промахи и упущения. Белая тревога по нескольким секретным сетям связи. Гвардия и армия подняты в ружье и рассредоточены в ключевых точках. Боевые драккары Серебряной бригады, числом не менее дюжины, повисли над каталаунским замком принца. Боевые орбиталы получили сигнал «Пожар».

Вот тут Сварог испытал нешуточное удивление, впервые в жизни узнавши, что эти орбитальные автоматы, набитые серьезным оружием, предназначались не только для возможных боевых действий против земли, возникни такая потребность. Оказалось, что по этому самому сигналу боевые роботы могли в пару минут переместиться на орбитах так, чтобы держать под прицелом летающие замки ларов. Все до одного, даже Келл Инир, маноры принцев и самого Канцлера.

Начавшиеся аресты проходили так, чтобы не привлечь ни малейшего внимания окружающих. Заговорщиков тихонечко в ы д е р г и в а л и из маноров, с балов, из присутственных мест и казарм. После чего они попадали прямиком в пыточную к Канцлеру.

Здесь Сварог снова удивился не на шутку — оказывается, в распоряжении Канцлера и Гаудина имелась своя пыточная. Разумеется, она ничуть не походила на земные,

но с у т ь была та же. Хитрая аппаратура (некие «нейрогенераторы», «мнемозонды» и прочая замысловатая машинерия) вытаскивала из мозга допрашиваемого воспоминания на много дней назад и могла причинить нешуточную боль, правда, не физическую, но узнику от того не легче...

То же самое происходило на Сильване — потому что, оказалось, и там были сообщники. Не считая антланцев из герцогского поместья, было арестовано около пятидесяти благородных ларов, причем м е л к о т ы среди них обнаружилось мало. Высокопоставленных, к некоторому облегчению Канцлера, среди них не нашлось, но все же народец не из мелких: несколько камергеров двора, лейб-медик, чиновники, занимавшие не столь уж низкие посты в серьезных государственных учреждениях, даже парочка армейских офицеров и канцелярии, советник из восьмого департамента...

Клубок разматывали за сутки — и на конце его, к нешуточному удивлению Канцлера с Гаудином (да и читавшего все — это Сварога), оказался не кто иной, как его младшее императорское высочество, принц крови, мужчина средних лет, в списке возможных претендентов на престол в случае, скажем, внезапно умершей без наследников Яны и покинувших наш мир принцев короны, стоявший всего на предпоследнем месте (что означало: трона ему не видеть никогда в жизни, разве что большинство очереди скосит некий мор). Вот уж на кого бы подумали в последнюю очередь. Всю жизнь его полагали недалеким чудиком — анахорет, затворник, интересуется лишь своей богатейшей коллекцией бабочек, редкие виды для него на обеих планетах выискивают с полсотни обученных энтомологии — экспедиций из антланцев и нанятых на Таларе и Сильване ученых. В гости к нему старались не ездить даже ближайшие родственники, зная, что придется выслушивать часовые монологи об экспонатах коллекции. Молодая жена в конце концов не выдержала, согласно позволявшим такое законам, завела себе отдельный замок и жила весело (вот только любой, неосторожно ляпнувший слово «бабочка» либо «мотылек», из замка изгонял-

ся навсегда). Двое взрослых сыновей от первой, покойной жены тоже наносили батюшке визиты раз в год, когда к тому имелись церемониальные поводы и было не отвертеться.

В который раз оказалось, что в тихом омуте черти водятся. «Этот чудик, коего никто не принимал всерьез (а многие о его существовании, никогда не встречая ни при дворе, ни на балах, попросту забыли), оказался человеком коварного и острого ума, которому очень хотелось править Империей — пусть даже в качестве регента при к у к л е Яне. Впрочем, судя по имевшимся в деле намекам, проныра рассчитывал, укрепившись, сделать так, чтобы с к у к л о й произошел какой-нибудь несчастный случай...

Все, что касалось планов и намерений этой высокородной персоны, стало известно исключительно из показаний д р у г и х. Поскольку принцы крови, подобно принцам короны, стояли выше любых законов Империи. А потому вульгарно вызвать его на допрос, не говоря уж о том, чтобы арестовать, было делом немыслимым...

Кое-какие зацепочки все же сыскались. Поскольку были применены самые жуткие статьи Карного Кодекса «Государственная измена» и «Злоумышление против монарха», наказания в таких случаях не могли избежать и принцы, что крови, что короны. Правда, наказание, если разобраться, было прямо-таки детским: всего-навсего вечная ссылка на Сильвану по указу императрицы (Яна этот указ подписала через пару дней после возвращения в Келл Инир, недобро улыбаясь) — под неустанный присмотр, но в не такой уж убогий летающий замок с парком, соответствующий сану ссыльного. Древние традиции, что поделать...

Зато с остальными не церемонились. Благодаря двум вышеупомянутым статьям, законы позволяли вести суд не Суду Императорской Короны (чьи приговоры всегда оглашались), а Пылающей Скамье (состоявшей из двух принцев Короны, двух коронных прокуроров и нескольких высших сановников). Не предписывали (иногда такие дела, когда требовалась именно что огласка, передавались именно в Суд), но оставляли на усмотрение Канцлера с санкции императрицы.

Санкцию Канцлер получил без труда. Пылающая Скамья гуманизмом маяться не намеревалась. Все до единого антланцы, обитатели поместья герцога, навечно исчезли на какой-то сивльванской каторге для антланцев и вообще простонародья, подобно Катайр Крофинду, располагавшейся на каком-то отдаленном острове. Все без исключения благородные лары опять-таки навечно исчезли за черными воротами тюрьмы Лорс. П о д р о б н о с т е й не посвященные в тайну Высокие Господа Небес не знали до сих пор. Агенты Канцлера быстро распустили слух, что имел место о б ы ч н ы й заговор, что на Сильване собирались убить Яну и возвести на трон помянутого обожателя бабочек. О случившемся оживленно судачили чуть дольше обычного, учитывая личность главного заговорщика («Мы-то думали, а он-то оказался!»), но в конце концов перестали. Всей правды «общественность» так и не узнала, а те, кто ее знал, были предупреждены лично Канцлером: если хоть словечком проболтаются, пойдут той же дорожкой.

Вылетели из своих кресел человек пять из восьмого департамента, примерно столько же из Кабинета Канцлера, младший лейб-лекарь, трое из Канцелярии образования и добрая дюжина сановников Министерства двора. По большому счету — это все были чистой воды «стрелочники», практически ни в чем не виноватые, — но так уж в таких делах полагается, обязательно нужно разобраться как следует и наказать кого попало. Канцлеру как-то не хотелось отправлять в отставку самого себя — да и Гаудина он, поразмыслив, оставил на прежнем месте — и у него хватило совести не устраивать тому выволочку, потому что пенять следовало и на себя самого...

Зато отправленный в отставку начальник охраны Яны (которого и сменил тогда барон Абданк), по глубокому убеждению Сварога, вовсе не был невинно пострадавшим, поскольку по должности обязан обеспечить п о л н у ю безопасность императрицы. Сварог на месте Канцлера, пожалуй, и за решетку бы отправил...

Единственным избежавшим Пламенной Скамьи и вечного заключения оказался герцог Наргел — впрочем,

тем, кто оказался за решеткой и на каторге, завидовать ему не стоило. Принц так и не отдал его Канцлеру, как тот ни настаивал. Просто-напросто дня через три при дворе разнеслась весть, что герцог Наргел, приглашенный его высочеством на охоту в Каталаун (большая честь для любого дворянина), как-то так оплошал, что угодил в зубы Каталаунскому тигру, откуда уже не вырвался. Свидетелями сего прискорбного случая оказались как принц собственной персоной, так и добрая дюжина местных егерей. Мнения принца Элвара о законах и законниках (Сварог убедился на собственном опыте) сплошь и рядом расходились с общепринятыми — и, пожалуй, в данном конкретном случае Сварог в душе был полностью на стороне принца...

Естественно, задним числом все оказались невероятно умными и дельными. Охрану Яны заменили почти полностью и организовали так, чтобы впредь ничего и отдаленно похожего не повторилось. Принц Элвар, благодаря сыгранной им в событиях роли, какое-то время командовавший везде и всюду (что Канцлер переносил со стоическим смирением), не преминул внести свою лепту. В-первых, включил в охрану Яны четырех лихих молодцов из Каталауна (в Каталауне им, говоря откровенно, в силу житейской непоседливости стало жарковато, но принцу были преданы, как собаки). В-вторых, включил в ее свиту четырех опытных соглядатаев (самым вульгарным образом за приличные деньги к у п л е н н ы х им у одного из владельцев Вольных Майоров). И наконец, привез из Каталауна же тетку одной из своих тогдашних подруг, неграмотную, но умную, понимавшую жизнь насквозь, вдовую лет пятидесяти, после смерти мужа лет десять отлично управлявшуюся с немаленькой овчарней (и ухитрившуюся так наладить отношения с лесными удальцами, что за эти годы у нее ни овечки не пропало). Каковую своей волей определил в воспитательницы к Яне, заявив Канцлеру:

— Ни буковки не знает, зато баба золотая. Трех дочек подняла и замуж выдала, так что и тут не оплошает. Были тут уже грамотные и ученые... И что вышло?

Канцлер и это принял стоически — поскольку начал подумывать, что принц Элвар, даром что пьяница и полностью пренебрегающий придворным этикетом бродяга, все же часто бывает прав. Потому, когда Элвар привез седенького профессора из Ремиденума и объявил, что он-то и будет учителем изящных искусств, Канцлер встретил это без малейших эмоций, махнув рукой, удалился к себе и в одиночку прикончил бутылку келимаса, что ему было вообще-то не свойственно. А принц, поразмыслив и сочтя свою миссию выполненной, отправился в Каталаун и устроил там грандиозную гулянку в своем замке для всей округи — с фейерверком, плясками на лугу и купанием в пруду двух на свою беду оказавшихся поблизости королевских лесничих (правда, бедняг до смерти все же не закупали, а отпустили души на покаяние, дав денег и напоив).

Тем и кончилось. Никто ничего не узнал, со временем и официальная версия событий перестала быть интересной темой для пересудов. Разве что Яна еще с год форменным образом *ш а р а х а л а с ь* от юных дворцовых кавалеров, начинавших уже с ней флиртовать, не выходя за пределы строгого придворного этикета. Правда, через годик с лишним она, согласно донесениям, рассказала обо всем случившемся на Сильване лучшим подругам, Томи Ролатен и Канилле, но те, как и обещали, больше никому не проболтались. За это время с ней случилась еще пара *п р и с т у п о в* — но, насколько можно судить из казенных фраз, воспитательница в конце концов мягко и ненавязчиво, с деревенской простотой, но искусно *в ы п р а в и л а* ей душу, как хороший костоправ вправляет вывихнутый сустав, и Яна, пожалуй что, стала прежней, а эта грязная история отодвинулась куда-то далеко, как тяжелый сон... На имевшейся в отчете фотографии, сделанной за пару месяцев до появления здесь Сварога, она уже выглядела такой, какой Сварог ее привык видеть: веселая, беззаботная, улыбается, стоя с высоким луком возле мертвого вепря, утыканного доброй дюжиной стрел. На ней каталаунский наряд, пейзаж знакомый — видимо, очередная охота принца. Правда, телохранители придвинулись к

ней чуть ли не вплотную, чувствуется рука барона Абданка...

Оставив изображение на экране, Сварог долго смотрел на нее, откинувшись в кресле с нетронутым бокалом и хмурая лоб. После всего, что узнал, он не чувствовал к Яне ни злости, ни ревности. К кому? К глупенькой девчонке, чудом выбравшейся из серьезного переплета? Скорее уж, он испытывал нежность и жалость. И запоздавший на годы страх от того, что вся та затея могла и увенчаться успехом...

Уже из чистой педантичности он в быстром темпе просмотрел все оставшееся. Канцлер, чтоб ему ни дна, ни покрыва, до сих пор держал ее под строгим надзором: донесение о ее первой встрече со Сварогом, о том маленьком приключении в дворцовом парке, о полете к старухе Грельфи... Хорошо еще, что только следили, заразы, а разговоров не записывали... Отчета о том случае, когда при Канцлере и Свароге на Яну снова накатило, разумеется, нет, Канцлер не настолько уж бюрократ, чтобы самолично писать отчет о событии со своим собственным участием... Так-так-так... Глубокомысленное заключение какого-то субъекта в звании статс-медика и канцелярии советника, на бумаге с эмблемой Кабинета Канцлера: по мнению этого учено-канцелярского субъекта лорд Сварог, граф Гэйр никакой опасности для императрицы не представляет, поскольку, как явствует из донесений «соответствующих лиц», обращается с ней со всей возможной учтивостью и не проявляет ни малейших поплзновений... «Ну, спасибо, милостивец...» — покачал головой Сварог, лениво выругался и хлебнул келимаса.

Ну, никак не могут уняться, черти, до сих пор! Вот она, прилежно зафиксированная поездка в Хелльстад, когда Яна была порота, что вполне заслужила. Разумеется, заканчивается донесение унылой фразой, поневоле заставившей Сварога злорадно ухмыльнуться: «После пересечения объектами границы Хелльстада какое бы то ни было наблюдение стало невозможным». А что же вы хотели, у нас в Хелльстаде не забалуешь, таким, как вы, не разгуляться...

Ага, ага... Некий «Прыгунок» прилежно докладывает о маскераде, о том, что Сварог с Яной уединились на несколько часов, после чего лорд Сварог был явлен публике в качестве несомненного фаворита... Ну, и дальше не оставили в покое, продолжая прилежно отслеживать их полеты на Харум: визит в Готар засеки, две поездки в Каталаун тоже, и в Сноль, и в Глаз, а вот когда мы ездили в Латерану, определенно срубили шпиков с хвоста — ни словечком не упоминается... И насчет Пограничья отчитались... а вот касаясь Ямурлака опять-таки проморгали... Все, новых донесений нет, потому что не было пока и новых поездок...

Сварог подумал, что удовольствие отныне будет обобщим: Канцлер неустанно пускает за ними с Яной своих ищек, а Сварог теперь имеет возможность копаться в бумагах его Кабинета, сколько душе угодно. Один-один. Так что совершенно не стоит злиться на постоянную слежку: и потому, что архивы Канцлера теперь для Сварога открыты, и оттого, что Канцлер, если рассуждать с позиций набравшегося кое-какого опыта короля, не из пустого любопытства все это крутит, а, если отнестись беспристрастно, государственное дело делает. Памятуя, как однажды уже крупно лопухнулся со всей этой грязной историей. Вот именно. Бедная девочка, глупая соплишка, будь сейчас здесь, зацеловал бы, заласкал... Теперь главное — в жизни не проболтаться, что знаком с той давней историей. И вообще...

Он без колебаний протянул руку и нажал клавишу «Очистить диск». Никогда больше не следовало к этому возвращаться. Он по-прежнему не ощущал ни малейших угрызений совести за то, что незванным и непрошеным влез в эту грязную тайну, но намеревался побыстрее выбросить ее из памяти, как это, несомненно, удалось Яне.

Компьютер доложил, что диск очищен полностью. Сварог выключил его, налил себе еще стаканчик. Планов на вечер не было никаких, и срочных дел в его королевствах не было никаких. Загадочный камень-компьютер прилежно изучают в лабораториях восьмого департамента, в Балонге все идет без сучка, без задоринки, Горрот в

последнее время притих, никто не вызывает, ни с земли, ни сверху... Благодать. Полное расслабление души и тела. А посему можно себе позволить отдохнуть незатейливо: спросить еще бутылку и послушать какие-нибудь песни из фонотеки Фаларена — в обоих замках обнаружилась богатейшая коллекция песен, музыки и фильмов — примерно половина музыки и песен, как объяснил Золотой Кот, сочинена на земле уже после Шторма, а другая половина и все, разумеется, фильмы — из времен, предшествовавших Шторму. Или взять фильм? Ни одного еще не видел, написанные до Шторма музыку и песни слушал пару вечеров, один раз вместе с Яной, а вот фильмам как-то не уделял внимания...

Послышалось знакомое деликатное царапанье, и в кабинет, не услышав запрещающего окрика, тихонечко проник хвостатый министр тайной полиции. Преданно тарашась на Сварога снизу вверх ну в точности кошачьими, желтыми с черным вертикальным зрачком глазами, доложил:

— В пределах Хелльстада, в двадцати лигах от границы Ямурлака, станция слежения зафиксировала летящую в воздухе по параболе человеческую фигуру. Защитный барьер никакого воздействия не оказал, человек продолжает снижение. Ситуация чрезвычайная, на моей памяти такого не случалось. Если объект будет продолжать движение по прежней траектории, самое большее через полторы минуты опустится рядом с Вентордераном. Какие будут указания, государь? Поднять охрану?

— Ничего не предпринимать! — рявкнул Сварог, вскакивая. — Опустить лестницу, зажечь иллюминацию для торжественных встреч. Встречаем гостя. Понятно?

— Конечно, государь.

— Марш!

Хвостатый министр проворно улетучился в коридор. Сварог стоял с дурацкой улыбкой. Возможны, конечно, вовсе уж невероятные чудеса но, если держаться ближе к реальности, кроме него самого, один-единственный человек в мире способен опуститься в Хелльстаде, преодолев его защиту...

Каждый лар в силу своих способностей, собственно, может довольно быстро, без всяких летательных аппаратов попасть на землю. Достаточно прыгнуть с парашюта своего летающего замка — и плавно, неспешно, примерно со скоростью парашютиста опуститься на землю, не ощутив даже легчайшего толчка. Вот только с Хелльстадом это не работает. Вознамерившийся попасть с ю д а обитатель небес останется живехонек и здоровехонек — вот только на высоте примерно лиги, наткнувшись на защитный барьер (непроницаемый и для станций слежения ларов) этот незадачливый путешественник столь же неспешно опишет линию, повторяющую очертания барьера (смотря в каком месте прыгнет, обормот, полет может оказаться и очень долгим) и невредимым опустится наземь аккумулят на границе Хелльстада.

Исключение здесь единственное — Яна-Алентевита. Почему-то ее одну барьер пропускает так, словно вдруг перестает существовать. В первый раз, когда Яна с ним сюда прыгнула, Сварог попросту не знал об этом свойстве барьера, то потом, когда выпало время изучить всю машинерию Хелльстада, обнаружил эту несомненную загадку, но объяснения не получил. Компьютеры Хелльстада не могли ответить, почему так получается, а Яна в ответ на прямой вопрос с самым безмятежным видом пожала плечами:

— Я, правда, не знаю, почему так получается... Я могу, и все.

В отчете упоминалось о некоем документе, составленном в Мистериоре, когда там года два назад в очередной раз изучали магические способности Яны, чем-то отличавшиеся от всех прочих. Нужно будет поискать, авось удастся хоть что-нибудь понять. Давно известно, что она владеет какой-то д р у г о й магией...

Он задрал голову, стоя на верхней площадке лестницы — но не смог разглядеть в ночном небе человеческую фигурку, мешали зажегшиеся в превеликом множестве разноцветные фонари, полный набор для торжественной встречи.

Самое интересное, что в Горроте все обстоит гораздо х у ж е для тех, кто рискнет туда спуститься. Один бесша-

башный дворянин прыгнул на спор — и, рухнув камнем, разбился в лепешку. После чего никто уже таких экспериментов не повторял. Мало того, та же участь постигла и обычный летающий замок с автоматическим управлением, пущенный уже не развлекавшимися спорщиками, а восьмым департаментом. Замок рухнул, как камень, наполовину разрушившись. Никто после этого не посылал Стахору никаких нот и не требовал объяснений: ясно было, что в ответ придет исполненное искреннего недоумения послание: его величество решительно не понимает сути происшедшего феномена, к которому, конечно же, никто в Горроте не имеет ни малейшего отношения. Как это было в первый год появления Сварога, когда чья-то рисковая головушка в восьмом департаменте решила отправить в полет над Горротом брагант с экипажем. И получилась груда железа с трупами. И именно такое недоуменное послание пришло тогда от Стахора.

Сварог ругнулся про себя: ну да, такая уж страна природных феноменов — Горрот... Единственное, что удалось установить, угробив над Горротом еще несколько автоматических аппаратов — если защита Хелльстада простирается не более чем на лигу в высоту и всякого человека, либо летательный аппарат или замок без всяких повреждений попросту о т н о с и т к границам, то в Горроте на высоте трех лиг воздух словно перестает у д е р ж и в а т ь людей, летательные аппараты, замки, и они рушатся вниз. Держась выше, над Горротом можно летать, пока не надоест, но системы слежения все равно остаются слепыми. Вот в э т о м плане с Хелльстадом обстоит точно так же: держась повыше лиги, над ним можно летать сколько угодно, но системы наблюдения не работают, даже обычная оптика (пробовал не раз) отказывает, стекла биноклей и подзорных труб словно покрываются непроницаемой серой пленкой (в Горроте с оптикой обстоит, кстати, точно так же, разве что вместо серого тумана — мельтешение белых снежинок...)

Ага! Знакомая фигурка, типично женским движением придергивающая подол короткого платья (когда так спускаешься в платье, подол в полном соответствии с законами природы взмывает вовсе уж неприлично), опустилась

на землю возле нижней ступеньки. Сварог сбегал вниз, крепко обхватив Яну, стал отчаянно целовать ее лицо так, словно в следующий миг ее могли навсегда вырвать у него из рук. Она не сопротивлялась, в переплетении разноцветных огней казалась прелестнее, чем когда-либо.

Чуть погодя все же легонько забарахталась. Сварог понял и отпустил ее, не сводя глаз.

— Откуда столь бурные страсти? — спросила она то ли насмешливо, то ли недоуменно.

— Соскучился, — сказал Сварог, не отпуская ее тонкой талии.

Яна пожала плечами:

— Два дня не виделись...

— А что, за два дня нельзя чертовски соскучиться?

— Пожалуй, — она лукаво прищурилась. — Что, я, и правда, на тебя так действую?

— Сама видишь, — сказал он.

— Приятно слышать... Пустишь переночевать? Как в той сказке про принцессу и дровосека?

— Конечно, — сказал Сварог. — Ты почему не предупредила? Тебя, конечно, моментально засекли в воздухе, но мало ли что... Тут есть тупые создания, которые и меня в грош не ставят, иногда вразумлять приходится...

— Но возле с а м о г о замка они ведь не рыщут?

— Да нет, — сказал Сварог не без самодовольства. — Давно отбил охоту.

— М е н я твои твари не пугают нисколько. Если что, узлом завяжу, честное слово...

Вполне могло оказаться, что она нисколько не шутила.

— Не веришь? — словно бы даже с некоторой обидой спросила Яна.

— Да верю... И все равно, трудно было предупредить?

Яна безмятежно улыбнулась:

— А может, я хотела внезапно застать соперницу...

— Ну да, — проворчал Сварог. — Их тут сейчас видимо-невидимо, с визгом по шкафам прячутся...

— Ну, не дуйся, я же шучу.

— Да я понимаю...

— Что ты на меня смотришь как-то странно?

Ну как ей было сказать, что он сейчас видит перед собой не очаровательную молодую женщину, а глупенькую девчонку, с пылающими ушами выходящую из задней комнаты в спальню балерин, и за спиной у нее торжествующе ухмыляются вежливые подлые мальчишки?

— Да нет, ничуть не странно, — сказал он насколько мог естественное. — Пойдем?

Обнял ее за плечи и повел вверх по лестнице меж двух рядов ажурных фонарей, где синие перемежались с желтыми. На верхней ступеньке, обок входа, сидел Золотой Кот — в позе обычной кошки, разглядывая гостью.

— Ой, какая прелесть! — воскликнула Яна, приостановившись. — А раньше я ее у тебя не видела? Ее погладить можно?

— Пожалуй, не стоит, — сказал Сварог. — Видишь ли, это не кошка, это, собственно, министр тайной полиции...

— Разыгрываешь?

— Поприветствуйте гостью, — распорядился Сварог.

Кот проворно взмыл на задние лапы, приложил левую к груди и раскланялся:

— Добрый вечер, прекрасная дама. Его величество говорит чистую о правду: я действительно исполняю в королевстве примерно такие функции...

У Яны даже рот приоткрылся от изумления.

— Милая, это Хелльстад, — тихонько сказал Сварог ей на ухо. — Так что министры тут бывают... своеобразные.

— Интересно вы тут живете... — pokrutila Яна головой.

— Да не особенно, если подумать, — пожал плечами Сварог. — Пойдем?

Глава IV

НЕВЕСТА И ЗМЕЙ

Пока Сварог курил, блаженно расслабившись, Яна забавлялась светильниками — порхающими по спальне шарами света, разноцветными согласно спектру радуги (но краски были не густые, а акварельно-прозрачные). Заставляла их выписывать разнообразные фигуры высшего пилотажа, летать то змейкой, то вереницей, то увеличивала до размеров арбуза, то сжимала в «вишенку», в конце концов, озорно покосившись, увенчала одной такой синей «вишенкой» некую деталь экстерьера Сварога.

— Не хулигань, — сказал он лениво.

Она отправила светильник в медленное кружение над постелью, сказала не без грусти:

— Как мне завидно, что у нас таких нет... Мне они страшно нравятся...

— И молчала... — сказал Сварог. — Я их тебе подарю, сколько хочешь. Чтобы их переносить, нужна особая шкатулка, но в замке этих шкатулок...

— А они будут работать там, наверху?

— Будут, — заверил Сварог. — Я забрал к себе в манор дюжину. Очень удобно читать ночью или сидеть за компьютером, — он усмехнулся. — Вот только окружающим, подозреваю, будет немного не по себе, когда по твоим покоем будут порхать хелльстадские светильники...

— Уж это непременно, — тихонько рассмеялась Яна. — Ничего, переживут. Мне бы еще щеночка гарма, чтобы я сама его воспитала... Я попрошайка, да? Но ты ведь сам, стоит мне появиться, таскаешь к сундукам с драгоценностями и предлагаешь выбирать пригоршнями. Драгоценности красивые, старинные, но когда они стоят полными сундуками, как-то даже и неинтересно... Если уж ты все равно заваливаешь меня подарками, можно, я буду выбирать по своему вкусу?

Сварог хохотнул:

— Щенка найти нетрудно. Мне как раз докладывали, что пару дней назад погибла мамаша. Опять руkerы, чтоб их... Его, как водится, не оставляют кормящие матери из той стаи. Совсем кроха, еще глаза не открылись. Можно забрать. Когда у него откроются глаза и первая, кого он увидит, окажется ты, будешь для него самым главным существом на всю оставшуюся жизнь. Как у меня с Акбаром. Знаешь, я пытался свести его со здешними гармами, но он их как-то даже и не воспринимает как собратьев. Привык обитать среди людей... — он рассмеялся громче: — Вот только... Обитатели Келл Инира заработают непреходящее нервное расстройство, когда ты будешь расхаживать по дворцу в сопровождении гарма. При вашем-то отношении к Хелльстаду, многие его до сих пор панически боятся...

— Ну, я-то не боюсь нисколько, — с некоторой гордостью сказала Яна. — Могу хоть завтра пойти гулять, мне, кстати, давно хотелось посмотреть тот санаторий, про который ты рассказывал. Полностью сохранившееся здание из времен до Шторма... — мечтательно протянула она. — Причем не какая-то избушка, а санаторий для высокопоставленных офицеров... Отпустишь завтра?

— Отчего же нет? — сказал Сварог. — Только с охраной и никак иначе, — заметив в неярком желтом сиянии фонаря ее недовольную гримаску, он повторил твердо: — И никак иначе. Я верю, что ты владеешь какой-то очень древней и очень сильной магией, что ты сильнее любого в Империи — но по Хелльстаду ты, обижайся не обижайся, будешь гулять исключительно с охраной. И — никаких

фокусов вроде того, за который тебя пришлось... поучить. Договорились?

— Договорились, — буркнула Яна.

— Нет уж, дай честное слово.

— Честное слово, — сказала она чуточку сердито. — Такое впечатление, что ты меня до сих пор считаешь взбалмошной девчонкой. А я уже взрослая.

— Да я просто о тебе забочусь, — сказал Сварог. — Можно подумать, дядюшка Элвар в свое время в Каталауне отпускал тебя бродить где попало без кучи телохранителей... Наоборот. Верно?

— Верно, — согласилась она легко. — Ну, хорошо, хорошо, я ведь дала честное слово... Ни шагу без охраны.

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог с облегчением — когда она давала честное слово, никогда его не нарушала. А «примечаний мелким шрифтом» тут никак не усматривалось.

Он бездумно уставился в потолок, усеянный множеством ограненных в виде полушарий желтых опалов, складывавшихся в созвездия, — точное подобие кусочка ночного небосклона, только видимого не отсюда, а от Катайр Крофинда (он специально проверял как-то от безделья. Должно быть, с тем местом у Фаларена были связаны какие-то очередные ностальгические воспоминания — на следы таковых частенько можно было наткнуться в обоих дворцах).

Настроение было прекрасное. Не нужно было никуда лететь сломя голову, маяться с неразгаданными тайнами и государственными делами, чертовски приятно было вот так беззаботно валяться и болтать о пустяках с прильнувшей к нему красавицей.

— Вот кстати, все забывал спросить, — сказал он лениво. — А почему ты все время выбираешь именно эту спальню? Есть полдюжины других, почти все даже краснее...

Яна смешливо фыркнула ему в ухо:

— А это моральная компенсация.

— Как это?

— Ты просто забыл. Именно в этой спальне я когда-то чуть ли не до утра ждала, когда ты придешь. А ты так и не пришел...

— Злопамятная ты у меня, — сказал Сварог.

— Как всякая женщина, милый... — Яна прижалась теснее, обняла его за шею левой рукой и прошептала на ухо: — Скажи честно: я тебе, правда, еще не надоела?

Сварог насторожился — что-то очень уж серьезным после беззаботной болтовни у нее был голос...

— Черт знает что, — сказал он с искренним недоумением. — Ну, почему ты должна мне надоест? С чего бы вдруг?

— Ну, я прекрасно понимаю, что неопытная и неумелая. Может, тебе со мной скучно. У тебя было столько женщин... Да и все эти твои королевские балеты, придворные красотики...

Ее голос оставался серьезным, и Сварог, чтобы побыстрее перевести все в шутку, приподнялся, обеими руками легонько сжал ее шею и страшным шепотом спросил:

— Шпионишь?

— Вот уж не за что бы ни стала! — воскликнула она с нешуточной обидой. — Из гордости не стала бы!

Сварог вкрадчиво поинтересовался:

— Но в донесения-то порой заглядывала, признавайся? Я ведь прекрасно знаю, что агентура Канцлера в моих дворцах на меня прилежно кропает донесения... и прекрасно знаю кто, всех поголовно, но пусть уж люди стараются, служба такая... Заглядывала?

— Ну... Иногда... Одним глазком... — покаянно призналась Яна. — Очень редко. И никогда не читала целиком. Ты понимаешь...

— Понимаю, — сказал Сварог. — Неодолимой силы женское любопытство.

— Сердишься?

— Ни капельки, — сказал он как мог убедительно. — Хоть подряд читай. И регулярно.

— Не буду, — отрезала Яна. — Это означало бы, что я тебе не доверяю. Говорю же: очень редко, одним глазком... Правда, не сердишься?

— Нисколько, — сказал он. — Честное слово.

Где тут было сердиться, когда у самого рыльце в пушку после того, как прочитал некий секретнейший отчет?

— Я говорила Канцлеру, что эту его агентуру следовало бы отозвать, но он постоянно твердит про высшие государственные интересы, говорит, что единственный, за кем не ведется наблюдение, — он сам...

— Счастливый он человек, — сказал Сварог. — А мне вот до сих пор приходится следить за самим собой.

— Как это? — с любопытством спросила Яна.

— Да очень просто, — ответил он без улыбки. — В свое время Гаудин организовал в восьмом департаменте немаленький отдел, который занимался исключительно наблюдением за моей скромной персоной. С неплохой агентурной сетью по всем моим королевским дворцам и в полудюжине других мест. Человек с полсотни старательно строчили подробные донесения.. Когда возглавил департамент, я, естественно, решил эту лавочку прикрыть. Однако его высочество Диамер-Сонирил не позволил. Любые сокращения в подвластном ему учреждении для него — как нож острый. Зато расширение — наоборот, как маслом по сердцу. Незыблемые законы бюрократии, у меня на земле ничуть не лучше, при любом удобном случае плодятся, как кролики. Одним словом, отдел исправно функционирует, и раз в неделю немалая стопа донесений обо мне ложится на стол начальнику восьмого департамента, то есть мне...

— А ты?

— А что — я? — пожал плечами Сварог. — Читать их, сама понимаешь, нет смысла, а выбрасывать казенные бумаги не положено. Всякий раз приказываю зарегистрировать и сдать в архив согласно правилам секретного делопроизводства...

Яна хохотала — звонко, самозабвенно, весело. Отсмеявшись, все еще фыркая, сказала:

— Знаешь что? Учреди какой-нибудь новый отдел, можно даже маленький. Лишь бы это было то самое пресловутое расширение учреждения. Чтобы восстановить с дядюшкой добрые отношения. Я с ним недавно разговаривала... Не то чтобы он затаил на тебя злобу, но настроен все же недружелюбно — после той истории, когда ты добился, чтобы из твоих королевств убрали наместников.

Отношения сразу и наладятся. Мало ли зачем он тебе может понадобиться в будущем, лучше, чтобы у вас были хорошие отношения...

— Опоздала, — сказал Сварог. — Я тут кое-что уже придумал. И отнюдь не маленькое. Тут не то что добрые отношения восстановятся — он будет в совершеннейшем восторге, верно тебе говорю... Потом расскажу, долгая история...

Какое-то время они лежали молча, прижавшись друг к другу. Потом Яна, почти в полном мраке (все светильники она согнала под потолок) повернула к нему лицо и сказала чуточку напряженно:

— Ты всегда говорил, что горы для меня свернешь, звезду с неба достанешь, в общем, что угодно сделаешь... А сможешь выполнить еще одну маленькую просьбу?

Сварог насторожился: так уж получалось, что все без исключения ее «маленькие просьба» для него оборачивались нешуточной головной болью и лишними хлопотами: и восьмой департамент пришлось принять, и создавать девятый стол на пустом месте, в иных министерствах и коллегиях старательно заседать, проталкивая те или иные ее решения и задумки в качестве дополнительной ударной силы... Ну что ж, он, в общем, привык. И не отказывался ни разу, иначе и впрямь получилось бы как-то неудобно: луну с неба обещаешь, а в житейских делах помочь отказываешься...

— Ты же знаешь, — сказал он самым беззаботным голосом. — Только попроси, а уж я из шкуры вылезу...

Яна поцеловала его в щеку:

— Я тобою навсегда покорена, обольщена и пленена... — и тем же напряженным голосом прошептала на ухо: — Можно, я за тебя замуж выйду?

Сварог прямо-таки оцепенел от неожиданности, смешавшейся с полудюжиной других, самых разнообразных чувств. С потолка, повинаясь движению пальца Яны, медленно опустился большой шар бледно-оранжевого цвета и повис над постелью, прекрасно осветив их лица. Яна улыбнулась, опять-таки чуть напряженно:

— Ой, как ты перепугался...

— Ничего подобного, — сердито сказал Сварог.

— Перепутался, — уверенно сказала Яна. — Мужчины всегда пугаются, когда женщины сами им это предлагают. Я знаю, мне столько раз рассказывали придворные дамы...

— Да не испугался я, — сказал Сварог, прикинув, как здорово было бы оказаться сейчас где-нибудь на другом конце континента. — Просто это чертовски неожиданно, ошалеешь тут...

— Сейчас я тебя излечу от всяких страхов, — пообещала Яна загадочным тоном. — Ты меня должно быть, не так понял... Можно, я выйду за тебя замуж исключительно з д е с ь? В Хелльстаде? Не за графа Гэйра, а за короля Хелльстада? — то будет не законное имперское бракосочетание, а всего лишь брак в одном из земных королевств, — определенно, она чуточку волновалась. — Честное слово, я не собираюсь здесь претендовать абсолютно ни на что, даже на эти светильники, если только сам не подаришь. Все, что я хотела бы — это титул королевы Хелльстада... ну, и мантию с митрой. Все остальное так и останется твоим. Пальцем ни к чему не притронусь без твоего разрешения.

Сварог шумно вздохнул — про себя, естественно. Ну что же, все оказалось не так страшно. С перепугу решил, что она собралась затащить его на трон Империи — последнее место в этом мире, куда ему хотелось бы попасть. Что ж, если подумать... Прямо-таки безобидная игра. В ее честном слове сомневаться не приходится, если она так говорит, значит, ей действительно нужны только титул и церемониальный королевский наряд. Новую забаву придумала, м а л о с ь повзрослевшее создание...

— Что ты молчишь? — спросила Яна, напряженная, как струнка. — Если не хочешь, скажи сразу. Я же гордячка, упрямивать не буду, нет так нет...

Сварог улыбнулся ей искренне, ничуть не притворяясь:

— Вита, ты не поняла... Я просто задумался, как делать предложение. Полагается же в таких случаях делать предложение по всем правилам, особенно когда речь идет о

венценосных особах? Мне, наверно, нужно вылезти из постели и одеться пристойно, да и тебе что-нибудь накинуть...

Охватившее ее напряжение мгновенно исчезло, она улыбнулась прямо-таки по-детски радостно, счастливо рассмеявшись, сказала тихо:

— К чему все эти церемонии? Ты, главное, предложи...

Недолго думая, Сварог взял ее за руку и, глядя в глаза, спросил:

— Моя красавица, вы согласны разделить со мной хельстадский трон?

— Да, — ответила она, не промедлив ни секунды. — Да...

И бросилась ему на шею. Поцелуй был долгий, жаркий, и оторвались друг от друга они нескоро. Яна легла на спину, закинула руки за голову и, глядя в потолок, с мечтательной улыбкой продекламировала:

— Яна-Алентевита Первая, королева Хельстада... Спасибо.

— Да пустяки, — сказал Сварог тоном бескорыстного филантропа и добавил про себя: милая, игрушек мне не жалко. И не то сделаешь, чтобы лишний раз полюбоваться ее радостным и веселым личиком...

Он мановением пальца наполнил два бокала шипучим темным агревильским, бокалы проплыли по воздуху и оказались у них в руках.

— Уж за это безусловно стоит выпить, — сказал он благодушно.

— Ты и не представляешь, как я тебе благодарна, — сказала Яна, глядя на него прямо-таки обожающе.

Они выпили, и опустевшие бокалы уплыли назад на ночной столик. Тут-то Сварог и сообразил, что за заноза угнездилась в голове. Как-никак понаторел в государственных делах, бюрократических играх и штудировании законов — чем, положив руку на сердце, занимался гораздо больше и прилежнее Яны.

— Подожди, — сказал он хмуро. — Подожди... Ты только не подумай, что я собрался идти на попятный, но ведь это все будет не по закону, вопреки Брачному Эдик-

ту. А изменять законы самостоятельно и ты не можешь, придется Законодательную Ассамблею собирать...

Действительно, в Брачном Эдикте все было прописано четко, не допуская двойных толкований: «Любой лар имеет право жениться как на лариссе, так и на жительнице земли, независимо от ее положения. Любой лариссе запрещено выходить замуж за обитателя земли независимо от его положения». Поскольку давно известно: ребенок лара от земной женщины обретает все свойства лара, а плод любой лариссы и обитателя земли — ни малейших...

Сварог уныло продолжал:

— С точки зрения закона ты ведь выходишь замуж не за лара, а за короля Хелльстада, который юридически считается обитателем земли. И никаких лазеек для субъектов вроде меня, единого в двух лицах, не предусмотрено. Вот тут уже Геральдическая коллегия ничем не поможет, хотя старички меня и обожают...

Он замолчал — Яна смотрела на него как-то очень уж странно. Но определенно лукаво и весело. Ее голос зазвучал так, словно взрослая женщина объясняла самые очевидные вещи крохотному несмышленищу:

— С глубоким прискорбием должна констатировать, ваше величество, что вы все же скверно разбираетесь в основополагающих законах империи...

— Объясни, — нетерпеливо сказал Сварог. Что-то очень уж уверенно она держалась.

Яна заговорила уже не так покровительственно — просто деловито:

— Ты, наверное, сто раз проходил по тронному залу... И наверняка не соблаговолил прочитать подробно Эдикт об императорской фамилии, да?

— Сказать по совести, я его даже бегло не читал, — признался Сварог. — Так, посмотришь мимоходом...

Ну да. Высоченная, в два человеческих роста плита из светло-серого мрамора с розовыми прожилками, на которой позолоченными буквами, алфавитом Аугел высечен не особенно и длинный текст, параграфов двадцать, сотни две строчек. Герб императорской фамилии наверху, красивый орнамент по периметру...

— Все будет совершенно законно, — сказала Яна наставительно. — Потому что пункт первый Эдикта гласит: «Императорская фамилия не принадлежит к дворянству Империи, поскольку стоит над ним, над любыми его титулами». Проще говоря, я — не дворянка. Не ларисса. И ко м н е Брачный Эдикт не имеет ни малейшего отношения, потому что касается одних дворян. А в Эдикте о королевской фамилии брачным делам отведена одна-единственная строчка: «Вступая в брак, любое лицо, принадлежащее к императорской фамилии, руководствуется исключительно собственной волей, независимо от положения избранника или избранницы». — Яна улыбнулась во весь рот. — Тебе не кажется, что т а к а я формулировка допускает самые расширительные толкования? Нет, конечно, п о д р а з у м е в а л о с ь, что лицо императорской фамилии будет выбирать себе жениха или невесту среди ларов и ларисс, но все эти «подразумевания» юридической силы не имеют и вообще не существуют в виде писанных документов. Эдикт был составлен в первые годы империи и с тех пор изменениям не подвергался ни в единой строчке. В те времена никому просто и в голову не пришло бы, что члены императорской фамилии могут связать себя брачными узами с обитателями земли — там, внизу, царил сущий хаос, едва ли не первобытные времена... Ну, а потом как-то сама собой сложилась т р а д и ц и я. Трижды за всю историю Империи мужчины ее нарушали, женившись на земных принцессах. Ну, и многие, подобно дядюшке Элвару, п о г у л и в а л и на земле — женщины, кстати, тоже, я тебе потом дам почитать одну интересную книжку обо всех этих похождениях, она существует лишь в шести экземплярах, и все хранятся в личном императорском архиве. Ни разу не случалось, правда, чтобы женщины, члены фамилии, выходили замуж за обитателей земли. Нет, никто специально не запрещал, просто так уж сложилось... Но прямого запрета, еще раз повторяю, нет. Так что все вынуждены будут с этим смириться. Я умница? — лукаво улыбнулась она, уютно устраиваясь рядом и примостив голову на грудь Сварогу.

— Умница...

— То-то. Не один ты умеешь выискивать прорехи в законах. Между прочим, когда я распускала Палату Пэров и Тайный Совет, я и тогда не своевольничала, а отыскала парочку совершенно забытых, но не отмененных старинных законов, которые можно было толковать на разные лады. И наши милые старички из Геральдической коллегии истолковали их именно так, как мне требовалось...

— Понятно, — сказал Сварог. — Никаких юридических препятствий... Отлично. Вот только скажи честно, зачем тебе это? Повеселиться?

— Никоим образом, — ответила Яна тем же серьезным, взрослым, деловым голосом. — Все серьезно. Это для дела. Видишь ли... Хотя я и разогнала иные замшелые пережитки старины, хотя и правлю единолично, но сих пор немалое число людей — в том числе и облеченных властью сановников — ко мне относится с д о л е й несерьезности. Прямо это не высказывается, конечно, но частенько дает о себе знать, когда я занимаюсь государственными делами. В глазах во-о-т такими буквами читается, что они видят перед собой прежнюю девчонку. Отсюда порой проистекают... разные сложности. Никакого открытого неповиновения — но мои предложения и решения слишком часто пытаются не принимать всерьез, заболтать в ненужных дискуссиях, изуродовать кучей поправок на свой вкус... Там, где отец добился бы результата в пять минут, мне приходится иногда тратить часы, а то и дни. Все сводится к одному: многие, подобно н е к о т о р ы м, — она обожгла Сварога многозначительным взглядом, — считают, что я еще н е в п о л н е повзрослела. И ведут себя соответственно. Это касается и иных придворных хлыщей, которые, невзирая на наличие тебя, пытаются «разбудить мое сердце», опять-таки держась так, словно я — юная глупенькая дебютантка, впервые выехавшая на большой бал. Нет уж! — она, нахмурясь, решительно подняла ладонь. — Не надо так бычиться и грозно сопеть. Никаких имен я тебе все равно не назову, ты их, конечно, поубиваешь, а они, если разобраться, ни в чем не виноваты. И потом, я никогда не собираюсь тебе

изменять, так что успокойся, продолжим о серьезных делах... У нас многие тысячи лет принято бояться Хелльстада, это прямо-таки в генах. Исключения — редчайшие, по пальцам можно пересчитать. Этот страх прочно сидит в подсознании у девяноста девяти человек из ста. Даже Канцлер, признаюсь по секрету... Даже теперь, когда королем Хелльстада стал ты, положение не изменилось — нельзя в одночасье изменить то, что сидело в умах тысячелетиями...

Вот тут Сварог ее прекрасно понимал. Помнил, как и мы были глаза не только у антланцев, но и у многих благородных ларов, когда он появлялся в Канцелярии земных дел в алой мантии и митре из серебряных сосновых шишек. Даже в вечно холодном, бесстрастном взгляде его высочества Диамера-Сонирила иногда проглядывало в глубине нечто такое... А уж когда он однажды неосмотрительно появился на один из балов в полном наряде хелльстадского короля — народец попроще и поглупее откровенно шарахался, иные знакомые (весьма неглупые) держались с ним скованно, не так, как обычно...

— Не надо объяснять долго, я думаю? — усмехнулась Яна. — Могу тебя заверить: едва я появлюсь на каком-нибудь ближайшем совещании государственных мужей, в наряде королевы Хелльстада, едва станет известно, что у меня есть законные права на этот титул — отношение ко мне моментально станет другим. Тем, какое мне и требуется. И останется таковым. А уж если не расхолаживать эту публику, прихватить в Келл Инир пригоршню мелких безобидных безделушек вроде этих фонариков и демонстрировать их на публике... Ну как? — вкрадчиво поинтересовалась она. — Ты и теперь, подобно тем чванным болванам, будешь считать, что я еще не вполне повзрослела?

Сварог взял ее тонкие пальчики и поцеловал.

— Считай, что я был самонадеянным дураком. Ты совсем взрослая: Приходится признать. Идея отличная, все они именно так и будут держаться...

— Не сомневайся, — кивнула Яна.

«Черт, — подумал Сварог, — а ведь действительно выросла. Незаметно так пропала куда-то прежняя взбалмошная девчонка...»

Этакие новости просто необходимо было запить добрым бокалом агревильского, что они и проделали. И очень даже невинно лежали рядышком, уставясь в потолок, погружившись в собственные мысли.

Яна неожиданно фыркнула, повернулась к нему с улыбкой:

— Когда я копалась в законах, наткнулась на массу интересных вещей. Вот ты, король королей, наверняка не знал, что имеешь право вступать в законный брак в каждом своем королевстве? Естественно, не с одной и той же персоной, а с разными невестами, представляющими то или иное королевство?

— Вот это да! — восхитился Сварог. — Заманчивая перспектива...

Яна произнесла нарочито бесстрастным голосом:

— Вот только мне было бы очень неприятно, если бы ты взялся это осуществлять на практике...

— Не беспокойся, — сказал Сварог, обнимая ее крепче. — Честью клянусь ограничиться одной супругой-королевой.

Яна задумчиво сказала:

— Вообще-то я готова сделать исключение для королевы Сегура, но только для нее одной... Ты нас когда-нибудь познакомишь, наконец?

— Постараюсь, — сказал Сварог. — Скоро, кстати, Виглафский Ковенант, вот и случай...

— Но Сегур — не член Ковенанта.

— Будет, — сказал Сварог. — Я тут придумал одну интригу, долго рассказывать, но все будет законно... познакомитесь.

«Хорошенькая перспектива, — подумал он уныло. — Способная повергнуть в тоску любого мужика. Скверно, когда две любовницы узнают друг о друге и начнут, естественно, враждовать, попутно предъявляя тебе самому разнообразные ультиматумы типа «или я, или эта драная кошка!» Но когда две близких тебе женщины, умные

и острые на язычок, прекрасно тебя знающие, мало того, что не имеют ничего против сложившегося треугольника, но еще и подружиться собираются... Положенище... Даже названия с ходу не подберешь...»

— Что ты погрузнел? — тихонечко спросила Яна. — Жениться боишься?

— Да нет, тут другое, — сказал Сварог хмуро. — Я сделал тебе предложение, и ты его приняла, прекрасно. Но это поэзия, а есть еще нешуточная груда грубой житейской прозы. И мне ее предстоит взвалить на плечи. У меня в Хелльстаде еще нет утвержденного Канцелярией земных дел Брачного кодекса. Здесь, собственно, один постоянный житель — метр Лагефель. Иногда надолго задерживаются мэтр Анрах с Карахом и Элкон. Наездами бывают Мара, ты, я. Ну, к чему в этих условиях было озадачиваться еще и брачным кодексом? А ведь все должно быть законно, по-настоящему, по всем правилам: кодекс, официальная бумага о бракосочетании, свадебная церемония... Кодекс я напишу в сжатые сроки, возьму пару-другую в своих королевствах и попросту передеру с учетом здешней специфики. Со свадебной церемонией будет посложнее, тут уж придется кучу их изучить и опять-таки переработать применительно к нашим условиям... И само заключение брака... Ага, вот кстати! Ты себя к какой церкви причисляешь?

— Я даже и не знаю... — чуть растерянно сказала Яна. — У нас вообще как-то не в ходу причислять себя к какой-то церкви... ну, может, один из сотни, вроде герцога Кралена, у него и часовня Единого в маноре, и священник...

«Вот и лезет к вам „Черная благодать“ с „Черной радугой“», а то кто похуже, как в настезь распахнутые ворота», — сердито подумал Сварог.

— Ну, вообще-то... — задумчиво продолжала Яна. — Иногда молилась Единому, да и сейчас бывает... Несколько раз Бригите... В Каталауне оставляла подношения Кернунносу, но там все так делают, — она покрепче прижалась к Сварогу. — Знаешь, однажды ночью, в грозу, когда мы пережидали ливень в шалаше, видели Кернунноса, не в виде оленя с лошадиным хвостом, а в облике человека

с оленьей головой. Гроза была жуткая, молнии сверкали беспрестанно, мы все прекрасно видели, как он медленно пересек поляну и скрылся в чаще. Он иногда бывает жесток к людям, но нам ничего не сделал. Вот такие у меня отношения с богами...

— Понятно, — сказал Сварог, кое-кого припомнив. — А ты ничего против не имеешь, если нас соединит священник Единого?

— Пожалуйста, — сказала Яна. — Только чтобы все было в с е р ь е з.

— А ничего, если бумагу о заключении брака нам выдаст Карах? Он как-никак — официально признанный Канцелярией земных дел канцлер королевства.

— Ну, если официально утвержденный... Тогда все законно.

— Ну вот, — в нешуточном раздумье пробормотал Сварог. — Со священником решили, с главой церемонии решили — но это самые простые и легкие вопросы. А вот над кодексом и церемонией мне придется изрядно потрудиться...

— Ну, предположим, у меня тоже будут нешуточные хлопоты, — очень серьезно сказала Яна. — Мне еще нужно будет придумать платье, чтобы было великолепным и неповторимым...

Сварог покосился на нее — Яна лежала, уставясь в потолок со столь отрешенным, серьезным, сосредоточенным видом, словно пыталась разгадать какую-нибудь великую научную загадку. Перед глазами у нее, конечно, уже стояли ткани, кружева, ленты, вышивки и все такое прочее. Сварог благоразумно воздержался от шутливых комментариев. Одна из тех ситуаций, когда бал правит женская логика в ее чистейшем виде — и встречать тут никак нельзя. Тем более что это как раз один из классических признаков взросления, есть такое подозрение. Свадебное платье — это, конечно, важнейшая деталь предстоящей церемонии, самый главный и тяжелый труд, и попробуй только, господин новоиспеченный жених над ним посмеяться или поставить важность и главенство под сомнение...

Яна целиком ушла в себя, неотрывно глядя в потолок, временами беззвучно шевеля губами. Над ней в воздухе стали появляться зыбкие, полупрозрачные, словно сотканые из неяркого разноцветного света контуры платьев, разнообразных фасонов рукавов, кружевных воротников — ага, значит, она и т а к о е умеет. Сварог осторожно слез с постели, прошлепал босиком к изящному шкафчику в углу — Яна и внимания не обратила, словно мира вокруг для нее сейчас и не существовало.

Подобные резкие изменения в судьбе и предстоящие хлопоты требовали прояснить ум чем-нибудь покрепче агревильского. Он достал темную бутылку келимаса под названием «Фрегат» с парусным кораблем на этикетке (из винных погребов предшественника), наполнил высокий бокал и с удовольствием высосал. Постоял, глядя на Яну, с головой ушедшую в свое самое важное на свете занятие. Обнаженную, прекрасную, желанную... повзрослевшую. Чувства его представляли собой совершеннейшую мешанину. Невеста... Законная супруга, пусть только здесь... Королева Хелльстада...

Поскольку он ничуть не сожалел о предстоящем, за это дело следовало выпить еще. Не озаботившись накинуть халат, он уселся с высоким бокалом в низкое удобное кресло, ничуть не холодное, сохранявшее ровно столько приятного тепла, сколько сидящему сейчас необходимо — ну, это же Вентордеран, не живой и словно бы живой верный пес.

После второго доброго бокала стоявшие перед ним задачи уже не казались такими неподъемными. Брачный кодекс в два счета сработает Карах, уже набивший руку на составлении необходимых Канцелярии небесных дел обширных бумаг. Церемониймейстеров, и неплохих, в его королевских дворцах, как собак нерезаных, собрать в одном месте и озадачить, пообещав ордена за срочность. Священника придется искать по всему Полуденному Каталауну, но хваткие люди и с этим быстро справятся, если выделить им пару-тройку виман. Ах да, гости... И про гостей надо подумать. Вот о чем не стоит и голову ломать, так это о музыкантах, они попросту не понадобятся — в Вилердера-

не великолепные музыкальные центры с электроникой и компьютерами... Дело поразительно быстро налаживается, за это и третий бокал поднять не грех...

Яна повернула голову, позвала:

— Подойди, посмотри, что получается...

Глаза у нее были затуманено-счастливыми. И над постелью, и рядом с ней висели в воздухе дюжины две платьев, выглядевших уже не туманными контурами, а вполне материальными. Ну вот, начинаются служебные обязанности жениха, а их обычно невпроворот...

Браво разделавшись с третьим бокалом, Сварог пошел к постели.

— Какое, по-твоему, лучше? — спросила Яна,

Присмотревшись к пышным нарядам — один другого краше, — он сказал то, что и думал:

— Не знаю, не могу выбрать... Все красивые.

И тут же напоролся на очередной выпад женской логики: Яна, словно бы даже с некоторой обидой, надула губки:

— Тебе все равно, в чем я буду?

Сварог не растерялся и с ответом не медлил. За время службы королем приобрел кое-какие навыки дипломатии — чего стоила одна выигранная словесная дуэль с горротским послом, а уж тот был противником первостейным...

Он сказал веско:

— Я просто думаю, что не стоит торопиться и хвататься за первое попавшееся, за то, что ты придумала на скорую руку, первое, что в голову пришло. Все равно пройдет самое малое неделя, прежде чем сможем устроить свадьбу: пока составим Брачный кодекс, зарегистрируем, разработаем церемонию, все остальное... Ты за это время успеешь придумать столько платьев красивее, посоветуешься с подругами, с придворными портнихами...

— Пожалуй, ты и прав... — сказала Яна.

Шевельнула пальцами — и все исчезло. Накинув невестомый халат, словно сотканный из снежинок, она слезла с постели и, стоя перед Сварогом, пылливо на него уставилась:

— А ты не против, если мы проведем парочку обрядов? Каталаунских, обязательных для Обручальной ночи? Я столько прожила в Каталауне, да и воспитывали меня в последние годы тамошние старухи...

— Да пожалуйста, — сказал Сварог и осторожно добавил: — Только без всякой черной магии... и чтобы Кернуннос, чего доброго, под окна не приперся...

Яна рассмеялась:

— Кернуннос Каталаунского хребта никогда не покидает. А черной магии — ни капельки, не любят ее в Каталауне...

— Ну, тогда валяй, — сказал Сварог, которому действительно стало интересно. Сам он каталаунские обычаи знал скверно, редко там бывал, и все проездом.

Яна прошла к высокому стрельчатому окну, протянула руки над подоконником. Сварог не мог рассмотреть, что она делает, но, когда отступила, увидел: там стоял красивый светильник, кажется, глиняный, весь в искусных узорах, и над ним поднимался высокий, в ладонь, язычок золотисто-алого пламени.

— Ну как, ничего страшного? — улыбнулась Яна, возвращаясь к нему. — В ночи такой огонь видно издали, и всякий, кто его увидит, знает: в доме Обручальная ночь. Даже беспринципные разбойники не решатся вломиться в такой дом, чтобы грабить. Знают прекрасно: им потом жизни не будет, все на них ополчатся и не успокоятся, пока не прикончат...

— Неплохая традиция, — сказал Сварог.

Яна словно бы погрустнела, взяла его за руку, отвела к постели и они легли. Сварог потянулся было ее обнять, но она уклонилась, даже отвернулась, став словно бы не на шутку печальной. Негромко, напряженно сказала:

— Другая традиция не такая веселая: жених с невесткой обязаны рассказать друг другу, что с ними в жизни случилось грязного, скверного, порочного... Если уж мы взялись соблюдать обряды.... Это один из самых важных...

Вот уж этот обряд Сварогу оказался категорически не по душе — он прекрасно знал, что услышит и не горел

желанием выслуживать вторично, да еще от самой Яны. Он воскликнул беспечностью:

— Да что с тобой могло быть порочного? Варенье таскала с дворцовой кухни магическим образом...

— Да нет, было кое-что похуже... — грустно сказала Яна. — Очень грязная история случилась, когда мне и тринадцати не было...

— А если я не хочу этого слушать? — сказал Сварог.

— Придется, — сказала Яна спокойно, но твердо. — Если уж начали... И я хочу, чтобы ты все обо мне знал, без недомолвок. Дай мне, пожалуйста, чего-нибудь покрепче, только не очень много...

Сварог движением пальца отправил к ней через всю спальню бокал, наполненный келимасом примерно на четверть. Разделавшись с ним одним глотком, чуть поперхнувшись, Яна заговорила, все так же отвернувшись от него, глядя в стену, обитую тисненой золотом кожей.

Ее голос звучал ровно, отрешенно, словно и не о себе рассказывала, а о ком-то другом. В излишние подробности она не вдавалась, но и не скрывала ничего, рассказывала все, как было: о забавах в спальне, о том, как постоянно проигрывала и платила проигрыши, о том, как ее сделали «флейтисткой», о том, как была в постели с герцогом, о том, что все это, как ни удручает, ей нравилось. Рассказав, как в поместье прилетел принц Элвар и забрал ее оттуда, она замолчала так, что стало ясно: конец исповеди.

Сварог терпеливо ждал. Она так и лежала — отвернувшись, напрягшись. Потом спросила звенящим от нештучной тревоги голосом:

— И как ты теперь ко мне относишься?

Не встретив ни малейшего сопротивления, Сварог повернул ее к себе, обнял, крепко поцеловал в губы и прошептал на ухо:

— Совершенно как прежде, Вита...

Он специально вновь назвал ее так, как позволялось только самым близким людям. Интересно, тот сволочной герцог в самом деле стал жертвой каталаунского тигра или попросту получил в спину поддюжины кинжалов? Впрочем, на месте принца Сварог непременно посчитал

бы, что обычное железо — очень уж просто, быстро и легко. И постарался организовать встречу герцога с тигром. Очень может быть, Элвар тогда рассуждал точно так же...

— Правда? — тихонько спросила Яна.

— Честное слово, — сказал Сварог. — Глупенькая соплюшка сдуру впуталась в грязную историю... Бывает. Давай забудем всю эту гнусь покрепче, а?

Яна облегченно улыбнулась:

— У меня камень с души...

И тут же, приподнявшись на локте, посмотрела строго, вопросительно. Сварог сообразил, что настал его черед. И ушел в раздумья: вроде бы не должно было в его жизни быть особенно уж грязного, скверного, порочного. Да нет, это он себе определенно польстил...

Не глядя на Яну, он сказал медленно, раздумчиво:

— Чтобы сделать меня королем, перебили кучу народу. Нет, честное слово, я сам ни разу не отдавал таких приказов, это все делали те, кто твердо решил возвести меня на трон... Но убитых все равно было немало, на два трона я, получается, взошел по трупам, да и один княжеский титул мне достался через кровь, я ее вовсе не хотел, но так сложились обстоятельства...

У него перехватило горло: перед глазами встал князь Рут, смелый отчаянный, погибший исключительно оттого, что не смог приспособиться к житейскому цинизму нашего мира и остался записным романтиком, которым в этом мире неуютно. Сварог продолжал глухо, негромко:

— Один раз я был неподалеку и видел, как все происходило. В другой раз я прекрасно понимал, что этих людей, возможных претендентов на престол, убьют, — но притворился перед самим собой, будто не понимаю. Хотя прекрасно знал, что за человек мой начальник тайной полиции... Наверное, это все же гнусно, а? — теперь он, в свою очередь, избегая встречаться с Яной взглядом, спросил: — И как ты теперь ко мне относишься?

Не было никакой тягостной паузы. Приподнявшись над ним на локтях, засыпав лицо и плечи пышными прядями золотистых волос, Яна сказала безмятежно:

— Совершенно как прежде, честное слово. Когда речь идет о коронах и тронах, чего только не случается... Уж я-то знаю и понимаю... Забудь обо все покрепче...

Склонилась, прижалась и прильнула к его губам.

...Сварог проснулся оттого, что его остороженько теребили за свесившуюся с постели руку. Открыв глаза, он увидел Золотого Кота — тот, приподнявшись на цыпочки, легонько постукивал Сварога когтями по ладони. Охамел, скотина...

Яна безмятежно спала, уткнувшись лицом в сгиб локтя. Тщательно накрыв ее невесомым синим покрывалом, Сварог встал с постели, накинул халат, без всяких церемоний сгреб своего министра тайной полиции за хвост и пошел прочь из спальни. Министр покорно висел вниз головой, как игрушка.

Закрыв дверь спальни и отойдя от нее подальше, Сварог уселся на мягкий коричневый диван какого-то неизвестного стиля — должно быть, из очень уж далекого прошлого, если не из времен до Шторма, — швырнул рядом Кота и сердито осведомился:

— Какого черта вы врываетесь в спальню, когда я не один?

Естественно, на физиономии Кота не отразилось никаких эмоций — откуда они у робота, пусть разумного и совершенного? Усевшись, как человек, оперевшись спиной и вытянув задние ноги, Золотой Кот спросил:

— Надо ли понимать это так, государь, что вы на меня прогневались?

— Вот именно, — сказал Сварог.

Кот пожал плечами — оказывается, он был способен на этот человеческий жест:

— Здесь кроется загадка, точнее, логическая неувязка, которую я своей, вложенной в меня логикой никогда не мог разрешить. Мне известно, что мужчины и женщины в постели занимаются определенными вещами, это считается естественным и приносит им удовольствие... правда, в силу своей сущности я не могу осознать, что означает термин «удовольствие». Но здесь и возникает логическая неувязка: если эти занятия вполне естественны и состав-

ляют неотъемлемую часть человеческой жизни, почему люди так озабочены, чтобы при этом не было свидетелей? Не только других людей, но даже таких, как я? Впрочем, случаются исключения, насколько я могу судить по опыту общения с покойным королем. Иногда он мне категорически запрещал входить в спальню, когда был там с женщиной... а иногда разрешал и выслушивал доклад в присутствии женщины. Иногда в спальне короля находилось одновременно две или три женщины. Эти логические неувязки я не в состоянии решить...

Пока Золотой Кот все это нес — как обычно, бесстрастным, лишенным эмоций голосом робота, — у Сварога как-то помаленьку и злость прошла. В конце концов, не человек, механизм, это все равно, что Яна оказалась обнаженной в присутствии светильника или компьютера... Золотой Кот продолжал:

— Есть еще один аспект проблемы: у меня до сих пор, государь, нет точных инструкций, как я должен поступать, если вы пребываете в спальне с дамой?

«Пожалуй, — самокритично подумал Сварог, — я тут и впрямь недосмотрел. Не учел, что роботам нужны т о ч н ы е инструкции. Очень уж мало общался с роботами...»

— Точные инструкции будут простыми, — сказал он, закуривая. — Когда у меня в спальне дама — и носу туда не казать... разве что вдруг случится такое чудо, что я сам позову. Это понятно?

— Совершенно, — заверил Кот. — Инструкции приняты к исполнению.

Настроение у Сварога было безоблачным, и он даже чуточку пожалел этого золотого обормота, не способного понять людей.

— Что до логических неувязок, господин министр... — сказал он задумчиво, гадая, как лучше всего сформулировать. Ага! — Объяснение есть. У людей существуют с в о и программы поведения, которым они старательно следуют, пусть и допуская иногда редкие исключения. Теперь вам понятно?

— Да, государь. Логически непротиворечивое объяснение, которое я способен осознать во всей полноте. Про-

стите, ваше величество... Мне по моему положению необходимо выяснить статус находящейся сейчас в спальне дамы. Это случайная шлюха, как выражался о некоторых своих дамах покойный король? Или постоянная подруга наподобие госпожи Мары, с которой я уже знаком? Или она подлежит какой-то другой классификации?

— Последнее, — сказал Сварог, — это моя невеста, будущая жена. Эти термины тебе понятны?

— Да, государь, они заложены в память в той ее части, что касается человеческих обычаев. Насколько я понимаю, при наличии девушки под названием «невеста» обычно в скором времени происходит церемония под названием «свадьба»?

— Вот именно, — сказал Сварог. — А поскольку состоится она в Вилердеране, озаботьтесь, чтобы он в кратчайшие сроки идеально...

— Вы уже дали распоряжения насчет парка. Работы идут круглосуточно, я задействовал все устройства и слуг, какими располагаю...

— Постарайтесь как следует, — приказным тоном сказал Сварог. — Через неделю и парк, и дворец должны выглядеть безукоризненно... — и только сейчас до него дошло. — Любезный министр, а отчего это вы явились будить меня спозаранку? Если Анрах с Лагешелем наконец нашли пещеру, вы должны были доложить сразу, а не пускаться в рассуждения о логике!

— Пещеру они пока что не обнаружили, государь. Золотых Шмелей не так уж много...

— Можете вы в мастерских, про которые говорили, в сжатые сроки произвести еще... скажем, пятьсот?

— Без малейших хлопот, государь. Это отнимет примерно сутки.

«Надо будет выбрать время и осмотреть мастерские, — подумал Сварог. — Чтобы точно выяснить, каков, говоря казенным языком, полный ассортимент продукции».

— Но зачем-то же вы заявились в спальню?

— Подземной пещеры господы мэтры пока что не нашли, но они только что обнаружили пещеру, где укрывается Лотан. Вы в первый же день, давая поручения, велели

разыскать и его, в том случае, если он действительно находится в Хелльстаде. Он здесь. В пещерке на берегу небольшой речки примерно в ста лигах от Вентордерана. Согласно поступившей информации, он жив... хотя определенно не здоров.

Сварог оживился. Вот уж кто его давно интересовал, так это Лотан, легендарный семиглавый змей, якобы знавший все ответы на все вопросы. Согласно сказкам, он еще с незапамятных времен, чуть ли даже не до Шторма, скрывался от людей, устав отвечать на вопросы. Некоторые следы вроде бы вели в Хелльстад. Правда, большинство книжников (в том числе и Анрах) в существование Лотана не верили, считая чисто мифологическим персонажем.

— Это действительно Лотан? — спросил Сварог.

— Никаких сомнений, государь. Восемьсот три года назад, когда покойный государь с ним последний раз беседовал, я присутствовал при разговоре и прекрасно его рассмотрел. С тех пор государь с ним больше не встречался, а Лотан перебрался в какое-то другое место. Меня это не интересовало, потому что не было приказа его искать...

— Он агрессивен?

— Ничуть. Собственно, кроме знания ответов на все вопросы и крайнего долголетия, никакими другими о с о б ы м и способностями он не обладает.

— А как прежний король управлялся с его привычкой загадывать головоломные загадки, без которых не получить ответов на вопросы?

— Ничего подобного нет, государь, — ответил Золотой Кот. — То, что Лотан предварительно задает сложные загадки, в незапамятные времена выдумал какой-то сказочник, и помаленьку это мнение утвердилось. Лотан просто отвечает на вопросы: каждая голова на один вопрос. И только. Чтобы получить новые ответы, нужно вновь прийти к нему не ранее чем через неделю, иначе он не будет говорить.

«Ну что же, — подумал Сварог, — не так уж плохо. По семь вопросов в неделю — это неплохая штука...»

Он хотел было отдать кое-какие распоряжения, но случайно бросил взгляд в высокое стрельчатое окно. Вда-

ли, у самого горизонта, громоздились буроватые скалы, казавшиеся на таком расстоянии кучей камешков, и над ними поднимался узкий треугольничек, отливавший белым, синим и голубым. На самом деле — исполинский пик над бурыми скалами и густыми лесами, покрывавшими пологие отроги гор. Гун-Деми-Тенгри, как именовали его во внешнем мире — Гора Грозящих Небу Демонов. Согласно многочисленным легендам, там обитали невероятно могущественные и злокозненные демоны, которых боялся и даже король Хелльстада, никогда не приближавшийся к тем местам. У Сварога как-то руки не доходили проверить, как все обстоит на самом деле — и постоянно находились дела поважнее, и за все время, что Сварог пробыл здесь королем, оттуда не появлялось никакой нечисти.

— А вот что вы скажете насчет Гун-Деми-Тенгри, любимый мой?

— Так ее называют во внешнем мире. В Хелльстаде эти места именуются далеко не так пышно: горы Лорей.

— Там действительно обитают какие-то демоны?

— Снова народные сказки, ваше величество. Там испокон веков обитает скучный и неинтересный народец. Те магические способности, какими они обладают, направлены исключительно на их собственное потребление и против внешнего мира попросту не могут быть использованы. Покойный король туда иногда летал, но исключительно для того, чтобы, как он выражался, прихватить красивую девку, чтобы погостила недельку. Насколько я знаю, это нетрудно. Больше гора его ни с какой стороны не интересовала.

«Черт знает что, — подумал Сварог. — Еще одна завлекательно-жуткая легенда оказалась сказкой. Какой-то безобидный народец, к которому Фаларен летал за девками... Все равно, когда будет свободное время, надо самому туда слетать. Не может же быть так, чтобы у них не оказалось никаких знаний, которые могут пригодиться. А вот Лотана не стоит откладывать на потом, дело не такое уж долгое, а польза выйдет несомненная...»

Он встал и решительно сказал:

— Я лечу к Лотану. Даму в моей спальне зовут госпожа Яна. Если она проснется, пошлите к ней камердинера со слугами — завтрак, может быть, что-то еще... Обращение самое почтительное.

— Я не должен ни от кого скрывать, что это ваша невеста, государь? — деловито поинтересовался Золотой Кот, прыгивая с дивана.

— Наоборот, — сказал Сварог уверенно. — Пусть все знают, что это их будущая хозяйка. Если она спросит обо мне, скажете, что я отлучился ненадолго по пустяковому, но неотложному делу, в суть которого вы не посвящены, и скоро вернусь. Да, вот что еще. Несколько дней назад в схватке с рукерами погибла самка гарма, остался детеныш... Сможете доставить его в Вентордеран?

Будь это человек, он непременно бы замялся — такое осталось впечатление. Кот сказал, понурился и опустил голову:

— Лучше будет, ваше величество, если вы сделаете это сами. Гармы — самые верные ваши подданные, в а м они щенка отдадут. А вот если его отправятся забирать наши Золотые Слуги... Гармы их непременно поломают в кусочки.

— Учту, — сказал Сварог.

...Давно уже оказалось, что алая мантия короля Хелльстада — не просто церемониальная хламида. Сейчас она, удерживаемая лишь чеканной золотой бляхой на горле, превратилась в большие, хищно вырезанные крылья — на которых Сварог и несся с приличной скоростью над зеленой равниной, кое-где покрытой островками молодых дубов. Как-то было все устроено так, что он совершенно не ощущал бившего в лицо ветра, неизбежного на такой скорости. Теперь понятно, почему в Вентордеране не сыскалось никаких экипажей, ни летающих, ни ездивших бы по земле — к чему они были королю при такой-то мантии?

Глянув влево, он решительно повернул туда — не столь уж большой крюк пришлось делать, отклоняясь от маршрута. Покрепче сжал рукоять Доран-ан-Тега, губы покривила злая усмешка.

Внизу, урдах в ста под ним, по равнине в хорошем темпе ч е с а л а немаленькая стая рукеров, штук сорок.

Больше всего они походили на шимпанзе или павианов — размером примерно с человека, бесхвостые, заросшие густой коричневой шерстью, с классическими обезьяньими мордами и внушительным набором клыков плотоядных зверей. На четвереньках они в беге лишь немногим уступали скачущему быстрому аллюром всаднику. На спинах самок кое-где устроились накрепко вцепившиеся всеми четырьмя лапами в шерсть матерей детеныши.

Вот именно, не более чем обезьяны, совершенно безмозглые создания, ни разу не замеченные в употреблении ни огня, ни каменных орудий, ни хотя бы веток в роли дубин. Сварога они в грош не ставили (как раньше в грош не ставили Фаларена) — обычное хищное зверье, расценивавшее все, что не рукер, как добычу. Иногда даже, хоть и очень редко, собравшись немаленькой стаей, нападали на глорхов. Но главное, за что Сварог их терпеть не мог, — за то, что они состояли в лютой вражде с гармами (при взаимной ненависти). До больших баталий дело не доходило — но ру커ры пользовались любым случаем, чтобы напасть на одинокого гарма, а еще лучше, если повезет, на одинокую самку с малышом — потому что самка примерно на месяц после рождения щенка теряет способность перемещаться н е о б ы ч н о и справиться с ней гораздо легче, чем с обычным гармом. (Сварог давно выяснил совершенно точно, что на мать Акбара напали тогда именно ру커ры).

Впрочем, и гармы при случае спуска не давали. Так что ру커ры обретались в основном в дальних пределах, меж горами и морским берегом. Но вылазки делали частенько — как, несомненно, эта банда. Сначала Сварог собирался, не церемонясь, истребить их начисто (что было бы не особенно трудным предприятием), но по размышлении оставил эту затею. Отчего-то же Фаларен, отнюдь не светоч доброты, так не поступил? Не исключено, что, истребив рукеро́в полностью, Сварог нарушил бы кое-какие здешние экологические цепочки, нанеся вред в итоге тем же гармам (как то случалось и на Земле, классические примеры — волки и олени, львы и антилопы. Если прекращается прежняя о т б р а к о в к а, лишенный прежнего врага

вид оказывается п е р е г р у ж е н старыми, больными и хилыми). Так что он ограничивался тем, что, подобно Фаларену, старался держать руকের в удаленных окраинах Хелльстада, а слишком наглых порой приказывал перебить к чертовой матери, посылая из Вентордерана Бронзовых Соколов, свою личную охрану.

Вот и сейчас не следовало спускать такого нахальства — всего-то в ста лигах от Вентордерана... Не увлечься особенно, но напомнить, кто в доме хозяин...

Его заметили, когда он с пронзительным разбойничьим свистом пристроился в хвост бегущей стае на высоте уардов десяти. Оглядывались, скалились на бегу, кое-кто злобно взмахивал когтистыми лапами — но все так же неслись, не сбавляя темпа, даже не пытаясь остановиться и сбиться в круг для обороны. Явно нахальный молодняк, впервые выбравшийся в края, где руকের никак не привечают, наоборот. Ничего, соответствующий опыт они сейчас получают...

Снизившись еще чуть-чуть, уравнив скорость с их бегом, Сварог, размахнувшись не особенно и широко, метнул Доран-ан-Тег. Топор, превратившись в туманный круг, окаймленный ярко-алой полосой, п р о ш е л с я по бегущей стае, как коса по пшеничному клину. Брызги крови, визг, вопли, взлетела отрубленная коричневая башка, неприглядные к у с к и... Руকের, дико вопя, кинулись врассыпную по равнине, потеряв, как определил сбавивший скорость Сварог, не менее десятка. Следовало бы положить всех, ну да черт с ними, будут теперь знать, что в этих местах запросто обрушивается с неба неожиданная смерть...

Ухватив древко вернувшегося в руку топора, он вышел на прежний маршрут и прибавил скорость. Потом полетел гораздо медленнее — начинались знакомые по компьютерным кадрам места: густой лесок в форме подковы, узенькая извилистая речушка, не имевшая сообщения с Ителом, впадавшая в большое озеро лигах в двадцати отсюда, высокий обрыв слева, палево-желтый, из слезавшегося песка... Ага, песчаный обрыв сменяется скальным, гораздо повыше, меж ним и рекой широкая полоса

светло-желтого песка (между прочим, отличный пляж, река неглубокая, без омутов и водоворотов, течет неспешно). А вот и темное пятно — вход в небольшую пещеру — все, как засняли Золотые Шмели...

Сварог опустил на землю (сапоги из тончайшей кожи по щиколотку ушли в песок, крылья сложились, мантия стала обычной мантией). Сделал несколько шагов вперед, остановился в нескольких уардах от входа в пещеру, сбоку. И тут же вдохнул волну ужасного смрада, идущего из пещеры — густые запахи гнили, разложения, падали. Уж не опоздал ли? Он так и не уточнил, улета из Вентордерана, жив ли еще Лотан, создание долгоживущее, но не бессмертное...

Входить в пещеру, откуда тянулась волна смрада, как-то не хотелось — он и под открытым небом-то еле выдерживал вонь. Опершись на топор, он трижды, как оказывалось, полагалось, позвал на змеином языке:

— Лотан! Лотан! Лотан!

Весь обратился в слух. Положительно, внутри раздались какие-то звуки — словно бы тихий шорох щебенки, по которой чуть передвинулось тяжелое тело. Сварог позвал снова:

— Лотан! Лотан! Лотан! Выйди! Выйди! Выйди!

Шорох теперь звучал так, словно это самое тяжелое тело безостановочно двигалось к выходу из пещеры. Сварог отступил на несколько шагов, поудобнее перехватив древко топора. Судя по тяжелому запаху, с премудрым змеем дела обстояли крайне скверно и у него в преддверии смерти мог испортиться характер...

Ага! Из пещеры показалась змеиная голова, большая, размером с баранью, не плоская, как обычно бывает у змей, а словно бы высоколобая. За ней медленно-медленно потянулось тело — и, наконец, Лотан вытянулся на песке целиком, во всей красе.

Хотя какая уж там краса... Наоборот. Лотан, вопреки легендам, оказался не особенно и велик, длиной уарда в четыре и толщиной с фонарный столб. Зеленоваточерная чешуя во многих местах осыпалась, открыв сочащееся гноем темно-красное мясо. Змей лежал на боку,

выставив белесоватое брюхо — тоже во многих местах лишенное чешуи. У обычных змей не бывает век, но у Лотана они были, светло-серые, и сейчас наполовину прикрывали желтые глаза с черным вертикальным зрачком. Они так и не поднялись, когда змей устался на Сварога.

Иные старые картинки, как сейчас оказалось, изображали Лотана в полном соответствии с реальностью: большелобая голова, по обе стороны от нее двумя вертикальными рядами — шесть поменьше.

Вот только Лотан уже не был с е м и г л а в ы м. Живой, пусть и подрастерявшей чешую, осталась одна, главная. Слева от нее, пониже, торчал голый череп, сразу видно, пустой изнутри, лишь кое-где покрытый клочками чешуи. Череп справа и пониже пребывал в еще более худшем состоянии: нижняя челюсть давно отвалилась. С остальными четырьмя обстояло и вовсе печально: черепов нет, остались лишь четыре позвонка, торчащие из гниющих ран. Это конец, подумал Сварог, вряд ли застанешь его в живых, вернувшись через неделю, так что следует рассчитывать на один-единственный вопрос. И следить за языком. Не дай бог, машинально сболтнешь что-нибудь вроде «Давно вы здесь?» — и это как раз и окажется тот единственный вопрос, на который ты имеешь право...

Змей лежал на боку, вытянувшись, не поднимая головы из песка, разглядывая Сварога с непонятным выражением полузакрытых глаз. Сварог превозмогал тяжелый запах, как только мог.

— Посмотрите-ка... — сказал Лотан. — Король Сварог Барг собственной персоной...

Сварог едва не бухнул: «Вы меня знаете?» — чем бесповоротно погубил бы единственный шанс задать настоящий, серьезный вопрос. И настрого наказал себе сначала произносить мысленно каждую реплику, а уж потом изрекать ее вслух.

— Пришли задавать вопросы? — спросил Лотан, не шевелясь.

— Да, — сказал Сварог. — Это возможно...

— Конечно, — сказал Лотан. — Только, как сами видите, больше одного-единственного вопроса вам не задать... — он испустил несколько кашляющих звуков, что в змеином языке соответствовало смеху.

— Значит, я могу задать вопрос...

— Можете, — сказал Лотан. — Но будет условие.

«Все-таки загадки начнет загадывать?» — подумал Сварог, но на сей раз, как и решил, про себя, не торопясь проговорил фразу.

— Я готов выслушать ваше условие, — сказал он.

— Ну что же, вы умно держитесь, — сказал Лотан бесстрастно. — Кто-нибудь другой тут же спросил бы: «Какое условие?» и все потерял бы... Потому что я сомневаюсь, что через неделю буду в состоянии отвечать на вопросы... Условие простое, нетрудное. После того, как выслушаете ответ, отрубите мне голову. Все, что я о вас знаю, позволяет судить, что вы это проделаете без моральных терзаний... Вы ведь понимаете ситуацию?

— Конечно, — сказал Сварог.

Что ж тут не понять? Не хотелось премудрому змею еще несколько дней агонизировать, уже наполовину сгнивши заживо. Он мог бы, конечно, сползти в реку и лечь на дно, там достаточно глубоко, уарда три, но тонуть — процедура паскудная и долгая. Зато молниеносный взмах лучшего в мире топора — это мгновенно. Сварог подумал, что на его месте поступил бы точно так же.

— Обещаю, — сказал он спокойно.

— И каков же будет вопрос?

Сварог какое-то время медлил. Собираясь сюда, он долго и старательно все обдумывал, примерно из десятков двух отобрал те вопросы, что казались ему самыми важными и нужными. Семь. А оказалось, задать он может один-единственный...

Все. Он больше не колебался. Спросил:

— Кто Воплощение Воздуха?

Почти без паузы Лотан ответил:

— Безумный Зодчий, — и вновь издал змеиный смешок. — Честное слово, не рассчитывайте, что я протяну

еще неделю. Если и получится, буду в беспамятстве и из него уже не выйду...

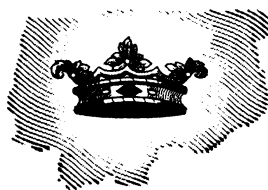
Он перевернулся брюхом вниз, вытянулся, полностью прикрыв глаза. Произнес бесстрастно:

— Вы обещали, король Сварог.

Сварог сделал шаг вперед, не испытывая ни малейших эмоций, кроме сожаления от того, что больше так ничего и не узнать. Доран-ан-Тег взлетел, рубин в намершии кроваво сверкнул в лучах полуденного солнца.

Шагая прочь по песчаному берегу, он думал: это все-таки лучше, чем ничего, это след. Лотан никогда не врал. По крайней мере, теперь точно известно, кто. Быть может, Гинкер оттого так и интересовался Безумным Зодчим, что знал не что? Нужно внимательнейшим образом изучить его бумаги, которые Сварог в свое время проглядел лишь мельком, полагая Безумного Зодчего, как и многие, чисто мифологической фигурой. Есть еще тот монах, о котором рассказывал дядюшка Патек, по его словам выходило, что тот разговор состоялся не так давно и монах жив-здоров, если поднять на ноги орду сыскарей...

Одним движением превратив мантию в крылья, он взвился в воздух.

Глава V

НОВОСТИ, ПРЕТЕНЗИИ, ЗАГАДКИ

— Конечно, разговор у нас исключительно приватный и крайне деликатный, — сказал Канцлер. — Определенным образом, если пройти по некоторой цепочке, вы все же мне *ч а с т и ч н о* подчиняетесь, как все прочие, кто состоит на государственной или военной службе. Но *в а м* я приказать ничего не могу, и мы оба прекрасно понимаем, почему... Поверьте, — добавил он быстро, — я никоим образом не хочу вас обидеть, вообще как-то задеть.

— Верю, — сказал Сварог.

— Я к вам искренне расположен...

— Верю, — повторил Сварог вежливо.

— Давайте начистоту... — Мне кажется, вы с Яной чересчур увлеклись странствиями по земле. Вы ведь прекрасно понимаете, ваши перемещения постоянно... — он замолчал, сердито шевеля губами.

— Отслеживаются, — сказал Сварог, ничуть не сердясь.

— Вы должны меня понять. Как Канцлер Империи я просто обязан это делать. Заботясь в первую очередь о безопасности императрицы...

Ах, как славно было бы, с нахальной усмешкой глядя ему в глаза, исполненным скрытого ехидства тоном произнести с расстановкой: «А где же вы были несколько

лет назад с вашим всезнающим Гаудином, когда ее едва не сделали записной шлюхой?» Но, увы, эта реплика, скорее всего, так никогда и не прозвучит...

— Простите, Канцлер, — сказал Сварог. — Я что-то не припомню случая, когда она, будучи со мной, подвергалась бы опасности...

Канцлер досадливо вздохнул.

— Вполне возможно, я неверно формулирую... — сказал он. — Речь, собственно, идет не о безопасности... Но вы, по моему глубокому убеждению, и в самом деле чересчур уж увлеклись земными странствиями. То она на ночует в вашем ронерском дворце, то вы с ней, как ни в чем не бывало, одетые даже не дворянами, а градскими обывателями, заявляетесь в Снольдер на Милетскую ярмарку и развлекаетесь там, как принято у простолюдинов: карусели-качели, бег с сырыми яйцами в ложках и все прочее... Сидите в кабачках в Ремиденуме среди буйных студентов, у которых каждая вторая песня — непристойная... И самое удручающее, что ни она, ни вы не надеваете «маски». Мне известно совершенно точно.

— Знаете, что самое забавное? — спросил Сварог. — Что ее ни разу не опознали, даже в моих королевских дворцах. Чисто психологический момент: никому и в голову не придет, что эта красивая девушка в простом гильдейском платице, со скромными, приличествующими гильдии украшениями — императрица. Даже мои придворные, которые частенько, согласно своей привилегии, смотрят телевизор и частенько проходят мимо ее парадных портретов, ее точно так же не узнают. Никому в голову не приходит, что Императрица Четырех Миров способна появиться вот так, запросто... особенно на ярмарке, в заведении для гусиных боев или скромном кабачке. Между прочим, за пределами дворцов меня тоже практически не узнают. По тем же самым психологическим мотивам: очень мало людей знают, что я вот так, запросто, выхожу порой в народ... К чему еще и «маски»? Я ведь никогда ее водил и не поведу ее в какое-нибудь по-настоящему ненадежное место: подозрительные портовые кабачки, таверны с плохой репутацией и так далее...

— А ваши приключения в Пограничье? Когда вы провели ночь на постоялом дворе «Синий вебрь» и даже ходили на местные танцульки? Опять-таки без «масок»...

— «Синий вебрь» по земным меркам — вполне приличное заведение, — сказал Сварог. — Весьма уважаемое на большом тракте: чистая публика, хозяин без подозрительных связей, моя тайная полиция его давно проверила. Ну да, что скрывать — там есть и бордель. А как же иначе — большой тракт, много проезжающих... Но он расположен примерно в полулиге от «Вебря», на отдельном подворье, и девушкам строго запрещено появляться на постоялом дворе. Яне там очень понравилось, она сама меня просила свозить ее в какое-нибудь местечко погуще и попроще...

Канцлер протянул самым саркастическим тоном:

— Уж не хотите ли вы сказать, что ей понравилось и происшествие на танцульках?

— Да какое уж там происшествие...

— А как это еще назвать, по-вашему? — фыркнул Канцлер. — Подвыпивший гуртовщик хлопает ее пониже спины и предлагает пойти с ним за полдюжины серебряшек...

— Судя по вашей осведомленности, там были ваши люди?

— Конечно, — мрачно сказал Канцлер.

Сварог усмехнулся. Называть тот пустяк «происшествием» — явное преувеличение. Яна, даже не оборачиваясь, врезала локтем нахалу пониже пояса с кошелем, а подоспевший Сварог за шкурку вывел пьянчугу во двор и поучил правилам хорошего тона — не особенно увлекаясь, так что тот ушел на своих ногах. Никто их с Яной и словом не попрекнул — гуртовщик-пьяница откровенно нарушил этикет приличных деревенских танцев, для него могло обернуться и похуже...

— Значит, вы должны знать, чем все кончилось. Нарушитель этикета — а в подобных местах, надобно вам задать, с в о й этикет соблюдается не менее строго, чем где-нибудь при дворе, — получил свое, мы с Яной преспокойно протанцевали до закрытия... Ну да, мы там ночева-

ли. И что? Все равно согласно подорожной мы числились супружеской парой из Галевина... и неподалеку от нас, кстати, всегда были четверо моих орлов из тайной полиции. Все.

— Вы считаете нормальным, когда императрицу хлопают по заду, как обычную девку?

— Этот пьянчуга и представления не имел, что перед ним императрица, — усмехнулся Сварог. — А Яна особого значения этому придавать не стала, если чем и возмущалась потом, так-то тем, что ее оценили всего-навсего в полдюжины серебрушек...

— Давайте все-таки держаться посерьезнее, — сказал Канцлер. — Вам не приходило в голову, что вместо шлепка по заду мог быть и удар ножом в спину?

— Исключено, — серьезно сказал Сварог. — Никто не мог знать заранее, что мы будем именно там. Поймите, Канцлер, это не я ее силком таскаю по всем этим местам, это она частенько заявляет, что хочет развлечься внизу — самым пристойным образом, во вполне приличных местах... И мне кажется, что-то ей н у ж н о. Всегда прибавляет бодрости и веселости. Вы же должны лучше меня знать, что она недолюбливает Келл Инир... И ц е р е м о н и а л ь н ы е развлечения тоже. Ничего страшного, в конце концов, не происходит. Вы ведь должны видеть какой веселой и оживленной она возвращается из таких поездок.

— Предположим, — пробурчал Канцлер. — Видел.

— Мало ли наших молодых дворян — да и людей постарше — частенько развлекаются внизу?

— Но она и м п е р а т р и ц а, — сказал Канцлер. — Для ее величества подобное поведение в глазах многих выглядит предосудительно. При дворе уже ползут шепотки, бросающие легкую тень на репутацию Яны...

Ну вот тут-то Сварог знал, чем ответить. Нарочито бесстрастным, даже чуточку наивным тоном он сказал:

— Неужели вы хотите меня уверить, что т а к о е происходит впервые за всю историю Империи? Знаете, мне недавно дали почитать очень интересную книгу, сочинения некоего барона Клегга «Там, под облаками». Чертов-

ски интересная книга. Из нее следует, что немало императоров — а то и императриц — частенько развлекались на земле... причем порой далеко не так безобидно, как мы с Яной. Насколько я помню, всего-то лет двести назад императрица Агнеш, будучи еще молодой и незамужней, неделями жила на Бараглайском холме у своего... знакомого художника. Который к тому же написал три ее портрета, где из одежды на ней имеются лишь украшения. Говорят, все три до сих пор находятся в архиве императорской фамилии. Тогда тоже поползли шепотки, но Агнеш их пресекла быстро и решительно...

Он чуточку блефовал. Книгу эту еще ни читал, Яна только вчера обещала дать, но рассказала об императрице Агнеш. И обещала как-нибудь показать и портреты — художник со временем стал знаменитостью, как и многие другие люди искусства, с которыми дружил Агнеш, какое-то чутье у нее было на таланты...

— А, ну конечно... — саркастически ухмыльнулся Канцлер. — Уникальная книга, существующая лишь в семи экземплярах...

— Мне говорили — в шести.

— Шесть — в Императорском архиве, — усмехнулся Канцлер. — Седьмой у меня, под семью замками, конечно. А вам известно, как реагировал тогдашний император на творение барона? Он-то как раз терпеть не мог подобные развлечения. Ну, и забота о чести фамилии... Клефт не успел напечатать в своем маноре и сотни экземпляров. Их все до единого изъяли вместе с рукописью, рукопись уничтожили, книги тоже, уцелели только эти семь. Барона лишили придворных чинов и военных званий, сослали на Сильвану, где он и прозябал в довольно унылых местах почти десять лет. Потом старый император умер, его преемник вернул барона на Талар, восстановил в чинах и званиях, но книга все равно осталась под запретом...

Сварог с крайне наивным видом спросил:

— И что, это означает, что книга лживая и клеветническая?

Хмуро уставясь на него из-под густых бровей, Канцлер проворчал:

— Там все правда, от начала и до конца. Но нужно же заботиться о репутации императорской фамилии. Принц Элвар, в конце концов, мужчина, и к его чудачествам как-то притерпелись со временем. Но Яна — молодая девушка. Женское поведение всегда судят строже, чем мужское. А здесь... Сначала она годами пропадала в Каталауне с Элваром, вращаясь среди пограничных головорезов, контрабандистов и обычного простонародья. Суший сорванец с исцарапанными руками, ужасными манерами, знанием словечек, которые никак не должна была знать. Теперь вот вы потакаете ее прихотям. Ручаться можно, ни разу не пробовали ее отговорить...

Сварог усмехнулся:

— Вы знаете Яну гораздо дольше моего... Легко ее отговорить, если она что-то задумала? Знаете, в чем дополнительная трудность, Канцлер? Она в ы р о с л а. Именно так. Я окончательно убедился. И больше никогда в жизни не назову ее «взбалмошной девчонкой». Вы знаете ее дольше, но я б л и ж е к ней, чем вы. Так вот, говорю вам со всей серьезностью: она выросла. Все, что вы наблюдаете, — уже не взбалмошность, а продуманные поступки вполне взрослой молодой женщины, желающей вести именно т а к о й образ жизни. Или вы считаете, что я ошибаюсь?

— Да нет, — проворчал Канцлер. — И все равно: старинные установившиеся традиции, репутация монарха... Мнение двора, наконец, которое нельзя игнорировать совершенно... — он поднял на Сварога хмурый взгляд: — Знаете, что в последнее время особенно шокировало двор? То, что она по нескольку дней гостит у вас в Х е л ь с т а д е...

Последнее слово он произнес со столь непередаваемой интонацией, что Сварог окончательно убедился: в желании Яны заполучить титул королевы Хелльстада не было ни капли забавы. Ох, она их построит, научит чистить сапоги с вечера и надевать на свежую голову. К а к он произнес «Хелльстад»...

Сварог пожал плечами:

— Не могу же я ее туда не пускать? Гнать прочь? Ей там нравится... и больше всего то, что она, по ее собствен-

ным словам, которые вовсе не просила держать от вас в тайне, т а м полностью свободна. От всего и от всех. Это опять-таки не слова взбалмошной девчонки, Канцлер, это прозвучало так, словно было сказано вполне взрослым человеком... Выросла девочка, что поделать. И точно знает, как ей хочется жить.

Какое-то время Канцлер угрюмо молчал, глядя в сторону, потом спросил:

— Она намерена там оставаться еще на несколько дней?

— Да, — сказал Сварог. — Все равно неотложных государственных дел не предвидится... да и когда они были в обилии? Вы лучше меня знаете, что государственные дела у нее отнимают пару-тройку часов в неделю, империя — это отлаженный механизм.

— Где она сейчас? В этом вашем летающем замке?

Сварог ничуть не удивился, что Канцлеру известно о существовании Вентордерана: с высоты немногим более лиги его можно прекрасно рассмотреть и невооруженным глазом.

— Да, конечно, — сказал он. — Очень уютный замок. Кстати, я от чистой души готов пригласить вас в гости. Да и вообще показать вам Хелльстад, чтобы вы убедились своими глазами: нет там никаких особенных ужасов. Попадает-ся кое-что... странноватое, но далеко не на каждом шагу.

— Благодарю за приглашение, — сказал Канцлер ровным голосом. — Постараюсь как-нибудь непременно воспользоваться, когда буду свободен от дел... Пока что слишком много времени уходит, чтобы Империя оставалась тем самым отлаженным механизмом... В замке она в полной безопасности?

— Вы полагаете, я оставил бы ее там одну, существуя хоть малейшая опасность?

— И что она сейчас делает?

Сварог взглянул на часы:

— Скорее всего, уже отправилась гулять. Помните, я вам рассказывал про военно-морской санаторий, сохранившийся со времен до Шторма? Она как раз собиралась его осмотреть.

— Гуляет по Хелльстаду?... — вырвалось у Канцлера едва ли не со стоном.

В глазах у его стояло нечто такое, что Сварог в который раз убедился: Яна была права, подсознательный страх перед Хелльстадом прочно засел тут в головах. Даже Канцлер побледнел чуточку...

— Успокойтесь, Канцлер, — сказал он насколько мог убедительнее. — Она отправилась туда в замке.

— Но ведь она выйдет... Будет ходить там, осматривать здания...

— Я принял все возможные меры, — сказал Сварог. — Ей в тех местах абсолютно ничего не грозит, но все равно, охрану я к ней приставил сильную. Вы и представить не можете, как надежно ее охраняют...

Он нисколько не преувеличивал: Золотой Кот в роли гида, шесть гармов, не отступающих ни на шаг, полдюжины Золотых Филинов несут стражу в воздухе, а для вящей надежности уардах в двухстах над всеми парит Золотой Дракон. При малейшем намеке на опасность земля будет гореть на лигу вокруг, не говоря уж о том, что способна натворить полудюжина разъяренных гармов...

— Честное слово, Канцлер, она в полной безопасности, — твердо сказал Сварог.

— Вашими бы устами... — проворчал Канцлер. — Ладно, поговорим о делах... О самых серьезных...

При всем уважении к Канцлеру Сварог не удержался от матерного выражения в его адрес — мысленно, конечно. Явился разговаривать о самых серьезных делах, с них и надо было начинать, а не лекции читать насчет морали и правил хорошего тона...

— Вы, наверное, согласитесь, что самую большую опасность для нас представляют токереты? — спросил Канцлер. — Собственно, не для нас — для Харума. Но, и в этом ничего хорошего. Особенно если учесть, что они, тут двух мнений быть не может, стали дружить с Горротом — а что творится в Горроте и кто там засел, мы до сих пор понятия не имеем...

— Вы не исключаете, что Ледяной Доктор все же остался жив?

— Исключаю, — сказал Канцлер. — Категорически. Труп был исследован всеми возможными методами и опознан.

— Но должны были быть помощники, ассистенты, лаборанты, не знаю, кто там еще...

— В свое время они все погибли, — сказала Канцлер. — В архивах восьмого департамента есть все материалы, изучите... Итак, токереты... В н ы н е ш н е м своем виде они представляют опасность только для жителей земли. А вот что они намерены делать дальше... Не зря же в том документе упоминается проект «Нормальный размер».

— Вот именно, — сказал Сварог. — Ребятки, я сам убедился, агрессивные до предела. А значит, на уме у их всякие пошлости: обрести нормальные размеры, выбраться наверх и начать захватывать все, что удастся...

— Очень похоже.

— Я абсолютно не разбираюсь в таких делах... — сказал Сварог. — У м е н ь ш и т ь человека можно, я на своей шкуре убедился, когда меня сбросили в ту чертову детскую игрушку... А вот увеличить? Есть какие-нибудь технологические возможности? Технологические приемы?

— Давным-давно, — сказал Канцлер. — У н а с. Правда, никто до сих пор не занимался увеличением человека, потому что это, собственно говоря, ни к чему. Ну, зачем? Когда открыли этот эффект, ученые какое-то время забавлялись, увеличивая мышек до размеров быка... ну, и тому подобное. Очень быстро им это надоело, и работы прекратились. С неодушевленными предметами они продолжают до сих пор: так создаются летательные аппараты, замки, в общем, многое. Так рациональнее. Понимаете? Если изготовить самым искусным образом, допустим, замок и увеличить его с помощью генераторов, экономия энергии составит процентов сорок.

— И, попади к ним в руки эти технологии, они смогут точно так же увеличить свои подводные лодки?

— Вполне возможно. И еще какое-нибудь оружие, о котором мы пока не знаем, — Канцлер усмехнулся. — И все мы здесь понимаем, в чем для них состоит главное препятствие. Энергия. Эти процессы требуют громадно-

го расхода энергии. Мы у себя располагаем установками для получения энергии. Они — вряд ли. И мы ни разу не засекали работу чужих накопительных установок. Это внушает некоторый оптимизм.

— И в Горроте тоже не засекали?

Канцлер бросил на него быстрый взгляд:

— Вы же прекрасно знаете, что в Горроте мы ничего не в состоянии засечь... — его лицо стало жестким. — Вы полагаете, что в Горроте...

— Ничего я не предполагаю, — сказал Сварог. — По недостатку информации. Гадать можно как угодно, но до истины все равно пока докопаться невозможно...

— А у себя? — сказал Канцлер, не сводя с него пристального взгляда. — Вы их так и не нашли?

— Ищем день и ночь, — сказал Сварог. — Есть там у меня устройства... В конце концов, огромная подземная пещера — не иголка. Найдем, я распорядился в первую очередь искать возле Итела, пещера наверняка примыкает к Ителу, иначе они вряд ли смогли бы выпускать в реку свои подводные лодки... Работаем крайне деликатно, чтобы не спугнуть их, мало ли что от них можно ожидать... — он невесело усмехнулся. — Это оружие ларов в Хелльстаде не работает, а вот насчет токеретов, боюсь, обстоит совершенно иначе. Я своими глазами видел, как их вертолеты лупили из пулеметов — а у них есть кое-что и почище пулеметов... Если они решат вылезти и пойти на меня войной, мне, честно говоря, придется туго. Мне-то воевать практически нечем.

— А что, ваш предшественник не озаботился оружием? — небрежно спросил Канцлер.

Слишком небрежно...

— То-то и оно, что нет, — сказал Сварог самым естественным тоном. — Полное впечатление, что они его совершенно не заботили, обе стороны держали нейтралитет. Так что мне нужно быть очень осторожным...

Трудно сказать, поверил ему Канцлер или нет.

— Ну, и на земле есть кое-какие следы, — сказал Сварог. — Я ведь приготовил вам в свое время обстоятельный доклад и, честное слово, ничего не утаил...

— Да, чтение интересное, — кивнул Канцлер. — Сотни полторы лет назад их обнаружили, пытались даже захватить лодку — с их-то скудным арсеналом средств.... Мы конечно, пустим в ход что-то более действенное, — он положил перед Сварогом большой белый конверт с эмблемой высшей секретности. Почитайте потом, вам положено по должности... Я решил создать новое подразделение — Морскую бригаду. Центр управления, орбитальные станции слежения за морскими глубинами, такие же станции на дне, кроме того, примерно двести боевых машин, идеально приспособленных для уничтожения подводных лодок. Примерно десять процентов — с экипажами, остальные — боевые автоматы. Максимум через десять дней мы будем всем этим располагать... — он опустил голову, поморщился. — И вот здесь возникает не вполне приятная коллизия... Я в сложном положении. Императрица желает поручить командование бригадой вам... а я, простите, полагаю, что вы и без того загружены самыми разными делами. Поймите меня правильно. Я вовсе не имею ничего против вас. Я вам доверяю. Но если вспомнить, сколько вы уже на себя взвалили...

— Все правильно, — сказал Сварог, ничуть не кривя душой. — Двести боевых машин, система станций слежения... Нет уж, еще и э т о я просто не потяну.

— Рад, что вы это понимаете, — сказал Канцлер с некоторым облегчением. — Есть отличная кандидатура — маркиз Оклер, лейтенант Серебряной бригады. Очень перспективный офицер...

— Я его немного знаю, — сказал Сварог. — Толковый малый.

— Тем лучше. Значит, сработаетесь. Я хочу, чтобы вы с ним работали в самом тесном сотрудничестве. И я надеюсь...

— Я постараюсь уговорить императрицу, — сказал Сварог. — В конце концов, шея у меня не железная, я не могу волоочь с т о л ь к о...

Наступила какая-то неловкая пауза — скорее всего, это было единственное дело, с которым пришел Канцлер. Но поскольку он так и сидел в кресле, Сварог тоже не вставал и не задавал вопросов. Субординация как-никак.

Канцлер вдруг поднял голову, и на его лице вновь появилось что-то вроде тревоги:

— Я надеюсь, вы обеспечите ей в Хелльстаде полную безопасность. Как у вас в Балонге?

— Полный порядок, — сказал Сварог. — Заговорщики переловлены все до одного, все спокойно...

Он не стал пока что рассказывать Канцлеру о черном камне-компьютере — не собирался скрывать вообще, просто-напросто рано. Посмотрим, не удастся ли что-нибудь сделать собственными силами, а уж потом...

— Канцлер, я бы хотел задать еще один вопрос... — сказал Сварог. — Вы сами согласились, что я занимаю довольно высокое положение: восьмой департамент, девятый стол... И тем не менее есть вещи, которых я до сих пор не знаю. А мне их, думаю, полагалось бы знать. В конце концов, это касается и меня, как земного короля... Что это за люди — Вингельт с компанией? Вы не считаете, что мне нужно знать т а к и е вещи? В архивах восьмого департамента я о них ничего не нашел.

Канцлер поморщился, словно бы досадливо, долго молчал.

— Ну, хорошо. В конце концов... — сказал он нехотя, — есть в архивах материалы, есть. Просто вы не знали, что речь идет именно об этой компании... «Дело о хитрых мастерах» — так это именуется. Неужели не попадалось на глаза?

— Что-то такое припоминаю, — сказал Сварог. — Очень тощая папочка. Циркуляры о выявлении н е о б ы ч н ы х технических средств, каким согласно уровню земной науки и техники вроде бы и появляться не должно. И дюжины две рапортов — в большинстве своем проистекающих от излишнего служебного рвения. Единственный из них толковый касается Тагарона с его винтом...

— Это о них, — отводя взгляд, сказал Канцлер. — Именно так их и зашифровали, ради пущей конспирации. Черной магии там нет, ни следа. Так что, если подумать, название полностью отвечает ситуации. Хитромудрые мастера...

— Кто они? — спросил Сварог.

Канцлер выбрался из-за стола и, заложив руки за спину, прошелся по комнате наискосок. Лицо у него было хмурое и озабоченное, и Сварог стал уже подозревать, что не дожидется ответа... Ну, что же, вернуться в Хелльстад и пошарить по кое-каким базам данных, коли уж начал...

Вернувшись к столу, Канцлер уселся и снова помолчал, с тем же хмурым видом, чуть ссутулившись.

— Это лары, — сказал он наконец тусклым, усталым голосом. — Это самые настоящие лары, среди них есть даже парочка моих дальних родственников, — он упорно не встречался со Сварогом взглядом. — Видите ли, когда случилась Выюга... в обществе начались очень оживленные дискуссии по поводу будущих путей развития. Большинство придерживалось консервативной точки зрения — окончательно уйти за облака и вести именно такой образ жизни, который вы сейчас наблюдаете. Мы сами по себе, земля сама по себе... ну разумеется, под надлежащим присмотром и контролем. Нашлось еще и меньшинство, предлагавшее прямо противоположное: остаться на земле и поднимать ее развитие до нашего уровня. Как вы, должно быть, догадываетесь, меньшинство проиграло. Время было тяжелое и сложное, накал дискуссий крайне жарким... — он поднял голову, криво улыбнулся: — Нет, не подумайте, никакой схватки, гражданской войны, хотя иные горячие головы и готовы были схватиться за оружие... Разойтись, удалось, в принципе мирно. Мы ушли за облака, а они остались внизу. Конечно, прихватив с собой немало техники и неплохую электронную библиотеку... Было их всего-то человек пятьсот...

— И что потом? — тихо спросил Сварог.

Канцлер бледно улыбнулся:

— А ничего, собственно. Они пропали. Была еще парочка бурных лет, всем стало не до них, когда все немного успокоилось, их стали искать — и не нашли. Нет, они не погибли — они просто **р а с т в о р и л и с ь** в неизвестности. Мы наблюдали очень внимательно, но они никак не проявляли себя. Даже и не пытались, согласно своим прежним убеждениям, «поднимать» землю на новый уровень прогресса, — взгляд у Канцлера был жесткий, холод-

ный. — Видимо, поняли, что мы без труда сможем этому помешать. С тех пор ситуация так и осталась без изменений: мы так и не смогли никогда задержать ни одного из них, но мы знаем, что они где-то там, — он ткнул пальцем в пол. — Что где-то есть лаборатории, что они занимают-ся чем-то с в о и м, их наука пошла в ином направлении, нежели наша. Они ни разу не пытались что-либо против нас п р е д п р и н я т ь. Они просто укрываются где-то мастерски и занимаются своими делами.

— Причем иногда даже помогают, как в случае с Багряной Звездой?

— Они помогли Т а л а р у, а не нам, — сказал Канцлер. — Мы их вообще больше не интересуем. Они считают наш путь развития тупиковым... а я считаю то же самое касательно их. Подумайте сами: что они могут сделать и что изменить? Были паникеры, считавшие, что они копят оружие и собираются в один прекрасный день развязать против нас войну... но прошло тысячи полторы лет, и эти прогнозы не подтвердились. Так что ситуация... не знаю даже, как ее и охарактеризовать. Они сами по себе, мы сами по себе. Судя по тому, что вы рассказывали, они полагают крайне интересными вещичками... Но никого из них так и не удалось взять.

— А почему бы их просто не оставить в покое? — спросил Сварог.

Канцлер рассмеялся коротко, трескуче.

— Очень пикантно слышать это от вас, к о р о л ь Сварог... — произнес он, не скрывая насмешки. — Особенно после того, как вы едва вернувшись из Каталауна с останками Багряной Звезды, собрали всех ваших руководителей тайных полиций и разведок и велели л о в и т ь людей из компании господина Вингельта, приложив все мыслимые усилия... Кстати, составленные вашими сыщиками циркуляры почти слово в слово повторяют те, из «Дела хитрых мастеров»... Не подскажете ли, какие у вас были мотивы?

Сварог смущенно улыбнувшись — уел, уел! — пожал плечами:

— Ну как вам сказать... Когда в твоём королевстве вдруг

обнаруживается тайное общество с непонятными целями, причем обладающее нешуточной силой, поневоле встревожишься. Пусть даже они никак себя не проявили и ничего вроде бы не готовят...

— Все правильно, — кивнул Канцлер. — Вполне разумная предосторожность. Именно так рассуждали и мы. Силы нешуточные, цели абсолютно неизвестны...

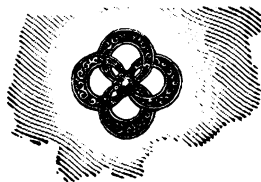
— Во всяком случае, ясно одно, — сказал Сварог. — Они никак не связаны с Горротом. Иначе ни за что не прятали бы настоящего Стахора.

— Логично... Но этого слишком мало.

— А вы не пытались как-то наладить переговоры, поискать компромисс...

— Они не пытались, — сказал Канцлер. — А мы попросту не знаем, где их искать. На Древние Дороги мы до сих пор не можем попасть... — его лицо исказилось самым настоящим охотничьим азартом. — Ничего бы я так не хотел, как поймать одного из них. Даже не допрашивать, а просто поговорить...

У Сварога, откровенно говоря, было такое же желание. И, провожая Канцлера до дверей согласно этикету, он вдруг подумал о самой простой возможности, про какую просто-напросто запамятовал за грудой дел. А ведь из этого могло бы что-то получиться, не такая уж глупая идея...

Глава VI

ПОХВАСТАТЬСЯ НЕЧЕМ

Глядя вслед степенно удалявшемуся Канцлеру, он увидел, как из кресла торопливо выскочил Элкон, наверняка дожидавшийся достаточно долго. В руке у него был небольшой и плоский пластмассовый пакет, в каких здесь держали здешние флэшки. Сварог закрыл за ним дверь, успев мимоходом кинуть секретарю:

— Меня — ни для кого, разве что по Белой Тревоге...

Элкон, не теряя времени, отрыл коробочку и выложил на стол четыре «спички» — белых, величиной с мизинец и синими круглыми головками. Одну тут же отложил в сторонку:

— Это — по «черному камню»...

Лицо у него было не радостное и не унылое — скорее уж юный соратник имел вид человека, пребывавшего в тягостных раздумьях. Сварог старался как можно реже устраивать н а с т о я щ и е разносы своему юному воинству и повышать на них голос, но на сей раз все же спросил достаточно жестко:

— Почему в электронном виде? Я же приказывал все материалы сделать исключительно в бумаге. Чтобы попали к Канцлеру чуть попозже...

Без малейших признаков смущения или раскаяния Элкон ответил:

— А они уже давным-давно попали к Канцлеру. Еще до нас. Это не первый такой камешек...

— Ну, тогда садитесь и докладывайте, — сказал Сварог. — Сначала о нашем.

Он чуть отодвинулся, и Элкон уселся за соседний стул перед компьютером. Вложил «спичку» в отверстие наверху синего конуса, пробежался по клавишам. Сварог присмотрелся. Довольно длинный текст, чье окончание уходило за нижний обрез экрана, показался ему китайской грамотой: сплошь химические формулы, непонятные значки, цифры, графики... И так — до самого конца, где стояла подпись одного из переманенных им у Магистериума ученых.

— Ничего не понимаю, — сказал он раздраженно. — Вы не додумались сделать какой-нибудь перевод?

— Я просто-напросто старательно запомнил все, что мне объяснили, — сказал Элкон. — Если совсем коротко, командир — это к а м е н ь. Самый обыкновенный камень, на роль компьютера подходящий не больше, чем эта вот ваша пепельница. Сохраняет линии магнитного поля, но сам магнитным полем не обладает. Ярко выраженная кристаллическая структура додекаэдрического типа. Вот тут, дальше, длинный список свойств. В реакцию с большинством химических соединений не вступает, разве что серная и соляная кислоты действуют на него разрушительно...

— Вы что, кислотой на него капали? — спросил Сварог. — Я же приказывал — не портить!

— Командир, дослушайте до конца, — сказал Элкон уверенно. — Все опыты на разрушение давным-давно проделывали с д р у г и м камнем, я просто считаю: если наш остальным полностью соответствует по составу, по всем параметрам, значит, и воздействиям подвергается тем же... Логично?

— Логично, — проворчал Сварог.

— В общем, это п р о с т о камень. Каким образом он в состоянии выступать в роли компьютера, никому и в этот раз непонятно. И тем не менее, как вы инструктировали, я после всех исследований и анализов дал его па-

трицию. У него в руках он вновь заработал как ни в чем не бывало...

— А что там с другими?

— До сих пор в руки восьмого департамента попали шесть, — сказал Элкон. — Пять были захвачены полтора года назад в одном из притонов ронерской «Черной благодати» — правда, все, кто там был, успели ускользнуть, и Гаудину досталась лишь пара сундучков с разнообразными предметами.

Если не считать камней, ничего нового там не оказалось — неплохой набор их «черных талисманов» и прочих меченых черной магией штучек. Но в том-то и дело, что к а м н и не несли на себе ни малейшего следа черной магии. Их тогда же самым тщательным образом исследовали. Тогда еще никто не знал, что это компьютеры. Их по окончании следствия положили в архив «текущих загадок» — ну, тот, куда складывают незакрытые дела в надежде, что позже по ним прибавится информации... А полгода назад ронерский фрегат захватил «Пьяного осьминога» капитана Латра. Был такой пират, не особенно и уважаемый в своей среде — за то, что баловал с черной магией, плавал на Диори к тем местам, что имеют очень уж скверную репутацию, даже пытался искать Черную корону. Вы лучше меня знаете: «приличные» джентльмены удачи таких забав не любят.

— Да уж... — кивнул Сварог.

— Капитан погиб при abordage, но примерно половина команды попала в плен. В капитанской каюте камень и нашли. Потом, когда их привезли на берег, в Морское бюро, стали вдумчиво допрашивать, и боцман, и кок показали интересные вещи. По их словам, камень этот подарил капитану какой-то морской дух. Оба пару раз видели, как капитан клал на камень руку, и тогда на столе вспыхивали как бы заключенные в прямоугольник ряды букв и непонятных значков. А над столом загоралась вроде бы карта, на которой были помечены разные корабли: иногда военные, но чаще всего — и н т е р е с н ы е купцы с ценным грузом. Оба клялись, что так и было — и уверяли, что пользоваться этой штукой мог только капитан, в ру-

ках кого бы то ни было постороннего она оставалась простым камнем... По-моему, это как две капли воды напоминает компьютер патриция, а? Ну вот... Потом камень через людей Гаудина в Морском бюро попал в Восьмой департамент и был признан аналогичным тем пяти. И после исследований — по сути, повторивших прежние — положен в тот же архив. Так что наш магистр ничуть не удивился, увидев этот камешек, скорее уж, скучающе пожал плечами: ну вот, еще один... Правда, у н а с было большое преимущество перед предшественниками: у нас имелся человек, способный с компьютером работать. Так что эксперты заставили патриция работать, а сами окружили его разнообразнейшей аппаратурой...

Сварог невесело усмехнулся:

— Я подозреваю по вашему унылому лицу, что и эти исследования закончились ничем?

— Ну да, — мрачно кивнул Элкон. — Аппаратура н и ч е г о не зафиксировала. Ни малейшего присутствия каких бы то ни было известных науке излучений. Никто не понимает, п о ч е м у эта штука работает, и никто не понимает, к а к. А в заключение — еще один интересный момент. 'Это не н а ш камень, не таларский. На Таларе просто-напросто не существует таких минералов. Что определили еще в первый раз, с той пятеркой. По той же методике был проверен и камень капитана Ланта, и наш. Проверить это было предельно просто: всего-навсего запросить архив департамента геологии канцелярии земных дел. На Таларе такого минерала нет... то есть он, быть может, и таится в каких-то неоткрытых залежах, но научному миру пока что не попадался.

— А другие планеты?

— Все поочередно, кто занимался камнями, приходили к тем же выводам и запрашивали соответствующие архивы, — сказал Элкон с видом отличника, прекрасно вызубрившего урок. — Ничего не нашли.

— Метеорит? — вслух предположил Сварог.

— Выдвигали и такую версию. Только доказательств никаких. Боюсь, командир, нам придется точно так же отложить дело в соответствующий архив...

— Пожалуй, — мрачно согласился Сварог. — Только сначала составьте донесение Канцлеру... Не представляю, что тут еще можно сделать, — он посмотрел на остальные «спички»: — А здесь у вас что?

Элкон чутьочку замялся:

— Помните... Вы как-то приказали мне, как следует пошарить в архивах и поискать что-нибудь странное, касающееся Горрота? Что-то, выбивавшееся бы из обычного хода вещей? Вы тогда особо подчеркнули: какую бы глупость я ни обнаружил, смеяться вы не будете. Лишь бы это было что-то с т р а н н о е...

— Прекрасно помню, — сказал Сварог. — Уговор в силе. Когда дело касается Горрота, мне абсолютно не до смеха... Откопали что-то?

— Не пойму, то ли странность, то ли несуразность... — он извлек «спичку» и вставил новую. — В отличие от предшествующей истории с камнями, эти бумаги списаны в «мертвый» архив, в ту его часть, что на жаргоне именуется «мусорный ящик». Знаете такую?

— Успел ознакомиться, — сказал Сварог.

— Ну вот... В восьмом департаменте не пропадает ни одна бумажка, то есть ни один файл, но «мусорная корзина» — это гроб. Сто против одного, что эти документы никогда не будут извлечены. Я бы тоже внимания не обратил, но я настроил поиск на «Горрот, события ближайших пяти лет». Там не было ровным счетом ничего интересного, в той куче, что на меня свалилась, но вот это... Как-то все чутьочку неправильно...

Сварог ощутил легонький охотничий азарт:

— Знаете, Элкон... Вот лично я верю в чутье. Поскольку не раз случалось, что оно меня не подводило. Может, и у вас что-то такое сработало? Пора бы. У человека на нашей службе рано или поздно должно появляться чутье, иначе грош ему цена... Показывайте, что там у вас.

Элкон не без запинки начал:

— Четыре года назад по приказу Стахора в Горроте начались грандиозные работы по установке новых межевых столбов и пограничных знаков. Охватившие все королевство. Автор донесения чутьочку недоумевал, зачем все это

затеяно: по его сведениям, старые межевые столбы были, в общем, в приличном состоянии и заменять большинство из них не было особенной нужды. Правда, они были самых разных видов и возрастов: от относительно новых до совсем старинных, поставленных пару сотен лет назад. Теперь и межевые столбы, и пограничные знаки заменяли на единый образец. Вот, посмотрите изображение. Как горошины из одного стручка.

— Объяснения какие-нибудь ходили?

— Широко ходили слухи, что это очередной каприз короля. Что Стахор намерен привести дороги своего королевства в единообразный, унифицированный вид. Никто не стал этому особо удивляться: в свое время у иных королей случались причуды и гораздо более странные. А здесь, как-никак, практическая польза...

— Не вижу пока ничего странного, — сказал Сварог.

— А оно все же есть, как решил в конце концов наш резидент, — сказал Элкон. — Сами посмотрите. Алые точки — это столбы и знаки. Тонкие голубые линии — большие тракты. Посмотрите, подумайте...

Он зажег контурную карту Горрота, усеянную помеченными алыми точками и тонкими голубыми линиями. Масштаб он выбрал не особенно большой, и точки сливались в сплошные алые линии, больше всего напоминавшие паутину: центр был в Акобаре, от него к границам расходились иногда прямые, иногда не особенно линии, соединенные поперечными.

В первый момент Сварог не увидел ничего необычного.

— Ну и что? — пожал он плечами.

— Я тоже не усмотрел сначала ничего странного, командир, — сказал Элкон. — А потом стал читать донесение дальше. По примеру его автора добавил на карте море и горы... А т е п е р ь? Так-таки ничего странного?

— А вот теперь странного хоть отбавляй... — сказал Сварог, присмотревшись.

Во-первых, столбы и знаки практически полностью очерчивали границы Акобара: цепочки знаков тянулись вдоль морского берега непрерывной линией, проходили по горам, по диким местам, где пограничных знаков не

меняют лет по пятьсот, а иногда и не ставят вообще. Вторых, алые ниточки межевых столбов пересекали горы, практически не петляя, даже там, где больших дорог отроду не имелось. В-третьих, пара-тройка обозначенных светло-синим больших трактов оказалась полностью лишена алых точек...

— Вы поняли, командир?

— Начинаю кое-что соображать, — сказал Сварог. — Когда-то пограничные знаки выставляли сплошной цепочкой вдоль в с е г о побережья? Кстати, на каком расстоянии друг от друга?

— Как обычно и полагается — две лиги.

— Да черт возьми! — сказал Сварог. — На морском побережье никто и никогда не выставлял пограничных знаков, что-то я среди известных самодуров ни одного не припомню... И посмотрите, как они идут по горам напрямик там, где дорог, собственно, и нет... А вот тут и вот тут — знаю я эти тракты — межевые столбы просто необходимы, но их нет...

— Там оставлены старые.

— Это ж сколько труда нужно было вбухать...

— Работали восемь месяцев, — сказал Элкон. — С предельным напряжением сил. И, вот что интересно, совершенно непонятно, из каких источников эта стройка финансировалась. По подсчетам резидента, она должна была поглотить не менее трети годового бюджета государства, но изъятия таких сумм из казны не зафиксировано... впрочем, как и из личных королевских средств. Слово пришедшего неизвестного благодетеля, располагавшего неограниченными средствами, и все оплатил... В общем, резидент высказал заключительное мнение, звучавшее примерно так: по его убеждению, коли уж часть больших трактов осталась без новых столбов, которые просто обязаны там быть — главные дороги королевства, где и заботиться о престиже, как не там? — коли уж с точки зрения нормального землемера и строителя дорог — эти столбы в горах, в глухих местах выглядят совершенно ненужными, коли уж пограничные знаки вдоль моря и опять-таки непроходимых гор смотрятся совершенным идиотством — дело за

служивает самого пристального рассмотрения. Очень уж это не похоже на весьма неглупого короля Стахора, никогда не позволявшего себе раньше такого самодурства, да еще с подобным размахом... Одним словом, он требовал детального расследования.

— Его провели? — спросил Сварог.

Элкон печально усмехнулся:

— Посмотрите резолюцию начальника отдела, командир...

Сварог прочел вслух:

«У меня создалось впечатление, что нашему любезному лорду Раутару скучновато в Горроте, и он никак не может подобрать себе настоящего дела. Стоит подумать, чтобы использовать его таланты где-нибудь в другом месте...»

— Постойте... — сказал Сварог. — Лорд Раутар... Т о т с а м ы й?

— Именно, командир. Так уж вышло, что у него сложились неприязненные отношения с начальником отдела... Короче говоря, бумага не получила хода. Раутара перевели в Снольдер, с понижением. Позже ему все-таки удалось вернуться в Горрот, уже рядовым агентом... но вы лучше меня знаете, что с ним произошло.

— Да, — бесстрастно сказал Сварог. — Гораздо лучше...

Четыре года назад, подумал он. На троне тогда еще преспокойно сидел н а с т о я щ и й Стахор. Это запутывает интригу, а? Те, в домике на обочине Древней Дороги, несомненно, настоящие Стахор и Эгле... Что творится? Неизвестно кем оплаченный грандиозный труд в масштабах всего королевства, столбы и знаки, которые далеко не везде отвечают своему истинному предназначению, а примерно в половине случаев попросту не нужны...

— Когда полностью завершилось строительство? — спросил он.

— Вот тут есть точная дата, — сказал Элкон. — Король устроил праздник, раздавал награды и пожалования...

— А через сколько времени после этого территория Горрота стала непроницаемой для наших средств наблюдения?

Элкон долго смотрел на него, по-детски разинув рот. И наконец выдохнул:

— Командир, вы гений...

— Услышу еще раз что-нибудь подобное — уволю, — хмуро сказал Сварог. — Никакой я не гений. Просто не верю в совпадения. Воздвигнута предельно странная сеть межевых столбов и пограничных знаков, а вскоре... Так через сколько времени?

— Через две недели.

— А еще через несколько месяцев королю с королевой чудом удастся бежать, их место занимают подменыши и начинается черте что...

— Но ведь все возводилось еще при **н а с т о я щ е м** Стахоре?

— Быстро соображаете, Элкон, — сказал Сварог. — Конечно, при настоящем. Вот этого я пока что понять не в состоянии, тут своя загадка, и до нее еще докапываться... Но что касается знаков... Посмотрите, какая аккуратная паутина, в ней даже регулярность какая-то чувствуется...

— Защитная система? Излучатели?

— Вот уж наверняка что-то вроде, — сказал Сварог.

— Но наши системы не зафиксировали никакого излучения...

— Элкон... — поморщился Сварог. — Вы что, мало странностей видели за последнее время? А камушки-компьютеры, чье присутствие не фиксируется? А компьютер Бетты? Вот, кстати, нужно наконец заняться Беттой... А все остальное?

Он вспомнил летающую машину Вингельта, которую не засекли следящие за небом станции ларов. Тот же самый принцип. Который и в Хелльстаде себя прекрасно проявляет, кстати: там тоже ни капли магии, там, как поведал Золотой Кот, какие-то устройства по периметру Хелльстада, обеспечивающие и неуязвимость, и защиту от любопытных глаз и ушей... Установленные покойным королем еще в самые первые годы, когда он **о б у с т р а и в а л** свое хозяйство от любого постороннего вторжения.

Элкон нахохлился над столом. Хлопнув его по плечу, Сварог сказал наигранно бодро:

— Ну, что вы пригорюнились, господин лейтенант гвардии? Ничего жуткого не происходит. Это не дьявол, потому что дьявол, как меня заверяли монахи, никогда не делает ошибок. Это люди. Люди, не подумавшие, что эта странность может однажды кому-нибудь броситься в глаза. И какие-то другие технологии, только и всего.

— Да я ничего такого и не говорю... — сказал Элкон, подняв голову, браво выпрямившись, вообще стараясь смотреться соколом в глазах отца-командира. — Я вообще-то в дьявола не верю...

— А вот это вы зря, — сказал Сварог. — Я, например, с ним сталкивался нос к носу... После чего сомневаться в его существовании никак не могу, — перехватив вспыхнувший любопытством взгляд Элкона, он покачал головой: — Нет, как-нибудь потом, не до того. Давайте подумаем, что мы можем сделать... и можем ли мы на данном этапе что-то сделать...

Как уже не впервые случалось, он усмехнулся про себя, бросив взгляд на верного сотрудника. Элкон даже чуточку переминался на месте — ну да, не терпелось юному графу вскочить в седло, вонзить шпоры в бока горячего жеребца и нестись во весь опор, размахивая шпагой. Конечно, это уже не «детский сад», каким в первые недели безусловно были его юные сподвижники. Элкон и на войне побывал, и серьезными делами занимался, но все равно, много времени понадобится, чтобы воспитать его как следе т...

— Сядьте, Элкон, — усмехнулся он и уселся первым, подавая пример. — Сделать мы, собственно, не можем ничего. Можно было бы, конечно, подкатить пушку и шарахнуть научного любопытства ради по одному из пограничных знаков — а ну-ка, что с ним будет? Если это и правда один из множества излучателей некоей системы, он наверняка не каменный, а из какой-нибудь синтетики... Но... Во-первых, иная синтетика бывает тверже камня, а во-вторых, мы им покажем, что з н а е м. А вот этого никак нельзя. Мы не знаем о них ничегошеньки. Мы, в конце концов, даже не можем быть уверенными, что это система излучателей — хотя эта версия многое объясняет, в част-

ности, их полную закрытость от наших средств наблюдения...

— Наши наблюдательные системы ни разу не фиксировали какого бы то ни было излучения, исходящего от этих столбов.

— Ну, здесь снова две версии, — сказал Сварог. — Может быть, никакого излучения нет. А может, они работают на других технологиях, и у нас просто нет аппаратуры, способной что-то засечь. Наукой у нас, считая англандцев, занимаются всего-то человек триста. А этого, по-моему, маловато, чтобы изучать в с е. Даже располагая мощными компьютерами. Могут быть целые направления тех или иных наук, мимо которых мы просто-напросто прошли — при таком-то малолюдь. Или я рассуждаю, как невежда?

— Ну что вы, командир, — сказал Элкон. — В точности такие разговоры мне приходилось слышать и в самом Магистериуме. Кое-кто откровенно печалится, что не в состоянии объять необъятное. Самый лучший компьютер сам по себе научных открытий совершать не может...

— Хорошо, — сказал Сварог. — Давайте в качестве рабочей версии считать, что это и в самом деле система защиты. Она заставила наблюдателей ослепнуть и оглохнуть, она сбрасывает с небес любые наши летательные аппараты... а может, способна еще на какие-нибудь пакости. Очень уж много странностей и нехороших совпадений с ней связано... Допустим. Система. Ну и что? Мы понятия не имеем, кто там ею управляет и чем он еще располагает. И потому будем пока старательно притворяться, что ничего не замечаем...

— Вы будете докладывать Канцлеру?

— Чуть погодя, — сказал Сварог. — Думается мне, Канцлер придет к тем же выводам, что и мы сейчас, к чему тогда торопиться? У меня пока что есть одна идея... Сколько раз вы у меня просили разрешения тихонечко пошарить по архивам Кабинета Канцлера? Раз десять?

— Да уж не меньше, — ухмыльнулся Элкон. — Хотите сказать, что на этот раз...

— Ну что вы, Элкон, — сказал Сварог, ухмыляясь не без цинизма. — Запрет остается в силе. Что там у нас сказано

в Кодексе о компьютерной сети Империи? Помните наизусть?

— Конечно, — сказал Элкон. — Вы, простите, мне столько раз повторяли... Любому лару запрещено с помощью компьютерной сети Империи вторгаться в архивы Кабинета Императрицы, Кабинета Канцлера и в отдельные области имперских учреждений, точный список которых приводится...

Сварог ухмыльнулся очень уж цинично:

— Ключевые слова здесь — «компьютерная сеть Империи». Но Кодекс ни словечком не запрещает вторгаться в данные архивы с помощью других сетей. Исключительно потому, что не подозревают об их существовании, но какая разница? Мы не нарушаем закон, мы просто его обходим, пользуясь его несовершенством, а это совсем другое дело, вам не кажется?

— Другие сети... — повторил Элкон. И вдруг его лицо форменным образом озарилось: — Командир, неужели у вас в Хелльстаде...

— Полетели, — сказал Сварог, вставая. — Сюрпризы гарантированы.

...Искусно маневрируя алыми крыльями, Сварог описывал полукруг у массива Гун-Деми-Тенгри, держась на приличном расстоянии. Конечно, роботы не умеют врать и лишены коварства, но лишняя осторожность не помешает.

Не обнаружив никакой опасности, он решил и летел теперь буквально в сотне уардов — мимо голых бурых скал, мимо поросших густыми зелеными лесами отлогих склонов и горизонтальных плато. И опять-таки не чувствовал магии — ни черной, ни любой другой. Теоретически рассуждая, здесь не должно обитать никаких таких существ, превосходящих в магии и иных умениях покойного создателя этого мира. Это он, как-никак здесь все придумал и устроил... ну, почти все. Вот только практика иногда расходится с теорией... Ага!

Он повис в воздухе в позе спокойно стоящего человека. Крылья едва заметно трепетали.

Уардах в трехстах впереди и чуть пониже тянулось очередное плато, исполинским уступом выдававшееся над

пропастью, примыкавшее другим краем к основанию высоченного ледяного пика — обширное, почти прямоугольных очертаний. Примерно две трети его заросли густым лесом, опять-таки из знакомых и за пределами Хелльстада деревьев. Ничего экзотического. Весьма даже напоминает каталаунские леса...

А над самым обрывом, отгороженный от него широкой галереей с шеренгой фонарей, стоял дом. Не особенно и большой, но и не маленький, чем-то неуловимо напоминавший старинные замки Талара и Земли — высокие крутые крыши с затейливыми флюгерами, декоративные башенки, выступающие эркеры, светло-коричневая черепица, светло-желтые кирпичные стены, уходящие в чащу дорожки, вымощенные разноцветными камешками, образовывавшими красивые узоры. Возле балюстрады — с дюжину легких шезлонгов, установленных так, чтобы те, кто в них сядет, могли любоваться пейзажем. Вид отсюда, конечно, открывается великолепный, на многие десятки лиг, не хуже, чем из «Орлиного гнезда» Фаларена...

Чем дольше Сварог наблюдал, тем больше убеждался, что меж этим зданием и военно-морским санаторием найдется немало общего. То же сочетание цветов, и крыш, и стен, разве что чуточку иных оттенков, некое неуловимое сходство стиля, ну, а здешние и тамошние фонари словно вышли из одной мастерской ручнойковки...

Он решил. Медленно спустился вниз, пролетел над балюстрадой, встал на веранде, вымощенной треугольными плитками палевого цвета. Перехватил поудобнее Доран-ан-Тег, готовый в любой момент вертикально взмыть в небо на максимальной скорости. Как-никак ему в свое время уши прожужжали насчет Гун-Демии-Тенгри и обитающих там демонов... в точности как поколениям ларов о Хелльстаде, а?

Закругленная сверху дверь, представлявшая собой многоцветный витраж, неспешно распахнулась, вышли двое и стали спускаться по высокому крылечку с коваными изящными перилами, явно сработанными тем же мастером, что трудился над фонарями. Сварог подобрался, не трогаясь с места. Молодой человек и девушка, одетые во

что-то вроде коротких туник почти одинакового фасона, опоясанные усыпанными самоцветами золотыми поясами. Открытые на всю длину ноги босы, юноша — темно-волосый кудрявый красавчик, девушка — очаровательная блондинка с волосами чуть ли не до пояса. Никаких украшений, только у девушки над правым ухом что-то вроде золотого цвета ажурной плетенки с синими камнями. Они еще издали улыбались Сварогу обаятельно, открыто, дружелюбно. Он не спешил изображать в ответ улыбку в сорок четыре зуба. Эта очаровательная парочка, как давно научил жизненный опыт, могла оказаться кем угодно, не к ночи будь помянутыми...

И он в р у б и л все свое умение. Нет, никаких л и ч и н, эти симпатичные молодые люди были именно тем, кем выглядели: беззаботной молодой парой в диковинных нарядах. Черной магии — ни дуновения. З а п а ш о к магии все же присутствует — но обычной, если можно так выразиться, бытовой, не выше той, какой обучены атланские слуги в небесных замках, с ее помощью расставляющие посуду на стол и чистящие фамильное серебро. Это не маги. И не лары. Просто молодые люди, владеющие кое-какой немудреной, б ы т о в о й магией.

Сварог расслабился чуточку — но не окончательно. Они остановились шагах в четырех, юноша поклонился, прижав ладонь к сердцу, девушка присела почти так же, как приседают во дворцах перед королями придворные дамы. Улыбнулась вовсе уж ослепительно. Судя по всему, такая раскованная резвушка — юноша еще стоял, тараясь на Сварога то ли удивленно, то ли с толикой испуга, а она заговорила вполне непринужденно:

— Добрый день, ваше величество. Рады, что вы изволили навестить нашу скромную обитель. Вы ведь новый король Хелльстада, верно? Тот самый знаменитый Сварог Барг?

— Вы обо мне слышали? — вежливо, но настороженно спросил Сварог.

Она рассмеялась определенно кокетливо:

— Мы же не сидим здесь затворниками, государь, часто бываем в большом мире и знаем все его новости. Ну, а уж

о вас нельзя не услышать с некоторых пор. Впрочем, мы впервые узнали о вас, когда стало известно, что в Хелльстаде новый король... Меня зовут Бирута, а это Уго. Он немало увалень, да к тому же оробел перед вашим величеством, ходят слухи, что вы суровы...

— Да ладно тебе... — пробормотал кудрявый Уго. — Вечно ты... Рад приветствовать, ваше величество. Как верные подданные вашего величества и в соответствии с традициями...

Он, похоже, запутался в приготовленной высокопарной фразе и смущенно замолчал. Бирута фыркнула:

— Я же говорила — увалень... Но, правда, ходят слухи, что вы крайне суровы...

— Только не с такими девушками, — сказал Сварог, ощущая некоторую непринужденность. — Кто это вам наговорил?

— Ну как же, во многих ваших королевствах и во дворцах тоже... — она сделала лукаво-испуганную гримаску. — Ваше величество, вы не разгневались на мой дерзкий язык? Он у меня, все говорят, без костей...

— Ну что вы, — сказал Сварог. — Таким девушкам обычно прощается очень и очень многое... кроме разве что черной магии и заговоров.

— Ну, тогда мне ничего не грозит, — сказала Бирута, мастерски изобразив, будто охолодела от лютого страха. — Черной магией я не владею, заговоры составлять не умею... Правда, другие говорят, что вы не так уж и суровы... Ваше величество, не угодно ли присесть? Правда, эти креслица...

Она шевельнула пальцами правой руки, и рядом со Сварогом возникла более обстоятельная мебель: не особенно массивное, изящное золоченое кресло.

— А вы? — спросил Сварог, оставаясь стоять.

Ее личико преисполнилось восторга, кажется, вполне не наигранного:

— Вы разрешаете сидеть в вашем присутствии?

— Конечно, — сказал Сварог. — Садитесь оба.

Она вновь шевельнула пальцами, и возникли еще два кресла. Буквально толкнув в одно из них молчаливого

Уго, девушка грациозно опустила во второе, закинула ногу на ногу — крайне эстетическое зрелище — улыбнулась:

— Не сочтите за лесть, ваше величество, но я сразу поняла, что вы — человек совсем иного склада. Хотя и не стоит дурно о покойниках, но покойный король не всегда... был образцом галантности.

Краешком глаза Сварог подметил, что на лице Уго мелькнула сердитая, чуть ли не злобная гримаса. С Фалареном у него явно были связаны не самые лучшие воспоминания.

— Вы здесь живете? — спросил он.

— Ну да, — безмятежно улыбнулась Бирута. — Все шестеро. Правда, Кай и Гиби сейчас в Ронеро, на маскараде, а Дигор с Альфиной отправились на Сильвану... Простите, ваше величество, никто не ожидал, что вы появитесь так неожиданно, иначе все остались бы дома вас приветствовать...

— Пустяки, — великодушно сказал Сварог. — Я просто... пролетал мимо и обратил внимание на ваш дом. Мне говорили, что здесь кто-то живет, но я спешил, не интересовался подробностями...

— Ну, разумеется, — серьезно кивнула она. — У вас столько важных дел, я наслышана...

— Столько, что у меня, собственно, и не хватало времени как следует изучить Хелльстад, — сказал Сварог чистую правду. — Вот, выбрал время... Значит, ваши друзья кто в Ронеро, кто на Сильване... И как вы это делаете?

— О, это просто! — беззаботно воскликнула Бирута. — Посмотрите во-он на ту скалу, ваше величество, ту, что с плоской верхушкой и колючим кустарником...

Сварог машинально повернул голову в ту сторону. Скала располагалась от него примерно в полулиге. В следующее мгновение рядом с высоким колючим кустом возникло яркое пятно. Это Бирута в своей диковинной тунике, при каждом движении переливавшейся всеми оттенками радуги, стояла там и махала ему рукой. Он оглянулся — напротив него сидел один Уго, казавшийся безучастным и скучающим, а кресло Бируты было пустым. Еще миг —

и она возникла в нем, закинула ногу на ногу, безмятежно улыбнулась и просто сказала:

— Вот...

«Интересно, — подумал Сварог. — Лары так не умеют, Магистериум к такому только подбирается... который год подбирается».

— Мы умеем, — так же просто и непринужденно сказала Бирута. — Все.

— И на Сильвану — таким же образом?

Ее глаза озорно блеснули:

— Уго! Отправляйся-ка на Сильвану и привези его величеству какой-нибудь достойный подарок. Сам подумай, что придется королю по вкусу...

— Оружие, — сказал Сварог эксперимента ради. — У них там в Гургане делают замечательные кинжалы — черный узорчатый булат, рукоятка из яшмы...

— Уго, ты слышал? Только переодеться не забудь, а то вечно с тобой хлопоты... Ну, что нахохлился? Я кому сказала?!

Тяжко вздохнув, Уго выпрямился в кресле... и исчез. Выглядело это эффектно, что уж там.

— Ужасный копуша и лентяй, — сообщила Бирута. — К тому же у него сейчас какая-то неуголенная страсть в Латеране, он бродит унылый и печальный, натывается на мебель... Без него как-то веселее, вы не находите, ваше величество?

— Пожалуй, — искренне сказал Сварог.

— В таком случае... Быть может, показать вашему величеству дом? И мою спальню?

Сварог взглянул ей в лицо. Она ответила откровенным взглядом, облизнула сочные губы кончиком языка, улыбнулась так, что двойных толкований это не допускало.

Сказать по совести, с неделю назад он охотно принял бы приглашение — девчонка была живая, настоящая, очаровательная — спасу нет. Но сейчас, неожиданно-негаданно оказавшись в роли жениха и всего-то чуть больше суток назад, показалось как-то неудобно...

— В следующий раз, Бирута, — сказал он мягко. — Сегодня у меня день сплошь посвящен государственным де-

лам... Что ты на меня так странно смотришь? — он усмехнулся. — Коли уж обо мне наслышана, должна знать, что красавицами я отнюдь не пренебрегаю. Никаких таких... особых пристрастий.

— Я не странно улыбаюсь, — сказала Бирута. — Я легко и улыбаюсь. Кажется, жизнь меняется в лучшую сторону... Ваш предшественник был, как бы деликатнее выразиться, человеком совсем другого склада...

Сварог вспомнил слова Золотого Кота. Ну конечно, Фаларен их всех здесь... Ну, а о хамстве и самодурстве покойничка Сварог имел некоторое представление.

— Я понимаю, государственные дела, — сказала Бирута и улыбнулась той же многообещающей улыбкой. — Но вы соизволите вспомнить обо мне, когда дела будут позади?

— Конечно, — сказал Сварог.

— Я бы с удовольствием провела ночь в Вентордеране. Мне больше всего нравится Янтарная спальня...

«Не получится, милая», — подумал Сварог — истины ради, с ноткой сожаления. Именно Янтарную спальню облюбовала Яна, а у Яны по поводу спален есть легкий пунктик, который она сразу высказала: что никогда не ляжет с ним в ту постель, где он уже однажды был с другой. И взяла слово никогда не приводить другую в ту спальню, где они со Сварогом... Хорошо еще, в Вентордерне полдюжины королевских спален, и Мара давно выбрала для себя Изумрудную.

Он шутливо спросил:

— А некий молодой человек, который сейчас на Сильване ревновать не будет? Ведь, насколько я понял...

— Глупости, — Бирута сделала гримаску. — За все эти годы мы научились к таким вещам относиться спокойно. Можно даже сказать, совершенно равнодушно.

И только тут до Сварога дошло, что он сидело у него в подсознании занозой уже довольно долго...

— Послушай, — сказал он, стараясь говорить неприужденно, лениво, — значит, вы и в Горрот можете вот так попасть?

На ее лице появился непритворный страх:

— Только не в Горрот! Туда нельзя!

— Почему?

— Мы там бывали тысячу раз, никто ничего подобного и не ждал... Года три назад Илкер и Альфия туда отправились на какое-то представление, как сто раз до того... В облике горротских дворян, как обычно... И вдруг что-то случилось. Они успели передать, что за ними гонятся, что у й т и они не могут, потому что вся наша магия там перестала действовать... чтобы мы никогда больше там не появлялись, там смерть... Они не вернулись. Когда у меня выпал случай... пообщаться с королем, я ему все рассказала и попросила что-нибудь узнать... — Бирута печально понурилась. — Но он сказал, что ему наплевать, что он не станет ради них возиться... И посоветовал нам туда не соваться, если жизнь дорога... Мы больше ни разу и не совались... Там что-то скверное.

— Да уж, сквернее некуда... — проворчал Сварог. — Послушай, а как вы вообще здесь оказались? И как получилось, что умеете все э т о?

— Мы просто прилетели отдохнуть, все восемь, — сказала Бирута. — Мы старые друзья, старая компания... Вертолет до сих пор стоит где-то там, — она небрежным жестом указала на чащобу, — сквозь него проросли деревья... но зачем он нам теперь? В общем, мы прилетели отдохнуть, мы здесь часто бывали, это домик отца Альфии. Два дня все было прекрасно, а потом вдруг отключились все телевизоры, гору затрясло, мы выбежали на террасу, а вокруг творилось такое... Вон там, — она показала рукой куда-то вниз, — были в то время непроходимые почти леса, заповедник... Деревья вырывало с корнем, они летали по небу, как пушинки, на небе и на земле творилось что-то жуткое... Мы тогда еще, конечно, не знали, что это Шторм...

Сварог оторопело уставился на нее. Ей нельзя было дать и двадцати пяти. Впрочем, и Фаларен не выглядел старцем....

— Подождите... — выговорил он хрипло. — Значит, вы жили на Таларе еще до Шторма?

— Ну да, — самым будничным тоном сказала девушка.

— И что делали? Где работали?

— Работали? — она недоуменно подняла красивые тонкие брови. — Никогда мы нигде не работали, зачем? У отца были крупнейшие судостроительные заводы в Ропшере, у матери Уго — несколько банков... в общем, у всех у нас родители были достаточно богаты. Один Илкер, правда, работал у отца, но пару месяцев в году, исключительно забавы ради, когда становилось очень уж скучно...

«Понятно, — подумал Сварог. — Совершенно как в том давнем случае с самолетиком, о котором рассказывал Гаудин. Только этим повезло гораздо больше, пересидели здесь все катаклизмы, и, кажется, можно догадаться, почему...»

— И что было дальше?

— Дальше продолжался весь этот ужас — с землей, с небом, со всем миром. Только продолжалось это недолго. Все успокоилось, правда, вся окружающая местность напрочь изменила облик, если не считать нашей горы... А еще раньше через нас пронесся... Поток. Сквозь нас. Я не могу вам его описать, нет таких слов в человеческом языке. До сих пор не понимаю, что это было и как получилось, но теперь мы знали все. Что мы отныне бессмертны, что можем одним усилием мысли перемещаться куда угодно и даже на другую планету, воздвигать дворцы, создавать любые наряды, яства и вина — правда, только те, что знали до этого...

— И что еще?

— А ничего больше, — сказала Бирута, пожимая плечами. — Но разве этого мало? Так здорово все это уметь... Ой, какая я дура! Нужно же накрыть стол для вашего величества...

— Благодарю, не стоит, — сказал Сварог.

— Как прикажете...

— И дальше? — спросил он.

— Еще несколько дней вокруг продолжались всякие странности на земле и в небе, но как бы м е л к и е, не особенно страшные.. Телевизоры не работали, электричества не стало, генератор превратился в нечто странное вроде «заумной скульптуры»... Ну, а потом появился король. И все объяснил. Сказал, что нашего мира больше нет, что он сметен каким-то катаклизмом и добрая половина насе-

ления планеты погибла, все лежит в руинах... Что теперь тут отныне и навсегда его королевство, а мы, раз уж так случилось — его подданные. Наши мальчишки возмутились, но он показал, на что способен, и нам не оставалось ничего другого, кроме как покориться и принять его власть...

— Но вы же могли попросту сбежать. Коли уж умели мгновенно переместиться куда угодно?

— Мы еще не успели к своим способностям привыкнуть, — сказала Бирута с мимолетной грустью. — А потом... Где бы мы ни оказывались, он нас всюду находил. Появлялись проворные золотые твари, его лакеи, хватали и возвращали... — она вздохнула, глядя, такое впечатление, куда-то в прошлое. — Да и куда было бежать, собственно — повсюду развалины, рыщут то орды полудикого вида, то самые настоящие банды, меня однажды чуть не изнасиловали, а Илкера едва не убили... Словом, мы быстро смирились. Тем более что никаких таких тягот и лишений нам и не пришлось переживать. Дом ничуть не пострадал, появилось новое освещение, можно было жить с прежним комфортом, — она опустила глаза. — Разве что время от времени король... приглашал к себе. Но шли годы, и мы привыкли.

— Вы что же, так и сидели здесь? — спросил Сварог. И про себя добавил: «И не рехнулись? Вот Фаларен, тот определенно к концу столь внезапно оборвавшегося правления подвинулся умом, и крепко...»

— Ну что вы! — живо возразила Бирута, беззаботно улыбаясь. — Король нас здесь взаперти не держал, мы большую часть времени проводили за пределами Хелльстада, в большом мире...

— И что же вы там делали?

— Как это что? — недоуменно подняла брови Бирута. — Развлекались. Через несколько лет появилось столько возможностей... Жизнь понемногу налаживалась, люди стали создавать государства... конечно, самые примитивные, варварские, но это-то и было так интересно, романтично... — ее красивые серые глаза сияли подлинным восторгом. — Знаете, я однажды была любовницей одного такого короля. Как в историческом фильме, честное сло-

во: замок из бревен, на стеках чадят факелы, вместо постели звериные шкуры... Только я выдержала недели две и сбежала: надоело полное отсутствие комфорта, — она фыркнула, прикрыла рот ладошкой. — Когда даже нужду приходилось справлять за углом какого-нибудь свинарника... Ну, а потом пошло гораздо приятнее. Государства помаленьку развивались, появлялось все больше бытовых удобств... Вьюга, правда, очень напортила, но после нее все пришло в норму еще быстрее, чем после Шторма, — она мечтательно подняла глаза в небо, отрешенно улыбнулась. — Какие были маскарады, рыцарские турниры, королевские балы и разные праздники... Кем я только не побывала: фавориткой нескольких королей, любовницей множества знатных особ, актрисой, пленницей пиратов, даже шлюхой в портовом борделе, ради остроты ощущений. Мы даже соревновались, кто больше приключений пережил. Изображали призраков, регулярно появлявшихся в одном и том же месте и со зловещим хохотом растворявшихся в воздухе... Можно рассказывать до утра. Не знаю, не помню, сколько прошло лет, но мы очень быстро перестали тосковать по т о м у миру — здесь оказалось гораздо интереснее, здесь до сих пор масса развлечений, которые невозможны были в н а ш е м мире...

Ее личико прямо-таки пылало воодушевлением.

— И так — пять тысяч лет? — спросил Сварог.

— Ну конечно! Здесь так классно! До сих пор не все возможные развлечения исчерпаны, — она лукаво прищурилась. — Я еще у ларов не напроказила как следует... я ведь и в их замки могу попадать, — она залиvisto рассмеялась. — Вы только никому не рассказывайте, ваше величество, обещаете? Я уже две недели появляюсь в полночь в замке одного симпатичного графа, придумала себе убедительную легенду, и мы с ним всякий раз забавляемся до утра...

«Надо же как, — подумал Сварог. — А ведь до сих пор никто из придворных — и я сам — не верил и не верит рассказам графа Рутвела, уверяющего, будто к нему что ни полночь является в гости прекрасная Ночная Фея, невероятно искусная в любви... А получается, чистая правда, зря беднягу вышучивали за спиной...»

Потом он подумал: уж не обладал ли разумом тот загадочный Поток? Давши каждому столько, сколько тот заслуживал? Фаларен, уж безусловно, не был светочем ума — но человеком д е л а. Вот и получил возможность создавать замки, компьютерные центры, хитроумное оружие и разнообразную аппаратуру, да что там, целое государство смог с м а с т е р и т ь. А эти пустоцветы, убившие пять тысяч лет на примитивные развлечения и готовые продолжать еще столько же, ни разу не заскучав, обрели, в сущности, довольно убогий набор способностей... Каждому свое.

Очаровательная Бирута продолжала, чуть погрузнев:

— Одна беда: король в последние годы стал жестоким и неприятным. Он говорил, это от пресыщения и скуки. Как ему может быть скучно, когда сил и возможностей у него было в сто раз больше, чем у нас? Все, что начало твориться... Хорошо, что теперь его больше нет, — она взглянула с неподдельной тревогой: — Ваше величество, вы ведь не будете с нами грубы?

— Ни в коем случае, — сказал Сварог и встал (она тоже торопливо вскочила). — Простите, красавица, но мне пора. Государственные дела. Рад был с вами познакомиться, мы наверняка еще увидимся...

Бирута вдруг упала перед ним на колени, обняла его ноги и, глядя снизу вверх, уставилась с неприкрытой мольбой...

— Ваше величество! — у нее на глазах появились слезы. — Всякий новый король оделяет милостями, смягчает участь... Я повидала столько королев... Умоляю вас: уничтожьте Красный Павильон! Мне почему-то кажется, что в а м он никакого удовольствия не доставит... Умоляю вас! Мы и без того в полной вашей воле...

Пожав плечами, Сварог нагнулся, взял ее за плечи и без труда поднял с колен. Правда, она тут же выказала поползновения вновь на них рухнуть. Придерживая ее за плечи, чтобы стояла в полный рост, Сварог сказал недоуменно:

— Честное слово, не понимаю, о чем ты...

— Значит, вы в нем еще не были... — прошептала Бирута. — Велите, чтобы вам показали. И уничтожьте его, умоляю вас!

В ее лице и голосе было столько мольбы, что Сварогу стало неловко.

— Хорошо, — сказал он, отпустив девушку и помаленьку отступая. — Посмотрю, что это такое, и если там что-то неприглядное...

— Это мерзость! — вскрикнула Бирута, лишившаяся прежнего веселья и беззаботности.

— Хорошо, хорошо, — сказал Сварог. — Разберемся...

— Ой! Уго так и не вернулся с подарком для вас...

— Я к вам еще как-нибудь загляну в гости, — пообещал Сварог и вертикально взмыл в воздух.

Без труда сориентировавшись — на голове у него была королевская митра, — направился к своим замкам. Первое время он горько ухмылялся и качал головой: зловещая гора Гун-Демитенгри, обитель злых демонов, овеянная тысячелетними жуткими легендами... Вот они, демоны — кучка аристократических отпрысков, никому не опасна и ни на что полезное употреблена быть не может...

Стоп, стоп! Пожалуй, насчет пользы он попал пальцем в небо. Конечно, если возьмешься п р о с т о расспрашивать этих шестерых о жизни до Шторма, получишь богатейшие, но бесполезные познания о тогдашних ночных клубах и прочих увеселительных местечках, где прожигала жизнь золотая молодежь. Но если пустить в ход кое-какую аппаратуру восьмого департамента, извлекающую из человеческой памяти все, что человек когда-либо и видел и слышал... Вот это уже несомненная польза. Хотя что-то п о л е з н о е эти шестеро видели, пусть из окна своих роскошных лимузинов, хоть что-то слышали — те же новости по телевизору. Пусть видели мельком, пусть слушали вполуха — но все это осталось у них в мозгу. С тех времен, о которых рассказывал Гаудин, много воды утекло, аппаратура стала гораздо совершеннее и никакого вреда и з у ч а е м о м у не принесет. Правда, и это придется отложить на потом, никакие знания, пусть самые полные, о жизни до Шторма не помогут разобраться с двумя насущнейшими хлопотами и опасностями: Токе-рангом и Горротом...

Глава VII

ОБЛАКА ПОД НАМИ

Картина открылась самая мирная, привычная: Вентордеран с опущенной лестницей стоял на земле уардах в ста от Вилердерана — и лесная чащоба вокруг последнего убавилась, пожалуй что, наполовину: там суетились десятки вспыхивавших ярким золотом в солнечных лучах машин, сверкали загадочные разноцветные вспышки, вроде бы получалось что-то осмысленное...

Но Сварог посмотрел туда лишь мельком и направился к полуденному крылу Вилердерана — в отличие от полуночного, крыша там была не крутая, а совершенно плоская, крытая не черепицей, а плитками неотшлифованного розового мрамора. Золотой Кот, показывая ему замок, пояснил: когда-то, еще забавляясь этим замком и пышным королевским двором, Фаларен устраивал тут танцы под открытым небом, благо размеры были приличные: сотни полторы уардов на полста.

Именно там, высоко над розовой крышей-танцплощадкой парил в вышине Золотой Дракон, а пониже, над шпилями окаймлявших крышу башенок, ходили крутами Золотые Филины. У высокой, почти в человеческий рост балюстрады, окружавшей крышу, сидели равномерно рассредоточившиеся по всему периметру гармы, шестеро, мордами наружу, время от времени бдительно вертели головами.

Ах, вот оно что — почти в самом центре крыши разложено темно-вишневое полотнище, и на нем распростерлась ничком обнаженная женская фигурка, положив голову на руки. Волна роскошных золотых волос скручена в тугой узел, чтобы загорели шея и плечи. Будущая королева Хелльстада осваивалась.

Сварог опустил в нескольких шагах, неторопливо подошел. Яна приподняла голову, улыбнулась ему размо-ренно:

— Всегда мечтала хорошо загореть, но никогда не по-лучалось...

— А Сильвана? — спросил Сварог, присаживаясь на корточки. — Пляжи Ракамерати? Я так до сих пор на Сильвану и не выбрался, но, судя по видео, места замеча-тельные...

— Ну, понимаешь... — произнесла Яна чуть смущен-но. — Охрана, конечно, маячила где-то за горизонтом, но я никогда не могла отделаться от впечатления, что за мной продолжают наблюдать с орбиталов... А уж здесь-то это полностью исключено...

— Да уж, будь уверена, — сказал Сварог не без гор-дости.

Яна оглянулась на ближайшего гарма:

— Они от меня не отходят даже здесь...

— У них приказ, Вита, — пожал плечами Сварог. — Именно так и охранять, пока ты находишься вне Вентор-дерана. Канцлер за тебя очень уж беспокоится, когда он услышал, что ты гуляешь по Хелльстаду, его чуть удар не хватил...

— Вот видишь, — серьезно сказала Яна. — Даже Канц-лер... Говорю же, я не из пустого баловства титул здешней королевы прошу...

— Я понимаю, — серьезно сказал Сварог. — Ты Элкона не видела?

— Как только ты улетел, Элкон прилип к твоим ком-пьютерам и оторваться от них не может, — фыркнула Яна. — Даже пообедать со мной отказался, попросил слуг, чтобы ему принесли туда. Он в упоении. Бормочет, что поселится здесь навсегда... то есть поселился бы, если

бы не служебные обязанности. Я сама чуточку удивилась. Исстари повелось считать, что Хелльстад — царство черной магии и чудовищ, а у тебя, оказывается, великолепные компьютерные залы...

— Черной магии тут нет ни капельки, — серьезно сказал Сварог, присев рядом с ней на корточки. — Чудовища вообще-то присутствуют, хоть и не в таком количестве, как об этом болтают во внешнем мире. Но и компьютеры найдутся. У меня к тебе большая просьба... Можешь не рассказывать Канцлеру, что у меня тут имеется компьютерный центр?

— Ни словечка. Честное слово будущей королевы Хелльстада, — Яна коварно улыбнулась. — Я ему в о о б щ е не рассказываю ничего о том, что вижу в Хелльстаде, хотя он и пытается порой деликатно расспрашивать. Всегда отделяюсь двумя фразами: «Там очень красиво» и «Там очень мало тех ужасов, о которых толкуют столько лет».

— А почему не «вообще нет», а «очень мало»?

— Ну как ты не понимаешь? — удивилась Яна. — Большая политика. Они все должны по-прежнему хоть чуточку, но бояться Хелльстада и полагать, что некие ужасы здесь все же есть. Иначе зачем я все это устраиваю? Навязываюсь тебе в жены именно здесь? — она склонила голову к плечу, глянула смешливо и загадочно. — Хотя, быть может, я и в другом месте попыталась бы к тебе в жены навязаться...

Какое-то опасное направление принимали в последнее время ее мысли... Сварог никак не чувствовал себя созревшим для н а с т о я щ е й женитьбы. И решил отшутиться:

— За чем же дело стало? Ты сама говорила, я имею полное право сочетаться законным браком в каждом твоём королевстве. ...Начнем играть свадьбы одну за другой. Яна-Алентевита Гланская, Яна-Алентевита Ронерская... Яна-Алентевита, Высокая Покровительница Вольных Маноров...

— Нет уж, — серьезно сказала Яна. — Это уже получится сущая комедия. А то, что мы задумали, дело вполне

серьезное. — она, не поворачивая головы, коснулась кончиками пальцев плеча и озабоченно сказала: — Кажется, пора на спину переворачиваться...

— Как хочешь, — сказал Сварог с весьма недвусмысленными интонациями. — Но в этом случае мало ли что может произойти... Охрану я вмиг разгоню за тридевять земель, подглядывать некому...

Яна все же перевернулась на спину, грациозно прикрылась обеими руками, словно речная нимфа с какого-то классического полотна. Повернув к нему голову, сообщила вкрадчиво:

— А я буду кусаться и царапаться. Правда. Понимаешь ли, я подумала и приняла твердое решение: до свадьбы нам вместе пока что не быть. Ну, чтобы это хоть как-то походило на невинность невесты... — и озабоченно нахмурилась: — Ты не обиделся?

— Ну что ты, — искренне сказал Сварог. — Что-то в этом есть...

Яна загадочно улыбнулась:

— Я уже говорила, что к Маре тебя не ревную... Хотя мне и было бы приятно, если бы и ты последовал моему примеру...

— Я постараюсь, — сказал Сварог. Засмеялся: — Как ты ее сняла?

Он только сейчас опознал по золотым кольцам на краю темно-вишневого полотнища одну из бархатных портьер в зале на четвертом этаже.

— А я и не снимала, — улыбочиво щурясь, все так же грациозно прикрываясь, ответила Яна. — В конце концов, императрице не положено заниматься столь грубой житейской прозой. Я позвала слуг, они и сняли. Твой министр тайной полиции, который с хвостом, меня с утра предупредил, что слугам велено исполнять все мои приказания. Это ты позаботился?

— Нет, — сказал Сварог. — Я сам как-то и забыл... Это он сам сделал логические выводы из понятия «невеста», точно. Ладно, не буду тебя больше смущать нескромными взглядами, невинную невесту, загорай в вольной позе. Пойду государственными делами заниматься.

Легонько погладил Яну по щеке, встал и направился ко входу в полуночную часть замка. На полпути остановился, свернул к балюстраде и долго смотрел вниз. Работа в лесу прямо-таки кипела: суетились десятки золотых механизмов самой диковинной формы, темно-синими лучами в мгновение ока подсекали деревья, от тоненьких до великанов в три обхвата, взмывали золотистые решетки на золотистых щупальцах, и деревья, не успев даже покачнуться, исчезали в облаках сиреневых вспышек, не оставлявших ни пара, ни дыма, то же происходило с подрезанными зарослями кустов, уже местах в двадцати открылись немаленькие участки красиво вымощенных дорожек, по которым шустро ползали полусферы размером с черепаху, но отнюдь не черепашьей скорости, и там, где они катили, исчезали вековая пыль и земля, разноцветная плитка узорчатых дорожек прямо-таки сверкала. Десятка два таких же полусфер орудовали в чаше фонтана, посреди которой на круглом постаменте возвышалась статуя ядовито-зеленого цвета — и на глазах становилось ясно, что бурая чаша на самом деле сделана из розового мрамора, а из-под зеленой окиси проступала начищенная бронза. Поодаль юркие многолапые создания трудились над беседкой, очищая ее от густых плетей ползучего выюнка, над небольшим горбатым мостиком, перекинутым через давным-давно высохший ручей, — а дно ручья чистили от сухой листвы и прочей дряни прыткие штуки вроде маленьких бульдозеров, сгребая всю ту дрянь в кучи и по мере продвижения уничтожая кучи без следа теми же сиреневыми вспышками. Да, работа кипела, почище, чем на ударной комсомольской стройке...

Войдя в широкий коридор, Сварог тут же увидел Золотого Кота, сидевшего на диване у стены в человеческой позе — позы министр тайной полиции менял совершенно непредсказуемо, без всякой системы. Завидев Сварога, он проворно соскочил с дивана, принял некое подобие стойки «смирно» и доложил:

— Работы в парке ведутся непрерывно, ваше величество.

— Да я видел, — сказал Сварог.

— Господин Элкон продолжает работать в компьютерном центре. Ему оказывается все необходимое содействие согласно вашим распоряжениям. Мэтр Лагефель и мэтр Анрах продолжают работу. Мною на свой страх и риск было отдано распоряжение слугам выполнять все приказы вашей невесты. Надеюсь, я поступил правильно? Из логического понятия «невеста» вытекает, что спустя некоторое время она станет вашей женой и все равно получит право распоряжаться слугами. Это логично?

— Это логично, — сказал Сварог. — Поступили правильно.

— Я не выполнил только одну просьбу вашей невесты: после возвращения в замок снять охрану. Поскольку ваши указания на сей счет были исчерпывающи и категоричны.

— И это правильно, — сказал Сварог. — Как прошла поездка?

— Насколько я могу судить, ваша невеста была в восторге. Она осмотрела все здание и забрала оттуда два десятка книг. Я посчитал, что препятствовать ей не следует.

— И это правильно, — зевнул Сварог. — Вот что... Нам бы следовало срочно решить еще одну небольшую проблему. Я должен постоянно к вам обращаться, звать вас... а для этого нужно установить какое-то одно обращение. Как к вам обычно обращался покойный король?

Золотой Кот старательно отчеканил:

— Раззява хвостатая, тварь усатая, кошак драный, чаще всего — последнее. Кроме того...

Он произнес еще четыре слова, но Сварог не понял ни одного. Вероятнее всего, это были высокопробные образцы флотской брани, вместе с Фалареном канувшие в небытие. Все это Золотой Кот произнес без тени обиды: роботы обижаться не умеют и не понимают, когда их оскорбляют. Можно, наверное, создать соответствующую программу, чтобы сообщали, что к чему... или понятие «оскорбление» для роботов останется таким же непознаваемым, как любовь меж мужчиной и женщиной?

— Разнобой какой-то получается, — сказал Сварог. — Слишком много обозначений. Давайте, любезный мой,

поступим проще. Отныне вы будете — Мяус. Устраивает?

— Служу его величеству, — отчеканил новоявленный Мяус, наверняка принявший новое имя совершенно равнодушно. До чего легко работать с роботами и как иногда трудно — с людьми...

— Инциденты во время прогулки были? — спросил он.

— Никаких, ваше величество. Здание было заранее обыскано телохранителями, остававшимися там и во время визита госпожи королевской невесты.

— Стоп, — сказал Сварог. — Что еще за телохранители? Вы о них никогда прежде не говорили.

— Вы не спрашивали, ваше величество.

Сварог чертыхнулся про себя — нет, иногда и с роботами нелегко. Ну да, я же ни разу его не просил рассказать о в с е й системе безопасности и всех силах, которыми Мяус располагает. Так что сам и виноват.

— Сколько их у вас?

— Пятьдесят, ваше величество, — прилежно доложил Мяус. — Использовались главным образом в прежние времена, когда покойный король считал необходимым приставить охрану к пребывающим постоянно во внешнем мире персонам, почему-либо его интересовавшим.

— Интересно, — сказал Сварог. — Показать хоть одного можете?

Мяус не произнес ни слова, головы не повернул, остался на месте — но из-за ближайшей портьеры вдруг появилось существо золотого цвета, проворно подошло к ним и остановилось в двух шагах. Ростом с человека, не особенно и гротескного облика, разве что все оно, словно леопард пятнами, было покрыто маленькими то ли глазками, то ли объективчиками, прикрытыми фиолетовыми линзами.

Мяус деловито пояснил:

— При необходимости может как посылать единичные удары лучом, так и накрыть огнем всю полусферу вокруг себя и подлежащего охране лица. А также накрыть клиента силовым полем, непреодолимым для любого оружия

и примерно половины оружия ларов. Благодаря имеющимся технологиям легко может быть замаскирован под обычного человека. Существует программа, позволяющая вложить ему в мозг определенный словарный запас для наиболее простых и распространенных житейских ситуаций, встречающихся в большом мире.

Сварог смотрел на усеянного линзами лучеметов теплохранителя с некоторой тоской. Взять бы полсотни этих дядек и ворваться с ними в горротский королевский дворец — то-то повеселились бы.. Нельзя. Во-первых, нельзя их светить перед внешним миром по тем же причинам, что и арсенал, во-вторых, так и остается пока неизвестным, будет ли хелльстадское оружие действовать в Горроте, — Золотая Шука еще не вернулась, рановато, хотя плавает гораздо быстрее обычных рыб...

— Так... — сказал Сварог. — Отправьте его на место. Отлично. Чтобы мне опять не попадать впросак, мы с вами, старина Мяус, в ближайшее время сядем и плотно побеседуем. Вы мне расскажете абсолютно обо всем, чем располагаете.

— Как будет угодно вашему величеству.

— И последнее, — сказал Сварог. — Что такое Красный Павильон?

Мяус отпрапортовал без малейшей запинки:

— Так именуется здание, расположенное в парке примерно в трех стах уардах от Вилердерана. Вплоть до последнего времени служило местом частых развлечений покойного короля — тех самых, чей смысл мне по сути своей непонятен, но которым вы, люди, уделяете значительную долю времени.

«Понятно, — подумал Сварог. — Мало ему было восьми спален в летающем замке и чертовой уймы в стоящем мирно на земле. Еще и персональный притончик соорудил. Ну что же, нужно посмотреть, почему красotka Бирута на коленях и со слезами на глазах умоляла этот павильон истребить — как ни крути, тоже часть наследства...»

— Проведите меня туда, — распорядился он.

Загадочный Красный Павильон оказался небольшим прямоугольным зданием без окон и с невысокой крышей,

и в самом деле красным, до карниза расписанным белыми лилиями — символом беззаветной любви. На сей раз, к некоторому удивлению Сварога, Маяус не поторопился распахнуть перед ним дверь, даже на невысокое крылечко не поднялся.

— В чем дело?

Маяус равнодушно отрапортовал:

— Доступ туда всегда имели двое слуг, и сейчас находящихся внутри. Всем остальным, в том числе и мне, король категорически запретил туда входить. Будут иные указания?

Сварог подумал немного и сказал:

— Нет, указания прежние. Подождите меня здесь.

Он решительно повернул ручку, вошел и оказался в небольшой прихожей, украшенной белораморной статуей обнаженной женщины неплохой работы и очередным золотым болваном, неотличимым от прочих лакеев — разве что на груди у него, там, где у человека сердце, красовалась белая лилия.

Никаких шероховатостей не возникло — едва Сварог вошел, лакей сделал два шага вперед и наклонился в поклоне. Потом спросил:

— Ваше величество будут развлекаться?

— Нет, — сказал Сварог. — Я просто хочу осмотреть павильон, — и добавил ядовито: — Надеюсь, ничего не имеете против?

Лакей отступил от внутренней двери, отчеканив:

— Никто и ничто не может сопротивляться вашему величеству.

Сварог вошел в довольно обширное помещение, постоял на пороге, огляделся, неторопливо изучая взглядом окружающее. В конце концов выругался вслух — не очень громко, но очень грязно.

Единственным н о р м а л ь н ы м предметом обстановки оказалась самая обычная кровать, задвинутая в угол. Справа на стене в десяток длинных рядов висели самые разнообразные плетки и хлысты — короткие и длинные, плетеные и из одного ремня, иные с несколькими хвостами. Вдоль левой стены — пять замысловатых метал-

лических устройств, напоминавших то козлы для пилки дров, то столик с прямоугольной крышкой, то вообще непонятно что. Сварог медленно прошелся мимо них в совершеннейшем недоумении, приглядываясь, почесывая в затылке. Ага, вот тут нечто напоминающее кандалы на короткой цепи, и внизу тоже, и здесь...

И выругался еще грязнее. Все эти штуки, снабженные цепями и наручниками, предназначались для того, чтобы приковывать к ним женщин в разных позициях. Дальнейшее, учитывая увешанную плетками стену, комментарии не требовало.

Сплюнув на мозаичный пол, он распахнул дверь и вошел во вторую комнату. Плеток там не обнаружилось — зато справа стоял высокий шкаф наподобие карточного, судя по ручкам, ящиков было десятка три.

Сварог методично принялся их выдвигать. В одном лежали, в общем-то, безобидные предметы, которыми может пользоваться и нормальный мужик, не рискуя быть зачисленным в извращенцы. В другом — вещички, как раз и способные такие подозрения возбудить. В остальных... Сварог попросту не понимал, что это за штуки такие и для чего их можно приспособить — то ли буйной фантазии не хватало, то ли грязного воображения.

Слева опять-таки стояли аккуратным рядом с полдюжины устройств — но тут уж Сварог просто-напросто не мог понять, что с их помощью можно вытворять с людьми. А вон тот ящик наполнен сверкающими инструментами, более приличествующими дантисту или палачу, — острейшие лезвия, клещи разных форм, пилки и шилья...

Он вновь увидел перед собой брззгливое лицо Фаларена, услышал исполненный невероятной скуки голос: «...и со временем обнаруживаешь, что собственноручно содрать кожу с какой-нибудь принцессы так же скучно, как и...» И ему начинало понемногу верить, что король тогда не абстрактным мечтаниям предавался, а в с п о м и н а л. При взгляде на тот пыточный инструментарий верилось, скорее, в последнее. «Бог ты мой, — чуть ли не в панике подумал Сварог, — да у него окончательно сорвало крышу, и давненько! Полная вседозволенность, полней-

шая безнаказанность, пресыщение и скука... Извращенец на всю голову». Ага, а ведь догадался, кажется, проникнувшись здешней грязью. Вот эта штука, напоминающая осьминога с шестью бессильно повисшими щупальцами, над деревянной доской с наручниками сверху и снизу. На конце каждого щупальца резьба, если привинтить туда кое-что, получится механический насильник. Но предназначение остальных замысловатых шутоквин остается непонятным, хоть ты тресни...

Распахнул дверь в последнюю, третью комнату. Второй золотой болван склонился в поклоне, и тут же Сварог шарахнулся к стене — потому что ожила и вторая статуя, уже полнейшее подобие человека, великолепное по исполнению. Совершеннейшее подобие, напоминающее скорее человека, покрытого золотой краской, — настолько он гибок и пластичен в движениях, с весьма выдающимся мужским достоинством. И губы растянулись в почтительной улыбке, и кожные складки обозначились, когда он приложил руку к груди, склонил голову...

Именно эта тварь, больше похожая на живого человека, чем на статую, вежливейше осведомилась у Сварога:

— Его величество наконец-то заполучил предмет своей мечты?

— Прочь! — рывкнул Сварог, до боли в пальцах стиснув древко Доран-ан-Тега.

Золотой истукан, до жути похожий на живого человека, покорно отступил в угол, где и остался стоять, сложив руки на груди.

Сварог оглядывал комнату, холодея от бешенства. Прямо перед ним, на противоположной стене — то ли позолоченная, то ли золотая крестовина, сверху и снизу снабженная наручниками и увенчанная не чем иным, как точным подобием императорской короны. Сбоку на стене — портрет во весь рост — обнаженная Яна на коленях в золотых кандалах. Под ним — три ряда плеток, разнообразных, уже гораздо более роскошных: золотые рукояти, крученный шелк... Высокий черный шкафчик с тремя длинными ящиками. Сварог и заглядывать туда не стал, боясь, что сорвется и начнет крушить все вокруг. Роскош-

ная кровать в углу. В другом — уже знакомый механический насильник, только этот золотой, самоцветами усыпан, как и рама с наручниками, как и рукоятки плеток.

Вот именно — полнейшая безнаказанность, пресыщение и скука. И окончательно поехавшая крыша. Это ведь не шутки, это приготовления всерьез... С запоздалым ужасом Сварог подумал, что тот долбаный извращенец м о г, рассуждая холодно, добиться своей цели. Например, во время очередной охоты Яны в Каталауне. Вооруженного лучеметами летающего и бегающего по земле зверья в арсенале столько, что оно способно справиться с любой охраной, не ожидающей т а к о г о. Воздушного прикрытия на таких охотах, он прекрасно помнил, никогда не бывало. С помощью открытого вендордеранским компьютером «окна» Фаларен со своей пленницей мог мгновенно у й т и в Хелльстад, где оказался бы недостижимым, — хоть сутки напролет долби по нему «Белым шквалом», толку не будет. А она — в этой комнате...

Он резко повернулся и вышел, почти выбежал, с гротом хлопнув за собой дверь. Сбежал по ступенькам, остановился над Мяусом и рывкнул:

— Немедленно уничтожить!

— Что именно? — невозмутимо спросил Мяус.

Сварог, кипевший от ярости, все же вспомнил, что имеет дело с роботом. Стараясь говорить хладнокровно и подбирать исключительно четкие формулировки, произнес:

— Красный Павильон немедленно уничтожить дочиста, чтобы от него ничего не осталось. Я видел там какие-то машины, они сжигают деревья, не оставляя пепла... В общем, сами решайте, что использовать.

— Нужно ли предварительно вывести из Павильона слуг? — уточнил Мяус, как всегда, невозмутимый.

— Нет, — сказал Сварог отрывисто. — Приступайте, немедленно!

И снова Мяус никуда не пошел, даже не повернулся, лапой не шевельнул, остался на месте — но очень быстро меж деревьями показалась колонна из полудюжины тех самых золотых механизмов, похожих на крабов. На спи-

не у каждого колыхалось гибкое щупальце с овальной решеткой.

— Ваше величество, соблаговолите немного отойти, — сказал Мяус и сам отошел на несколько шагов.

Сварог отошел, остановился рядом с ним. Колонна разомкнулась, окружила Красный Павильон — по одному «крабу» с торца, по два с длинных сторон прямоугольника — щупальца выпрямились, казались теперь жесткими, как палки... Неяркие сиреневые вспышки заволокли Павильон сплошным облаком, оно простояло несколько секунд, а потом не то чтобы рассеялось, полностью исчезло, словно выключатель повернули, — и на месте Павильона теперь была лишь неглубокая прямоугольная яма, от которой знакомо запахло свежей землей. Снесли вместе с фундаментом.

Еще раз смачно сплюнув под ноги, он резко повернулся и направился к замку. Проворно семенящий на задних лапах Мяус от него не отставал. И внезапно Сварог вздрогнул. Его, словно удар тока, прошил новый, неизвестный прежде страх. Страх стать если не таким же законченным подонком и извращенцем, то чем-то отдаленно похожим. Впереди у него, если не погибнет ненароком — сотни лет жизни и сотни лет власти. А ведь можно найти тысячу примеров, как власть портила людей, не обладавших долголетием ларов или Фаларена. Тот же Фаларен в свое время основал Тавидейский университет — есть сильные подозрения, для развлечения, от скуки, — но две тысячи лет прошло, а университет на прежнем месте, он даже числится в дюжине лучших таларских университетов. Молодой Конгер, взойдя на трон, первые годы снижал налоги и подати, строил десятками приютские дома для подкинутых младенцев, для оказавшихся без средств к существованию одиноких стариков, калек. Убрал из Карного кодекса добрую половину тех преступлений, за которые полагалась смертная казнь, заменив ее более легкими наказаниями. А потом как-то незаметно все стало возвращаться на круги своя, и прекратилось строительство приютов, и «смертных» статей стало даже больше, чем прежде, налоги и подати не просто верну-

лись на прежний уровень — появилось немало новых, так что в конце концов Конгер получил позвище Ужасный... Где тут рубеж, который можно перешагнуть незаметно для себя самого?

По дворцу он шагал, хмурый, как туча. Элкон обнаружился во втором компьютерном зале, он работал так откровенно, что, полное впечатление, не заметил бы и атомного взрыва рядом с замком. Сварог, не глядя, что там на экране, положил соратнику руку на плечо. Судя по жесту, Элкон чуть-чуть ее бесцеремонно не сбросил, но вовремя опомнился, поднял затуманенные глаза.

— Ну, какое от всего этого впечатление? — спросил Сварог.

— Командир... — протянул Элкон удивленно и словно бы даже с некоторой обидой, — здешние компьютеры лучше наших. Любых. Пара новейших наших разработок, которые еще не ввели в обиход, здесь уже присутствует сотни лет...

— Для себя человек старался, — проворчал Сварог. — Что тут скажешь... — чтобы напомнить замороженному новыми игрушками Элкону, что они, собственно, на службе, Сварог чуточку прибавил металла в голос: — По н а ш и м задачам удалось что-нибудь накопать, лейтенант?

Элкон словно очнулся, возвращаясь в суровую реальность службы. Сварог придвинул кресло, сел рядом, нетерпеливо спросил:

— Ну?

— Нашлось кое-что интересное, — сказал Элкон. — Тот самый случай, когда полное отсутствие информации интригует гораздо больше, чем ее наличие...

— Конкретнее, — сухо сказал Сварог.

— Третье бюро Кабинета Канцлера — это его личная спецслужба...

— Я знаю, — сказал Сварог. — И что там?

— Там есть файл, где собраны все материалы по черным камням, что были Канцлером получены от восьмого департамента, Магистериума и Мистериора. И к ним добавлена одна-единственная бумага, где всего несколько строк: «Судя по результатам анализов и исследований,

камни происходят с Нереиды. Ситуация настолько ясна, что необходимости в повторных анализах не вижу». И резолюция Канцлера: «Согласен».

«Вот так, — подумал Сварог. — Одна из двух планет, формально входящих в состав Империи Четырех Миров, но словно бы и не существующих». Он прекрасно помнил: за те несколько лет, что провел здесь, е д и н с т в е н н ы й раз встретил упоминание о Нереиде и Тетре: когда просматривал у себя в замке, еще толком и не освоившись, краткий курс истории, предназначенный, как он теперь знал, для самых маленьких. И все. Никто, никогда, ни разу не заговаривал с ним о Нереиде и Тетре, и в разговорах других эти названия ни разу не всплывали. Планеты есть, но их словно бы и не существует...

— Элкон, — сказал он, — что вам известно о Нереиде и Тетре?

— То же, что и всем, — пожал плечами Элкон. — Краткий курс истории Империи для самых маленьких, первый год обучения. Я могу процитировать дословно: «После Шорма Нереиду и Тетру накрыли жуткие катаклизмы, уничтожившие биосферу планет полностью. С тех пор они остаются безжизненными, и условия на поверхности таковы, что нет ни смысла, ни возможности проводить какие-то исследования». И это в с е, командир. Больше учебные программы к этой теме не возвращались. Второй раз она всплыла, когда мне исполнилось пятнадцать лет — у нас, достигнув этого возраста, юноши и девушки получают право самостоятельно управлять летательными аппаратами. Есть довольно объемистый Кодекс Полетов, который полагается изучить от корки до корки и сдать экзамены. Вы разве с ним не сталкивались, когда... попали сюда?

— Нет, — сказал Сварог. — Как-то получилось, что мне сделали поблажку, что ли. Всего-навсего растолковали: если я соберусь предпринять что-то недозволенное, меня заранее предупредит автопилот.

— Повезло вам, — невесело усмехнулся Элкон. — А нам всем приходилось зубрить и сдавать экзамены — отчего-то э т и знания не полагается п р о с т о вкладывать

в голову, как обстоит с многими другими — зубрежка и экзамены. Запретов, собственно, не особенно много: нельзя, когда твой аппарат находится в видимом состоянии, садиться на Таларе или Сильване. Совершать полеты на Сильвану можно без уведомления — но если ты задумал слетать к другим, непременно следует сначала поставить в известность Космический департамент и получить разрешение. Вдобавок к тому есть обширная инструкция о правилах поведения при таких полетах — запрещено совершать посадку, можно только рассматривать необитаемые планеты с орбиты... А если все же рискнешь — отчаянные юнцы попадают до сих пор, — навсегда лишаешься Пилотского Листа и всю оставшуюся жизнь сможешь летать исключительно в качестве пассажира.

— И правильно, по-моему, — проворчал Сварог. — Чтобы всякие сопляки не играли в планетологов... Ну, а что в тех правилах сказано о Нереиде и Тетре?

Элкон как-то грустно улыбнулся:

— Очень кратко и совершенно недвусмысленно. Нереида и Тетра — запретные зоны. Запретные зоны охватывают сферу космического пространство вокруг обеих планет в миллион лиг радиусом. Автопилоты настроены так, что попросту не дадут кораблю войти в запретную зону. Вообще, летать в тех направлениях не рекомендуется. Можно заработать ограничения в Пилотский Лист. Есть служба, которая постоянно следит за перемещением аппаратов в космосе и в случае нарушений реагирует моментально.

«Ага, — подумал Сварог. — И здесь без ГАИ не обошлось...»

— И с какого времени запретные зоны существуют? — спросил Сварог. — Наверняка ведь и вы, и азартная молодежь вроде вас пытались хоть что-то раскопать в компьютерной сети, а?

— Ну конечно, — усмехнулся Элкон. — Только все бесполезно. Когда были введены запретные зоны, неизвестно. Никакой информации. По косвенным данным — давно, очень давно, возможно, тысячи лет назад.

— Интересно, — сказал Сварог. — Условия там таковы, что нет возможности проводить какие бы то ни было ис-

следования на поверхности, планеты объявлены запретными зонами... а люди Канцлера тем не менее быстро определили, что камни происходят с Нереиды...

— Есть кое-что еще интереснее, командир, — сказал Элкон. — В Третьем бюро есть сектор, который так и называется: «Сектор Нереиды и Тетры». И это — в с я информация, неизвестно, кто возглавляет сектор, а о том, чем он занимается, — ни строчки. Хотя, если он существует, должен же он чем-то заниматься? Сначала я подумал, что материалы сектора защищены так надежно, что там, — он ткнул большим пальцем вверх, — даже неплохой знаток компьютеров вроде меня не может не только взломать защиту, но даже найти, где они. Но... — он, похоже, сам не замечая, что делает, погладил панель компьютера, словно девичью щеку. — В а ш и компьютеры, я уже убедился, проламывают любую защиту. Почти все время, пока вас не было, я только тем и занимался, что искал в Кабинете Канцлера хоть какую-то информацию об этом секторе. И ничего не нашел. Никаких особо засекреченных хранилищ нет. Так что у меня только два объяснения: либо материалы находятся в Кабинете Императрицы... куда вы мне запретили входить...

— И никогда не разрешу, — сказал Сварог. — Хотя мы с вами, собственно говоря, парочка компьютерных разбойников, пусть не нарушающих закон, а отыскавших в нем лазейку, должны быть какие-то пределы и этика. Остатки этики, — добавил он с грустной ухмылкой. — Так что в Кабинет Императрицы нос не совать.

Элкон надменно, обиженно выпрямился в струнку:

— Командир, я хоть однажды нарушал ваши прямые приказы?

— Нет, — сказал Сварог. — Извините, Элкон, мелких придилок больше не будет...

И подумал, что поступил осмотрительно, когда, перед тем как допустить Элкона к компьютерам, заблокировал чертов «Отчет о поведении императрицы» так, чтобы тот был доступен только ему одному. Не стоило парню этого читать...

— А второе объяснение? — спросил он.

— Е с л и сектор работает — а ведь он по-прежнему числится в штатном расписании, значит, должен работать, пусть даже занимаясь совершеннейшими пустяками... Если он работает, все материалы содержатся исключительно в бумажном виде, никакой «электронки». Исключительно в бумаге и в личных сейфах Канцлера. Ну, а проникнуть туда попросту нереально. Это даже не высшая степень секретности, это з а п р е д е л ь н а я секретность.

— Пожалуй... — протянул Сварог. — В ходе всех этих ваших изысканий какие-нибудь соображения появились?

Элкон поколебался, потом, не отводя взгляда, сказал твердо:

— Возможно, с Нереидой и Тетрой обстоит не совсем так, как нас учат...

— А возможно, и с о в с е м не так, — хмуро подержал Сварог. — В истории такие ситуации случались столько раз, что со счету собьешься. И я даже не представляю, что тут можно придумать... — он хлопнул ладонью по столу. — Не смотрите на меня так! В Кабинет императрицы никто из нас не войдет. Что вы вдрут заерзали?

— Командир... — Элкон мялся, какое-то время старательно избегал его взгляда, потом все же поднял глаза и, очевидно, набравшись смелости, сказал: — Тысячу раз простите, что я касаюсь э т о г о... Если вы оскорбитесь или рассердитесь, готов понести любое наказание... В общем, в силу известных обстоятельств...

— То есть в силу известных отношений между мной и Яной? — усмехнулся Сварог, в общем, не оскорбившись и не рассердившись. — Вы имеете в виду, мне следовало бы спросить у нее? Да? — Он вздохнул. — Элкон, вы уже давно показали себя мужчиной, так что разговор будет мужской. Честно признаюсь, меня не раз подмывало это сделать. Спросить не только о Нереиде и Тетре, но и о некоторых других секретах, которые меня страшно интересуют... Но, понимаете, какая штука... Я не особенно обременен принципами, но кое-

какие имеются. Так вот, у меня есть стойкое убеждение: в подобной ситуации настоящий мужик не имеет права выведывать государственные тайны у девушки, с которой спит. У вас может быть другая точка зрения, это не хорошо и не плохо, не мне судить... Но мои убеждения именно таковы.

— Простите, командир... — выдавил Элкон, опустив глаза и даже чуть покраснев. — Брякнул, не подумав... Вы правы, наверное, а я просто глупый сопляк...

— Ладно, — сказал Сварог. — Забудем. Мало ли что человек может брякнуть, когда...

Они вздрогнули, непроизвольно повернули головы. Высокая массивная дверь компьютерного зала распахнулась так, что с грохотом ударилась о стену, ободрав вычурной ручкой роскошные обои.

И вошел мэтр Анрах, взъерошенный, на себя не похожий, выглядевший так, будто либо внезапно рехнулся умом, либо недельку пил с кем-то вроде принца Элвара. Волосы у него были всклокочены, движения чуть неуверенные, как у пьяного, а на лице ослепительно сияла улыбка невыразимого блаженства. Таким его Сварог никогда не видел.

Прислонившись спиной к стене возле двери, легонько мотая головой вправо-влево, блаженнейше ухмыляясь, Анрах тарасился на них, кажется, что-то шепча про себя. Золотые Обезьяны смотрели на него с полнейшим бесстрашием, как роботам и полагалось.

— Господа мои... — протянул Анрах. — Господа мои...

Что-то незаурядное должно было произойти — но мэтр, очень похоже, и не собирался выходить из нирваны, в коей пребывал. Вспомнив, что старик, помимо всего прочего, еще и бывший офицер гвардейской кавалерии, Сварог взмыл со стула, уперся в научного консультанта свинцовым фельдфебельским взглядом и рывкнул так, словно и в самом деле был фельдфебелем, застукавшим канонира при попытке пропить пушку:

— Что за вид, Анрах? Немедленно приведите себя в порядок и доложите, как следует!

Подействовало, но не стопроцентно. Мэтр отодвинулся от стены, пригладил волосы, одернул камзол, но улыбка оставалась столь же блаженно-широкой.

— Господа мои! — воскликнул он, покрасневшись. — Золотые Шмели... Они...

— Ну? — рывкнул Сварог, уже нисколько не играя.

— Золотые. Шмели. Начали. Оконтуривать. Пещеру. Токеретов, — четко выговорил Анрах. — Начали! Уже!

Сварог оказался в коридоре первым. Буквально через полминуты они сидели перед огромным, на полстены, экраном, не сводя с него глаз. На контурной карте Хеллстада, на закатной стороне, совсем недалеко от готарской границы, синела тонкая линия в виде неправильного овала. Вот овал замкнулся совершенно, линия стала густосиней, над картой зажглись ряды цифр — не особенно и интересные сейчас.

Пещера токеретов имела форму неправильного овала, примерно третью заходившего на противоположный берег Итела. Максимальная длина — двести две лиги с какими-то уардами, максимальная ширина — шестьдесят восемь лиг, опять-таки с какими-то уардами. Глубина — триста сорок шесть уардов. Слой земной коры над пещерой — сорок три уарда.

Странное дело, но Сварог не ощущал особой радости, скорее уж чуточку тоскливую усталость. Так частенько бывает, когда долго и упорно к чему-то стремился и достиг наконец цели.

— Мы их нашли! — ликующе воскликнул мэтр Анрах. — Нашли!

— Мы нашли пещеру, — сказал Сварог медленно. — Но нигде и намека не видно, что удалось найти в х о д... Простите уж, что я хмур посреди всеобщего ликования... на которое вы, мэтр, безусловно имеете право, вы проделали великолепную работу, вам цены нет... Но нам теперь нужен в х о д.

— Дайте срок! — браво вскричал мэтр Анрах. — Нашли пещеру, найдем и вход!

— Конечно, — сказал Сварог, старательно улыбаясь, придавая себе веселый вид, чтобы не расхолаживать ли-

кующих сподвижников. — М. Сейчас пошлю лакея за какой-нибудь пыльной бутылочкой, нужно же отпраздновать...

Вход, стучало у него в висках. Вход. Это все прекрасно, Анрах молодец, он все хорошо рассчитал, не искал наобум, бросил все силы на тот именно район, приведя длинный ряд аргументов, буквально в ы ч и с л и в пещеру...

Но нам нужен вход.

Глава VIII

ВРЕДНЫЙ ВРЕД И БЕЗВРЕДНЫЙ ВРЕД

Поначалу Сварог, собираясь лететь в Туарсон, допустил оплошку: не особенно и задумываясь, решил, как и в Фиарнолле, нарядиться советником. Однако Катлок, один из ближайших помощников Интагара, отвечавший за операцию, эту идею раскритиковал мгновенно. Сказал убедительно:

— Не по тем местам, государь, наряд. Слишком роскошно для такой глуши. В том захолустье даже губернатор до советника не дотянул, даже не в департаментских советниках, а в департаментских секретарях пребывает — захолустная провинция, паскудная. Мне с мужичьем, и в глухомани тоже, работать приходилось, и я их хорошо знаю. Если заявитесь туда советником в золотом шитье, для них это будет все равно что явление короля. Там у них и канцеляриста-то видел один из сотни, где-нибудь на окружной ярмарке или во время налоговой переписи... Советник для них — фигура вовсе уж высокая. Моментально замкнутся, как улитки, оцепенеют от почтения, слова придется клещами вытаскивать, по одному в час... Нужно к их уровню спуститься как можно ближе... Граф Гаржак не даст соврать.

— Все правильно, ваше величество, — подтвердил Гаржак. — Самого простого чиновничьего мундира будет достаточно. Главное, власть. А то ведь и в самом деле будут стоять, как истуканы, глаза пучить и языком еле ворочать...

Специалистам следовало верить, и потому Сварог, не вступая в дискуссии, облачился канцеляристом — убогий чин, третий от конца, всех украшений и есть, что три коротеньких, вышитых серебром веточки остролиста на каждом рукаве, да узенькая серебряная кайма на воротнике. И пояс надел не дворянский, а серебряный, Сословия Чернильницы. Гаржак и трое сыщиков предстали в облике простых писцов, чьи мундиры обременены лишь чиновничьими бляхами. Катлок пребывал в образе коронного полицейского, тоже в невысоком чине. Власти провинции решили ни во что не посвящать, вообще с ними не контактировать — а зачем, собственно? Умельцы Интагара в два счета состряпали полдюжины убедительных бумаг якобы из губернаторской канцелярии, предписывавших старосте оказывать приезжим из столицы все мыслимое и немыслимое содействие. На одной из бумаг стояла даже губернаторская подпись (которую тот наверняка признал бы за свою). Уж кто-кто, а деревенский староста просто обязан был уметь читать...

Сварог прекрасно помнил туарсонского старосту — пожилого, с проседью, с умным и хитроватым лицом. Правда, староста его узнать никак не мог — когда они виделись в последний раз, Сварог пребывал в облике собаки. Все прошло, как по маслу — староста ознакомился с бумагами и п р о н и к с я. Вот только Сварог пару раз уголком глаза поймал чрезвычайно с т р а н н ы е взгляды, исподтишка брошенные на него старостой. Пожалуй что, староста видел где-то портреты Сварога и сейчас, подобно тому каторжнику на корабле, ломал голову, думая примерно следующее: «Вот оторвите мне голову, но видел уже этого молодчика, но только где?»

Родители Бетты в оцепенение не впали, но изумились страшно (что неудивительно). Мать стояла молча, по крестьянской привычке теребя передник, а отец, сразу видно,

мужик с характером, сказал старосте с нотками некоторой строптивости:

— Воля ваша, конечно, только как-то это все неправильно — допрашивать с полицией шестилетнюю кроху да еще с глазу на глаз, без родителей... Ну что она могла натворить? Шесть лет девчонке...

— Жамый Кадерт, — сказал Сварог исключительно вежливо, — никто и не говорит, будто ваша дочка что-то натворила. Просто-напросто так уж случилось, что она, собирая грибы в лесу, кое-что видела издали. Вот о том, что она видела, я ее и хочу расспросить самым деликатным образом.

— Это что ж такое она могла видеть? — строптиво буркнул Кадерт.

— Государственная тайна, — развел руками Сварог. — Уж если нас послали сюда из Равены... Вы вроде бы человек неглупый, сами должны понимать...

— Ты тише выступай, Кадерт, — веско сказал староста. — Уж если господа чиновники и полиция из самой столицы...

— Да я не выступаю, — пробурчал Кадерт. — Знать бы только, что ей от этого никакого вреда не будет...

— Помилуйте, жамый, какой добросовестному свидетелю может быть вред? — пожал плечами Сварог. — Наоборот, свидетелю по этому делу вознаграждение положено, пять ауреев золотом...

— Вот то-то и оно, — проворчал хозяин. — Уж коли пять ауреев золотом, да вдобавок чиновники с полицией из самой столицы, дело х и т р о е. А от таких сплошь и рядом вред бывает...

— Все сказал? — осведомился староста тем самым голосом, каким говорил, выставляя тогда из деревни комедиантов — вроде бы бархатнейший, только бархатом прикрыта сталь...

Кадерт это, должно быть, прекрасно понял, должен был знать старосту — односельчане, с детства знакомы. И, понурив голову, пробубнил уныло:

— Я ж не препятствую. Я ж умом не рехнулся, чтобы королевской службе препятствовать... Только бы вреда какого не было...

«Смотря что в этой ситуации считать вредом...» — подумал Сварог, жестом велел своим людям оставаться на месте и пошел в соседнюю комнатку.

Обстановка там наблюдалась самая мирная: Гаржак показывал Бетте старый фокус с ременной петлей, она никак не могла угадать, смеялась, азартно тыкала пальчиком в свернутый ремешок... Ну конечно, то была та самая плачущая кроха, которую Сварог видел со старшей сестрой, будучи собакой — только теперь, разумеется, веселая, раскрасневшаяся. Самая обычная крестьянская девчоночка шести лет от роду. Которая как-то ухитрялась входить в компьютерную сеть ларов...

— Ну, мы потом доиграем, — сказал ей Гаржак тоном закадычного друга, сунул ремешок в карман и встал. — Вот этот господин с тобой должен поговорить о серьезных вещах...

Он вышел, тихонько притворив за собой низкую некрашеную дверь. Бетта уставилась на Сварога с явной досадой — ну, конечно же, ей хотелось поиграть еще... Ни страха, ни даже робости Сварог в ней не заметил. Он присел рядом с ней на добротный сколоченный неуклюжий стул, дружески улыбнулся и сказал:

— Значит, ты и есть Эльбетта...

— Бетта, — сказала она, глядя с любопытством. — Эльбеттами взрослых девушек зовут, а я еще маленькая. А эти веточки на рукавах у вас зачем?

Сварог замялся, подыскивая ответ попроще. Нашел:

— А зачем у вашего старосты бляха на цепочке? На шее висит?

— Так положено, — сказала Бетта. — Чтобы все видели, что он староста.

— Ну вот, — сказал Сварог. — А мне положено на рукавах эти веточки носить. У старосты своя должность, у меня своя.

— А какая?

— Рассматривать всякие серьезные дела, — сказал Сварог.

— Как полицейский?

— Ну, примерно так... — сказал Сварог.

— А зачем вы тогда ко мне пришли? — с искренним удивлением спросила Бетта. — Я же еще маленькая, у меня и нет никаких серьезных дел, у Викеты тоже нет, хотя ей целых четырнадцать... Может, вы наш дом с каким-то другим перепутали?

— Да нет, — сказал Сварог. — Именно с тобой и нужно поговорить, Бетта... Вот кстати, как получилось, что ты знаешь грамоту? В шесть-то лет? В деревне ведь не каждый взрослый умеет читать и писать, а ты уже грамотная...

Бетта звонко рассмеялась:

— Ну какое же это серьезное дело? И совсем несерьезное... Меня дядя Махет три месяца как научил. Он мне хочет наследство оставить. Он гусей разводит, их у него штук... — она подняла глаза к потолку, пошевелила губами, насупилась. Видимо, в математике была еще не сильна. — Много. Целых четыре гусятника. Очень прибыльное у него дело, — сказала она, явно повторяя слышанные от кого-то из взрослых слова. — А наследников у него нету. Тетя Заира умерла два года назад, а сын, мой двоюродный братец, сбежал в солдаты, когда меня еще на свете не было. Вот дядя Махет и решил оставить все мне. Он меня любит, и я его люблю, не из-за наследства, а просто так. Он хороший. Только болеет очень, — она печально нахмурилась. — Может даже помереть. Вот и выучил меня грамоте уже теперь, потому что в этом ремесле без грамоты нельзя. Сейчас счету учит. Говорит: если завтра помру, ты, конечно, заправлять хозяйством еще не сможешь, но сумеешь присмотреть за приказчиком и птичницами, если будешь уметь читать, писать и считать... А что, я бы смогла, только нужно еще счет подучить... — она выпрямилась, сказала с комической важностью: — Неплохо ведь в шесть лет за большим гусятником присматривать?

— Неплохо, — кивнул Сварог. — Этак, пожалуй, тебя, не дожидаясь, пока вырастешь, Эльбеттой звать начнут...

— Хорошо бы, — сказала Бетта мечтательно.

— А гусей ты любишь?

— Терпеть не могу, — призналась Бетта. — Они противные, стоит пройти поблизости, начинают шею вытягивать, шипеть, щипать грозиться... Но что поделаешь, если

хорошее хозяйство? — сказала она с взрослой, прямо-таки крестьянской рассудительностью. — Я найму парня, чтобы ходил за мной с хворостиной и отгонял их, когда будут подкрадываться... Правильно ведь?

— Правильно, — сказал Сварог.

Ну вот. Они сидели и болтали, самые непринужденные отношения сложились, так что пора переходить к делу...

— Вот... — сказала Бетта. — Только какое же это серьезное дело? Это просто гусятник...

— Меня не гусятник интересует, — сказал Сварог. — Вот теперь давай поговорим о том самом серьезном деле. Меня зовут... дядюшка Гэйр, и я — дядя Дарна... с которым ты разговариваешь с помощью черного камешка. Я ведь и всех остальных знаю — Тора, Реди, Ласточку, Филутину...

Не было другого выхода, кроме как блефовать, поминая именно о камне. В конце концов, у нее не могло оказаться что-то совершенно другое. Но, с другой стороны, если до сих пор всегда были черные камни, почему бы и здесь не оказаться такому же? В любом случае, он совершенно правильно назвал тех ее друзей-подружек, с кем она чаще всего общается в сети...

Бетта отпрянула, ее личико моментально стало замкнутым, испуганным.

— Какой такой черный камушек? — весьма ненатурально изобразила она крайнее удивление. — Не знаю я ни про какой черный камушек...

Вот только при этом она машинально прикрыла руками карман на переднике. Не особенно и большой карман. Ни один из попавших в руки Сварога и восьмого департамента камней туда бы не влез. Но у нее вполне может оказаться маленький, удобный именно для детской ладошки...

— Бетта, не бойся, — сказал Сварог насколько мог ласковее. — Я к тебе пришел как друг. Потому что ты дружишь с моим племянником... и с теми, кого я только что назвал, и еще со многими... И я вовсе не собираюсь отнимать у тебя камушек. Наоборот, могу подарить еще один, даже лучше...

Бетта смотрела на него все так же настороженно, пугливо. Не стоило затевать с ней словесный поединок, как

со взрослой. Как-никак это шестилетний ребенок — вот мы его сейчас и удивим настолько, что быстро перестанет дичиться...

Он достал из-за обшлага короткую палочку золотистого цвета — один из своих походных компьютеров. Положил его на стол перед Беттой, провел над ним указательным пальцем, подав мысленно нужную команду — и на столешнице ярко-сиреневым цветом изобразилась клавиатура, вспыхнул экран, и на нем появилась заставка, выбранная Сварогом с учетом именно детской психологии: красавец корабль с раздутыми парусами, медленно плывущий над облаками, над казавшимися сверху крохотными замками и башнями...

Ухмыльнулся про себя, видя, что рассчитал все правильно: Бетта заворуженно уставилась на экран (ничуть не удивившись ни ему, ни клавиатуре, ну да это и попятно).

— Ой, красиво как... — выдохнула она. — Картинки... И все цветное... А у меня все черно-белое и нет никаких картинок...

И, спохватившись, что проговорила сама, зажала рот ладошкой, глаза стали круглые от испуга.

— Хочешь попробовать? — мягко спросил Сварог, показывая на клавиатуру. — Посмотреть еще картинки? Там их много...

Видно было: хотя и испугалась чуточку, ее тянет к компьютеру, как магнитом.

— А... можно? — робко произнесла она, уже не прижимая руками кармашек.

— Пожалуйста, — сказал Сварог. — Ты же умеешь.

Бетта осмотрелась, озабоченно сдвинула брови:

— Тут есть незнакомые значки, я таких не знаю... Вот тот, тот, и весь тот рядок...

— Вот этот значок означает «Вход», — подсказал Сварог.

Бетта подняла на него глаза:

— Вы хотите сказать, «ключ»?

Видимо, у того, кто учил ее компьютерной грамоте, была своя терминология...

— Ну, пусть будет ключ, — сказал Сварог. — Нажимай.

Она, не колеблясь, коснулась сиреневого значка. Недоуменно подняла брови:

— А что такое «главная страница»?

— Полный список всего, что там есть, — пояснил Сварог. — А у тебя это как называется?

— А у меня нет никаких списков, — сказала она. — У меня только «ключ» и «дверь», открываешь дверь — а за ней друзья...

«Понятно», — подумал Сварог. Узкоспециализированная штука. У патриция были только биржи и схожие заведения, у того пирата — данные о морях и кораблях...

— Видишь этот кружочек? — спросил он. — Если станешь водить по нему пальцем, вон та стрелочка выйдет на нужную надпись... Наведи ее на «главную страницу»... нажми тот знак... вот тебе и список открылся. Теперь попробуй сама.

К некоторому его удивлению, Бетта освоила все едва ли не мгновенно. После нескольких вполне понятных ошибок (Сварог подсказывал, как их исправить) довольно ловко навела курсор на «Картинки», чуть подумала, выбирая что-то из открывшегося списка, уже совсем уверенно открыла «Платья, наряды, украшения» — и завороченно уставилась на медленно плывущие справа налево пышные платья для придворных балов. Ну, женщина, конечно, фыркнул про себя Сварог. Хоть и шестилетняя. Мальчишка, ее ровесник, конечно же, выбрал бы корабли или оружие, в «Картинках» все это есть...

— Бетта, у вас в доме курят? — спросил он негромко.

— Да-да, — отозвалась она, не отрываясь от экрана. — Папка трубкой дымит везде, только в спальне мамка ему запрещает...

Сварог извлек из воздуха сигарету и прикурил от огонька на кончике пальца — все равно Бетта никого и ничего не видела вокруг, кроме роскошных платьев и затейливых украшений. «Вот и все, — удовлетворенно подумал Сварог, выпуская дым, — она — моя. В хорошем смысле слова, конечно. Но как быстро освоилась, чертенок! А впрочем, что тут удивительного — двухмесячная практика, если ее клавиатура такая же, как у патриция, мой компьютер немногим и отличается...»

Усмехнувшись, он подал очередную мысленную команду — и экран погас, клавиатура исчезла. Бетта повернулась к нему — классический образ ребенка, у которого вдруг отобрали любимую игрушку. А уж глаза! Все, детка, ты моя, подумал Сварог не без легкого цинизма. Тебе с э т о г о уже не соскочить...

— А почему он...

— Как бы тебе объяснить... — задумчиво начал Сварог. — Он должен питаться, как человек...

— Ну да! — прервала его Бетта. — Вы не держали его на солнышке?

— Совсем забыл, захлопотался, — сокрушенно сказал он. — А твой камешек тоже нужно держать на солнышке?

— Ага, — ответила Бетта, поколебавшись лишь краткий миг. — Если подержать его на солнышке часа четыре, он потом неделю исправно работает...

— Вот и у меня та же история, — сказал он с грустным видом. — Но нельзя ведь выносить его во двор при всех...

— Конечно, — со взрослой серьезностью кивнула Бетта. — Никто не должен знать... Баглок так и предупредил: никто не должен знать... Но вы ведь с в о й, дядюшка Гэйр, я теперь вижу...

— Может быть, покажешь твой? — спросил он осторожно. — Раз уж мы свои люди...

Поколебавшись лишь самую чуточку, Бетта сунула руку в кармашек и вынула в точности такой черный камень, овальный, идеально отполированный, с выступающим на одной стороне круглым бортиком и продолговатой луночкой внизу. Несомненно, из той же самой неведомой мастерской. Только гораздо меньше размером — не для мужской ладони, а для ладошки шестилетней девочки.

— Ну, я таких насмотрелся, — сказал он небрежно. — Только ты можешь его включить, верно?

— Ага, — кивнула Бетта.

— Значит, это Баглок тебе его дал? — спросил Сварог небрежным тоном.

— Ну да, — сказала Бетта. — Я собирала грибы в лесу и вдруг увидела под кустом камешек. А потом раздался го-

лос Баглока. Сам он не показался, он ведь не всегда показывается... (Сварог не стал задавать вопросы касаясь личности этого самого Баглока, в конце концов, не это сейчас было самым важным). Он спросил, чего бы мне больше всего хотелось... А я... — Бетта смущенно улыбнулась. — Я так и сказала... Знаете, дядюшка Гэйр, мне всегда страшно хотелось поговорить с ребятишками, которые живут там, в летающих замках... Раз там есть взрослые, там ведь должны быть и ребятишки... Баглок мне объяснил, как управляться с камешком... в голове все словно само собой укладывалось... Вот и все... Ой! — вскрикнула она вдруг, прижав ладони к щекам. — Как же я сразу не сообразила, дуреха... Если вы дядя Дарна, значит вы... Вы тоже... Ваше Небесное Великолепие... — почти прошептала она испуганно. — Вы пришли меня отругать за то, что я без спроса посмела...

Сварог рассмеялся вполне искренне.

— Глупости, Бетта, — сказал он насколько мог убедительно. — С чего бы мне тебя ругать? Ты ведь ничего плохого не сделала. Ну, посмотри сама — похож я на человека, который собирается тебя ругать? Или сердится? Если бы я сердился, уж ни за что не стал тебе показывать... — он взял со стола золотистую палочку, подбросил на ладони.

— Но я же посмела без разрешения прийти к Высоким Господам Небес...

«Ну да, — подумал Сварог, — все-таки у же шесть лет. Успела уже усвоить, учено выражаясь, азы социальной структуры общества. А вот те карапузики, наверху, оказались гораздо беззаботнее, их явно еще не учили всерьез этим азам...»

Он наклонился и накрыл рукой ее маленькую ручонку.

— Честное слово, Бетта, — сказал он, — никто на тебя не сердится. Все твои друзья и подружки тебя давно принимают как свою, верно ведь? Ну, улыбнись. Никто на тебя не сердится.

— А зачем тогда с вами полицейский и все эти? — в ее глазах и голосе еще оставалась настороженность.

— Да он не полицейский, — сказал Сварог. — Он просто так одет. Понимаешь, когда мы спускаемся к вам, на

землю, нам полагается ходить с охраной. Положено так. Нельзя мне расхаживать по земле в одиночку. Так что это всего-навсего моя переодетая охрана.

Кажется, она поверила. Даже улыбнулась:

— А вы что, боитесь, вас кто-нибудь обидит? Вы же такой здоровенный, может, даже Зимира поколотите...

— А это кто?

— Лучший кулачный боец в Туарсоне, — пояснила Бетта. — Когда по праздникам бывают кулачные бои, он всех побивает. Но вы, наверно, его побьете...

— Надо как-нибудь попробовать... — хмыкнул Сварог. — Да нет, Бетта, никого я не боюсь. Просто так уж положено. Как старосте носить бляху. Ну, успокоилась? Поверила, что никто на тебя не сердится и ругать не собирается?

— Да вроде бы, — сказала она, пытаясь улыбаться беззаботно. — Вы совсем сердитым не выглядите... Дядюшка Гэйр... А зачем вы все-таки ко мне приехали?

— Чтобы пригласить в гости, — сказал Сварог буднично. — У вас ведь, в Детской, две недели шла игра, ты лучше меня должна знать... «Золотой Ветер», правильно? Ну вот, и ты выиграла. Сегодня вечером там, — он ткнул пальцем в потолок, — будет праздник, все соберутся поздравлять победительницу. И вручать награду. Игрушку даже лучше, чем эта, моя, — он поводил в воздухе золотистым стержнем. — Ну, а поскольку победила ты, как же без тебя обойтись? Сможешь там погостить, увидишь массу интересных вещей...

— Так не бывает... — замороженно прошептала Бетта, глядя на него сияющими глазами, — это сказка, сон?

— Хочешь, я тебя ушипну? — усмехнулся Сварог.

— Ой, больно!

— Ну вот, никакой это не сон. Только отправляться, Бетта, нужно прямо сейчас, день уже к вечеру клонится... Сможешь быстро собрать все, что тебе там понадобится? Платья, игрушки какие-нибудь?

— Конечно... — она казалась одурманенной. И вдруг испуганно спросила: — А папа с мамой отпустят?

— Отпустят, — серьезно сказал Сварог, — с ними поговорю.

— Значит, мы полетим?

— Полетим, Бетта, — кивнул Сварог. — Ну что, беги быстренько собирайся? А я поговорю с папой и с мамой. Да, камешек положи в карман, не оставляй на столе, никто ведь не должен знать...

— Конечно... Бегу... Дядюшка Гэйр...

И она бросилась прочь из комнаты. Сварог не без грусти посмотрел ей вслед, вышел в другую комнату, сделал выразительный жест, и все моментально пришло в движение: Катлок, крепко ухватив за локоть старосту, повлек его к входной двери, деловито приговаривая:

— Пойдемте, староста, тут секретное дело обсудить нужно...

Отца с матерью сыщики без грубости, но непреклонно оттеснили на кухню и закрыли за собой дверь.

— Гаржак, — сказал Сварог. — Вы в Каталауне не новичок... Кто такой Баглок?

— Ну... Что-то вроде лешего. Очень непостоянен: может одарить человека, а может и поиздеваться: в лесу закружит или что-нибудь вроде того, убить не убьет, но неприятностей причинит немало.

— Реальная лесная нечисть или мифологическая?

— Мифология чистой воды, — сказал Гаржак. — Давным-давно проверено.

— Понятно, — сказал Сварог. — Идите, помогите девчонке собраться. Мы немедленно вылетаем.

Оставшись в одиночестве, он долго сидел не шевелясь, ссутулившись, свесив руки меж колен. Пытался понять, стоит себя в чем-то упрекать или нет. Поразмыслив, пришел к выводу, что все же не стоит.

Бетта никогда уже не вернется на землю — как и вся ее семья. Сварог ей не врал ничуть — она и в самом деле объявлена победительницей игры, вечером действительно состоится праздник для малышей. Говоря по совести, игру выиграл совсем другой, шестилетний маркиз под ником «Проказник» — но никто об этом никогда не узнает. Пришлось так поступить для пользы дела. Не столь уж большой урон для малыша.

Бетте вручат приз. Завтра дадут вдоволь позабавиться с компьютерами. Послезавтра свозят на Сильвану. Потом...

Ну, там целая программа, Сварог не вникал во все детали. Главное — **з а в е р т е т ь** ее в вихре безобидных развлечений, какие только можно придумать для шестилетней девочки с земли. Опутать. Незаметно подвести к точке, когда ей самой не захочется возвращаться назад. После всего, что она увидит за облаками, ей покажутся невероятно убогими, скучными и родная деревушка, и гусиное наследство. Шесть лет, всего шесть. Можно вылепить что угодно, как из пластилина.

Умные, знающие дело люди поставят все так, что она время от времени будет все же работать и с черным камнем — как и патриций, обитающий сейчас взаперти (правда, в большом комфорте). Пусть камни работают и дальше — пока не проявит себя тот, кто их подбрасывает от имени сказочных леших и несуществующих фей. Должен же он как-то себя проявить, какая-то задача перед ним стоит — ну не может же он дарить эти чертовы камни **п р о с т о** так, по доброте душевной? Должна быть какая-то задача и цель...

Есть и еще одна сторона проблемы. При диком кадровом голоде, царящем в девятом столе, Бетта вполне может стать ценным приобретением. Конечно, лет через десять, не раньше — но у нас впереди столетия, что нам стоит подождать десять лет?

Сейчас Катлок, предъявив старосте бляху даже не тайной полиции, Багряной Палаты, проводит с ним разъяснительную работу. Завтра же староста должен с самым сокрушенным видом разнести по деревне весть, что мирный шорник Кадерт на самом деле оказался местным главой «Черной благодати», а потому вчера вечером вместе со всей семьей был взят и увезен одним из тех учреждений, которые к ночи и поминает не стоит. И это все, что знает сам староста. Прокатит. Какое-то время судачить будут так, что языки сотрут, потом привыкнут, и эта история войдет в список местных мелких «бывальщин», о которых не всегда и вспоминают за чаркой. Там, наверху и отца с матерью, и старшую дочку пристроят куда-нибудь слугами, на непыльную работенку, жить будут в комфорте, о котором и мечтать не могли, с Беттой видаться им позволят. Такие дела.

И абсолютно не в чем себя упрекнуть. И нет во всем этом ни подлости, ни жестокости. Наоборот, господа, наоборот... Если бы Сварог не отстоял перед Канцлером свой план, этот, в ход были бы автоматически пущены другие варианты зачистки. А их всего два. В обоих Бетту увозят за облака. В мягком варианте в лесу находят вполне опознаваемые останки «Бетты», растерзанной забеглым волком. В жестком — родители и старшая сестра всю оставшуюся жизнь проведут под неусыпным присмотром на одном из далеких островов. Стандартный регламент зачистки мест, где произошло странное, составленный и утвержденный давным-давно. Иногда это касается не одной-единственной семьи, иногда случаются зачистки и помасштабнее...

Поэтому Сварог считал, что ему не в чем себя упрекнуть. Он выбрал свой вариант, не предусмотренный регламентами, но одобренный Канцлером. Вариант, при котором всем увезенным отсюда житья будет очень даже неплохо.

И все равно, в горле сидел какой-то липкий, противный комок — из-за того, что вновь пришлось к о р е ж и т ь человеческие судьбы. Прекрасно зная, что иначе нельзя, и тем не менее, господа мои, тем не менее...

Он повернул руку ладонью вверх, чуть раздвинул пальцы — и меж ними оказался пузатый бокал келимаса. Медленно в ы т ы н у в его сквозь зубы, Сварог поставил бокал на стол. «Вот так и живем, — вертелось у него в голове, — вот так и живем...»

Хлопнула дверь — влетела сияющая Бетта. Гаржак нес за ней не такой уж и большой узел из полосатой материи.

— Дядюшка Гэйр! А где мама с папой? Нужно же им сказать...

Сварог развел руками:

— Они ушли со старостой, Бетта. Какие-то срочные дела в мастерской...

— Но как же...

Сварог подошел, наклонился и шепнул ей на ухо:

— Под большим секретом, малышка: им разрешили побывать на празднике, посмотреть, как тебе вручают приз.

— А Викету тоже возьмут?

— Конечно, — сказал Сварог. — Пусть порадуется за младшую сестренку. И убедится, что зря тебе не верила. Ведь не верила?

— Ой, как высмеивала... Говорила, я помешалась...

— Она кому-нибудь рассказывала о том, что ты ей рассказывала?

— Ой, да нет! Так и говорила: буду помалкивать, не хочу, чтобы меня дразнили, что у меня сестренка чокнутая...

«Совсем хорошо, — подумал Сварог. — Никаких лишних хлопот».

— В общем, всех твоих родных ты сегодня вечером увидишь на празднике, — сказал он, взяв Бетту за руку и деликатно направляя к выходу. — Пойдем?

— Пойдем! — радостно воскликнула она, вырвала руку и первой выскочила из дома, подпрыгивая и что-то напевая под нос. «Тоже неплохо, — подумал Сварог. — Мысленно она уже там. Первый шаг сделан».

— Пойдемте, Гаржак, — сказал он хмуро.

...Сварог, откровенно говоря, ничего не понимал в том, что видит. На экране Бетта, сидевшая за большим и сложным пультом незнакомого Сварогу компьютера, азартно и проворно стучала по клавишам всеми десятью пальчиками. На огромном экране выплясывали причудливый танец разноцветные полумесяцы, в их перемещениях, слияниях и сцеплениях определенно был какой-то смысл, но никак не для Сварога, освоившего компьютер ровно настолько, сколько необходимо для нормальной работы. Однако он ориентировался на Элкона — тот, наблюдая непонятное зрелище, прямо таки сиял.

— Что, у нее неплохо получается? — спросил Сварог.

— Неплохо? Не то слово! — воскликнул Элкон с нешуточным энтузиазмом. — Это «Пестрый хоровод», один из самых сложных тестов. Не всякий опытный компьютерщик сможет за квадранс пройти до четвертого уровня, а она уже на девятом... А ведь всего неделю занимается... Верно вам говорю, командир, если с самого начала делать

упор в ее образовании на компьютерные технологии, через десять лет получим компьютерного гения.

— Вроде тебя? — лениво поинтересовалась Яна, сидевшая в уголке и чуточку скучавшая.

— Гораздо выше, — сказал Элкон. — Я как раз сильно сомневаюсь, что я гений... хотя, конечно, кое на что способен, — добавил он с некоторым пижонством.

— Как она себя ведет? — спросил Сварог.

— Как вы и рассчитывали, командир, — сказал Элкон. — Она в полном восторге, не вылезает из зала и уже просит дать ей поработать на «Туманности-400». Я думаю разрешить. Это очень серьезный компьютер, посмотрим, что у нее получится...

— А все остальное?

— Родителей навещала всего дважды, но это, по донесению сопровождающего, как-то наспех. О том, чтобы вернуться на землю, даже и не заикалась. Наоборот, — он ухмыльнулся. — Просила узнать, разрешит ли ей дядюшка Гэйр погостить тут еще...

— Дядюшка, конечно, разрешит, — сказал Сварог без улыбки. — Дядюшка добрый, пока спит зубами к стенке... Это все прекрасно. Другое дело, Элкон, что у нас тут возникла досадная загвоздочка. Я час назад говорил с Канцлером. Он настроен вполне доброжелательно, но прямо сказал, что следует соблюдать порядок. Иными словами, Бетту нужно как-то здесь легализовать, придать ей определенный статус. И вот тут начинаются сложности... Совершенно непонятно — вот лично мне — к а к о й ей статус можно придать. Будь она совершеннолетней, никаких хлопот — я бы ее попросту зачислил на службу по категории «персонал земного происхождения». Но с шестилеткой так поступить нельзя, это против всех регламентов. Остается только статус «опасного свидетеля»... который получили ее родители и старшая сестра. С ними-то никаких проблем, как и планировалось, пристроили слугами в Канцелярию метеорологии. Они-то — самые обычные люди, они нас совершенно не интересуют. А если и Бетте присвоят статус «опасного свидетеля», никакого компьютерного гения мы из нее сделать не смо-

жем и образования дать не сможем. Отправят в школу служанок, и точка.

— Подумаешь, — сказала Яна беззаботно. — Я самовластная правительница или нет? Секретарь сочинит очередной рескрипт об исключении из правил, я подпишу...

Сварог повернулся к ней и сказал серьезно:

— Канцлер о ч е н ь просил придумать что-нибудь такое, чтобы все соответствовало законам. И так, мол, о б щ е с т в о недовольно, что в последнее время прямо-таки хлынули, как зерно из мешка, рескрипты об исключениях из правил, что ее величество себя ведет без должной величавости, кое-кто проливает слезу по распущенным Тайному Совету и Палате Пэров.. Потаенный, но едва ли не всеобщий ропот...

— И в гвардии тоже? — прищурилась Яна. — А в армии?

— У военных — лишь единичные случаи, по данным восьмого департамента, — сказал Сварог. — Главным образом родственники тех, кто оказался не у дел после твоих... реформ.

— Ну, так о чем же тогда беспокоиться? — очаровательно улыбнулась Яна.

— Я тебе скажу, как монарх монарху, — заявил Сварог очень серьезно. — Просто прекрасно, что ты пользуешься безоговорочной поддержкой гвардии, армии и Серебряной бригады. Но на о д н о й той поддержке сидеть не стоит. Когда ропот едва ли не всеобщий... нет, это не опасно, но все же скверновато. Я у себя на земле кое-чему научился... Неплохой вариант — когда высшее общество расколото примерно наполовину. Тогда и не о чем особенно беспокоиться и ничего не надо предпринимать: будут грызть друг друга и следить друг за другом сами, прохвосты... Но тут другая ситуация: все твои новшества и поведение раздражают с л и ш к о м много людей. И с этим надо считаться. Ты уже взрослая, должна учитывать такие вещи...

Яна строптиво поджала губы, но промолчала. Неплохо, констатировал Сварог. Еще с год назад обязательно бы стала держаться, как взбалмошная девчонка...

— Одним словом, нас очень просили скрупулезно соблюдать законы и регламенты, — сказал он. — Но я ничего не могу придумать... Элкон, нет ли светлых идей?

— Ни единой, — хмуро признался Элкон. — Я, конечно, уже наводстрился на службе обходить законы, но все же не великий их знаток...

— Мужчины... — насмешливо протянула Яна. — Грозные монстры секретных служб... Что бы вы без меня делали... «Закон о бастардах». Изучали вдумчиво?

Сварог с Элконом переглянулись и пожали плечами.

— По-моему, нас с графом он пока что не касается... — сказал Сварог.

— Ну, так вот, слушайте внимательно, — тоном опытной учительницы сказала Яна. — Ребенок, рожденный земной женщиной от лара... Что с ним?

— Ну, обладает всеми свойствами лара, — сказал Сварог.

— Правильно, — сказала Яна. — А потому всякий лар, узнавший, что на земле у него родился ребенок, о б я з а н сообщить о данном факте в Канцелярию земных дел. После чего ребенок, простите за канцелярщину, изымается и поручается опеке четырнадцатого департамента земных дел... либо любому лицу, пожелавшему бы взять на себя роль опекуна. К совершеннолетию он получает все права лара, у с е ч е н н ы й герб родителя... тут давно разработан стандарт, левая часть родительского герба сохраняется, а на правой помещается стандартный символ «одинокое дерево».

— Интересно... — сказал Сварог. — А если герб состоит из одной-единственной фигуры и не разделен на поля?

— Ну, и в этом случае он тоже режется пополам, — сказала Яна. — Левая часть остается, а на правой — «одинокое дерево». Далее. Имя сразу дается новое, не родительское, титула не полагается — просто «лорд такой-то». Правда, если случается, что род родителя пресечется, вместо перевертывания герба и вычеркивания его из гербовника, он передается бастарду. Такое, кстати, бывало. И многие бастарды выслуживали титулы. Конечно, в обществе их не все принимают как равных, некоторые, особо спесивые, и

на поклон не ответят, и в разговор не вступят... но явление существует. Сейчас у нас примерно три сотни бастардов.

— Когда ты всего этого нахваталась? — с интересом спросил Сварог.

— Я как-никак императрица, ты не забыл? — сказала Яна. — На окончательное утверждение бумаги всегда поступают ко мне. Я с этой процедурой впервые столкнулась пять лет назад, а вчера как раз был одиннадцатый случай...

— Но Бетта-то тут при чем? — недоуменно спросил Сварог.

Яна демонстративно, тяжело вздохнула, покачала головой:

— Мужчины такие тугодумы... Никаких экспертиз не проводится. Достаточно прошения, поданного в Канцелярию земных дел. Некий благородный лар вдруг обнаружил, что его посещение деревни Туарсон шесть лет и девять месяцев назад не осталось без последствий... И заработает отлаженный механизм дядюшки Диамер-Сонирила... Ну, вам все понятно, или еще что-нибудь растолковать? — хотя она сидела в низком кресле, удивительным образом казалось, что Яна взирает на обоих свысока.

— Да нет, теперь все понятно, — сказал Сварог радостно. — Ну, коли уж нет никаких экспертиз... Одно только слово благородного лара... (как в старом земном анекдоте, подумал он — «и тут как поперли мне козыри, как поперли...»). Значит, надо искать кого-то надежного. Я тут всего три с лишним года, а Элкон при всех своих талантах никак не может по возрасту оказаться отцом шести летнего ребенка... О! — воскликнул он, вздевая палец. — Брагерт! Этому шалопаю такая проделка будет весьма по вкусу. И уговаривать не придется.

— А воспитателем мог бы быть я, — сказал Элкон. — Бари — ее ровесница, они были знакомы заочно по Детской, а на празднике познакомились вживую... Отлично все складывается!

Не теряя времени, Сварог подошел к столу и нажал клавишу.

— Господин директор? — откликнулся секретарь.

— Немедленно разыщите милорда Брагерта и попросите явиться ко мне.

— Минуточку, господин директор... — какое-то время стояла тишина, потом секретарь отозвался с нотой разочарования. — Простите, но милорд Брагерт два дня назад отправился с заданием в Лоран, и раньше чем через неделю ждать его не следует... господин директор! Буквально только что поступило сообщение: его высочество принц Элвар интересуется, можете ли вы его принять по срочному и неотложному делу. Он сейчас в Каталауне, готов вылететь немедленно...

Сварог тяжело вздохнул, подчиняясь неизбежному. Сказал:

— Сообщите, что всецело к услугам принца... — и, отключив связь с приемной, повернулся к собеседникам, печально покачал головой. — Могу спорить, опять какого-то крестника его высочества или просто очередного «золотого парня» замели на утоне овец или грабеже купцов, снова придется миловать кого-то... Ладно, не впервой... В конце концов, он никогда не вступается за откровенную сволочь, и это хорошо... Что, Элкон?

— Если я вам больше не нужен, я бы полетел к Бетте...

— Да, конечно, — сказал Сварог.

Когда за Элконом закрылась дверь, он подошел к Яне и уставился на нее долгим взглядом. Она сидела, вольно закинув ногу на ногу, в коротеньком и леком красном платье, загорелая, свежая, после недели отдыха в Хелльстаде пребывавшая в отличнейшем настроении...

— Вот т а к и х взглядов не надо, — сказала Яна с чарующей улыбкой. — Я ведь и в самом деле твердо решила, что до свадьбы ничего у нас не будет. Так хочется побыть неким подобием невинной невесты... Да и дядя сейчас прилетит.

— Да я так... — сказал Сваро, — с эстетической точки зрения.

Ее личико вдруг приняло ошеломленно-горделивое выражение — словно у ученого мужа, открывшего новый закон мироздания.

— Вот оно! — воскликнула Яна.

— Что?

Яна лукаво улыбнулась:

— А вот дядюшка Элвар и будет счастливым папашей Бетты. Так даже лучше. Бастарду императорской фамилии положен п о л н ы й герб и титул, обычно маркиза или виконта. Леди Бетта, маркиза как-ее-там...

— Думаешь, он согласится?

— Быстренько уговорю, — заверила Яна. — Ты же успел его узнать, уже, наверное, пару бочек на пару осушили... Да и в конце-то концов, ты столько раз по его ходатайству миловал всяких шаромыжников... Может он хоть раз ответить любезностью? Правда, вы с ним опять налакаетесь безбожно... Ладно, я останусь и буду за вами присматривать... Или у тебя срочные дела?

Сварог мотнул головой:

— Так уж сегодня счастливо сложилось, что и дел особых нет, и найдется чем принца попотчевать, да и самому отведать... Час назад посыльный от канцлера привез подарочек. С коротким, но благорасположенным письмом...

Он достал из шкафа и поставил на стол изящный деревянный ящичек, снял крышку-коробку, открывая подставку с весьма заманчивым содержимым.

Яна фыркнула:

— Ну конечно, какие еще подарки мужчины могут делать друг другу...

— Милая, — сказал Сварог, чувствуя, как его лицо становится одухотворенным. — Это тебе не обычное пойло, а напиток, достойный винных погребов Келл Инира...

На подставке, на маленьких, тонкой работы козлах лежал бочоночек из темных дубовых дощечек, вместимостью квартанов в пять (примерно 4 литра). Судя по клеймам, аккуратно заполненным алой краской, это был келимас, и не просто келимас, а один из лучших таларских сортов, с полуострова Ройре, да вдобавок двадцатилетней выдержки. Довольно редкая вещь — виноградники на Ройре небольшие, всякие келимасы Сварог пивал, а такого не доводилось.

Тут же, в гнездах деревянной подставки, стояли четыре деревянные же стопки. Сварог достал одну, повертел, но так и не смог определить, из какого дерева она сделана. Одно ясно — порода ценная. Бело-желтовато-коричневые узоры древесины так и ласкали глаз — особенно в сочета-

нии с бочоночком. Снаружи чарки идеально отполированы, а внутри дерево оставлено нетронутым — и не понять, какая сторона красивее.

Подойдя к столу, Яна обозрела подарок и уверенно сказала:

— Налакаетесь.

— Да что тут пить? — спросил Сварог, поглаживая бочоночек. — Кошачьи слезки... Вот, кстати, очень светский у вас лексикон, ваше величество...

— Это все Каталаун, — безмятежно сказала Яна, глядя на него невиннейшим взором. — Я в детстве, да и позже, столько времени там провела с дядюшкой... А народ там простой, говорят незатейливо... — она потупила глаза в наигранном смущении. — Да, я и забыла покаяться еще в одном прошлом грехе. Когда мне было без малого двенадцать, я за амбаром целовалась с мальчиком. Точнее, пытались, тыкались плотно сжатыми губами... Дядюшка нас застукал, и была такая взбучка, что я навсегда зареклась принимать в Каталауне ухаживания... Я навсегда пала теперь в твоих глазах, или все же простишь?

— Скрепя сердце и собрав волю в кулак, — сказал Сварог. — Я ведь чуточку знаю Каталаун... Винцо ты тоже там в первый раз попробовала?

— Ну да, — сказала Яна без малейшего раскаяния. — Когда девочкам там исполняется двенадцать, им уже начинают наливать. Правда, слабенькую наливку или легкое вино, и на все застолье выделяется одна-единственная чарка. И строго следят, чтобы не было попыток добавить.

— Так что глоточек-то ты выпьешь...

— Глоточек-то я выпью, — сказала Яна. — Как-никак двадцатилетний «Ройне», причем н а с т о я щ и й...

Сварог прекрасно понимал, что она имела в виду. Еда и питье, сотворенные магическим образом, ничем не отличаются от настоящих, однако есть один нюанс... Когда ты создаешь бокал келимаса, это т о т ж е с а м ы й келимас, что был в прошлый раз и в позапрошлый, и во все предыдущие разы. И бифштекс всегда о д и н и т о т ж е, в сотый раз подрумянен левый бочок, в сотый раз самую чуточку недожарен правый, поскольку все всегда выполня-

ется по заданному о б р а з ц у. Именно потому созданную магическим образом провизию и напитки предпочитают употреблять в самом крайнем случае — ну, скажем, как Сварог во время своих странствий по земле. Настоящее — оно и есть настоящее...

— А может, и два глоточка, — сказала Яна. — Или три. В любом случае неполными чарками, как вы сейчас начнете...

— Кстати, что это за дерево? Никогда такого не видел.

— Сильванская горная береза, — пояснила Яна. — Довольно редкая порода, растет в крайне труднодоступных местах и очень ценится. В одном княжестве из нее даже медали делают, по рангу соответствующие серебряным... У меня в сильванском охотничьем домике вся мебель из горной березы, у гиперборейского царя из нее трон... Есть одно поверье насчет супружеской постели, но я его тебе пока не скажу, я уже вошла в состояние невинной невесты... И нечего на меня так смотреть...

— Вот положи руку на сердце, чисто эстетически, — сказал Сварог, откровенно любуясь ею. — Загоревшая, веселая, ни капли меланхолии. Глаз радуешь.

— Ага. А дай тебе волю, мое платьице мигом в другой конец комнаты улетит...

— Но я же пообещал, что принял твое условие, и до свадьбы — никаких глупостей...

И тут ему в голову пришла великолепнейшая идея. Да что там, гениальная. Почему он один должен страдать в тисках добродетели? Это несправедливо, право же...

— Госпожа моя невеста, — сказал он вкрадчиво. — А вам не кажется, что в этих предсвадебных условиях допущена явная несправедливость по отношению к жениху?

— Какая? — с искренним любопытством спросила Яна. — Правда, я в толк не возьму, господин мой жених...

— Условия ставила только одна сторона, то есть ты, — сказал Сварог. — А почему я лишен такого права?

— А какие у тебя могут быть условия? — изумленно спросила Яна. — Нет, правда? В толк не возьму...

Сварог наставительным тоном сказал:

— Невеста в преддверии свадьбы должна быть добродетельной и скромной, так?

— Ну, вообще-то так... — протянула Яна.

— Вот именно. Коли уж речь пошла о добродетели и скромности, мне категорически не нравится, что моя невеста расхаживает в таких коротких платьях, пусть они и соответствуют нынешней моде. У тебя от колен до подола — расстояние в две моих ладони. С учетом большого пальца.

— Врешь и преувеличиваешь, — она посмотрела на свой подол. — Как ни прикидывай — одна твоя ладонь... ну, может, еще палец...

— Все равно, — сказал Сварог. — Условие у меня такое: чтобы ты с завтрашнего же дня и до свадьбы ходила исключительно в платьях, прикрывающих колени. И без всяких вырезов.

— Ты серьезно?

— Абсолютно, — сказал Сварог. — После свадьбы — пожалуйста, и платье укорачивай, и с вырезом щеголай. А пока что... Я серьезно. Я твое условие принял. Справедливость требует, чтобы и ты приняла мое.

— Садизм какой-то...

— А не позволять до тебя даже пальцем дотрагиваться, пока ты в невестах, это не садизм?! Нет уж, Вита, давай по справедливости. Условие на условие.

— Ну, хорошо. Обещаю, — с крайне недовольным видом сказала Яна и пробурчала под нос: — Хорошо хоть не до полу... А что подумают при дворе? Мы же все сохраняем в тайне до последнего дня...

— А что подумают? — пожал плечами Сварог. — Подумают, что ты по очередному капризу решила переменить моду. И тут же оденутся соответственно. Ну, так ты обещаешь?

— Обещаю, — с превеликой неохотой сказала Яна. — Только ты постарайся побыстрее все уладить...

— Стараюсь всю, — сказал Сварог.

И говорил чистую правду. Карах, отставленный от всех прочих дел (коих у него, откровенно говоря, и не было почти), в лихорадочном темпе составлял Брачный кодекс, в качестве образца имея перед собой таковые кодексы из шести королевств. В Латеране два придворных церемониймейстера, из Снольдера и Ронеро (коим за быстроту и качество)

были обещаны не самые низшие ордена) столь же стахановски трудились день и ночь. Сварог дал им кое-какие исходные данные, а в остальном полагался на их опыт. Метавшиеся по Полуденному Каталауну сыщики донесли, что напали на след отца Грука и отыщут в самом скором времени. Список гостей Яна со Сварогом после вдумчивого обсуждения уже составили. Мясус рапортовал, что буквально через два дня дворцовый парк будет возвращен в то состояние, в каком он пребывал, когда во дворце кипела жизнь.

Замигала синяя лампочка, послышался голос коменданта:

— Господин директор, вимана его высочества только что совершила посадку.

— Возьмите почетный караул и проводите его высочество ко мне, разумеется, без доклада.

— Ну, сейчас пойдет гульба... — хмыкнула Яна.

— Мы постараемся не увлекаться, — ханжески пообещал Сварог.

— Это с дядюшкой-то? — фыркнула Яна. — Ну-ну, оптимист ты у меня, вроде бы должен уже неплохо его знать, второй год чарками стучите. Я, конечно, с вами посижу, но только до того времени, когда дядюшка начнет орать любимые каталаунские песни... И г р и в ы е...

— А в Каталауне ты их мало наслушалась? — фыркнул Сварог, всецело поглощенный хозяйством: перенес бочонок и стопки на стол в углу, как раз и служивший для приемов гостей. Достал блюда с закусками — н а с т о я щ и е.

— А в Каталауне, между прочим, с этим на застольях строго, — сказала Яна. — Если дом приличный, никто при детях похабщину горланить не будет — из-за стола вышибут... Так, мне на палец. Дядюшке можешь полный, а тебе и половины достаточно.

Сварог, в глубине души вполне согласный с таким раскладом, последовал ценным указаниям. Две чарки стояли на столе, свою он держал в руке, когда дверь с грохотом распахнулась и ввалился принц Элвар, веселый, небритый, в высоких сапогах и зеленом кафтане, с арапником за поясом.

— Ух, какого секача загнали! — браво рявкнул он с порога. — Клычищи...

— Ну вот, есть повод отпраздновать, — сказал Сварог. — Тут как раз прислали в подарок волшебный напиток...

— Ну-ка, ну-ка... — принц шагнул к столу, озирая его с живейшим любопытством.

Его лицо внезапно исказилось в неопикуемой гримасе, и он, поблелнев, как смерть, схватился за рукоять арапника. Все прошло молниеносно — арапник свистнул в воздухе, запястье Сварога обожгла жгучая боль, чарка выпала, и все содержимое растеклось темным пятном по узорчатому ратагайскому ковру. С неожиданным проворством принц обогнул стол, оттесняя от него Яну и Сварога. И заревел Сварогу в лицо:

— Вы где это взяли, идиоты?

— Канцлер прислал в подарок... — ошеломленно выговорил Сварог.

Принц рухнул в кресло, отодвинув локоть от полной чарки так, словно это была болотная гадюка.

— Не может такого быть... — пробормотал он.

— Мне доложили... — сказал Сварог растерянно. — Ви-мана была цветов канцлера, посланец в мундире его канцелярии, классный чин.

— Король, мать твою... — прохрипел принц. — Дите малое... Как тебя до сих пор не прикончили...

— Дядя, — твердо сказала Яна, — что-то я подобного буйства даже за вами не припомню...

— Буйства? — взревел принц. — Да твоего отца именно так и отравили, такими вот чарочками... — он с размаху хлопнул себя ладонью по губам. — Договорились же молчать, черт...

Сварог придвинулся к Яне, готовый ее подхватить — казалось, она сейчас потеряет сознание. Но длилось это только миг. Она отстранила руки Сварога, как чужого, села в кресло перед одним из пультов, уверенно нажала несколько кнопок и сказала резко, холодно: — Герцог? Извольте немедленно прибыть в девятый стол. Немедленно

И ударила по клавише прежде, чем Канцлер успел что-то ответить, он так и исчез с экрана. Повернула к Сварогу прекрасное, ожесточенное лицо:

— Сколько у тебя здесь вооруженных?

— Человек сорок, — пожал он плечами.

— Подними всех. Когда Канцлер войдет в здание, всех его спутников немедленно арестовать. Пять человек в приемную. Ну? Или мне самой приказать? Где тут у тебя связь с комендантом?

Сварог, так ничего толком и не понимая, нажал нужную клавишу и передал распоряжение. Нагнувшись над его плечом, Яна громко сказала:

— Моим именем, комендант!

— Слушаюсь! — ответил комендант браво.

Судя по тону, он ничего не понимал, но полагал всегда, что понимать приказы в его обязанности не входит, — за что Сварог его и ценил...

На соседнем пульте зажглось несколько лампочек. Судя по их сочетанию, комендант объявил по зданию боевую тревогу, полагая, очевидно, что каши маслом не испортишь. Сварог ничему не препятствовал — он наконец-то смог думать, рассуждать, прикидывать.

— Яна, это не Канцлер, — сказал он задумчиво. — Никак не Канцлер. Он не стал бы так подставяться, посылать свою виману, своего чиновника... И потом, он прекрасно знал, что ты здесь, не мог не догадываться, что мы выпили бы оба... А мне только раз говорили, вот хотя бы его высочество: уж если Канцлер против тебя что-нибудь з а д у м а л, у него была за все эти годы масса возможностей обстряпать все чисто...

— Это никак не Канцлер, Яна, — сумрачно поддержал принц Элвар, — В самом деле, уж он-то мог устроить всякое... Кто же будет так подставяться, столько свидетелей...

— А я и не считаю, что это Канцлер, — отрезала Яна. — Просто-напросто настало время поговорить по душам, и не только с Канцлером. Мне надоело, что он, пусть и не врет, столько лет не говорит в с е й правды... И лучше не мешайте оба!

Сварог стоял молча. Принц Элвар тоже помалкивал. Перед лицом столь ярко выраженного классического Моношершего Гнева стоило помолчать...

— У тебя тут есть какие-то эксперты... — сказала Яна Сварогу приказным тоном. — Вызови быстро. Пусть возьмут пробы из чарок и из бочонка.

...Канцлер сидел ссутулившись, лицо напоминало застывшую маску. Он прочитал про себя данные экспресс-анализа, положил листок на стол, сказал, опустив глаза:

— Все, как и в т о т раз. Келимас в бочонке абсолютно безопасен. В чарках — отравы... Можно вопрос? Кто-нибудь на миг допускает, что это я?

— Никто, — отрезала за всех Яна. — Отчего ситуация веселее и легче не становится. С лорда Сварога никакого вопроса — его в те времена здесь просто не было. А вот вы двое, да вдобавок покойный Гаудин... Я несколько раз давала вопрос вам обоим: был ли отец отравлен? Вы уверяли, что это глупости... Извольте объяснить. Дядя...

— Ну, понимаешь... — принц Элвар ерзал на стуле и вообще чувствовал себя крайне неуверенно. — Канцлер не так уж и виноват, и Гаудин тоже... Мы тогда собрались на совет: я, Диамер-Сонирил, несколько наиболее толковых принцев крови, надежных сановников... Решено было сохранить все в тайне. Не рассказывать же тебе, шестилетней, как все случилось?

— А вам не кажется, дядя, что я уже совершеннолетняя? — поинтересовалась Яна с неописуемым сарказмом.

— Ну, понимаешь... — покаянно сказал принц. — Хотели подождать, пока ты еще немного подрастешь...

— Благодетели... — покачала головой Яна. — Берегли от сложностей жизни... Как я вам благодарна...

Канцлер наконец-то поднял глаза:

— Ваше величество, я себя не выгораживаю. Просто хочу сказать, что решение было принято единогласно. Ввиду... особых обстоятельств. Видите ли, покушавшихся так никогда и не нашли, и до сих пор неизвестно, кто это был. Ясно одно: никто не готовил переворота, мятежа, смены династии или хотя бы вашего отстранения. Те, кто все это устроил, отравили императора — и только...

— Они где-то здесь, — сумрачно сказал принц. — Понимаешь, Янка? Кому-то из них ты наверняка давала ти-

тулы и ордена, назначала на высокие посты... Они где-то здесь. Вот мы и боялись, что ты, узнав правду в юном возрасте, сгоряча наломаешь дров. Уж если тогда не удалось их обнаружить, у тебя тем более ничего не получилось бы. А вот о н и могли предпринять что-то, чего никто не мог бы предотвратить... Лорд Сварог, вы в данном случае лицо беспристрастное, можете быть судьей. Как вы поступили бы на нашем месте?

Сварог долго молчал. Потом сказал медленно:

— Пожалуй, я бы тогда с вами со всеми согласился...

Яна обожгла его взглядом — но все же атмосфера в кабинете была уже не столь напряженной.

— Как это случилось? — спросила Яна вполне рассудочным тоном. — И в чем секрет...

Принц вздохнул. Взял чистый бокал из шкафа Сварога, налил до краев келимаса и осушил. Морщась, сказал:

— Рекомендую, дамы и господа... Келимас абсолютно безвредный, как и тот...

— Какая-нибудь юридическая ловушка в заклинаниях? Если только так можно говорить о магии? — спросил Сварог. — Прореха? — он вспомнил кое-какие поучения Грельфи. — Вредный вред и безвредный вред?

— Вот именно, — угрюмо отозвался принц. — Из этой самой клятой разновидности... Любой из нас, здесь присутствующих, моментально определит наличие в его бокале яда. А что есть яд? Природное либо составленное человеком зелье, смертельное для человека. Здесь ничего подобного. Потом выяснилось: когда дубильные вещества келимаса попадают в посуду из гипорборейской березы, образуется, как его там, химическое соединение с длинным названием. Я его еще тогда забыл. Главное, для человека это смертельный яд... формально не попадающий под категорию ядов. Келимас, разумеется, был проверен специалистами своего дела, как и все, что подается на стол королю. Посуда была проверена на наличие я д о в. А потом они соединились, келимас и береза... — он тяжело вздохнул и налил себе еще.

Сварог, подумав, последовал его примеру — и Канцлер тоже. Даже Яна, чуть подумав, налила себе немного густотантарной жидкости.

— Подарок поступил якобы от царя Гипербореи, — сказал Канцлер. — Правда, потом оказалось, что царь его не посылал. Все замыкалось на главном кравчем... вполне доказавшим за долгие годы преданность трону. Он его и принес. Там тоже были четыре чарки. Кроме императора, они достались его высочествам и мне. Дюжине приближенных налили тоже, но в обычные бокалы, — на его лице появилась бледная тень улыбки. — Меня и обоих принцев спас строгий этикет торжественных обедов. Лишь когда император выпьет, поставит чарку на стол, имеют право пить остальные, — его лицо исказилось болезненной гримасой. — Император даже не успел допить. Он стал клониться на спинку кресла, лицо застыло, глаза г а с л и, в уголках рта появилась кровавая пена... конечно, переполох, паника... Лейб-медики оказались бессильны. Главный кравчий был обнаружен неподалеку в коридоре с кинжалом в сердце. Никаких следов. Ни наука, ни магия...

Настала долгая тягостная тишина. По лицу Яны текли слезы. Она не плакала — просто слезы текли и текли.

— И они где-то здесь... — выговорила она совсем тихо.

— Именно поэтому нельзя было допускать... опрометчивых решений, — произнес Канцлер с ноткой прежней жесткости в голосе. — Правда, о том, что ваше величество здесь, знал только я — я имею в виду, из тех, кто находился за пределами манора. Либо у них есть здесь сообщник, который известил, что вы здесь, либо все было приготовлено исключительно для лорда Сварога...

— Ну, что касается сообщника здесь... — сквозь зубы проговорил Сварог. — Будет очень просто выяснить, есть он или нет. Есть безошибочные способы, я в свое время наладил неплохую контрразведку, именно потому, что ко мне стали засылать агентов... Правда, мало, но работать умеют...

Канцлер хладнокровно спросил:

— Ваше величество, можно спросить напрямую: если я буду арестован... или отстранен, можно ли твердо рассчитывать, что мое место займет лорд Сварог?

— Ни в коем случае, — вырвалось у Сварога.

Взглянув на Яну, он увидел, что она успела за краткое время привести себя в порядок: вытерла слезы, сидела с

непроницаемым лицом. И недовольно поджала губы, услышав реплику Сварога.

— Мы не раз говорили, верно? — сказал он насколько мог мягко. — Я просто-напросто не вытяну всего этого, вместе взятого. Я и так на себя взвалил слишком много. Ничего хорошего не получится.

— Вот видите, ваше величество, — сказал канцлер бесстрастно. — Вы назначите на мое место кого-то исключительно по личным симпатиям... и нет гарантии, что им не окажется тот... кому как раз не следует там оказаться.

— Иными словами, вы снова выкрутились? — не без ехидства спросила Яна после короткого молчания.

— Я бы назвал это иначе, ваше величество, — мягко сказал Канцлер. — Мне в очередной раз удалось оправдаться. Честное слово, я ничего не мог сделать в той ситуации. Именно потому, что это, судя по всему, был не обширный заговор, а работа одного человека, в крайнем случае, двух-трех. И потому все наши службы оказались бессильны.

Яна, пусть и с некоторым неудовольствием на лице, коснулась клавиши:

— Комендант? Все только что отданные мною распоряжения отменяются. Извините, Канцлер, я, кажется, погорячилась, но обстоятельства...

— Не стоит извинений, ваше величество, — серьезно сказал Канцлер. — Я привык. За семь лет правления вашего отца меня дважды отстраняли от дел, а уж за сорок лет службы у вашего дедушки это происходило столько раз, что я счет потерял. Причем, это иногда обставлялось гораздо эффективнее...

— Ну что тут поделать, Янка, — сказал принц Элвар, с непринужденным видом наливая себе полный бокал келимаса. — Так уж получилось, что герцог лучше всех, кого я знаю, управляет с этим механизмом. Талант у него такой... Я и сам его когда-то черт-те в чем подозревал, а потом выяснилось, что напорол горячку...

— В следующий раз, лорд Сварог, — сказал Канцлер, — получив подарок вроде этого, немедленно свяжитесь с дарителем и поблагодарите лично. Вполне может оказаться, что он о «своем» подарке и понятия не имеет...

— Вот это правильно, — буркнул принц. — Многие вас недолюбливают, чего уж там. Многие не настолько, чтобы идти на такое, но человеческая душа — она ж потемки, — он откровенно потянулся к боцонку и грустно сказал: — Очень уж долго не случалось отравлений, последнее произошло еще до моего рождения. Может, еще и поэтому сыскари навыки потеряли...

— Каждый день узнаешь о жизни что-то новое, — с горькой иронией произнесла Яна. — Оказывается, почти никому в Келл Инире доверять нельзя. Теоретически каждый может оказаться...

— Такова уж участь монархов, ваше величество, — мягко сказал Канцлер. — Вот вам еще одна взрослая истина...

— Кто будет проводить расследование? — мрачно спросил Сварог. — Мои люди или ваши?

— Это несущественно, — сказал канцлер. — Я поручу кое-кому... можете и вы, кто же вам запрещает? Только, простите, у меня есть предчувствие, что никто ничего не добьется. Наверняка уже не существует ни той виманы, ни того антланца — в подобных делах не считают пешек...

Яна вдруг встала и, полностью игнорируя прочих, подошла к Сварогу, обхватила обеими руками, прижалась:

— Увези меня в Хелльстад. Немедленно. Там уютно и покойно, я не могу сейчас в Келл Инир... — она подняла на Сварога сухие глаза, грустные и злые. — Ну, или мне приказать коменданту увести манор в Хелльстад, прыгнуть и самой искать Вентордеран?

— Ну что ты такое говоришь... — сказал Сварог, осторожно высвободился из ее объятий, подошел к столу и коснулся клавиши:

— Комендант? Уводите манор к хелльстадской границе, к точке «Ворота».

— Ваше величество! — непроизвольно вырвалось у Канцлера. — Нужно обсудить кое-что по очередному Виглафскому Ковенанту, да и лорда Сварога это касается...

— Это подождет, — небрежно сказала Яна, не оборачиваясь.

О МЕТОДАХ ВОСПИТАНИЯ И ПРОЧЕМ

Бравый усатый гвардеец распахнул перед ним одну половинку высокой дубовой двери. Второй взял мушкет «на караул». Сварог небрежно кивнул и вошел в свои собственные покои Латеранского дворца, куда посторонним было так просто не попасть. Здесь царили тишина и почти полное безлюдье, разве что временами проскальзывали бесшумные, как мыши, камер-лакеи, да стояли на поворотах и лестничных маршах недвижные часовые. «А вот двинет один такой мечом в спину... — подумал он вдруг. — Канцлер прав: невозможно заранее просчитать всех»...

Он не испытывал особого волнения после случившегося; еще раз увернулся от смерти. Бывает. В этом не было никакого кокетства, его частенько пытались убить, так что, можно считать, дело житейское. Издержки профессии...

Наоборот, настроение было бодрое и деловое. Они кое-чего добились в последнее время. Они приобрели Бетту — которая в будущем очень даже пригодится. Они отыскивали Токеранг — хотя до сих пор не смогли обнаружить туда вход. С маркизом Оклером, командиром новоиспеченной Морской бригады, у него были прекрасные отношения — а это сулило на близкое будущее кое-какие интересные планы. Жизнь была ключам, можно сказать...

Навстречу попался министр двора, сплетник, доносчик и казнокрад, но человек полезный. Отбросов нет, есть кадры... Завидев Сварога, он остановился как-то очень уж выжидательно, держа на виду большую сафьяновую папку, в каких архитекторы носят чертежи. Судя по тому, что она была украшена золотым королевским гербом, речь шла именно о дворцовых архитекторах.

— Итак? — спросил Сварог, приостанавливаясь.

— Ваше величество! — вдохновенно воскликнул министр двора. — Полная реставрация закатного крыла закончена!

Причины вдохновения понять было нетрудно — по сложившейся традиции именно министр двора оказывался первым в списке награжденных и пожалованных.

— Часа через два осматрю, — сказал Сварог и пошел дальше.

Свернул налево, поднялся на два марша по лестнице и оказался в коротком коридоре, где разместил Интагара с парочкой помощников, чтобы были под рукой. Вот уже десять дней здесь обитала и Томи, отправленная в Латерану с довольно серьезной миссией: обучить Интагара пользоваться компьютером. Виртуоза из него, конечно, не сделаешь, но азы он усваивает, и неплохо. Интагар с компьютером — это, судари мои, сочетание...

Охраняли этот коридор особенно тщательно — главным образом даже не от иностранных шпионов, а от тех, кто до сих пор стучал на Сварога н а в е р х. Лучше уж держать все втайне до поры до времени, а уж потом поставить кое-кого перед фактом...

С диванчиков по обе стороны коридора вскочили сразу четверо сыщиков, трое просто вытянулись с тупоревностным видом, а четвертый простер недоверие настолько, что поднял перед лицом короткую серебряную загогулину, способную вмиг определить, сам Сварог сюда нагрянул, или это некий злоумышленник в маске Сварога. Сварог и не подумал сердиться — он эту штуку сам сюда привез и обучил часовых пользоваться.

Еще один коридор, несколько дверей справа и слева. Сварог без стука распахнул первую справа. И не обна-

ружил там никакой работы: компьютеры на трех столах бездействуют, Интагара нет, только Томи примостилась в углу в низком кресле, и рядом с ней на столике — высокая черная бутылка неплохого таромайского вина и радужный бокал.

Когда Сварог вошел, она чисто машинально сделала движение пальцами — и вместо бутылки с бокалом на столе обнаружился стеклянный кувшин, по виду с вишневым соком, и высокий стакан с цветными стеклянными медальонами и тонкой гравировкой. Сварога, конечно, эта иллюзия обмануть не могла — для него кувшин оставался полупрозрачным видением — так что все явно предназначалось для Интагара.

— Так-так-так, — сказал Сварог. — Все-таки дворец на вас плохо влияет, красавица моя. Переняли у гвардейских лейтенантов привычку начинать утро с пары бокалов?

— Всего бокальчик, — сказала Томи без особого раскаяния. — Здесь не только гвардейские лейтенанты, но и фрейлины с утра имеют привычку...

— Ладно, — сказал Сварог, садясь напротив. — Лишь бы ты эту привычку не прихватила с собой наверх, в девятый стол, вот тогда я рассержусь всерьез... Ну, как живетса во дворце?

Внедрить ее во дворец никакого труда не составляло: вдруг взяла да и появилась еще одна дворяночка из далекой провинции. То, что никто раньше такой фамилии не слышал, ничему не мешало: мало ли в провинции захолустных родов, которые знают все наперечет только замшелые старцы-герольды? К тому же обитателями интагаровых комнат как-то не принято особо интересоваться и уж тем более приставать с расспросами. Правда, какая-то зараза, как водится, тут же пустила по дворцу слух, что это очередная любовница Сварога, встреченная им где-то в глуши, как в «Романе о принце Кальберте» — но это, если подумать, не особенно и напрягало, а саму Томи только веселило (Хорошо еще, к сему времени она, как и предсказывала Яна, п е р е с т р а д а л а, и Сварог больше не числился у нее в объектах пылкой страсти).

— Прекрасно живется, — сказала Томи но самым унылым тоном, насупясь и хмурясь.

— Что такое? — удивился Сварог.

— Хоть волком вой, — мрачно сообщила Томи. — Скоро на стену полезу.

— Нате вам, — сказал Сварог озабоченно. — Обидеть тебя здесь никак не могли, дворец у меня — приличное заведение. Надоело тут торчать? Или Интагар науку плохо усваивает?

— Да нет, к некоторому удивлению, очень даже неплохо...

— Тогда откуда меланхолия?

— Он меня воспитывает! — сердито выпалила Томи, так и сверкая глазами. Платья у меня слишком короткие, и вырезы чересчур глубокие... Оцените сами: так или нет?

— Да нет, — сказал Сварог, присмотревшись. — Все в пределах приличий, тут у меня иные юные озорницы подолы на пару пальцев укорачивают, так что ты вполне скромно смотришься...

— Ну вот! — фыркнула Томи. — А он каждую свободную минутку цепляется, как репей, талдычит о добродетели, подходящих для приличной девушки нарядах и прочих высокоморальных вещах... Сил моих больше нет. А уж если мне вздумается с кем-нибудь пофлиртовать... Не подумайте ничего плохого, командир, я имею в виду именно что легкий безобидный флирт... Тут уж такой поток нравоучений начинается: о том, как коварны дворцовые ловеласы, как неопытны юные девицы вроде меня... Полное впечатление, что это он пишет те сентиментальные романы под псевдонимом Баронесса Грайли...

— Вот уж Баронесса Грайли — точно не он, — сказал Сварог с большим знанием вопроса. — Мне как-то докладывали. Это трое студентов из Латеранского университета развлекаются — и, между прочим, неплохо зарабатывают, стервецы. Интагар, я думаю, роман не взялся бы сочинять даже под страхом виселицы.

— Все равно, — строптиво сказала Томи, — эти его нравоучения уже в печенках сидят.

— Потерпи немного, — примирительно сказал Сварог. — Видишь ли, пунктик такой у человека. Отец двух дочек, что поделаешь. Ты сама должна была прекрасно видеть: он их даже заставляет носить платья на пару пальцев подлиннее да и вырезы гораздо скупее, чем требует мода...

— И много ему это помогло? — прищурилась Томи с таким видом, словно показала ему язык. — У старшей, между прочим, роман с одним лейтенантом из Верных Мушкетеров, они уже спят вместе. У младшей тоже роман, только она пока не решается... Что-то у вас, командир, глаза на лоб полезли? Так частенько случается с девицами, коих воспитывают в излишней строгости. И вся тайная полиция папеньки до сих пор не дозналась...

Сварог повертел головой в нешуточном удивлении:

— А ты откуда знаешь?

Томи многозначительно прищурилась:

— Командир, в вашем дворце добродетельные девицы частенько устраивают посиделки за полночь и многим делаются, в том числе сердечными тайнами...

— Представляю себе, — проворчал Сварог. — А почему ты мне все это выкладываешь? Ты же всегда славилась умением хранить тайны, особенно чужие сердечные.

— Когда с меня берут слово, — пояснила Томи. — А сейчас никто слова не брал, — ее личико стало озабоченным. — Только вы не проговоритесь...

— Успокойся, ни в коем случае, — сказал Сварог. — Уж я-то его знаю: плохо придется воздыхателям... Если уж герцог Лемар девушек стороной обходит... Ладно, попытаюсь что-нибудь придумать. А ты смотри, не увлекайся винцом с утра... И вот это нравоучение изволь принять всерьез.

— Есть, командир, — отозвалась она чуть мрачновато.

— Значит, учеба идет неплохо... — задумчиво сказал Сварог. — Это хорошо...

— Удивительно быстро все усваивает.

— Мозги-то у него золотые... — проворчал Сварог и встал. — Ладно, зайду к нему, поговорю и о тебе. Потерпи, неделька осталась...

— А можно, я еще на пару дней задержусь? — с мнимо простодушным видом поинтересовалась Томи. — В качестве моральной компенсации за все эти потоки нравоучений?

Сварог присмотрелся к ней и уверенно сказал:

— А, ну да... Через девять дней бал в Малом дворце... Угадал? Угадал... Что, какой-нибудь молодой лейтенант?

— Ну, он вообще-то не военный... Командир, я же говорила — только легкий безобидный флирт. А от ловеласов я умею отбиваться, даже Лемара в свое время отставила...

— Да, он мне жаловался, — фыркнул Сварог. — Ладно, разрешаю. В рамках приличий...

Кабинет Интагара помещался на противоположной стороне коридора, в конце. Как он и ожидал, хозяин, нацепив на нос очки в круглой золотой оправе (плохо гармонировавшие с бульдожьей физиономией), по уши закопался в какие-то бумаги, иные из них крайне потрепанного вида, со множеством казенных штампов.

— Заговор на горизонте? — спросил Сварог, плюхаясь в кресло.

— К счастью, ваше величество, ничего подобного не предвидится, — серьезно ответил Интагар, откладывая стопу. — Это все дело Асверуса. Пытаюсь доискаться, в каких еще п о б о ч н ы х архивах можно обнаружить следы. Помните, как это было с Гиуне? Самого дела о крохотных подводных лодках не нашлось, а оно обязано было существовать...

— Уверены?

— Уверен. Согласно тогдашним правилам делопроизводства, пусть и секретнейшего — обязано было быть. Его могли уничтожить... а может, и пылится где-нибудь в архивах, совершенно не имеющих касательства к тайной полиции или другим аналогичным службам. Помните, как было с Гиуне? Прекрасно сохранились п о б о ч н ы е бумаги — записи в Книгах Сословий и гильдейских списках, распоряжения о выдаче взрывчатки из Пороховой башни, о лошадях... — он вздохнул. — Будь все эти записи в компьютерах...

«Быстро осваивается с техникой, о которой месяц назад и не слыхивал, — подумал Сварог. — Только откуда ж эти

данные в компьютерах. Судя по архивам восьмого департамента и Кабинета Канцлера, вся эта история с ловлей подлодки в свое время прошла совершенно незамеченной для обеих якобы всезнающих служб...»

— Отвлекитесь на минутку, — сказал он. — Это подойдет. Вам в жизни никогда не встречалась такая штука? Похожая, быть может?

Он достал из кармана и положил перед Интагаром прямо на бумаги один из черных камней-компьютеров, позаимствованных из архивов восьмого департамента — тот самый, что принадлежал некогда знаменитому пирату.

Интагар снял очки, повертел камень в руках и сказал самым будничным тоном:

— А как же. У меня в архиве, ну, в точности такой же пылится лет пятнадцать. Так называемый талисман «Карата-Проныры». Был такой главарь шайки, был повязан и с каталаунскими контрабандистами, а в последнее время стал еще и крутить шашни со снольдерской разведкой. В конце концов удостоился такой славы в узких кругах, что сам король распорядился взять живым или мертвым. Времени мы на него потратили едва ли не больше, чем на десяток субъектов того же полета... — Интагар поднял голову, посмотрел на Сварога строго и серьезно: — Полное впечатление, государь, что он продал душу сами знаете кому, отец Алкес из Багряной Палаты даже приставил к той группе, что занималась Каратом, двух своих людей. Очень уж был удачлив и везуч, поганец, знал наперед то, что о б ы ч н ы й человек и знать не должен. Но и промахи бывали. На одном из таких промахов его и подловили. Лично я постарался бы взять его живым, но такие операции, знаете ли... Когда сам король велит взять живым и мертвым, когда за спиной торчит и всюду сует нос Багряная Палата... Все на нервах, сначала стреляют, потом думают... Хуже нет таких операций... Короче говоря, когда он стал уходить по крышам, сыскари устроили нещуточную пальбу. Ну, и сбили с крыши, как птицу с ветки... Именно такой камешек при нем и нашли. Пара-тройка его людей твердила, что это какой-то загадочный талисман, что бла-

годаря ему Карат и ускользает от полиции, и еще много чего проделывает... Вот только Багряная Палата не нашла в этом камушке ни тени магии — ни черной, ни любой другой. По этой же причине никто не стал тревожить такими пустяками... — он многозначительно показал пальцем на потолок. — Камень вернулся к нам, и его на всякий случай вместе с прочими бумагами сунули в архив — не особенно и секретный шкаф, «хранение — четверть века». Через десять лет все изничтожат, в том числе и камень.

— Найдите дело в архиве, — сказал Сварог. — И передайте мне вместе с камнем. Далее. Если кто-нибудь, когда-нибудь, где-нибудь прослышит об обладателе точно такого камня, хозяина брать живьем. Любой ценой. Все понятно?

— Конечно, — сказал Интагар.

— Да, и вот что еще... — сказал Сварог. — Уже не имеющее отношения к службе... Я тут слышал, вы усердно воспитываете в духе добродетели своего учителя, баронессу Мерчем?

Вот тут выражение лица старого шпики стало неописуемым — и, что характерно, очень человечным. Таким его Сварог видывал раз в сто лет.

— Ваше величество, — прямо-таки умоляюще начал Интагар, — юные девушки в этом возрасте обязательно нуждаются в...

— Отставить, — сказал Сварог. — Больше никаких нравов. Ни словечка. Я достаточно ясно выразился?

— Конечно, ваше величество, — сказал Интагар своим обычным почтительным тоном. — Будет исполнено. Больше ни словечка.

Однако где-то глубоко-глубоко в глазах у него теплилась уверенность в собственной правоте — хотя приказ, можно не сомневаться, выполнит в точности. Сварог ухмыльнулся про себя, представив физиономию Интагара, застань он старшую дочь в постели с гвардейским лейтенантом. Да нет, тут не до смеха, таким Интагара лучше не видеть... Но, в конце концов, а вдруг там большая любовь?

Через квадранс он шагал в закатное крыло в сопровождении министра двора, главного королевского архитек-

тора и еще полудюжины чиновников рангом поменьше — вся компания приобрела этакий горделиво-скромный вид, свершив нешуточное дело строителей, ваятелей и мастеров изящного украшения. Хотя реальные труды положил, конечно, только один, главный архитектор, да и тот в силу занимаемого поста, надо полагать, не особенно и утруждался. А вот тех, кто реально строил, ваял и украшал, предусмотрительно убрали подальше с глаз его королевского величества, чтобы не оскорбляли взора непрезентабельным рабочим видом. «Ну, этой шайке, конечно — ордена, — думал Сварог. — Согласно традиции. Но и остальных надо не забыть, потом взять полные списки...»

Переходы, залы и лестницы его не особенно и воодушевляли — это была скрупулезно восстановленная мрачноватая архитектура более чем трехсотлетней давности с перекрещенными высоко над головой дубовыми балками, темными панелями, вечнозелеными рагониями в кадках и черными рыцарскими доспехами в нишах. В свое время подобный стиль был в большой моде, но сейчас выглядел чересчур угрюмым. Знал бы раньше — и восстанавливать бы не взялся, но за всеми делами ни разу сюда не заглядывал, а просмотренные мельком проекты и чертежи, конечно, этой мрачности как раз не передавали. «К чему бы все это приспособить? — ломал он голову. — Интагару, что ли, отдать под его дворцовое хозяйство? А то нынешние его помещения должной жути на клиентов не наводят... Впрочем, с п р и с т р а с т и е м он клиентов во дворце, понятное дело, не допрашивает, но они и тут бывают, так что решено...»

Кто-то, забежав вперед, услужливо распахнул перед ним высокую дверь с полукруглым верхом...

Сварог с маху остановился на пороге, испытыв сложн-ные, непонятные самому ему чувства. Перед ним была точная копия того зала, что он несколько раз посещал мимолетным видением, и всякий раз буквально пронизывал тоской и отчаянием, слово ледяной вихрь, даже кости холодивший...

Круглый зал сплошь в черных и красные тонах, высокие стрельчатые окна в золотисто-алых витражах, черные

рыцари в простенках, никакой мебели, только массивный темный стол посередине, круглый, окруженный такими же темными стульями с высокими закругленными спинками. Сварог машинально сосчитал их: одиннадцать. Спинка одного чуточку повыше, и в нее врезано золотое изображение ронерской короны. На столе перед каждым креслом — плоская золотая чаша. Точная копия его видений. Тоска и отчаяние...

Он осторожно сделал несколько шагов вперед, словно ступал по тонкому льду. Следом, не смея опережать, с черепашьей скоростью двигалась свита. Подойдя к столу, Сварог коснулся подлокотника одного из кресел, взял в руки тяжелую золотую чашу, поставил назад. Прислушался к себе: нет, никаких особенных чувств, ни тоски, ни отчаяния, вообще ничего...

— Что это за зал? — спросил он в пространство, небрежно, властно, зная, что ответ последует незамедлительно.

Первым отозвался министр двора, как старший по положению:

— Изволите видеть герб, ваше величество? И драконов, выгравированных на дне каждой из чаш? Король Лауберт Третий здесь устраивал поминальные тризны, когда погибал или умирал кто-то из членов его Ордена Дракона... изволите видеть, их было всего одиннадцать. Рыцарей становилось все меньше и меньше, потому что новых не прибавлялось... Это очень длинная история, и вряд ли вашему величеству захочется тратить время, выслушивая ее сейчас, благо есть книга...

— Не захочется, — сказал Сварог бесстрастно. — Что, зал только для этого и служил?

— Именно, ваше величество. Пиршественная зала рыцарей Ордена Дракона находится в том же крыле... Изволите осмотреть?

— Нет, — решительно сказал Сварог.

Никаких таких зал, похожих на пиршественные, ему никогда не мерещилось в подобных мимолетных видениях — только этот, как две капли похожий...

— Нет, — повторил он. — Потом. У меня срочные дела.

Прошел мимо торопливо расступившихся придворных и зашагал назад по мрачному коридору. Представления не имел, что все это означает и как к нему относиться. Но ледяной ветер, тоска и отчаяние прочно сидели в памяти.

Приказать разломать к чертовой матери все это крыло? Удивятся про себя, но разломают столь же старательно, как строили — с королевскими капризами не спорят. Но чему это поможет, и должно ли это чему-нибудь помочь, и способно ли?

Приостановился, небрежно взял двумя пальцами за локоть министра двора и распорядился:

— Составьте список всех, занятых на строительстве. Всех. С указанием чина, сословия или гильдии.

— Список давно составлен, ваше величество, — почтительно прошелестел министр двора.

— Тем лучше, — сказал Сварог. — Пойдемте.

Но, когда за ним уже тронулись полукругом, остановился так резко, что министр двора едва не налетел на него и в ужасе шарахнулся. Обернулся, обвел всех пытливым взглядом:

— С этим залом не связаны ли какие-нибудь легенды? Проклятия? Призраки?

Придворные переглянулись.

— Никаких, ваше величество, — заверил министр двора.

— Ничего подобного, — поддержал архитектор. — Правда, в конце концов король Лауберт, переживший всех своих рыцарей, остался один и не один год правил тризну в одиночестве, но это ведь не имеет никакого отношения к проклятиям и призракам, и нет никаких легенд...

Оба не врали ни словечком.

— Ладно, — хмуро сказал Сварог. — Пойдемте.

«Означает это что-нибудь, или нет? — думал он, шагая по мрачным коридорам. — И почему это непременно должно что-то означать?»

Глава X

ПЕРЕБЕЖЧИЦА

С вершины холма Сварог лениво, без особенных мыслей разглядывал резиденцию Виглафского Ковенанта. Дюжина не особенно больших домов (скорее крохотных дворцов), и все похожи друг на друга, как горошины из одного стручка (чтобы никто из господ монархов не почувствовал себя ущемленным, формально равны и властитель огромного Снольдера, и крохотного Сегура). Внутри, конечно, каждый из королей обустроивался, как ему нравилось. Все королевские резиденции соединены недлинными крытыми галереями и центральные гораздо более высоким дворцом круглой формы. Форма эта вызвана исключительно функциональностью: и зал заседаний круглый (дабы опять-таки кто-то не почувствовал себя ущемленным), и пиршественный зал, и еще парочка второстепенных. Вокруг, разумеется, рай земной с великолепным парком, беседками, извилистыми ручейками, озерами (иные весьма даже рыбные, если кому-то из высоких гостей захочется порыбачить) и прочими архитектурными излишествами. И нигде, куда ни глянь, не видно ни единого часового — однако Сварог по долгу службы знал — несколько их укрыто там и сям...

Впервые за последний месяц он пребывал в столь великолепном настроении. Даже то, что его несколько дней

назад пытались убить, настроения не портило — врожденный оптимизм подсказывал, что убить его попытаются еще ни раз, и не нужно делать из этого драмы, следует либо опередить противника, либо никогда больше не попадаться в столь дурацкие ловушки вроде истории с зеркалом и мнимым презентом от Канцлера.

Ну, а это большое и красивое здание, в общем, было сейчас самым безопасным местом на всем Таларе. Ибо с давних пор бытовая сторона тщательно контролировалась ларами. Монархи прибывали с небольшой свитой, исключительно из лакеев, и никто, включая их величеств, не мог пронести внутрь абсолютно ничего, что могло бы послужить в качестве оружия. Даже брадобрей был з д е ш н и й. Порядок такой установился во времена, которые принято называть «незапамятными», — поскольку тогдашние короли, люто враждовавшие с кем-то из коллег по ремеслу, в свое время непринужденно сводили счеты и здесь, в результате чего один король был убит прямо в Круглом Дворце, а другой тяжело ранен. Тогда-то и ввели драконовские меры безопасности, действовавшие несколько тысячелетий.

Впрочем, уже лет через двести правила пришлось еще более ужесточать, запретив женщинам — и королевам, и простым служанкам — носить в волосах длинные острые шпильки. Тогда как раз всю развернулись Белые Лисы — жутковатое общество женщин-убийц, невероятно искусных во владении всем, что только могло сойти за оружие, и работавших не за идею, а за хорошую плату. Устранить соперника в любви, семейного врага рода, конкурента в торговле или банковском деле, помочь нетерпеливому наследнику, жаждавшему смерти владельца майората... ну, и за о ч е н ь хорошую плату избавить монарха от врага-коллеги. Довольно долго эта обитель, располагавшаяся в одном из Вольных Маноров, притворялась мирным женским монастырем. И никто ни о чем не догадывался. Очаровательной молодой женщине тысячу раз легче проникнуть в спальню благородного господина, нежели хмурому типу с кинжалом под полкой. При красотке никакого оружия — не считать же таковым длинную шпильку в

пышной прическе? А меж тем эту шпильку можно было воткнуть так, что жертва совершенно не ощутила бы боли, да и скончалась не сразу, а через пару дней. Именно такой конец и настиг одного из тогдашних ронерских королей, имевшего неосторожность позвать к себе в спальню смазливую служанку своего давнего и упорного соперника — полагая, что уж от нее-то подвоха ждать не следует.

Но, как веревочке ни виться... В конце концов, и земные спецслужбы, и восьмой департамент начали кое-что сопоставлять и анализировать — да и слухи вкупе с агентурными донесениями пошли... И подозрения превратились в твердое убеждение. Перепуганный герцог того Манора (самое забавное, что он, достоверно было установлено, и понятия не имел, кого приютил) распорядился взять обитель штурмом, предводительницу Белых Лис (оказавшуюся лишенной наследства ронерской графиней) сожгли на костре, остальным без церемонии отрубили головы тут же. Чем, правда, с проблемой окончательно не покончили: во время штурма какое-то количество лис оказалось за пределами «обители» — и моментально ушли в подполье, все так же выполняя заказы и готовя себе смену в индивидуальном порядке. Как за ними ни охотились, всех до единой выловить, конечно, не удалось — еще и оттого, что иная тайная полиция, сцапав такую вот искусницу, не на плаху ее отправляла, а приспособливала к делу. Интагар в свое время клятвенно заверял Сварога, что пара дюжин Белых Лис действует и сейчас, столетия спустя. Вовсе уж глубоко залегши на дно и не связываясь с государственными конторами...

Легкий ветерок лениво колыхал многочисленные флаги, гордо реявшие над королевскими резиденциями, — пикантность ситуации, понятно, в том, что восемь из двенадцати принадлежали Сварогу. Разорваться он не мог, конечно, а потому для вящего психологического воздействия выступал в облике хелльстадского короля и обитал в соответствующей резиденции. Что ж, это на многих производило впечатление — алая мантия, серебряная митра из сосновых шишек. Никаких сомнений, Яна все правильно рассчитала, решив стать королевой Хелльстада...

Были и другие пикантности — например, на церемонии торжественного открытия Ковенанта, когда пышно одетый герольд проводил, вульгарно выражаясь, переключку. Стоя в центре зала (где заняты были лишь пять кресел с высокими спинками, украшенными гербами), он ударял высоким золоченым жезлом в пол и пафосно возглашал:

— Его величество король Снольдера... — церемониальная пауза.

И Сварог откликнулся:

— Присутствует на высоком собрании!

— Его величество король Ронеро...

Сварог снова откликнулся.

— Его величество король Глана...

Ну, и кому тут прикажете откликаться, как не Сварогу?

Примерно та же картина наблюдалась и в полудюжине других освященных столетиями церемоний, когда Сварог поочередно выступал в роли аж семи королей и одного великого герцога. Порой все же похохатывая про себя — но все окружающие, включая присутствовавшую на торжественном открытии Яну, держались чопорнейшим образом. А заключительная пикантность состояла в том, что Сварог еще и охранял эту сходку в качестве главы восьмого департамента и каждый вечер принимал агентов, выслушивал донесения о подопечных. Сплошную дребедень, конечно. Ну, кому интересно, что Лавиния Лоранская привезла в своей свите юного смазливового графа и каждую ночь его использует с большой фантазией? А Стахор и Эгле Горротские с первого дня проводят ночи в отдельных спальнях?

Вот именно, Горрот... Ничего интересного для с л у ж б ы Сварог за эти четыре дня так и не смог обнаружить. Стахор и Эгле, коих ему наконец-то представился случай рассмотреть вживую на расстоянии вытянутой руки, выглядели точнейшими копиями настоящих, укрывшихся где-то на Древних Дорогах, — и были самыми обычными людьми, не владевшими и крошкой магии. И с их слугами все обстояло точно так же уныло — три лакея королевы и три камеристки королевы, все шестеро — опять-таки са-

мые обычные люди, знанием магии не отягощенные. Хотя это запрещалось каким-то покрытым тысячелетней пылью циркуляром — подглядывать и подсматривать за монархами в их резиденциях — Сварог шипично и с заранее обдуманном намерением велел напихать в резиденцию горротских владык чертову уйму «глаз» и «ушей», чуть ханжески оправдываясь перед самим собой, что в данном случае особые обстоятельства важнее замшелого циркуляра.

Правда, это не дало ровным счетом ничего полезного. Фальшивые король и королева Горрота у себя в резиденции не общались в о о б щ е. Даже старались не встречаться — что было не так уж трудно при наличии у них разных спален и разных столовых. Только однажды, вечером, король вдруг появился в спальню супруги, бесцеремонно поставил ее на колени и заставил «сыграть на флейте любви» — но проделано было все так грубо и без единого словечка, словно его величество мимоходом, по нужде воспользовался случайной шлюхой. Судя по взгляду, которым королева проводила безмятежно удалявшегося супруга, уж она-то его точно тихо ненавидела. Да и он, судя по поведению, ни малейшей симпатии к супруге не испытывал, обращаясь, словно с мебелью, что было, конечно, интересно — узнать о царящих меж ними отношениях — но решительно непонятно, как эту информацию можно использовать...

Сварог смотрел с холма на дворец, задумчиво улыбаясь. Нынешний Ковенант, уже практически закончившийся (разве что завтра вечером состоится заключительное застолье), он имел все основания считать своим нешуточным триумфом. И стал всерьез подумывать, что обладает все же кое-какими дипломатическими способностями...

Практически все, что здесь рассматривалось и утверждалось, устроил не кто иной, как он. И это давало кое-какие основания легонько гордиться собой...

На сей раз именно он стал инициатором созыва Ковенанта. А за двое суток до того имел четырехчасовую беседу с его высочеством Диаметром-Сонирилом — предусмотрительно выступив в качестве директора девятого стола.

Для начала он буквально ошарашил Костяную Жопу известием, что Лоран, если подходить со строгими юридическими мерками, которую сотню лет состоит в Ковенанте абсолютно незаконно, поскольку является островом — а таковым членство в Ковенанте запрещено было в свое время особым указом, подписанным не кем иным, как его высочеством и утвержденным тогдашним императором, дедушкой Яны. И выложил на стол бумагу, составленную его верными крючкотворами, теми самыми, давно переманенными из других канцелярий и повышенными в чинах как раз для таких случаев.

Заметно растерявшись, принц смог пробормотать лишь, что «Лоран когда-то был частью континента». Сварог, хорошо проинструктированный теми же крючкотворами, принялся сыпать параграфами, напоминая: никак не подлежит двойному юридическому толкованию понятие «остров» как «часть суши, со всех сторон окруженная водой». А ширина Великого Канала — как-никак две лиги, а кое-где и чуть побольше...

Диамер-Сонирил выглядел так, словно от него должны были безжалостно отсечь кусок живого мяса. Точно уловив момент, Сварог изменил тактику и бесстрастным дипломатическим тоном предложил отличный выход, достаточно немудрящий... Принц почти что и не сопротивлялся. После недолгих переговоров, осыпая друг друга параграфами, сошлись на том, что следует немедленно направить ходатайство императрице с просьбой отменить «Указ об островах», как фактически устаревший и не соответствующий современным политическим условиям. В этом случае Лоран оставался в Ковенанте... и в Ковенант автоматически возвращался Сегур, пострадавший в свое время совершенно безвинно за чужие грехи.

Вслед за тем Сварог принялся сыпать главу пенлом и каяться в юношеской горячности и неопытности своей как короля. Он глубоко сожалел, что в свое время исключительно из глупых амбиций потребовал удалить из своих королевств имперских наместников. Потом напомнил о своей старой шутке, принятой принцем вполне серьезно: назначить еще и в каждую провинцию имперского проконсула.

Он рассчитал все правильно. Костяная Жопа, умилившись и расслабившись, ничуть не сердясь, стал мягко выговаривать Сварогу за эту самую юношескую горячность, за нежелание слушать советы гораздо более опытных людей, стаю собак съевших на управлении и государственных делах. Сварог старательно смущался, то и дело потупляя глазки и бормоча, что все от неопытности. А сам прекрасно видел, что принц блаженствует: новые вакансии, расширение полномочий, да что там, новые департаменты!

В общем, получилась не выволочка, а мягкое отеческое внушение. После чего, опять-таки совместно, составили второе ходатайство императрице — с просьбой отменить «Указ об удалении наместников» и утвердить свежее испеченный «Указ о наместниках и проконсулах» — в целях совершенствования механизма государственного управления.

Ну, а потом, пока принц пребывал в блаженно-расслабленном состоянии, остальное протолкнуть было совсем просто. Речь зашла о том, чтобы вернуть в Ковенант Три Королевства — сиречь принадлежащие Сварогу Хорен, Демур и Коор. Благо юридических препятствий тому не имелось ни малейших. Означенные королевства никто в свое время не исключал из Ковенанта — они с некоторых пор просто-напросто сами не могли принимать участие в его работе, будучи, как известно, захвачены Глазами Сатаны. Но теперь-то все обстояло иначе: у каждого имелся законный, признанный Канцелярией земных дел и утвержденный императрицей король, а также полный свод всех необходимых Реестров, Кодексов, законов и прочих бюрократических фолиантов, без которых королевство — не королевство. Дело решилось буквально в пять минут — и еще примерно столько же заняло третье ходатайство императрице — с просьбой утвердить указ «О восстановлении в Виглафском ковенанте королевств Хорен, Демур и Коор».

И вовсе уж пустяком было подsunуть принцу на утверждение Брачный кодекс королевства Хелльстад — творение Караха с небольшой редакторской правкой Сварога. Диаметр-Сонирил утвердил его молниеносно, малость по-

пеняв Сварогу за то, что именно отсутствие этого документа до сей минуты оставалось досадной прорехой, мешавшей завершить полныи свод для Хелльстада.

С нешуточным удивлением Сварог обнаружил, что в Диамер-Сонириле, которого он считал едва ли не роботом, все же сохранилось нечто человеческое. Покончив с формальностями, подписав бумаги и поставив печати, принц устался на Сварога с несомненными проблесками именно что живого человеческого любопытства в выпуклых глазах:

— Позвольте неформальный вопрос, господин директор? Вы, помнится, сами уверяли не так давно, что Хелльстаду Брачный кодекс решительно ни к чему? Поскольку человеческих существ там обитают только двое и те одного пола? Что изменилось?

Сварог ухмыльнулся про себя. Поклясться можно, что принц и не обратил внимания на одну из строчек, затерявшихся посередине Кодекса: «В законный брак в Хелльстаде могу вступать и лица, из коих один (одна) либо оба подданными Хелльстада не являются». Для подстраховки вставлено, чтобы не сыскался потом какой-нибудь крючкотвор...

— Времена меняются, — сказал он безмятежно. — Ко мне в Хелльстад помаленьку стал стекаться народец, есть сведения, что иные из них намереваются заключать браки...

Тут уж любопытство принца сменилось некоторым боязливым удивлением:

— К вам идут люди? В Хелльстад?

Сварог лишний раз убедился, что Яна права: слишком глубоко у них у всех тут засел в подсознании страх перед Хелльстадом.

— Ну, не так чтобы толпами, однако приходят, — сказал он, подумав. — Человек — такое существо, что везде устроится. А королевство у меня не такое уж жуткое, как о том болтают. Вы же знаете, даже императрица иногда там бывает....

— Она всегда была экстравагантной девочкой... — доверительно признался Диамер-Сонирил. И внезапно, слов-

но осененный гениальной идеей, воскликнул: — А не провести ли мне у вас личную инспекторскую проверку, как это положено раз в три года с земными королевствами?

Его осанка и выражение лица исполнились такой горделивой отваги, словно принцу предстояло один на один выйти с дреколем против глорха.

— Отличая идея, ваше высочество, — сказал Сварог, всем своим видом давая понять, что оценил отвагу принца по достоинству. — В самом деле, личная инспекторская проверка — неотъемлемая процедура работы Канцелярии. Вы будете первым государственным чиновником, посетившим Хелльстад...

Он хотел добавить «За такое не грех и памятник поставить» — но побоялся пересолить. И покидал Канцелярию, не без оснований полагая, что отныне находится с принцем в прекраснейших отношениях (ну, конечно, в первую очередь из-за указа о наместниках и проконсулах, но какая разница? Хорошие отношения с принцем короны, да еще занимающим такую должность, — вещь полезная. Мало ли как в жизни обернется. Особенно если учесть, что среди обитателей летающих замков объявились не просто недоброжелатели, а враги, готовые даже на убийство...)

Все три указа Яна подписала в тот же вечер (исторической точности ради — в одной из спален Вентордерана). Поинтересовалась только, не будет ли напрягать Сварога такая орава наместников и проконсулов. Сварог (уже поговоривший по этому поводу со своими крючкотворами) bravо ответил, что это его нисколько не напрягает: есть кое-какие императорские эдикты, указы и законы, при умелом пользовании которыми вся эта орава бездельников будет ходить у него по струнке. И оба, осушив по бокальчику, долго хохотали, предоставив, как нелегко будет отыскать наместника и проконсулов для Хелльстада: добровольцев днем с огнем не найдешь, конечно, а назначенные волей принца будут изобретать любые мыслимые предлоги, чтобы только отказаться от такой чести. А уж те, кто сюда все же попадет... Легко представить впечатления проконсула, назначенного в ту из провинций, где обитают глорхи или Бродячие Дубравы, — пусть даже их

резиденции непреодолимы для любого гостя извне. Получится уютная тюремная камера, где заключенный запер сам себя изнутри...

Тьфу ты, черт! З д е с ь наместник не сможет отсиживаться в защищенной от всех на свете опасностей резиденции, потому что в Хелльстаде ни одно устройство ларов не работает. Придется и с этой проблемкой повозиться, придумать что-то... Наместника и проконсулов сюда обязательно следует затащить — будет лишнее развлечение в часы дурного настроения. Указ о наместниках и проконсулах императрицей подписан? Так что извольте выполнять, господа...

Размышляя о том, что теперь придется еще и резиденции этим обормотам устраивать, он спустился с холма — неспешно, можно сказать, величаво. Здесь королям полагалось разгуливать за пределами дворца именно что величаво — да и во дворце держать себя крайне достойно.

Вот он и шагал величаво, опираясь на посох, который Мара меж своими непочтительно именovala «шестеренкой» — поскольку на отходящих от его вершины горизонтальных золотых стерженьках размещались одна корона великого герцога и восемь королевских, так что и в самом деле напоминало шестеренку.

Он прошел меж двумя маленькими дворцами, ронерским и гланским и, поскольку здесь посторонних глаз опасаться не следовало, приложил ладонь к каменному барельефу, изображавшему русалку (не настоящую, а, как полагала исконная традиция, хвостатую). Перед ним бесшумно и плавно распахнулась невысокая дверь — там, где еще миг назад словно бы была монолитная стена из розоватого кирпича. Вошел, оказался в нешироком коридоре, направился к лестнице. Здесь, в Круглом Дворце, имелось немало помещений, коридоров и лестниц, о которых коронованные гости и не подозревали.

Миновав несколько дверей без надписей или каких-либо отличительных знаков (с в о и и так прекрасно знали, где что), вошел в центр наблюдения, где два десятка экранов показывали коридоры, лестничные марши, всевозможные каминные и гостиные, где иногда встречались

в насквозь неофициальной обстановке монархии. А также стоянку виман — монархов ради экономии времени доставляли сюда на виманах. Там же располагалась и его собственная, выполненная в виде снольдерского самолета. Все это было устроено давным-давно, так что Сварогу не пришлось прилагать ни малейших трудов, чтобы установить еще и наблюдение за домом горротской королевской четы. Цинично рассуждая: если спецслужбам запрещено смотреть и слушать монархов в их резиденциях, но соответствующая аппаратура тем не менее установлена, значит, иногда кто-то же да подсматривает и подслушивает? И есть сильные подозрения, что его должность начинается с буквы «К»...

Он с превеликим облегчением поставил в угол «шестерню» и повесил на крючок хелльстадскую корону.

— Ничего интересного? — вяло поинтересовался у дежурного, видя, что на всех экранах — тишь, гладь да божья благодать.

— У же ничего, — сказал дежурный. — Полчаса назад королева Эгле поставила у двери снаружи на караул служанку, надо полагать, самую доверенную, и занималась магическими практиками, самым бездарнейшим образом...

— А вот это интересно, — сказал Сварог, присаживаясь в углу у столика с компьютером. — Запись сделали?

— Конечно.

— Давайте.

Подавляющего большинства магических практик и колдовских церемоний Сварог в жизни не видел и вообще не знал (а справочники и эксперты на что?), и потому открывшееся ему зрелище было чем-то новым, прежде невиданным. «Королева», сидевшая за столом с хмурым и сосредоточенным лицом, поставила перед собой черное зеркало в затейливой темной оправе — а может, и не зеркало, может, идеально отполированный камень, в любом случае, видно, что оно худо-бедно отражает лицо самозванки. Зажгла с двух сторон черные свечи и, вода ладонями над разложенными перед ней металлическими рунами, шептала что-то — настойчиво, непрестанно.

Время шло, и становилось ясно: ничего у нее не получается. Она то раскладывала руны в ином порядке, то снимала нагар со свечей, то чуточку поворачивала зеркало под другими углами. Но бесполезно, ее лишь становилось все более хмурым и безнадежным. Длилось это минут десять. В конце концов «королева», выругавшись затейливо и умело, выдвинула ящик стола, побросала туда магический реквизит вместе с потушенными свечами. Подперла щеки кулаками, уперла локти в стол и угрюмо уставилась в стену.

— Не получилось, а? — хмыкнул Сварог.

— И не должно было получиться, — сказал дежурный, — это довольно простая процедура на вызов хохлика, чтобы исполнил три желания. Хохлик — нечисть из мелких, вроде капрала в армии, да и желания он выполняет, как бы это выразиться, себе под стать. Мелкие. Ящик вина он еще припрет, а вот дом врага уже не разнесет в щебенку, кишка тонка. Их вообще-то очень мало осталось, но если правильно все делать, вызвать можно.

— А что у нее не так?

— У нее не хватает рун, — пояснил дежурный. — Должно быть девять, полный набор, а у нее только шесть. Тут уж, как их ни перекладывай... Должна быть еще третья свеча, прямо напротив зеркала. И следует снять все украшения — а у нее, сами видите, и кольца, и браслет, и ожерелье. Может, она в довершение всего еще и с заклинаниями что-нибудь напутала...

— Понятно, — сказал Сварог. — Слышала звон, да не знает, где он. И уж, безусловно, понятия не имеет о «коллапе»...

Он толком не интересовался деталями, но знал, по должности полагалось — над Дворцом Ковенанта, включая прилегающий парк, установлен некий купол, под которым невозможно любое применение магии, колдовства, ведовства — ларов это не касалось, только земных людей. Эта штука была устроена лет через десять после того, как запретили проносить внутрь любое оружие. Человек — скотина изобретательная. Один из лоранских королей, как оказалось, неплохо выучившийся стагарской магии,

о б р у ш и л на заклётого врага, тогдашнего герцога Харланского, довольно серьёзную порчу, что выяснилось не сразу. Герцога, разумеется, спецы из Мистериора от этой напасти излечили (так, что он и сам не узнал), лоранский проныра, конечно, остался безнаказанным — но пришлось возводить купол. И наблюдать за встречами королей в неформальной обстановке, во всех этих гостиных, каминных и термах — в конце концов, если уж кого-то подопрет, может врага и стулом по голове огреть. Бывали, правда, исключения, когда подсматривать и записывать считалось неэтичным — касалось это исключительно случаев, когда король и королева из разных держав встречались отнюдь не для того, чтобы разговоры разговаривать (редко, но и такое бывало — ну, скажем, был у гланского принца пылкий роман с княжной из Вольных Маноров, но папенька из соображений большой политики выдал её за принца лоранского. Когда разлученные влюбленные оказались на престолах, пользовались любым предлогом, чтобы собрать Ковенант, а вечером бывшая княжна, подлив мужу надежного снотворного, уединялась в одной из гостиных с гланским королем).

— Ну вот, опять, — сказал дежурный без всякой тревоги, скорее насмешливо.

— Что? — спросил Сварог.

— Второй экран слева в третьем ряду. Видите, там расхаживает горротская служанка. Это та самая, которую королева оставляла на страже, когда пыталась колдовать. Я её засек минут двадцать назад. Все это время форменным образом о т и р а е т с я в Синем коридоре, куда выходят галереи из королевских резиденций. Довольно неуклюже делает вид, будто любит картины и лепниной — такая вот ценительница искусства... Самое интересное, что болтаётся она исключительно возле в а ш и х выходов, словно поджидает. Охрана не вмешивается — слугам, собственно, не запрещено там болтаться... другое дело, что они никогда в том не были замечены: а зачем им, собственно, болтаться по коридорам, когда могут в любой момент понадобиться хозяевам? Да, больше двадцати минут так болтаётся... Можно сделать предположение, что поджидает вас.

Сварог быстро встал, нахлобучил митру и подхватил посох.

— А вот это уже что-то интересное посреди наших серых будней, — пробормотал он довольно громко. — Пройду-ка я мимо и посмотрю, что будет...

— Прикажете нацелить охрану на усиленное наблюдение?

— Да вы что, любезный? — фыркнул Сварог. — Сопливая девчонка без всякого оружия, не обладающая магией... Спасибо за заботу, но я уж как-нибудь сам справлюсь... Где она сейчас? Ага, возле ронерского выхода...

Он вышел в коридор и прошел уардов двести, чтобы выйти из потайной двери, наиболее близкой к тому выходу. Придал лицу и осанке должную величавость (давно научился уже) и, постукивая посохом, направился в нужном направлении.

Служаночка, старательно изображавшая, будто любуеться мозаикой, где меж высокими зелеными водорослями плавали и ползали разнообразные обитатели морского дна, вполне естественным движением повернула голову на стук посоха — никто тут не ходил с посохами, кроме королей. Узрев Сварога, прямо-таки просияла. Низко присела в церемониальном реверансе, встала, прошла мимо, при этом сделав быстрое движение рукой — и Сварог почувствовал меж пальцев маленький легкий предмет. Неторопливо зажал его в кулаке — на ощупь больше всего походило на бумажную трубочку. Недолго думая, открыл дверь на галерею, ведущую в его ронерскую резиденцию, быстрым шагом добрался до помянутой — и только там, в своей роскошной прихожей, разжал ладонь. В Синем коридоре могли подсматривать-подслушивать и другие (и наверняка это делали), а у себя он везде поставил мощную защиту от чужих глаз и ушей. Мало ли что тут такое...

Действительно, небольшая бумажная трубочка, перевязанная желто-красной лентой — прекрасно известно, что она означает на маскарадах, да и любовные письма воздыхателям дамы сплошь и рядом ими перевязывают — чтобы кавалер, если попадется робкий, не терзался сомнениями, а заранее знал, чего ждать.

Ни о какой ошибке, подобной известному недоразумению из «Трех мушкетеров», и речи быть не могло. Здесь обитает не так уж много народу, а королей всего-то три — так что горротская записка могла предназначаться только Сварогу. С нешуточным любопытством он аккуратно снял ленточку, развернул бумагу. Ну да, записка. Отличная бумага, в левом верхнем углу золотом вытеснена горротская корона. Одна-единственная строчка, выведенная красивым почерком: «В десять вечера жду в Сиреновой гостиной. Э.»

Гадать, кто такая эта «Э», не имело смысла — она там одна такая. Ее величество, она же загадочный подменыш.

Сварог задумчиво пробормотал:

— Гутен морген, гутен таг, хлоп по морде, вот так так...

Он решительно не представлял, что и думать. С какого такого перепугу поддельной королеве вздумалось посылать ему любовную записку, не оставляющую сомнений о ходе свидания? Ну, предположим, включив спецслужбистскую логику, — записку, о ф о р м л е н н у ю к а к любовную. И все равно — какого рожна?

Пуганая ворона куста боится... Покушение? Но каким образом его можно устроить з д е с ь, где никто из гостей не имеет ни оружия, ни возможности воспользоваться магией? Разве что у н и х есть сообщники среди тех, кто обслуживает систему контроля? В конце концов, если вспомнить смерть императора и попытку отравления Сварога... Или она — одна из немногих уцелевших Белых Лис (за каковую, доставленную целой и невредимой, всякая тайная полиция готова расплатиться золотом по весу)? И в качестве оружия может использовать нечто, о чем не подумали и многоопытные спецслужбы секретных служб Империи? Да нет, в замке, битком набитом охраной и камерами слежения... с другой стороны, люди непосвященные о многочисленной охране и камерах не подозревают... а с третьей стороны, среди посвященных могут оказаться сообщники злодеев-покусителей...

Вот положеньице! Оставить записку без внимания и не ходить никак нельзя — тут и любопытство, и чисто профессиональный интерес. Он взглянул на часы. Всего-то без

пяти девять, так что времени предостаточно. А уж людей в его распоряжении...

Уже через две минуты он стоял посреди Сиреновой гостиной, глядя, как немаленькая команда шурует буквально повсюду. Задача у них не особенно сложная: гостиная небольшая, примерно пять на пять, изящный золоченый столик с четырьмя хрупкими на вид креслицами (Сварог запомнил, как именуется этот стиль), пузатый шкафчик на гнутых ножках, низкий широкий диван, где парочка может устроиться очень вольготно. Обивка мебели, сама мебель, обои, портьера невысокого окна — все выдержано в сиреневых тонах, ткань украшена бледно-золотым узором. Солидный засов на двери изнутри, конечно. Одним словом, классическое уютное гнездышко для любовных свиданий. Подобных здесь с дюжину. Это сейчас таков уж расклад, что количество коронованных особ весьма ограничено — а в былые времена, когда некий предприимчивый субъект не обзавелся еще «шестеренкой», точнее, даже гораздо раньше здесь бывало весьма многолюдно: короли и королевы, принцы и принцессы... Некоторые принцы, пользуясь случаем, увлекали сюда кого-нибудь вроде матушкиных камеристок (а то и служанок другой королевской четы), иные принцессы тоже вели себя, деликатно выразимся, легкомысленно. Да и иные короли... Да и иные королевы... Судя по архивам, случались ночи, когда свободных гостиных не было вообще, — и те высокородные шалуны и шалуньи, которые робостью не страдали, уединялись в каминных (хотя они и не запирались изнутри), а то и выискивали другие укромные утолки.

Через четверть часа специалисты заверили, что здесь не то что спрятанного оружия — спрятанной иголки не сыщется, а о присутствии черной магии смешно и говорить. Ч и с т о.

— Потайные двери? — спросил Сварог.

— Никаких.

— Проверьте засов, — распорядился он.

Потому что, коли уж настроил себя на пессимистический лад, стоит просчитывать любые варианты. Предположим, разъяренный горроутский король, застав неверную

супругу на месте преступления, тихонько прокравшись, вонзает сопернику в спину меч... стоп-стоп-стоп, откуда у него меч? Не может у него оказаться не то что меча, но и простого перочинного ножика...

— С засовом все в порядке.

Сварог не собирался останавливаться на достигнутом. В таких случаях лучше посмеяться потом над собой, чем допустить, чтобы чужие смеялись над твоей могилой. Истории с зеркалом и келимасом его не напутали — просто здорово прибавили осторожности. Чему способствовали и поучения, выслушанные потом от самых разных людей: и от Интагара (очень почтительно), и от Мары с Грельфи (непочтительно, с использованием крепких словечек), и от Канцлера (говорил сухо-дипломатично)...

Когда в половине десятого специалисты закончили, уверив его, что гостиная совершенно безопасна, Сварог так в ней и остался, приказав слугам из его ближайшей резиденции накрыть богатый стол (чтобы есть и пить только с в о е). Украдкой подлитый или подсыпанный «юридически заверенный» яд он распознает сразу. В общем, ушки на макушке — и любопытство грызет неимоверно...

Он удобно устроился в кресле, оказавшемся хрупким только на вид, налил солидную порцию «Кабаньей крови» и, в общем, чувствовал себя уютно. Службы наблюдения и охраны уже получили соответствующие инструкции. В коридоре напротив гостиной заняли позицию четверо невидимок — самых настоящих. Есть такие балахоны, напоминающие маскхалаты, с капюшоном и прозрачным гибким забралом. Надел, повернул соответствующую шишечку на поясе — и стал совершенно невидим. Так гораздо проще и рациональнее, чем использовать магию, — к тому же большая часть рядовых охранников сложной магии не обучена. Увидеть такого невидимку можно с помощью аппаратуры ларов — ну, и еще на это способны иные сильные маги-колдуньи. Старуха Грельфи, к примеру.

Рацию, замаскированную под обычный портсигар (опять-таки н а с т о я щ и е сигареты предпочтительнее магических, и портсигары здесь в большом ходу), он держал под локтем на столике. Без десяти десять поступило

донесение «невидимки»: королева Эгле появилась в Си-нем коридоре. Ничего напоминающего оружие при ней нет, платье такое, что оружие под ним вряд ли спрячешь... вот только она несет с собой довольно большой, но, похоже, не особенно и тяжелый узел из полосатой материи. Буквально тут же последовало новое сообщение: королева тщательно запрятала узел за высоким постаментом одной из статуй, стоявших в многочисленных нишах, и в сторону Сиреновой гостиной двинулась налегке.

Даже в голосе вышколенного охранника сквозило легкое удивление. Ну, а сам Сварог, услышав про узел, отчаялся хоть что-то понять. Узлы еще какие-то дурацкие...

Он распорядился бдительно не дремать и отключил радиацию. Как раз вовремя: дверь открылась, и Эгле (будем уже ее так называть для простоты и экономии времени) вошла, остановилась на пороге и легонько вздрогнула от неожиданности при виде Сварога (ну, спишем на естественную женскую реакцию). Потом демонстративно, звонко задвинула засов, заложив руки за спину, прислонилась спиной к обитой сиреневым атласом двери и с легкой улыбкой стала разглядывать Сварога.

Сварог тут же встал, как и подобает светскому кавалеру. Она до жути походила на настоящую Эгле — распущенные по плечам русые волосы, карие глаза, фигура, осанка, тоже чуть склоняет голову к левому плечу... Точнейшее подобие — столь же очаровательное. Вот только... Чего-то не хватает в лице, самую капельку — той дерзости, воли, решительности, что присуща княжне из горного Скатерона. Этакий м я г к и й, домашний вариант. Есть вещи, которых никто на земле не в состоянии подделать, хоть тресни. Эта явно не ездила на коне с пяти лет, не стреляла из лука или мушкета в темноте на шорох, не прыгала из седла на спину волку, грабастая его за уши...

Сварог давно уже смотрел на нее чисто мужским взглядом, Эгле (плевать, настоящая или двойник) того стоила. Легкое алое платье, расшитое золотой канителью, красиво гармонирует с сиреновой обивкой двери, подол, пожалуй, на три пальца повыше, чем предписывает этикет (великолепные ноги!), да и вырез чуть посмелее, чем надлежит,

плечи обнажает почти целиком. Одним словом, мысли любого нормального мужика просто обязаны устремиться в определенном направлении — галопом, наметом, со скоростью света...

Естественно, и со Сварогом произошло то же самое — правда, он старательно держал себя в руках, памятуя о том, что перед ним — Г о р р о т. Одна из горротских тайн.

— Король, брат мой, вы не онемели? — с лукавой улыбкой осведомилась она (и голос неотличим от голоса настоящей!)

— На какое-то время, — сказал Сварог. — Увидев вас вблизи. Честно говоря, я до сих пор в недоумении, получив вашу записку...

Она прищурилась:

— Никогда не поверю, будто вам неизвестно, что означает эта ленточка...

— Прекрасно известно, — сказал он. — Но никак не ожидал, что вас могла привлечь моя скромная персона...

— Ну, это уже чисто женское кокетство... — улыбнулась Эгле. — Уж кого нельзя назвать скромной персоной... По характеру вы, может, и скромник, но по делам...

— Да так, пришлось побуйствовать и там и сям, — сказал он с протестной ухмылкой. — Честное слово, сплошь и рядом — не по собственному желанию. Обстоятельства так сложились... Право, я удивлен. Когда т а к у ю записку присылает, прямо скажем, враг...

— Враг? — Эгле в чуточку наигранном изумлении подняла темные брови. — Вот теперь вы меня удивили не на шутку. С какой стати я числюсь среди ваших врагов?

— Но позвольте... — протянул Сварог с ничуть не наигранным, искренним удивлением. — У меня, мы оба знаем, сквернейшие отношения с Горротом, мы, собственно, воюем...

— Вы воюете с моим мужем, а не со мной, — безмятежно сказала Эгле. — Меня эти ваши распри совершенно не касаются. Вы всерьез считаете меня врагом только оттого, что я е г о жена? Что за вздор! Я совершенно не вижу в вас врага. Можете вы ответить той же любезностью? С какой стати н а м быть врагами?

Ее глаза смотрели искренне, ее голос звучал искренне — и Сварог, пользуясь своим умением, знал, что она говорит правду. Кем бы ни была эта женщина, она не считала его врагом. Интрига запутывается все заковыристей...

Эгле прошла мимо него, но не в сторону стола — приклонилась спиной к стене совсем рядом с диваном, все так же заложив руки за спину.

— Вы меня боитесь? — спросила она вдруг.

— Отчего бы?

— Тогда почему не подойдете ближе?

Сварог подошел почти вплотную, отметив: а глазенки-то беспутнее, чем у настоящей. Определенно, беспутнее...

— Я боюсь того, чего не понимаю, — сказал он без улыбки. — Сейчас я не понимаю вас. Не понимаю, почему вы пришли.

— Потому что меня, увы, нельзя назвать образцом добродетели, — с безмятежной улыбкой глядя ему в глаза, сказала Эгле. — Потому что отношения с мужем у меня омерзительнейшие (вот этому Сварог охотно верил, вспомнив визит муженька в ее спальню). Потому что мы с вами взрослые люди и точно знаем, чего хотим. Я вам нравлюсь?

— Не то слово, — сказал Сварог чистую правду.

— Тогда? — она тихонько рассмеялась. — Или вы опасаетесь... Что ж, вполне понятно: славный герой Сварог будет выглядеть смешно, когда в дверь начнет ломиться не дракон или вурдалак, а ревнивый муж... Не беспокойтесь. Я ему подлила в вино немного настоя из синей камнеломки. Достаточно, чтобы он не проснулся до полудня, — она вынула руки из-за спины и положила ему на грудь. — Так что до утра я ваша...

Ну, вот где тут можно спрятать оружие, даже если она и вправду Белая Лиса? Ни перстней, ни браслетов... И ожерелья нет, и нет в волосах тех самых пресловутых шпилек...

Сварог придвинулся вплотную, расстегнул все четыре пуговицы платья и стал вольничать руками, как умел и привык. Она прижалась к стене, закрыла глаза, закинула голову, явно подставляя губы для поцелуя — но Сварог

прекрасно помнил, что она этими губами выделявала не далее как вчера. И целовать стал в шею. Запустил в ее роскошные русые волосы обе руки, словно в порыве страсти — и не нашарил там никаких шпилек-заколов. Эгле не сопротивлялась, ни тогда, ни потом, когда он, выражаясь куртуазно, распространил атаки и приступы значительно ниже. Где опять-таки не обнаружил ничего, способного сойти за оружие. Эгле добралась до его губ — ну, не отпихивать же? И ее поцелуи нисколько не походили на укусы вампира — впрочем, вампира Сварог определил бы давно. В общем, сохраняя в душе отстраненность, исследовать больше было просто нечего — в с л у ж е б н о м смысле. При ней не было ничего, способного сойти за оружие, это была обычная женщина, пришедшая отдаться, так что следовало пустить события по известной накатанной колее... Без малейшего внутреннего сопротивления. Всего-то навсего напомнив себе, что он не Яне изменяет, а попросту участвует в какой-то сложной игре, которая просто о б я з а н а тут быть. Хорошо, допустим, особа легких нравов, пришла без всяких обязательств переспать с понравившимся ей мужиком... но в эту якобы обыденную, насквозь житейскую картину никак не вписывается тот загадочный узел, спрятанный ею за статуей...

Она вдруг начала сопротивляться — сначала легонько, потом всерьез: когда Сварог стал деликатно увлекать ее к дивану. Даже руками в грудь уперлась.

— Что-то не так? — тихонько спросил Сварог.

Эгле прошептала ему на ухо:

— Я не монашенка, но это слишком пошло — здесь. Как фрейлина с пажом или служанка с принцем... Можешь пригласить меня к тебе в спальню? — фыркнула. — У тебя их здесь столько... Хоть какая-то должна быть свободной?

— Они все свободны, — сказал Сварог, аккуратно приводя в порядок ее платье. — Пойдем?

Они вышли в коридор. Сварог с самым безмятежным видом приобнимал ее за плечи, стараясь не думать, сколько «невидимок» за ними сейчас наблюдают. Ну, в его резиденции нет ни ушей, ни глаз... А поскольку ронерская ближе всего, туда и свернем...

По дороге к спальне им встретился один-единственный лакей — ну, правда, все слуги в его здешних резиденциях были людьми Интгагара, но к чему об этом распространяться на весь белый свет? Главное, все они управлялись со своими обязанностями не хуже настоящих слуг.

— Ужин на двоих в спальню, — небрежно бросил ему Сварог, распахивая дверь перед Эгле.

Она вошла, озираясь с любопытством, села в кресло, пожала плечами:

— Я думала, у тебя все как-то иначе...

— Мечи, засушенные драконьи головы... — в тон ей подхватил Сварог. — Ага?

— Ну, что-то вроде... Ты же личность прямо-таки легендарная. Это не комплимент, просто так и есть...

— Так ведь это еще не основание, чтобы захламлять спальню драконьими головами и вурдалачьими чучелами, — с простецкой улыбкой сказал Сварог.

Вошел слуга, поставил на столик большой, щедро уставленный поднос и с поклоном удалился. Сварог привычно наполнил бокалы, еще раз напомнив себе: это не измена, не беготня за юбками, это участие в какой-то загадочной игре, которую просто необходимо вести...

Едва бокалы опустели, Эгле встала, расстегнула пуговицы, спокойно сняла платье, алые кружевные трусики и пошла к постели. Откинула покрывало, легла, с легкой улыбкой глядя на Сварога. Вот чего в ней не было — так это вульгарности, она держалась просто и естественно, порой действительно напоминая взаправдашнюю королеву.

— Ну что же ты? — спросила она, Сварог мог бы поклясться, ласково.

Положительно, вульгарности в ней ни на грош... Сварог избавился от одежды, присоединился к ней, и все началось так же просто и естественно — словно они здесь лежали не впервые.

Часа через два он вытянулся на постели, приятно измотанный, сунул в рот сигарету и принялся пускать дым. Эгле молча лежала рядом, положив ему голову на плечо. И это в ней нравилось. Сварог терпеть не мог женщин, которые после п р о и с ш е д ш е г о либо начинают

тебя тормошит и тискать, старательно выясняя, насколько ко пусику-мусику было хорошо, либо принимаются болтать, порой о самых неожиданных вещах. Что бы там ни было, великолепная женщина, подумал он. И неглупая, и тактичная, это чувствуется, а уж в постели... Чтобы обращаться с ней так, как на его глазах обращался мнимый Стахор, нужно быть изрядной скотиной... стоп-стоп. Это и называется «попасть под обаяние». Поостережемся пока что попадать. Может быть, эта красавица, такая приятная в обращении с н и м, у себя дома, в Акобарском дворце, перебрала всю дворцовую стражу и до псарей докатилась, так что у «Стахора» хватает оснований ее тихо ненавидеть,

Потершись щекой о его плечо, Эгле спросила:

— Тебе со мной хорошо?

Правда, и это было произнесено так, что не подпадало под категорию женских шуточек п о с л е, которые Сварог терпеть не мог. С той же простотой и естественностью.

— Ты просто чудо, — сказал Сварог. — Это не ритуальный комплимент, это правда.

— Я тебе верю, — сказала она, поглядывая как-то странно. — Потому что чувствую искренность. Не буду себя на величивать, но я неглупая...

— Я заметил, — сказал Сварог.

— И ты до последнего ждал от меня подвоха, какой-нибудь опасной каверзы...

— С какой стати? — Сварог постарался удивиться как можно натуральнее. — Только потому, что ты из Горрота? Вздор.

— Нет, — ровным, спокойным голосом сказала лежащая рядом с ним женщина. — Потому что ты прекрасно знаешь, что я не настоящая Эгле, а он не настоящий Стахор.

Вот это был ударчик! Сварог на какое-то время растерялся совершенно — не настолько, чтобы его можно было брать голыми руками, но ошеломило его изрядно...

Опомнившись наконец, он повернулся к женщине, взял ее за подбородок, приподнял голову и холодно спросил:

— Почему ты решила, что я именно так о вас думаю?

— Долго объяснять, — сказала она, глядя без страха. — Вобщем... Я подслушала. Один человек, к чьим словам следует всегда относиться очень серьезно, сказал «мужу»: «Сварог прекрасно знает, что вы все трое, вместе со щенком — подменные». Муж залепетал: «Откуда? Быть не может!» «Знает, — сказал тот человек. — Не так давно, но знает...». Дальше подслушивать было опасно, и я тихонечко скрылась... Между прочим, по-настоящему меня зовут Литта.

— Красивое имя, — сказал Сварог. — Серьезно. Вот только почему, милая Литта, ты мне все это выложила? Теперь тебя можно подозревать в чем угодно...

— Не надо меня ни в чем подозревать, — сказала она чуточку устало. — Правда.

— Ну, и зачем ты в том случае полезла ко мне в постель?

— Я думала... после этого мы будем чуточку ближе, и легче будет с тобой все обсудить...

Она не врал.

— И что же ты намерена со мной обсуждать? — резко бросил Сварог.

— У тебя что, отношение ко мне изменилось резко и бесповоротно? — тихо спросила Литта. — Я тварь, да? Или что-то вроде того?

Как ни странно, этот тихий, усталый голос вызвал в нем жалость...

— Если честно, я просто не знаю пока что, к а к к тебе относиться, — сказал Сварог уже мягче. — Но ты ведь неглупая... Кого я сейчас рядом с собой вижу? Самозванку, подменыша, в результате какого-то заговора севшую на трон вместо настоящей королевы. Как, по-твоему, я должен к этому относиться?

— Заговор устраивала не я. Собственно, я просто кукла... О чем мне в последнее время говорят уже в лицо.

— Ну, и чего же ты теперь от меня хочешь?

— Я пришла сдать, — сказала Литта просто. — Как сдаются на войне попавшие в безнадежное положение. Я прекрасно знаю, кто ты. Восьмой департамент, девятый стол, любовник императрицы... У тебя огромная власть. Тебе ничего не стоит забрать меня туда, — она указала на

потолок. — И оградить от всех возможных опасностей. Дай честное слово, что ты меня увезешь и защитишь, а я даю честное слово, что расскажу в с.е. Все, что знаю.

В таких случаях не раздумывают и не медлят. Такой успех выпадает раз в жизни. Сварог мельком подумал, что его ждет куча сложностей, нонисколько не колебался.

— Честное слово, — сказал он.

Литта откинулась на подушки с тяжким вздохом облегчения, закрыла глаза. Улыбка на ее лице, пожалуй что, была близка к блаженной.

Тем временем Сварог на всякий случай тешил подозрительность. Очень уж серьезное дело. Рассматривая все варианты, можно и предположить, что красотку ему подставили. Но з а ч е м? Живая бомба, чтобы разнести наверху что-нибудь важное? Отпадает. Такую бомбу он почуял бы сразу. Накормить дезинформацией? А вот это более правдоподобно. Тому, кто с таким совершенством создал двойника, вряд ли трудно создать второго. Кто сказал, что эта — именно тот подменыш, третий год восседающий на троне вместо настоящей Эгле? Вполне может оказаться, что это — двойник двойника.

Вполне жизненная версия. Вот только проверить ее очень просто. Шпионов туда не зашлешь, но дипломаты остались. И если в ближайшее время от них начнут поступать донесения, что королева перестала появляться на публике совсем... Тогда все в порядке, и Литта не двойник двойника, а всего лишь двойник...

— Послушай-ка, — сказал он задумчиво, — а почему это ты вдруг решила покинуть столь тепленькое местечко? Должны быть серьезные причины...

— Меня бы там очень скоро убили, — ответила она, не открывая глаз. — И этого скота тоже, ручаться можно. Только я видела, к чему все идет, а он, болван самовлюбленный, внимания не обращает... — и вдруг она буквально вскинулась на постели, словно под известным местом оказался ежик. — Чего же мы сидим? Нужно бежать!

— Успокойся и лежи спокойно, — сказал Сварог решительно. — Ты же сама говорила, что муженек не проснется до полудня... Кстати, служанки в курсе?

— Только Тета, она меня и выпустила тихонько. Остальным двум я не доверяю, а на Тегу положиться можно, я давно проверила...

— Ну вот, — сказал Сварог. — Служанки должны тебя будить? В какое-то определенное время?

— Нет, — помотала головой Литта. — Я специально приказала, чтобы завтра утром ждали, когда я сама проснусь, и вошли не раньше, чем позвоню...

— Вот видишь, — сказал Сварог. — Времени навалом. К чему дергаться? Бегство, я тебе скажу — высокое искусство, — от нечаянного, нешуточного успеха он стал чуть расслаблен и говорлив. — Тебе наверняка этого знать не откуда, а мне вот, когда еще не выбился в короли, не раз приходилось бегать — причем за мной всякий раз шла погоня, каковой сейчас нет и быть не может... Полежи, помолчи. Дай подумать.

А подумать было над чем. Нет ничего проще, чем вывести ее из дворца, посадить в виману и умчать в безопасное место. А вот п о т о м... Что будет потом, когда неведомые кукловоды узнают, что их кукла вдруг пропала? В Горроте обосновался кто-то чертовски умный. Коли уж они знают, что он знает о подменышах... К тому же этот Брашеро, согласно показаниям Тагарона, несомненный лар... И может иметь наверху сообщников... Наверху по углам сидит еще немало сволочи, уж если за все эти годы так и не доискались, кто отравил императора... Очень быстро догадаются, в чьи руки попала сбежавшая от злобного Карабаса-Барабаса кукла...

Вряд ли они в ответ смогут предпринять нечто м а с ш т а б н о е против Свароговых королевств и уж тем более против ларов. Но они будут знать, что кукла — у Сварога. Не стоит обольщаться, вряд ли она знает особенно много — там подслушала, там подглядела, что-то увидела случайно... И тем не менее... Главное, они будут знать, что Литта у Сварога. Что-то изменят в своей работе, что-то перенесут в другое место... Это наверняка касается мелочей, и тем не менее... Вот если бы обернуть все так, будто она не со Сварогом сбежала, а произошло с ней нечто иное...

Но как? Он мог пройти в спальню Литты и в три секунды сотворить ее двойника — висящего под потолком на шнуре от портьеры. Одна беда: двойник тот будет нематериален. Отпадает. Внезапный пожар, полностью выгоревшая спальня, уже мало напоминающая человека головешка на постели? Он даже знал, где можно быстренько раздобыть труп...

Отпадает. Будь здесь одни его люди — прокатило бы. Но здесь и люди Канцлера, и изрядное число obsługi из Канцелярии земных дел... Пожар довольно быстро заметят и потушат. Хотя... Если поднять молодых сподвижников или спецназ девятого стола, обрядить их в «невидимки», снабдить нужными средствами, каких в арсенале достаточно... Теплее, теплее... Тогда операцию и впрямь можно провести за считанные секунды, никто и опомниться не успеет, как все выгорит...

Вот только кукловоды непременно зададутся вопросом: а с чего это, собственно говоря, спальня вспыхнула? «Головешку» непременно увезут в Горррот, чтобы торжественно похоронить в семейной усыпальнице. И кто-нибудь особо подозрительный и недоверчивый, исследовав труп, в два счета определит, что это не Литта. И... И мы вернулись на исходные позиции. Чужой труп подбрасывать нельзя. Она должна как-то исчезнуть, как будто ее черт унес... Ч е р т у н е с !

— Литта! — позвал он. И, когда она открыла глаза, спросил строго: — Там, в Горроте, во дворце, многие знали, что ты балуешься черной магией?

Ее глаза округлились то ли от удивления, то ли от испуга:

- А откуда ты вообще знаешь...
- Я спрашиваю, знали? — рявкнул Сварог.
- Ну... некоторое.
- А эти твои хозяева?
- Да...

Сварог блаженно оскалился, вытянул ноги, полусползши с кресла. Даже зажмурился от удовольствия.

— Я человек скромный, Литта, — сказал он, ухмыляясь во весь рот. — Но не стыжусь признаться, что иногда бываю гениален... Правда.

— Ты о чем? — настороженно спросила Литта.

— Так, трудовые будни... — отмахнулся Сварог. — Одевайся быстренько, благо тебе много времени и не нужно.

Ну конечно — трусики натянуть да платье накинуть, ну, еще в туфельки влезть. Она уже стояла, полностью одетая, когда Сварог еще заканчивал с камзолom. Надо бы на всякий случай... Что бы были лишь косвенные улики... Не все системы наблюдения подчиняются ему...

Он порывлся в памяти — ну конечно, он ведь исключительно «мужской портной», ничего женского сотворить не в состоянии. Подумав чуточку, извлек из воздуха два тяжелых серых габарота — военные плащи для караульных, рассчитанные на любую непогоду. До пят длиной, капюшон может полностью закрыть лицо...

Один быстренько накинул сам, проворно просунул палочки-застежки в петли, другой бросил Литте:

— Надевай.

— Зачем?

— Ты хочешь отсюда сбежать или разговоры разговаривать?

Подействовало. Она накинула плащ, Сварог быстренько помог ей застегнуться.

— Послушай, — сказала Литта. — А нельзя с собой и Тету взять? Она хорошая девочка, верная... Их ведь всех трех потом непременно начнут в Якобаре пытаться...

Уж это точно, подумал Сварог. Причем, есть сильные подозрения, не патриархальными методами глэрда Баглю, а с помощью более современных технологий, придуманных не на земле. Собственно, это и не пытки вовсе. Зальют верной Тете в рот стаканчик фиолетовой жидкости — и минуты не пройдет, как готова будет помимо воли ответить на любые вопросы (сам Сварог «сыворотку правды» ни разу не применял, так уж сложилось, всякий раз оказывались под рукой именно патриархальные средства)...

— С е й ч а с ее с собой брать не стоит, — сказал он, не раздумывая. — Но потом я ее обязательно вытащу.

— Как?

— Ну, Литта... — ухмыльнулся он. — Ты как-то не подумала, что расследовать завтра твое таинственное исчез-

новение придется м н е. Ну, не мне одному, однако справимся... Пошли.

— Я только заберу узелок...

Тыфу ты, а Сварог про этот загадочный узел совершенно забыл...

— Что, возвращаться в спальню? — прикинулся он ничего не знающим.

— Нет, я его спрятала в Синем коридоре, за статуей, в нише...

— А что там?

— Как это — что? — словно бы даже чуточку удивилась Литта. — Мои драгоценности, конечно. Те, что я обычно ношу, и еще то, что удалось, не привлекая внимания, вынести из сокровищницы.

— Логично... — проворчал Сварог. — Ладно, пошли, заберем.

Через несколько минут две фигуры в габаротах с низко нахлобученными капюшонами вышли из дворца через один из боковых входов и скорым шагом направились к стоянке виман.

Никто им, разумеется, не препятствовал.

ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, ЧТО В ТЕАТРЕ СПЛОШЬ И РЯДОМ САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ ПРОИСХОДИТ НЕ НА СЦЕНЕ, А ЗА КУЛИСАМИ

Обычно посторонние в замаскированные под самолеты виманы Сварога не попадали — разве что в качестве перевозимых пленных, которые уже ничего и никому не растреплют (впрочем, Литта тоже относилась к таким). Так что внутри они были оборудованы без глупой роскоши, но с комфортом: мягкие кресла, красивая обивка, бар, музыкальный центр, пол — имитация дубового паркета. В хвосте даже имеются две откидных постели, пошире и помягче грубых солдатских коек. Мало ли что может приключиться. Один раз Сварог вез на такой в Каталаун вдрызг упившегося принца Элвара (так было проще, чем лить в рот бесчувственному отрезвляющий напиток), и с полгода назад во время одной несложной операции, чтобы не соваться в городок на ночь глядя, они с Гаржаком переночевали на лесной поляне, а в последний раз, что уж там, в этой самой вимане они с Яной провели ночь на одном из островков Инбер Колбта (в чем была и смешная сторона: Яна, как-то не ассоциируя виману с замком, за-

была по всегдашнему своему обычаю поинтересоваться, не было ли до нее на этой постели другой женщины, — а Мара-то месяц назад как раз именно на ней и побывала. Сварог, честно признаться, просто как-то не подумал, иначе непременно устроился бы с Яной на другой. Но Яна ведь не спрашивала? Вот и ладушки).

— И мы на этом... полетим? — с неопикуемой смесью ужаса и восторга спросила Литта.

— Еще как, — сказал Сварог, настраивая автопилот. — Кстати, если хочешь выпить, вон в том красивом шкафчике всего навалом...

— А ходить можно?

— Можно, — буркнул Сварог. — Можно даже плясать, тут и музыка есть, но мне что-то не до плясок да и тебе наверняка тоже...

А ведь действительно, было дело пару недель назад, когда он здесь отплясывал с Яной, Элконом и Томи, возвращаясь из Каталауна — под задорную мелодию из коллекции Фаларена. Оказалось, у покойного предшественника имелась приличная коллекция музыки и фильмов — абсолютно все из времен до Шторма. Жаль, что редко выпадало время смотреть и слушать, это его спецы из «восьмерки» и «девятки» просматривали фильмы по десять штук в день — не удовольствия ради, а изучая жизнь до Шторма. В любой фильм, если он не фантастический, конечно, попадает масса бытовых подробностей и крайне интересных для нынешних исследователей фраз. Сам Канцлер, опять-таки не удовольствия ради, просмотрел уже фильмов сорок и твердо намеревался одолеть все три сотни...

Закончив с автопилотом, он включил систему «общая тревога» и отправил каждому из юных сподвижников (за исключением Томи, все еще учившей Интагара азам компьютерной премудрости) приказ немедленно вылететь в манор девятого стола. А коменданту велел вывести манор к точке «Ворота» — там, где Сварог обычно оставлял виману и, пройдя всего-то пару десятков шагов уже по хелльстадской территории, поднимался в поджидавший там Вентордеран. Именно туда он сейчас и собирался —

если спрятать Литту там, долгонько кукловоды не узнают, что она жива-здоровая...

Литта, ступая по полу, словно по тонкому льду, сходилa к бару и вернулась с налитым до краев бокалом — потянув носом, Сварог мгновенно определил келимас.

— Тебя не развезет? — поинтересовался он по-деловому. — Нам еще говорить и говорить...

— Нет, я буду помаленечку прихлебывать... — она бледно улыбнулась. — Все нервы перепутались...

— Нет, так не пойдет, — решительно сказал Сварог. — Выпивка — дело серьезное... Сейчас я тебе покажу хитрый фокус, а ты смотри в пол, пока не досчитаешь до десяти... И глаз не поднимать!

Мимоходом нажав красную клавишу с изображенными на ней золотом крылышками, он сходил к бару, наложил полный поднос разнообразных закусок, налил и себе изрядный бокал келимаса. Все это время вимана вертикально поднималась вверх уардов на сто, ложилась на курс, выходила на максимальную скорость — чего в салоне, конечно, не ощущалось совершенно, казалось, машина так и стоит в траве. Потому он и заставил Литту смотреть в пол — чтобы не пугать непривычным зрелищем. Помнил, как Тагарон — днем, правда — на взлете едва не облевался с испугу, ученый человек...

— Ну вот, — сказал он, вернувшись. Поставил поднос на выдвинувшийся из пола меж двумя креслами столик, уселся. — Теперь у нас не пьянка, а правильное застолье... Твое здоровье!

Литта отхлебнула довольно приличный глоток, не поперхнувшись и не закашлявшись. Умеет пить девочка, одобрил Сварог. И выразительным взглядом заставил ее взять с подноса и сжевать солидный ломтик ветчины.

— Ладно, пить ты умеешь, вижу, — сказал он. — Только постарайся растянуть бокал на подольше. Разговор у нас будет долгий, не нужно мне, чтобы у тебя язык заплетался и мысли путались...

— А лететь нам долго? — спросила раздумывавшаяся Литта.

— Минут сорок с лишним, — сказал Сварог.

— Ну, если я за это время выпью два таких бокала, при отличной закуске, и язык не будет заплетаться, и мысли не станут путаться...

— Точно?

— Точно.

— Как выражается отец Грук — блажен, кто знает меру... — проворчал Сварог. — У него у самого меру знает душа... вот только душа у него широкая... Ладно, если я замечу, что ты п л ы в е ш ь, попросту отрезвлю вмиг.

— А ты можешь?

— Сколько я всего могу... — проворчал Сварог. — Иногда самому страшно... Поубавить бы, да жаль, привык...

— А когда мы полетим?

— А мы уже пару минут как летим, — ухмыльнулся он. — Это и есть обещанный фокус.

— Нет, правда?

— Чистейшая.

Ничего особо жуткого не произошло — Литта всего лишь взвизгнула и свободной рукой вцепилась в мягкий поручень кресла.

— Брось, — сказал Сварог. — Ничего страшного ведь не происходит? — и прибавил металла в голос: — Милая, мы не на развлекательную прогулку выехали, ты не забыла? Я, в принципе, готов признать тебя жертвой злых людей и роковых обстоятельств — но такое положение еще нужно заслужить полной искренностью. Лететь нам минут сорок. Вот и начинай. Уловила?

Тон подействовал: Литта сразу стала серьезной, чуть хмурой, отпила еще глоток.

— Ну, начинай, — сказал Сварог. — В меру подробно, в меру кратко, держись золотой середины. Итак, давно ты в это влипла?

— Года два с лишним назад. Примерно за месяц до того, как с королевской четой... случилось...

— Что? — быстро спросил Сварог.

— Я не знаю, правда...

— Вижу, — сказал Сварог. — Кстати, имей в виду: я умею моментально определять, когда мне врут, а когда говорят правду. Постарайся об этом не забывать, пока бу-

дешь рассказывать. Итак, за месяц с лишним до событий ты жила себе поживала, ни о чем таком не ведая... Чем занималась, кстати? У тебя правильная речь, ты не похожа на простолюдинку, да и... Дворянка?

— Представь себе, дворянка, — как-то грустно усмехнулась Литта. — Без титула, правда. Знаешь, как это бывает... Род старинный, но впавший в полную убогость. Когда я родилась, отец совершенно разорился, служил в Адмиралтействе. Правда, он был в чине департаментского секретаря — десятый класс, приравнен к капитанам, — так что мы не бедствовали. Но и не роскошествовали особенно. Домик был не свой, а наемный, но на приличной улице, у отца хватило денег, чтобы оплатить мне учебу в Пансионе Атласных Лент... Это такое заведение для благородных девиц положения примерно моего, не самое лучшее, но и не самое худшее...

— Можно покороче? — сказал Сварог.

— Покороче... Пансион я закончила в шестнадцать, и отец тут же вознамерился выдать меня замуж. Был у него на примете отличный кандидат, советник оттуда же, из Адмиралтейства. Интендант. Ну, ты сам понимаешь...

— Понимаю, — сказал Сварог. — Как говорил один умный генерал, любого интенданта, прослужившего три года, можно вешать без суда и следствия... Состояньице, именице, денежки в банке... Старик или просто отвратная рожа?

— Старик, — сказала Литта, глядя куда-то вперед поверх бокала. — Мерзкий старикашка... Отец, когда меня уговаривал, говорил, что это-то и хорошо: долго не протянет, наследников, кроме меня, не будет, если я вдобавок буду его уматывать в постели, быстрее удар хватит...

— Душевный у тебя был папаша, — усмехнулся Сварог.

— Да уж... А я, веришь ты или нет, с раннего детства буквально б о л е л а театром. И получилось все, как в романах: сбежала из дома с дюжиной серебрушек и парой платьев в узелке, почти не мыкалась, взяли меня в одно убогонькое заведение... Можешь не верить...

— Я уже сказал, — бесстрастно ответил Сварог. — «Верю-не-верю» тут ни при чем. Я з н а ю, что ты сейчас говоришь правду. Постарайся и дальше так же.

— Ну вот... Года четыре я п о д н и м а л а с ь — от полной убогости к убогости поменьше, а там и еще меньше... — она глянула на Сварога с каким-то бесшабашным вызовом. — Знаю, о чем ты подумал... Ну да, когда это было необходимо, собой расплачивалась. Я хотела быть н а с т о я щ е й актрисой, понимаешь?

— И стала?

— Представь себе, — сказала Литта. — Между прочим, говорили, что я неплохая актриса, — в том числе и люди, которые ничего не рассчитывали от меня получить... К двадцати двум п р и ж и л а с ь во вполне приличном театре. И главные роли, и признание, одна беда — театр был «хлипкий»...

— Это как?

— Можно, я тебе кратенькую лекцию прочту о видах театров? Что бы ты лучше понял мое положение?

— Валяй. Но — кратенькую.

— На самой вершине, конечно — Королевский театр, — сказала Литта. Мечта тысяч, но везет единицам... Пониже стоят театры, входящие в Сословие Свободных Искусств — регулярные дотации от Сословия и казны, но главное — статус. Туда тоже адски трудно подняться из низов. Очень хороши «театры вельмож» — те, которым покровительствуют, порой долгими годами, знатные и богатые театралы. Кстати, далеко не все из них спят с актрисами. Другое дело, что они ненадежны. Вот представь: двадцать лет какой-нибудь герцог содержал театр, и все это время его наследники на такое мотовство смотрели зверями. И вдруг благодетель умирает... Единицы заранее составляют завещание, где оставляют часть наследства на содержание театра. Подавляющее большинство либо об этом не задумывается, либо умирает внезапно, без завещания. И все, конец, наследники радостно объявляют, что театр может жить, как хочет... Ну, и ниже всех — «хлипкие». Их так зовут за полную неопределенность будущего. С одной стороны, они числятся приличными, куда не

ззорно прыйти і дворяніну с сямьей. С другой — па-
лагацца прыходзіцца толькі на сябя. А случыцца можа
многае. Смяніўся ўладальца і прывёў дэло к упадку, умер-
стары дырэктар і прыйшоў недотэпа, переманілі вяду-
щих артыстаў, узнік канфлікт у труппе ці між рэжис-
сэром і труппой. Да маса прычын! Но канец адін: тэатр
начынае хірэць і опускацца ў разрад «убогіх», куды і
члены высіх гільдыі заходзіць лічаць непрылічным.
Да ўдобавок «хліпкіе» тэатры, пры ўсім іх прылічці,
ўсе жа лічацца па Жалезнай гільдыі — фіглярэ... Вот
ў такім «хліпком» я і прослужыла шэсьці лет. І гавяныя
ролі бывалі часта, і многія зрыцелі хадзілі «на мяня»,
і зарабавывала неплоха, но вот падняцца вышэ — нікак!
Какой-то рок...

— Но вадь навярняка должны былі быць і паклонні-
кі, — сказаў Сварог с легкой усмешкой. — А ты сама го-
ворыла, што платіла...

Отхлебнув келімаса, Літта повернулася к нему с тем
же вызовом:

— И будь ўверен, расплатілася бы с тем, кто помогал бы...
Но не с кем было. Поклоннікі былі і багатыя, і знатныя,
і вліятельныя... — она покрывіла губы. — Можешь обо
мне думаць, што хочешь, но я с ними спала. И не ўсёгда із-
за адніх дэнаг і камешкаў — я нармальная маладая жан-
чына, мне нуден мужчына... Это ўсе-такі нескількімі
ступенькамі вышэ прастітуціі. Прастітутка ў борделе
обязана ложыцца с кождым, кто заявіцца. Актрыса, пока
малада, красыва і пользуецца некамою ізнестноўцю,
может в ы б и р а т ь. Міжду прочім, разборчыыя, не
прыгаючыя с ходу пад любой залотой мешок, котіруюцца
вышэ, і адношыенне к ным уважытельнее, і репутация
у нх вышэ. Я была как раз із такіх. Ні за што не ложы-
лася пад какого-нібудь урода, усыпаннаго алмазаімі...
правда, старалася і не заводыць адношыеній с юнымі кра-
савчыкамі с пустым карманом. Выбірала такога, чтобы
был і багат, і шедр, но не особливо стар і не урод. И
так тянулось ўсе эти чэтыре года, — она обвела пальцем
ліцо. — Уж поверь, мое прэжнее лічыко было немно-
гым хужэ этого... — она улыбнулаь как-то печально. —

Оплачивала квартиру на приличной улице, у меня был экипаж, служанка, камеристка, повар и работник... Один поклонник меня даже водил на малый дворцовый бал. Но я же говорю — рок какой-то! — она в досаде стукнула кулачком по поручню. — Постоянно как-то так складывалось, что ни один мой поклонник — знатный, богатый, иногда входящий во дворец! — не обладал именно теми связями, что позволили бы меня устроить в один из театров Сословия. Как проклятие какое-то лежало... Многие они могли, но не это... И оставалась я в Железной гильдии. Фиглярка с золотым дворянским поясом, умора — отец, когда я сбежала, меня проклял и велел передать, что на порог не пустит, но не отрекся почему-то и герба не лишил... А театр давненько уже **ш а т а л с я**. Двоих ведущих актеров и одну актрису переманили. Умер старый режиссер, талантливый человек был, пришел новый, гораздо слабее... да еще начал меня домогаться, грозя, что лишит главных ролей, а то и вообще найдет способ тихонько выставить. Владелец увлекся какой-то шлюхой и театр забросил совершенно. Пошли скандалы в труппе, появились враждующие лагеря, интриги... В общем, полный набор неприятностей. Делалось все хуже и хуже. Старики в открытую говорили, что больше года мы так не протянем. И уходили при первой возможности. А мне уходить было некуда. Как-то так сложилось, что не было достойных предложений... вообще-то одно было, в такой же «хлипкий», только гораздо тверже стоявший на ногах, но там пришлось бы постоянно спать с владельцем, а это была такая жаба, что меня от него издали тошнило. Вот такая сложилась ситуация. Театр помаленечку рушится. Дураку ясно. У меня только две возможности: либо опускаться до убогого балагана, либо пойти на содержание к кому-нибудь из поклонников — и ведь многие предлагали... Но в этом случае о театре пришлось бы забыть навсегда и стать обычной великосветской проституткой. Лет за десять такой, с позволения сказать, карьеры можно было скопить кое-какое состояньице, примеров хватало... но мне-то нужен был театр, черт побери! — она допила свой бокал и

просительно глянула на Сварога: — Можно второй? Как раз все начинается...

Сварог присмотрелся к ней, подумал, что в случае чего безжалостно отрезвит, кивнул:

— Сейчас принесу. Только не увлекайся, это и в самом деле будет последний.

Отошел к бару, услышал за спиной, как стучат каблучки. Обернулся. Литта стояла у окна — видимо, выпитое придало смелости — и смотрела вниз.

— Темнотища какая... — протянула она. — И земли совершенно не видно, только вон там словно бы кучка светлячков...

— Это город, — сказал Сварог, решительно взял ее за локоть. — Иди, садись и рассказывай. Коли уж начинается...

Усевшись рядом, Литта, вопреки его ожиданиям, не отпила, а скорее пригубила. Глядя куда-то вперед, чуть отрешенным голосом начала:

— Ну, вот... После первого акта прислужница принесла мне в примерную аккуратный бумажный сверточек — мол, это мне просил передать «очень приличного вида дворянин из публики». Я и не подумала удивляться — уже столько раз такое случалось... Конечно же, подарок и записка. Судя по тому, что сверточек легковат, там кольцо. Прости за цинизм, моя профессия меня немного испортила... В таких случаях ощущаешь нечто вроде охотничьего азарта. Начинаешь гадать: насколько ценный предмет внутри, как выглядит тот, кто его прислал, годится ли... Тут есть свои неписанные правила. Можно оставить подарок себе и отказать, но пославший всегда начинает надоедать, ждать у заднего входа, дарить новые подарки... Впрочем, сплошь и рядом, если возвращаешь подарок, творится то же самое... В общем, я развернула сверточек — и обомлела. Приросла к полу. Действительно, изящное золотое кольцо с брильянтом... но к а к о в брильянт! Чуть ли не с вишню. Я к тому времени неплохо разбиралась в камнях, у меня была небольшая... к о л л е к ц и я. Камень настоящий, никаких сомнений. Редко у кого из моих и знатных друзей были перстни с подобны-

ми. Впору подумать, что в зале сидит король — иногда ведь такие случаи бывали, хоть и в сто раз реже, чем о том болтают... Королеве такой носить... Читаю записочку, она стандартная, все так пишут, ну буквально слово в слово: «Амель, граф Брашери, просил бы позволения засвидетельствовать после спектакля свое почтение великолепной актрисе Литте Аули». Только там еще приписка, какую я вижу впервые в жизни: «Если госпожа Литта того не пожелает, прошу оставить эту безделушку себе и, со своей стороны, обязуюсь никогда более не докучать». О таком только в романах пишут, а в жизни я ни от кого не слышала... Что, и тебя проняло?

— Проняло, — сказал Сварог кратко.

Он просто весь подобрался, словно напавшая на след гончая. Амель, граф Брашери. Тот самый опекун Гонзака. Несомненный лар. Хотя выводы делать рано, пусть она его сначала опишет...

— Ну, если для него т а к о й камень — «безделушка»... — протянула Литта. — Тем более стоит посмотреть на человека, иначе потом не простишь себе, умрешь от любопытства... Я кое-как опомнилась и сказала прислужнице, чтобы после спектакля привела его за кулисы. Потом сообразила, выскочила на сцену, хотела посмотреть в щелочку, к кому она подойдет — но опоздала, она уже возвращалась. Девушка была не большого ума. Твердила одно: «не молодой, но и не дряхлый. Такой весь из себя основательный господин...» Второй акт, честно говоря, я доиграла кое-как — себя не помнила от любопытства. И вот он пришел в примерную...

— Опиши-ка его поточнее, — сказал Сварог. —

— Лет сорока с небольшим, пониже тебя примерно на полголовы, — прилежно начала Литта. — Волосы темные, ни сединки, выбрит наголо, ни бороды, ни усов, хотя большинство дворян усы все же носят... Нос прямой, губы полные, темноватые, глаза серые. Золотой дворянский пояс, перстень с графской короной... Видно, что очень сильный, не здоровяк, а просто очень сильный... Эх! — воскликнула она с непонятной интонацией. — Такое вот описание внешности ничего не дает...

«Кому как, — подумал Сварог. — Описание в точности соответствовало тому Амелю, графу Брошера, о котором рассказывал Тагарон...»

— Главное, к а к о й он, — продолжала Литта словно бы даже с воодушевлением. — Он не чванился, не задибал нос, разговаривал вежливо — но в нем чувствовалась та-а-кая внутренняя сила... Я не про мускулы, понимаешь? Я даже сейчас не могу подобрать нужные слова, после двух лет знакомства... Эта сила и потаенная власть в нем были в е з д е, как кровь в сосудах, он ими был пропитан... Это был м у ж ч и н а. Из тех, от кого женщины тают... Вот он поведет пальцем — и всех, кто сейчас в театре повесят на воротах... или набьют полные карманы золота... Он нисколько не играл человека высокого полета, он им действительно был... Ты не женщина, тебе не понять... Какой мужчина...

— Такое впечатление, что ты в него до сих пор влюблена, — фыркнул Сварог.

— Я и тогда не была в него влюблена, — серьезно ответила Литта. — Никогда не была в него влюблена. Это было невозможно. Все равно что любить каталаунского тигра. Тигров не любят, тут другое... Я оказалась под ним — в переносном смысле, конечно. Пожалуй, он мог бы меня взять прямо там, в примерной, я бы нисколько не сопротивлялась... Таким не сопротивляются. Таким хочется принадлежать.

«В общем, как выражаются девки в деревнях, Бабыя Погибель, — мысленно прокомментировал Сварог. — Снова этот крайне интересный граф...»

— Мы немного поговорили, — продолжала Литта. — Честное слово, я себя чувствовала сопливой девчонкой, которую впервые в жизни позвал на свидание первый мальчик на деревне. Мялась, чувствовала, что краснею... Он держался идеально, притворялся, будто ничего этого не замечает, направлял разговор, так что в конце концов я кое-как отошла... Очень деликатно поинтересовался, не окажу ли я ему честь с ним поужинать... в «Золотом яблоке». Меня даже разочарование п р о б и л о...

— Почему?

— «Золотое яблоко» — один из лучших ресторанов, там целый этаж отведен под отдельные кабинеты... но ни в одном нет постели. Там никогда не спят с женщинами, там действительно т о л ь к о завтракают, обедают, ужинают, смотрят представление. Вот «Принцесса Амальта» и «Лазурное море» — заведения того же класса, но там в кабинетах кровати е с т ь, в каждом, за портьерой, в нише... Начинаешь понимать? Если мужчина тебя приглашает в «Золотое яблоко», это означает, что он вовсе не намерен укладывать тебя в постель сегодня же. Он у х а ж и в а е т... Все моментально расставлено по местам, никаких недомолвок...

— Понятно, — сказал Сварог. — И ты, конечно, я так догадываюсь, даже не поломалась чуточку для приличия?

— А зачем? — серьезно сказала Литта. — получилось бы излишнее жеманство. Здесь и так все было четко обозначено... ну да, иногда как раз такие вот вежливые кавалеры оказываются жуткими извращенцами, я сама не сталкивалась, но были случаи... Тут уж приходится полагаться на везение, а оно у меня есть, проверено... В общем, у черного хода стояла его карета, очень скромно украшенная — хотя иные знатные любят чуть ли не целиком кареты золотить... Герб с графской короной на дверцах... Я заехала домой, надела лучшее платье, украшения... В «Яблоке», как всегда, все было роскошно: три перемены и отдельно десерт, меж второй и третьей переменами мы ходили смотреть представление: шпагоглотатели, извергатели огня, жонглеры, танцовщицы. Ну разумеется, никаких тоголад и прочих вульгарностей, один «Балет фей». Знаешь, что это такое?

— Знаю, — сказал Сварог.

Он с удовольствием посмотрел бы это зрелище вживую (раньше видел только в записи), но для этого надо попасть в Горрот... Потому что «Балет фей» — один из цехов Сословия Изящных Искусств, секреты свои хранит железно, и существует этот вид искусства только в Горро-те. И платья не прозрачные, и длиной до пола, и рукава длинные — но как-то так они шиты, как-то так танцуют «феи», что получается даже соблазнительнее, чем если

бы они плясали голыми. Немудрящее вроде бы представление, но повторить его никому не удавалось, и иные короли специально засылали в Горрот в качестве шпионов лучших балетмейстеров, но и те ничего не добились...

— Мы болтали о всякой всячине, — продолжала Литта. — Обычная застольная беседа. Выяснилось, что граф служит при министерстве двора, советником. У меня сдуру вырвалось:

— Всего-то?

Он ухмыльнулся своей неподражаемой ухмылкой — тут смесь и веселья, и легкого превосходства, и иронии, я ее даже описать точно не могу — и сказал:

— Литта, дело не в должности, а в возможностях... — и неожиданно спросил: — Сказать честно, чем ты мне о с о б е н н о нравишься? Я был знаком с несколькими актрисами. Как бы это выразиться... примерно твоего положения, а то и ниже. Так вот, все они, едва заслышав про министерство двора, моментально начинали просить пристроить их в театр получше. А ты ни о чем подобном не заикаешься, — и улыбнулся так грустно, обезоруживающе. — И правильно, между прочим. У меня нет никаких связей в т о м мире, мой департамент занимается совсем другими делами...

Вот тут он мне самым безбожным образом врал, не смотря на честнейшие глаза и простецкую улыбку. Уж чиновник-то министерства двора мог бы актрису п о д н я т ь за пару дней. Как раз министерство двора и ведает Королевским театром и участвует в работе театров Сословия. Так что, даже если он занимается «совсем другими делами», у него в своем министерстве наверняка есть нужные связи с департаментом театров...

— Интересный какой-то жмот получается, — задумчиво сказал Сварог. — Запросто дарить кольца с огромными бриллиантами, предупреждая, что за них не нужно отрабатывать — это он может. А устроить в хороший театр, что для него раз плюнуть — так это нет...

— Вот и я удивилась сначала, — сказала Литта. — И только потом, когда все п р о и з о ш л о, поняла, в чем тут был простой расчет. Ему нужно было, чтобы я

оставалась в полнейшей житейской неуверенности, на сцене готового вот-вот обрушиться театра, без малейших перспектив и будущего... Потом сам поймешь. После ужина он отвез меня домой, помог выйти из кареты, поцеловал руку, поблагодарил за приятный вечер — и ни малейших намеков напроситься в гости... Сел в карету и уехал. Я стояла, смотрела вослед, и казалось, что это сон, но все вокруг было реальным, в том числе и огромный камень на пальце... А дальше... — она мечтательно улыбнулась. — Дальше началась сказка. Даже теперь, после всех невзгод, приятно вспомнить... Мы встречались каждый день, или вечером после спектакля, или днем... Да, я забыла про часы, тебе это наверняка интересно...

— Какие часы? — насторожился Сварог.

— Тогда же, в первый вечер в «Яблоке» он как-то умело свел разговор на талисманы. Спросил, верю ли я в них. Как не верить? Я даже знала самую настоящую колдунью, которая их делала, знала людей, носивших настоящие талисманы, не те подделки, что шарлатаны впаривают богатым провинциалам... Он сказал:

— Ну, тогда ты не удивишься... У меня тоже есть талисман. От деда. Позволяет узнать, что собой представляет человек... Слышала о таких?

Я сказала, что слышала, хоть и не видела никогда. Он достал часы — большие, явно старинного фасона, сейчас такие г и р и носят разве что старики. Задняя стенка была покрыта черной эмалью, с врезанной в нее затейливой золотой сеточкой — а циферблат я так и не увидела. Граф спросил мягко, но настойчиво:

— Ты позволишь? Это не страшно и ничуть не вредно...

Я кивнула, будто зачарованная. Он встал, приложил эмалевую крышку мне к виску, а сам смотрел на циферблат. Я ничего не почувствовала, и длилось это недолго. Циферблата я так и не увидела, но на лице у него отразилась несомненная радость.

— Ну и какова же я? — спросила я словно бы шутливо, а сама была вся в напряжении — мало ли что ему талис-

ман показал, вдруг он сразу же после ужина распрощается навсегда... Хотя на лице у него, точно, радость...

Он сказал серьезно:

— Талисман показывает, что ты неплохой человек, Литта. Не шлюха, не стяжательница. А то, что было... В пределах некоей нормы. Именно та мера житейских уступок, на которые порой приходится идти...

Брехал, как сивый мерин, подумал Сварог. Это, несомненно, какой-то аппарат, какие, к черту, талисманы, не бывает таких... Что-то он с н я л совершенно другое... Что бы это могло быть? Сразу и не сообразишь, что у него там втиснуто было в корпус старинных часов... К виску, совсем недолго... Стоп! Он лар, теперь в этом нет никаких сомнений, но в Горроте не работает аппаратура ларов. Никакая. Что же, какие-то д р у г и е технологии? Кем разработанные и где?

— Рассказывай про свою сказку, — сказал он, понимая, что с наскока в этой загадке все равно не разберется.

— Это была сказка... — протянула Литта. — Лучшие рестораны, лучшие танцевальные залы — я люблю танцевать, да и он оказался неплохим танцором. Цирк, тоже лучший в королевстве... Речной праздник на Эресе с фейерверками, танцовщицами, изображавшими русалок... Да чего там только не было, на том празднике... Один раз он меня даже привел на малый королевский бал, во дворец, и несколько минут мы танцевали рядом с королем и королевой, в соседних парах... И подарки чуть ли не каждый день: украшения с такими же крупными камнями, великолепные платья, всякие безделушки, тоже очень дорогие... И при всем при том — ни малейших намеков на постель. Ни малейших. Все эти две недели. А ведь я у него в глазах замечала не раз мужской интерес, такие вещи женщины моментально замечают... Две недели. Лучшие развлечения, подарки, в общем, расходы нешуточные. Если посчитать, во что ему все это обошлось, на такие деньги можно купить неплохое имение. И — ни малейшего намека, ни единого прикосновения, только целовал руку на прощанье, — она сделала добрый глоток. — Я просто извелась в догадках. Уж, безусловно не

импотент, — она лукаво покосилась на Сварога. — В некоторых фигурах некоторых танцев это можно определить, ты должен знать... Тогда что? Иногда знатные особы чудят, порой крайне затейливо и изощренно. Но вот на кого он меньше всего походил, так это на чудака. От всех этих непонятностей мне в голову начала лезть уже совершеннейшая дурь — а вдруг он, скажем... — она покосилась на темное звездное небо за окнами: — Ну, не к ночи будь помянут? И охотится таким образом за моей душой? Или он узнал вдруг, что я его внебрачная дочь — матушка, увы, своим поведением давала повод и для таких предположений. По возрасту, в принципе, подходит, хотя должен был быть совсем юным... Да какие только дурные фантазии в голову ни лезли! Согласись, это необычно?

— И весьма, — согласился Сварог искренне.

— В конце концов, я сорвалась. Выпила лишку в том же «Золотом яблоке». Мы к тому времени уже перешли на «ты», я и бухнула:

— А когда будет постель?

Снова эта его неподражаемая улыбочка:

— Ты так рвешься со мной спать?

А меня уже понесло. Я хлопнула еще один немаленький бокальчик и сказала:

— Ну не так чтобы рвусь... Хотя я тебе никак не отказала бы... Просто все это — страннее странного. Ты потратил на меня кучу денег и времени, окунул в роскошь, как муху в банку с медом, я иногда вижу по глазам, что ты меня хочешь... но две недели лишь целование руки на прощанье... Так не бывает, Амель. Я не девочка, повидала жизнь, прошла через кое-что... Так не должно быть. В чем дело? Меня это уже чуточку пугать начинает...

Он смотрел на меня серьезно, без тени улыбки. Потом сказал:

— Литта, а ты гораздо умнее, чем мне казалось сначала...

— Мне частенько говорили, что я не дура, — огрызнулась я.

Вот тут он улыбнулся:

— Иные девушки на твоём месте только радовались бы таким отношениям: засыпают подарками и развлече-

ниями, но при том и пальцем не трогают... Или тут в другом ответ? Ты молодая, темпераментная, две недели без мужчины напрягают...

— Если честно, и это тоже, — сказала я, пьяненькая. — Но не главное. Я же говорю, начинаю путаться чуточку. В жизни т а к и х отношений не бывает, только в романах... Когда пытаюсь обо всем этом думать, в голову лезет уже совершеннейшая ерунда...

Он смотрел на меня очень уж грустно:

— Хочешь правду? Это обет. Они, между прочим, даются не только в романах. Когда умерла жена — а я ее любил по-настоящему — дал обет семь лет не иметь женщин. Серьезный обет, у монахов Братства святого Круахана. Не знаю, как у тебя с этим обстоит, но я человек верующий, хотя прихожанин нерадивый... Теперь понимаешь? Я был тогда в таком состоянии...

— И когда истекает этот твой обет?

— Через месяц, — сказал он все так же серьезно. — И будь уверена: через месяц будет в с е...

Т о г д а я ему поверила: пьяна была уже изрядно, история была такая сентиментальная... а подобные обеты, я слышала, и в самом деле дают... хотя иные их не соблюдают, не выдерживают до срока... А вот потом, на трезвую голову... Мне просто захотелось проверить. Знающие люди подсказали, в какие конторы и к каким чиновникам обращаться. Золото у меня было... Ну, вот попытайся, умный и проницательный, догадаться, что я нашла?

— Жена была здоровехонька, — сказал Сварог. — Или он вообще никогда не был женат.

— В сто раз интереснее! — с хмельным воодушевлением воскликнула Литта. — Оказалось, что его н е т. Ну, попросту нет. В книгах Геральдического департамента не обнаружилось не то что графов, но просто дворян Брашеро. Нет в Горроте такой дворянской фамилии. Понимаешь? Нет и не может быть никакого графа Брашеро... а меж тем он существует во плоти, и не просто существует: служит при министерстве двора, лично известен королю — я сама видела, как на том малом балу они с королем, отойдя в

сторонку, беседовали минут пять, и король держался с ним, как со знакомым...

— Ну, в конце концов, можно подыскать объяснение, — сказал Сварог. — Просто-напросто он не горро-тец по происхождению. Он приехал из другой страны, быть может, очень давно. Ты ведь не развернула столь бурной деятельности, чтобы искать следы в других королевствах?

— Нет, — призналась Литта. — Хотя собиралась... Видишь ли, он все говорил мне о себе как о г о р р о т-с к о м уроженце. О том, что его роду две тысячи лет, что родовые поместья у него в Полуденном Горро-те... А оказалось... Вариантов было два: либо он и в самом деле дьявол, либо авантюрист и самозванец не просто высокого — высочайшего полета. Многим успешно удавалось выдавать себя за дворян, но никто не взлетал т а к высоко... Я как-то склонялась ко второму — ну не хотелось мне о первом думать, сам понимаешь, очень уж жутко...

— И как же ты обошлась со своими открытиями? — усмехнулся Сварог.

— А никак, — ответила Литта. — Просто не успела. Эти мои изыскания отняли примерно неделю — и буквально на следующий день после того, как я окончательно все выяснила, он меня впервые пригласил к себе в особняк — у него роскошный дом, едва ли не дворец, буквально в двух кварталах от королевского замка... Я испугалась не на шутку, только когда оказалась в особняке и мы сидели в малой столовой, — вечерело, ужин был подан для двоих... Я вдруг подумала, что правдой все-таки было п е р в о е. Что он и в самом деле дьявол, без труда узнал о моих изысканиях, и теперь случится что-то жуткое... А я даже молитв от нечистой силы не знала... верю в Единого, но креста не ношу и в храме последний раз была уж и не упомяну, когда...

А он держался, как обычно. Вот только после первого блюда все и началось. Он сказал самым обыденным тоном:

— Литта, у меня к тебе есть серьезное предложение. Как-то у вас в театральном мире именуется? Ага! Считай,

что я антрепренер. И предлагаю тебе гастроли: очень долгие, невероятно доходные...

— А что за роль? — осторожно спросила я.

— Ты будешь играть королеву Эгле.

— Я и не слышала, чтобы кто-то собирался ставить о ней пьесу, даже не слышала, что такая написана...

— Написана, — сказал он без улыбки. — До последней точки. И труппа готова, не хватало только актрисы на роль королевы. Но теперь она у меня есть.

Черт возьми, подумала я, неужели кончилось невезение? Такую пьесу должны играть даже не в театрах Сословия — в Королевском...

И спросила:

— А в каком театре?

Он преспокойно сказал:

— Театром будет сам королевский дворец.

— Вот теперь ничего не понимаю... — пролепетала я.

— Я объясню, — сказал он спокойно, даже весело. — Ты будешь играть королеву Эгле в том смысле, что сядешь вместо нее на трон... Я же говорил, спектакль ожидается долгий, на годы... Ты будешь играть королеву... а человек, который станет играть короля, у нас уже есть.

— Подожди... — я ничегошеньки не понимала. — Я же на нее совершенно не похожа...

— Б у д е ш ь похожа, — сказал он. — Так, что родная мать, княгиня Скатерона, не отличит.

И только тут до меня д о ш л о.

— Но как же так? — чуть ли не закричала я. — А н а с т о я щ и е?

— А их не станет, — спокойно сказал он. — Но никто об этом, разумеется, не узнает. Потому что на троне преспокойно останетесь вы со Стахором... И жизнь будет продолжаться, как ни в чем не бывало. Ну, конечно, «Стахору» будут подсказывать, что делить и какие указы подмахивать, иначе зачем все и затевать? Зато от т е б я, в общем, не понадобится особенных трудов — Эгле в управлении королевством практически не участвует. Твоему муженьку еще придется потрудиться, подписывая указы, заседа

в Палате Пэров и прочих заведениях, произносить речи... Тебе будет гораздо легче — никаких трудов, беззаботная жизнь королевы...

— Ты с ума сошел? — спросила я в полном расстройстве чувств.

— Честное слово, нисколько, — серьезно сказал он. — В сущности, ничего необычного не происходит. Самый обычный дворцовый переворот, устранение королевской четы... Сколько их было в истории? Отличие только в том, что на сей раз никто ничего и не заметит, потому что на троне о с т а н у т с я Стахор и Эгле, которых ни одна живая душа не отличит от настоящих. Ты только представь, какое великолепное у тебя будущее — на всю оставшуюся жизнь...

— Ты дьявол? — бухнула я напрямик.

Он усмехнулся, поднял салфетку — под ней оказался серебряный крест Единого — взял его в руки, повертел, даже приложил ко лбу:

— Как, по-твоему, дьявол или любая другая нечистая сила — на такое способны?

Нет. Уж я-то точно знала, что нет. В пансионе у нас был вероучитель, и уж кое-какие основы я помнила...

Хорошо, он человек. Только легче мне от того не стало...

И покушение на цареубийство, дворцовый переворот... Верная плаха даже для замешанной в заговор мелкоты — а мне-то предлагают одну из главных ролей...

Полное впечатление, будто он угадал, о чем я думаю. Сказал даже не спокойно, скорее небрежно:

— Ничего не бойся. Проиграть мы просто не можем — на такой уж стадии предприятие. Через неделю ты уже будешь сидеть на троне, и все будут принимать тебя за Эгле.

— Но как, как? — завопила я, чуть с ума не сходя. — Как ты сделаешь меня точным подобием Эгле? Магия какая-то?

— Никакой магии, — сказал он. — Есть другие способы. Скоро сама убедишься.

— Подожди, а принц?

— Та же история, — пожал он плечами. — Все будут считать, что э т о т — настоящий принц...

Тут мне удалось взять себя в руки. Жизнь меня все же чуточку пожевала — настолько, чтобы не раскисать...

Я встала и, стараясь говорить как можно спокойнее, начала:

— Хорошо, я все обдумую, и, когда что-то решу, приеду...

Он расхохотался, честное слово, как ребенок.

— Литта, ты же умница, — сказал он, наконец. — А говоришь такие вещи... Ты и в самом деле думаешь, что тебя отсюда выпустят после всего, что ты только что услышала?

Да уж, конечно, запоздало сообразила я. Ни за что не выпустят.

— Садись, — сказал он, и я села, как марионетка. Он налил мне вина и продолжал своим обычным тоном, без всякой насмешки или угрозы: — Литта, ты умница. Бросаться к окну, распахивать его и взывать к прохожим о помощи — бесполезно. Я поставил хитрый замок. Вскатывать и нестись к выходу сломя голову — бесполезно. В коридоре мои люди, и на лестнице, и у всех дверей... Ты молодец. Не делаешь глупостей, не бьешься в истерику... Все поняла, будешь вести себя спокойно, правда? Знаешь, я собой доволен. Сделал неплохой выбор, — и накрыл мою ладонь своей. — Говорю тебе, через неделю ты будешь королевой.

Вот тут я не сдержалась — выругала его. Последними словами. Было где послушаться в первые годы после побега из дома.

Он нисколько не рассердился. Только пожал плечами:

— За что? Я не делаю тебе ничего плохого, совсем наоборот. Оставшуюся жизнь ты проживешь королевой Горрота — со всеми выгодами и благами, проистекающими из такого положения. Это царский подарок, Литта, а ты, хотя и умница, меня костеришь бордельными словечками...

Я что-то пробормотала — сама не помню, что. Он наклонился, взял меня за руку, впился взглядом и со своей неподражаемой улыбочкой сказал:

— Есть только два мотива, которые заставляют тебя сопротивляться. Только два... Вот мне и любопытно послушать, который из них тобой движет. Тебе жаль королевскую чету? Или просто боишься, что все откроется и всем отрубят головы? Скажи честно.

И понимаешь, он явно видел по моим глазам, что я боюсь только плахи. С какой стати я должна была жалеть королевскую чету? Совершенно чужих для меня людей? Которых и видела-то раз в жизни? Вот я вчера читала в газете, что на Большом Ронерском тракте, в трех лигах от харланской границы, разбойники убили крупного купца из Сноля Тана Добарто. Тебе его жалко? По-настоящему? Так, чтобы тоска сердце сжимала? Ну?

— Нет, — вынужден был признаться Сварог.

— Вот видишь. А разве мы с тобой чудовища или бездушные твари? Никто п о н а с т о я щ е м у не жалеет чужих, незнакомых людей — ну разве что, если это поэт, артист или писатель, которого ты любил...

Короче, граф усмехнулся:

— Прелесть моя, Литта, ты боишься исключительно плахи... Клянусь чем угодно, этого не будет. Все настолько хорошо подготовлено, что осечки быть не может. Это можно сделать хоть сейчас. Собственно говоря, неделя отсрочки нужна исключительно для одного: чтобы сделать тебя королевой Эгле. Что до короля...

Он усмехнулся, позвонил и, когда вошел лакей, распорядился:

— Пригласите его величество пожаловать.

И почти сразу же вошел... король Стахор. Совершенно такой, каким я его видела на балу, даже одет точно так же.

Граф весело спросил:

— Дружище, кто вы такой?

— Что за дурацкий вопрос? — произнес э т о т голосом настоящего короля, пожимая плечами. — Король Стахор, конечно. А это, я так понимаю, моя дражайшая супруга?

— Еще не совсем, — сказал граф. — Ну, Литта? Если хочешь, подойди, потрогай супруга, чтобы убедиться, что он настоящий... Хотя, по-моему, и так видно...

Я не встала, не пошевелилась, я и так видела, что этот человек похож на короля, как брат-близнец. Граф сделал небрежный жест, будто лакея отсылал, и «король» вышел.

— Что скажешь, умница? — осведомился граф.

Не поднимая глаз, я спросила:

— И я что, буду точно такой же Эгле?

— Ну, разумеется, — сказал граф. — Совершенно такой же.

— Но как такое возможно...

— Литта... — сказал он с мягким укором, — не стоит забивать себе голову вещами, которых все равно не поймешь. Какая бы ты ни была умница, в сложных науках не разбираешься совершенно. Так что заканчивай с пустыми вопросами. Будем продолжать ужин?

— Нет, — сказала я, чувствуя, что голова идет кругом. — Ничего сейчас не хочу... Дай мне какую-нибудь комнатку, пусть в подвале, пусть с решетками на окнах, лишь бы я могла лечь и полежать...

— Великие небеса, ты считаешь, что я способен посадить тебя в подвал? — рассмеялся он так, словно этого разговора не было, и мы сидели в каком-нибудь «Золотом яблоке». — Может быть, желаешь еще гнилую солому и крыс? Размечталась... — он звонком вызвал лакея и распорядился: — Проводите даму в ее комнату.

Вставши, я демонстративно прихватила со стола непочатую бутылку вина и бокал. Граф не препятствовал, только усмехнулся:

— Что ж, тоже метод...

За дверью оказались еще два лакея, бдительно так придвинулись, хотя бежать я и не собиралась, понимала, что бессмысленно. Комната мне досталась вполне роскошная, под стать особняку — вот только меня тут же заперли снаружи, а на обоих окнах я обнаружила два хитрых замка. Постояла у окна — уже совсем стемнело, зажглись фонари, проезжали кареты, ехали всадники, шагали люди — и мне казалось, что все они в каком-то другом мире...

Я сбросила платье, забралась в роскошную постель и принялась отхлебывать прямо из горлышка, что уж тут

церемониться. В голове стояла совершеннейшая пустота, ни мыслей, ни чувств — слишком уж удивительная и грандиозная беда на меня свалилась. Помаленьку прикончила бутылку, и так мне стало себя жалко, что заревела в три ручья. Даже не слышала, как вошел граф. Встал рядом с постелью и серьезно сказал:

— А вот это совершенно ни к чему. Не из-за чего слезы лить. Тебе бы порадоваться...

Я сквозь слезы пустила его руганью через три забора... Он усмехнулся, разделся неторопливо, лег рядом со мной. Я нисколько не сопротивлялась, мне было все равно. И он меня взял. Ничуть не грубо, он все делал ласково, нежно, умело, так, что в конце концов я стала о т в е ч а т ь. До сих пор подозреваю, что он меня хотел именно такую — зареванную, беспомощную, слабую... Я его, смею думать, хорошо узнала за два последующих года. Он никак не извращенец, ничего такого. Просто властолюбие у него дикое и проявляется сотней разнообразных способов. Это не то властолюбие, когда человек мечтает сидеть на троне или каком-нибудь высоком посту. Тут другое. Ему нравится ломать людей, делать их своими куклами. Меня он, во всяком случае, сломал. Почти... — с неожиданной злобой улыбнулась, почти оскалилась Литта. — До конца все же не доломал, коли уж я здесь, с тобой... — и, по непостижимой женской логике меняя тему, сказала уже без всякой злости: — Но любовник он все-таки великолепный, этого у него не отнять...

Она помолчала, допила остававшееся в бокале, повернулась к Сварогу:

— Можно еще? Ты же видишь, язык не заплетается...

Сварог посмотрел на часы, пригляделся к Литте и сказал:

— Ладно. Только рассказывай покороче, без лирических отступлений. Время есть, но его не особенно много...

— Постараюсь... В общем, ночь я провела с ним, и это было только к лучшему — некогда было сокрушаться и жалеть себя. А потом... Уже под утро мы начали очередную бутылку, по бокалам разливал он — и явно что-то подлил или подсыпал, потому что я уснула мгновенно,

едва отпив, даже не знаю, что было с бокалом, видимо граф его успел подхватить.

Проснулась в другой комнате, впрочем, столь же роскошной, тут вдобавок было еще и зеркало, выше человеческого роста. Портьеры были распахнуты, судя по солнцу, часа два пополудни... Я пошевелилась — и поняла, что как-то странно себя чувствую. Совершенно необычное чувство, ничуть не похожее ни на головную боль после перепитого, ни на что вообще испытанное. Я лежала и пыталась это чувство осознать. Не болело, нет, но беспокоило... Словно бы по всему лицу, под кожей продернули то ли нитки, то ли что-то вроде канители, золотой или серебряной. Я открыла рот, закрыла, похмурилась, в общем, поиграла лицом — и всякий раз оставалось ощущение той тонюсенькой сетки. Не болело, но беспокоило именно своей непривычностью. Я стала трогать лицо — но ничего под кожей не нащупала. И только тут сообразила...

Мои волосы были н е м о и! Русые, гораздо длиннее моих, наполовину прикрывавшие груди — а у меня от природы каштановые, и вчера они были лишь на пару ладоней пониже плеч... В первую очередь я подумала, что на меня зачем-то напялили парик, попыталась его снять — не получилось, это был не парик, а самые настоящие волосы. И на правой руке, меж локтем и запястьем, обнаружился шрамик, чуть извилистый, длиной в палец — раньше у меня ничего подобного не было...

И тут меня словно подтолкнуло что-то, вскочила с постели в чем мать родила, кинулась к зеркалу...

М е н я в зеркале не было. В зеркале отражалась королева Эгле, в точности такая, какой я ее видела в двух шагах от себя на балу — разве что волосы не ухожены в прическу, а распущены, ну, и голая, конечно. Я подняла правую руку — и она подняла. Я пошевелила пальцами — и она пошевелила. Вот так. М е н я больше не было, я теперь была о н а...

Я присматривалась то к отражению, то к себе — ну да, и тело чуточку другое, и пальцы на руках, и шея... Знаешь, что самое смешное? Т а к о е тело мне гораздо больше нравилось. Нет, у меня и раньше была неплохая фигурка,

и ноги стройные, и груди не отвисли — но это тело было гораздо х о л е н е е. За ним явно ухаживали лучшие мастера таких дел, располагавшие лучшими притираниями, бальзамами, ну, всяким таким... Я за собой всегда следила, и доходы были неплохие, но т а к о г о ухода за телом устроить бы себе не смогла. Тело королевы...

И тут же за моей спиной голос графа произнес то же самое:

— Тело королевы...

Я обернулась. Он стоял и улыбался. Ага, вот оно в чем дело — в дальнем углу распахнута невысокая и узкая потайная дверь... А он продолжал деловито:

— Бедра, конечно, чуточку пошире — она рожала, а ты нет... Но это нисколько не портит фигуру, правда?

— Но как же... — только и смогла я пролепетать.

— Наука делает чудеса, Литта, — сказал граф все так же весело. — Ну что? Хочешь, я дам тебе одеться и выйти на улицу? Там ты начнешь доказывать прохожим, что ты не королева Эгле, а актриса Литта Аули... И к тебе кликнут врачей — практически все обитатели этого квартала приняты при дворе, сто раз видели королеву, решат, что с ее величеством приключился внезапный припадок безумия, и она незамеченной ухитрилась выскользнуть из дворца... Шучу, конечно. Выпускать тебя на улицу слишком опасно. Настоящая еще во дворце, как-то неудобно и странно получится, если вдруг окажется, что в столице сразу две королевы — одна завтракает во дворце, вторая бродит по улицам... А ты молодец... Эгле. В обморок не хлопаешься, даже глаза не закатываешь. Лишний раз убеждаюсь, что в тебе не ошибся. С другой, точно, было бы гораздо больше хлопот...

А я, действительно, как-то не собиралась ни в обморок падать, ни биться в истерику. Малость битая жизнью девочка... Решила доказать ему, что силу воли сохраняю — надела пеньюар, села в кресло у постели, закинула ногу на ногу и постаралась говорить как можно спокойнее:

— Что же, мне теперь неделю сидеть тут взаперти в таком виде?

— Четыре дня, — поправил он с ухмылкой. — Видишь ли, все научные процедуры, что с тобой происходили, заняли чуть больше, чем трое суток, и все это время ты была в беспамятстве... А свобода у тебя будет... относительная. Не надуй так губки, четыре дня — гораздо лучше, чем неделя.

— Постараюсь вытерпеть, — сказала я ядовито.

Он подошел, остановился надо мной, посмотрел на мои голые ноги:

— Вот кстати, королевам этикет строго запрещает так сидеть — закинув ногу на ногу. Императрица, правда, так часто сидит, но за облаками другой этикет, ее величеству многое позволено... Ну ничего, э т о мы поправим, ты многому научишься... Хорошо себя чувствуешь?

— Отлично, — сердито отрезала я.

— Вот и прекрасно, — сказал он с чертиками в глазах. — Актрису Литту я уже пробовал, а вот королеву Эгле еще нет. А хотелось, признаюсь тебе, чертовски...

Он поднял меня из кресла и стал снимать пеньюар. Я не сопротивлялась — зачем, я теперь была его куклой...

В общем, Сварогу нравилось, как она держалась. Не била на жалость, не пыталась представить себя этакой безвинной овечкой среди злых волчиц — хотя пару раз ненавязчиво подчеркивала, что попала в безвыходное положение (с чем, признаться, нельзя не согласиться), рассказывала спокойно (пусть временами и растекалась мыслью по древу), деловито.

— А дальше?

Литта печально усмехнулась:

— Он был настолько вежлив, что спросил, какую комнату я предпочитаю: нынешнюю или прежнюю. Я, не особенно и раздумывая, выбрала прежнюю. Потому что там стояло это зеркало. Следовало почтнее посмотреть на себя новую и привыкать. Я уже не сомневалась: если они и впрямь смогли сделать т а к о е, все остальное случится в точности так, как рассказывал граф... — она покосилась с вызовом. — Ты меня осуждаешь? Но я, в самом деле, совершенно ничего не могла сделать. Вырваться из особняка не было никакой возможности, оставалось плыть по тече-

нию. И не думай, что на душе у меня было так уж спокойно, я себе места не находила...

— Осуждать я тебя не собираюсь, — сказал Сварог. — Читать мораль — тем более, я не священник. Рассказывай, что было дальше, время скоро начнет поджигать.

— Но до утра еще столько времени...

— И проводить нам его по-разному, — терпеливо сказал Сварог. — Ты будешь дрыхнуть в роскошной спальне, винца выпей, если захочешь — а мне нужно за эти оставшиеся часы сделать так, чтобы весь мир думал, что ты погибла. Твои горроотские друзья должны так и считать...

— А у тебя получится? — спросила она деловито.

— Постараюсь, — ответил Сварог. — Ну, что было дальше?

— Я спросила, не может ли он распорядиться, чтобы из моей квартиры привезли драгоценности. Платья, конечно, теперь не нужны, но драгоценности... Он рассмеялся и сказал: самые умные женщины не более чем женщины. У меня будет в полном распоряжении королевская сокровищница, а я беспокоюсь о кучке дешевых поделок... Он, впрочем, распорядился, и драгоценности привезли. И принесли телевизор — я о них только слышала, но раньше не видела. Вот он очень пригодился: в тот день меня никто не тревожил, только приносили обед, ужин... Вечером пришел граф, и мы... А вот завтра началось самое интересное. Меня отвели в какую-то странную комнату, я и не думала, что в особняке может оказаться такая... Никакой мебели, обои, правда, ничем не хуже тех, что были в тех покоях, которые я уже видела. Пусто, только посередине стояло какое-то странное кресло из синего металла, с подставкой для ног. Там на подлокотниках и ниже были ремни с пряжками — сразу видно, предназначенные для того, чтобы человеку привязывать руки-ноги. По обе стороны подголовника две таких металлических... как бы змеи, из блестящих колечек, и у каждой вместо головы — фиолетовые шары величиной с кулак, со множеством мелких граней. Рядом ящик с косой крышкой, на которой мигали огоньки и светились разные знаки. На магию это как-то не походило, а вот на

пыточную — очень даже... Пришел старик, совсем седой, одетый богато. С графом он держался, как с равным. Граф сказал, что мне нужно туда сесть. Что ничего страшного со мной не случится. Улыбнулся:

— Ты мне еще долго будешь нужна, Литта... ох, прости, Эгле. Больно не будет, честное слово. Ты сядешь сама или тебя нужно будет привязать?

Ну конечно, за дверями были наготове лакеи... Я не хотела, чтобы меня лишний раз унижали, хотела сохранить хоть капельку самолюбия. И уселась сама. Оказалось, эти змеи очень гибкие, старик без труда изогнул их так, что шары оказались у самых моих висков. И что-то стал делать с ящиком.

Боли и правда не было. Но то, что началось... Даже не знаю, как описать... Мне в глаза будто ударила лавина из лиц, комнат, лестниц, парков... все смешалось в голове... в уши сто голосов кричали что-то... Я потеряла сознание. Когда очнулась, нигде ничего не болело, старика не было, остался один граф. Он тут же спросил:

— Кто у тебя начальник тайной полиции?

«Откуда я знаю? — хотела я ответить. — У меня и тайной полиции нет...» И вдруг отбарабанила:

— Барон Скалитау.

— А церемониймейстер?

— Граф Филори, — так же быстро сказала я, ничего не понимая.

Он задал еще несколько вопросов, точно таких же — кто занимает такую-то должность при дворе. Я моментально называла имена. И знаешь, каждый раз у меня сами собой всплывали в памяти лица всех этих людей.

— Все великолепно, — сказал граф. — А теперь поброди-ка мысленно по с в о е м у дворцу. Ну, скажем, для начала — из тронного зала в малый кабинет короля...

И у меня тут же получилось! Я мысленно шла по коридорам и переходам, которые прекрасно знала, уверенно сворачивала, поднималась, спускалась... Попробовала еще, еще... Я теперь знала королевский дворец так, словно прожила там всю жизнь, любое место, какое граф называл, тут же вставало перед глазами...

Обучающая машина, конечно. Сварог сам прошел через такую. Литта описывала, похоже, тот же образец... но мать твою, техника ларов, сколько раз говорилось и подтверждалось опытным путем перестает работать в Горро-те! Как они ухитрились, умельцы?

— Вернулся старик, — продолжала Литта. — Переглянулся с графом, тот кивнул, и граф сказал мне:

— Будет еще одна процедура. Теперь убедилась, что это не страшно?

— А я и в первый раз не боялась, — отрезала я.

Он присмотрелся ко мне, хмыкнул:

— Ну-ну, самоутверждайся... Если не во вред делу — сколько тебе угодно...

Старик снова придвинул мне шары к вискам. Теперь было чуточку по-другому: глаза словно туманом заволокло, я оставалась в полном сознании, только в висках легонечко, совсем не больно покалывало. Когда это кончилось, граф сказал:

— Ты помнишь, что у тебя в верхнем ящике розового комода в опочивальне?

У меня перед глазами встала опочивальня королевы Эгле, и я ответила без запинки:

— Два гребня, позолоченный с изумрудами и костяной, из клыка того вепря, которого я сама убила в Каталауне... Изумрудная брошь... Коробочка сахарных барашков для сына... Перстень...

— Достаточно, — прервал он. — Встань и пройди по комнате.

Я подчинилась. И вдруг поняла, что у меня изменились походка, движения... Они тоже были н е м о и... Я теперь совершенно по-другому поправляла волосы, садилась, подавала руку для поцелуя.

— Это тоже о н а? — спросила я графа.

— Да, — сказал он спокойно. — Поняла? Умница. Ты будешь двигаться, как она...

За ужином оказалось, что и приборами я теперь пользуюсь по-другому, другими движениями. А вечером, когда пришел граф, оказалось, что и любовью я теперь занимаюсь совершенно по-другому... Ты помнишь, как мы... сегодня?

— Где ж тут забыть? — фыркнул Сварог. — Часа не прошло...

— Это была Эгле, — сказала Литта, глядя очень печально. — Понимаешь? Не я. Она. Нет, удовольствие-то получала я... но в п р е ж н е й жизни я любовью занималась чуточку иначе. Так с тех пор и пошло, все эти два года — я ходила ее походкой, двигалась ее движениями, любила ее ухватками... Мое, прежнее, пропало навсегда. Это жуткое ощущение, я к нему привыкала очень долго. М о и м осталось только сознание и воспоминания. Все остальное — ее. Так жутко было поначалу... Наутро я сказала графу: хочет он или нет, а я напьюсь вдрызг, в лежку... Он сказал: пожалуйста, все закончено. Я попросила принести шесть бутылок...

Дальнейшее Сварог слушал вполуха. Думал о другом — о тех обрывках знаний, что в ы д е р н у л и из сознания настоящей Эгле и вложили в голову Литте.

Теоретически, ему давно рассказывали в Магистерии, возможно п о л н о с т ь ю вынуть сознание, личность человека и вложить в голову другому, начисто уничтожив при этом личность прежнюю, а «высосанного» оставить полным идиотом. Именно теоретически — потому что за попытку претворения такого в жизнь еще лет пятьсот назад тогдашний император ввел смертную казнь. Независимо от личности провинившегося. Даже за попытку собрать необходимую для этого аппаратуру — смертная казнь. Мудрый был человек, надо отдать ему должное...

В данном случае граф располагал кое-чем другим, попроще — так называемой «хваталкой», способной у к р а с т ь из человеческого мозга не всю личность целиком, а к у с о ч к и. Человек и знать не будет, что его «обокрали» — зато украденное можно без труда загрузить в другой мозг, как с Литтой и проделали. Устройство миниатюрное, не больше портсигара. Королева Эгле спокойно шла по коридору, и кто-то, прекрасно ей знакомый, не возбуждающий никаких подозрений, прошел навстречу, вежливо поклонившись — и нажал кнопку в кармане... Королева обедала — и кто-то, находившийся тут же, нажал кнопку в кармане... Королева садилась,

вставала, протягивала руку для поцелуя, занималась любовью с мужем, а где-то рядом кнопка щелкала, щелкала, щелкала... Давным-давно известно, как сконструировать такой приборчик, — но любой уличенный в попытке его смастерить, уже никогда не выйдет из замка Клай...

По спине у него прополз неприятный ледяной холодок. Дело могло обернуться гораздо более скверно, чем ему сначала казалось...

То, что у Литты будто бы волшебным образом изменилось и лицо, и тело, его как раз нисколько не удивило, он давно уже знал, как это делается. Пластическая хирургия у ларов на высочайшем уровне — именно потому там, за облаками, практически нет некрасивых, кривоногих, толстяков, даже старики и старухи без морщин. Редко-редко среди пожилых встречаются консерваторы, не желающие этим пользоваться. Да и принц Элвар не раз громогласно заявлял, что его брюхо — его родное брюхо, наглядное свидетельство весело прожитых лет, и он ни за что от него не откажется.

Правда, заведение, где все это проделывают, находится под негласным, но строжайшим контролем людей Канцлера — чтобы не обнаружилось вдруг двойников, мало ли на какие хитрости способны иные беззастенчивые субъекты... Как в воду смотрел Канцлер в свое время... Это, в общем, пустяки. А вот то, что горротская шобла располагает «хваталками» — гораздо хуже и опаснее. «Брашери» — лар, у него могут быть сообщники здесь, наверху. Не столь уж и трудно с этой поганой штукой в кармане оказаться рядом с Канцлером, с Яной, с самим Сварогом, никто из них ничего и не почувствует, а уж изготовить двойника — и вовсе просто... Как только утром в Замке Ковенанта появится Канцлер (а он непременно там появится), надо ему все объяснить, чтобы втихомолку объявил Белую Тревогу кое-каким службам и принял меры, он в том разбирается лучше Сварога, до сих пор мало уделявшего внимания заоблачным интригам и персонам (хотя в восьмом департаменте имелся соответствующий отдел наподобие земной тайной полиции, присматривающей за с в о и м и...)

— Все произошло совершенно неожиданно и буднично, — продолжала Литта. — Утром ко мне в комнату вошел граф вместе со Стахором — я так и буду его звать Стахором, потому что настоящего имени до сих пор не знаю... И сказал весело:

— Ну, что же, ваши величества, извольте собираться и ехать в о с с е д а т ь...

На улице стояла простая карета, без гербов — я знала, что королевская чета иногда и в город, и в загородные замки выезжает именно так, скромно. В карете сидел юный принц, тоже, как две капли воды... Граф сел к нам, и мы поехали. Через квартал к нам присоединился небольшой эскорт из Синих Мушкетеров, во дворец мы въехали через боковые ворота. Все выглядело вполне обыденно — венценосное семейство вернулось из загородного замка... где настоящие и в самом деле тогда были, но вот что с ними случилось, не знаю до сих пор... Все оказалось совсем просто: я очень уверенно прошла в «свои» покои, уверенно отдавала приказания служанкам и камеристкам — я их всех теперь знала в лицо и по именам... — она грустно улыбнулась. — Вот, мы и в о о с с е л и... Очень быстро началась форменная «генеральная уборка», как-то с улыбочкой называл граф. Начали...

— Ну, то я знаю, — сказал Сварог. — Быстренько убрали личных друзей короля и королевы, придворных, министров, оставшихся можно по пальцам пересчитать, а значит, они были в заговоре. Окружение ваше ближнее почти полностью обновилось...

— Ага. За каких-то полтора месяца никого из п р е ж н и х почти и не осталось. Фрейлин, камеристок и служанок мне сменили всех до единой. Кстати, министр тайной полиции остался на месте, а значит, он-то точно был в заговоре...

— Ну, и как правилось? — усмехнулся Сварог.

— А никак. Как граф и говорил, мне совершенно не пришлось вникать в государственные дела... впрочем, и настоящая королева ими почти не занималась. Стахору тоже править не пришлось, ни в малейшей степени, все решал граф, приносил на подпись бумаги, советовал,

подсказывал... — она улыбнулась со злым торжеством. — Пожалуй, мне повезло больше. У меня не отбирали вла сти, потому что Эгле и так ею не обладала... хотя, как я потом слышала, кое-какое влияние на мужа оказывала, не особенно большое, он был сильный человек... А вот нынешний Стахор как раз и стал самой настоящей марионеткой, совершеннейшей... Ему это не особенно и нравилось, он, конечно, не рвался к настоящей власти, хватало ума, чтобы понимать свое положение, но просил у графа оставить ему хотя бы мел о ч ь... Граф отказал, дело было при мне, похлопал его по плечу и сказал небрежно:

— Дружище, ну к чему вам себя утруждать? Тем более мелочами? Пользуйтесь всю благами и выгодами своего положения, а о делах позаботимся мы, скромные...

Кстати, граф никоим образом не под ня л с я — он остался при министерстве двора в том же чине, но фактически был первым министром, при дворе, что особенно и не скрывалось, придворные относились к нему с должным почтением. Ну, в конце концов, такое и раньше не раз случалось — когда королевский фаворит, оставаясь в невысоком чине, иногда фактически был первым министром, а то и управлял страной в м е с т о слабого короля. Никто и не удивлялся... А я... Собственно говоря, граф меня ни-сколечко не обманул, я получила все, что он обещал: роскошь, почтение двора, пышные церемонии, праздники и балы... — вот только голос у нее что-то был грустным.

— А вот теперь самое главное, — сказал Сварог. — Что тебе за эти два года удалось узнать о ваших кукловодах?

— Я тебя честно предупреждала: не очень много... Чересчур опасно было бы глубоко влезать в их дела, налаживать собственную шпионскую сеть, — она горько усмехнулась: — Я ведь умница, мне столько раз говорили... И я очень быстро поняла: все затеяно отнюдь не для того, чтобы граф таким образом получил возможность управлять страной, нет уж, все должно быть сложнее... Но и сложa руки не сидела. Среди камеристок и служанок — новых, я имею в виду — конечно, многие за мной шпионили, но вряд ли граф так уж старательно отбирал и определял в шпионки к а ж д у ю. Их было с полсотни, вряд ли ему

это оказалось нужно — сделать шпионками всех подряд. Я остороженько присматривалась, изучала, прошупывала... и примерно через полгода убедилась, что могу полагаться на Тету. Ни во что не посвящена, сметливая, она у меня и стала в единственном лице тайной полицией. П р а в д ы я ей конечно, не рассказала, слишком опасно, да она и не поверила бы, решив, что королева рехнулась... Я ей преподнесла другой, вполне убедительный мотив: мол, она сама видит, что с королем что-то неладно, коли уж он так себя ведет и все это творит. А потому и королеве на всякий случай нужно иметь собственные глаза и уши, выведывать о том и об том. Она нисколько не удивилась: хоть и из Железной гильдии, но девочка умная, согласилась со мной, что дела творятся не вполне обычные, раз король так изменился и такое творит. Осмелилась даже остороженько предположить, что его величество малость подвинулось умом. Я сказала, что и мне так кажется. Что мне удалось вызнать... Ну, одно само по себе бросалось в глаза — свежезоведенная стена. Оказалось, еще при п р е ж н е м Стахоре часть дворца отгородили глухой стеной. Официально было объявлено, что это о с о б о личные покои королевском четы, куда имеют доступ лишь особо доверенные люди. Приняли это без удивления — короли чудили и замысловатее... В общем, там как бы государство в государстве: своя стража, своя прислуга, никто из них с остальными обитателями дворца практически не общается... Именно там большую часть времени и проводит Брашерио — и несколько его доверенных лиц. Есть среди придворных с полдюжины таких. Герцог Орк тоже частенько там бывает. Это, если ты не знаешь...

— Знаю, — нетерпеливо сказал Сварог. — Отлично знаю. Дальше. Происходило там что-нибудь такое... необычное, незаметное снаружи? Необычные дымы, огни?

— Нет, ничего подобного. Мы со Стахором там бывали примерно раз в месяц — я так полагаю, для полного правдоподобия. Коли уж это наши личные покои, должны же мы их посещать... Но я не видела ничего, совершенно ничего. Там, внутри, стоят три довольно больших

здания, самые обычные на вид — вот и все, что я видела. Нас проводили в павильон неподалеку от ворот, кормили обедом или ужином и выпроваживали. Все время, пока мы там были, место казалось вымершим — ни единого человека не показывалось. А там должно обитать самое малое несколько десятков человек, если не сотня с лишним...

— И почему ты так решила? — спросил Сварог небрежно.

Литта усмехнулась с некоторым торжеством:

— Потому что самые загадочные и тайные, укрытые от всех люди, знаешь ли, должны есть и пить. Кроме тех трех зданий и павильона, там есть несомненная поварня, самого классического облика — при нас печи не дымили, но потом я частенько видела, как в том месте над стеной появляется дым, обычный кухонный дым. Тета где сама подсмотрела, где послушала, что болтают слуги. Ей даже не пришлось самой что-то выведывать, задавать наводящие вопросы; дворцовая прислуга, большей частью не заменная — они-то близко с королевской четой не общались — давненько, еще при настоящем Стахоре, судачила об этом загадочном месте, правда, с большой оглядкой: такие пересуды и раньше не приветствовались, а уж тем более при нас... В общем, туда часто и регулярно въезжают повозки с провизией и винами. Один из младших поваров при Тете разговорился: глубокомысленно вещал, что он, как мастер своего дела, клянется и божится: там, за стеной, может обитать примерно сотня человек... в любом случае, несколько десятков. Вот это, пожалуй, главное мое наблюдение... Ну, боялась я искать себе много шпионов, ну вот боялась! С графом шутки плохи. То, что проделано один раз, можно проделать и во второй. На моем месте вполне могла оказаться нова я... Я сама подслушала, как граф однажды обрезал Стахора, когда тот в очередной раз попытался просить позволения чем-то там поуправлять. Ну, не грубо обрезал, просто сказал со своей неподражаемой улыбочкой:

— Дружище, а вы никогда не думали, как просто и в а с заменить?

Ну что бы тебе еще... Где-то в горах, лигах в двухстах от Акобара есть какое-то их в а ж н о е место. Брашерио там часто бывает, а в последнее время буквально оттуда не вылезает. На восход от столицы. Я смотрела карту — судя по расстоянию и направлению, это горная цепь Каррер, дальше-то тянется равнина, вплоть до пограничных гор... Я даже знаю, как это место называется: «Горное гнездо». Но представления не имею, что там. Что-то очень, очень важное... Что еще? Брашерио, как через несколько месяцев выяснилось, лар. Получилось так, что...

— Вот это пропускаем, — сказал Сварог. — Кто он такой, я прекрасно знаю. Дальше.

— И один из его доверенных лиц — несомненный лар. Про остальных не знаю, но не удивлюсь...

«Я тоже не удивлюсь», — подумал Сварог. Теплая компания собирается. Собственно, согласно законам Империи за одни «хваталки» можно устроить туда веселый налет спецназа, перехватать всех к чертовой матери, даже особого указа императрицы не нужно, имеющихся законов достаточно... но есть сильное подозрение, что налет, как ни унижительно признавать, провалится: машины рухнут, оружие откажет...

— И это все?

— Пожалуй что, все, — сказала Литта, пожав плечами и глядя явно настороженно, как будто опасалась, что ее за столь скудные сведения возьмут за шкирку и выкинут из самолета. — Я сразу предупреждала, что не так уж много знаю...

— Не напрягайся, — усмехнулся Сварог. — Слово я всегда держу. И скажу тебе по секрету: ты не так уж и мало полезного рассказала...

Он не стал уточнять — к чему ей такое знать сейчас? — что есть способы в ы т а щ и т ь из ее прелестной головки абсолютно все ее воспоминания за эти два года. Все, что она видела и слышала — а там вполне может оказаться нечто важное, чему она не придала значения, потому что попросту не поняла, что именно видит и слышит. И уж безусловно интересны р о ж и всей этой честной компании, тут, несомненно, появится след... Правда, результатов придется ждать долго...

— Успокойся, — сказал он уже помягче. — Весьма полезные вещи рассказала, и дальше будешь мне нужна...

— В каком качестве? — спросила она не то чтобы успокоившись — откровенно игриво.

— Там разберемся, — сказал Сварог. Глянул на часы — время еще было. — А вот теперь, коли ты не знаешь больше никаких тайн, поговорим о другом... Я хочу, чтобы ты подробно изложила мотивы, по которым решила сбежать с трона. Тебе там было, сама говоришь, довольно уютно...

— Ты подозреваешь, что меня подослали?

— Умница, — сказал Сварог. — А тебя подослали?

— Нет! — сердито сверкнула она глазами. — Говорю тебе, нет!

— Не врешь... — задумчиво произнес Сварог. — И все равно, не могу я оставить не проясненной эту сторону дела. Прости, но я не верю, что у тебя вдруг проснулась совесть, и ты решила больше во всем этом не участвовать. Своим-то здоровым житейским цинизмом. Я нисколько не осуждаю, просто должен знать...

— Можно еще бокал?

— Можно, — без колебаний сказал Сварог.

Она уже чуть пьяна — но поскольку речь пойдет уже не о тайнах, можно выслушать ее и поддавшую...

— Тоже кратенько?

— Как хочешь, — сказал Сварог. — Время у нас еще есть.

— Собственно, все из-за Стахора... — сказала Эгле, и на ее лице отразилась нешуточная злость. — Отношения у нас с самого начала не то чтобы не заладились... просто мы оба, такое впечатление, были друг другу антипатичны. Его мотивов не знаю, а мои... Дешевенький человечек, тряпка, грош цена. Он никогда ничего о себе не говорил, но голову могу прозакладывать, что он тоже актер... точнее, актеришка из какого-нибудь балагана, ступенек на несколько пониже моего театра. С в о и х я всегда узнаю, а таких вот балаганных ничтожеств повидала достаточно. Видел бы ты, как он до сих пор у п и в а е т с я церемониями, велит разрабатывать новые, еще пышнее — вот в этом граф ему никогда не препятствовал, по-моему, гра-

фу было все равно... Честное слово, я так его описываю не от обиды за все, что от него пришлось перетерпеть, а потому, что он и впрямь жалкое балаганное ничтожество. Понятия не имею, почему граф выбрал такую дешевку. Если ему нужны были полные тряпки, почему он и на роль Эгле не взял кого-нибудь поглупее меня?

«А действительно, почему? — подумал Сварог. — Ведь видел же, что девочка весьма неглупа, я бы на его месте взял на роль именно что пустую дурочку, ничтожество вроде Стахора, как она его описывает. Так гораздо практичнее и безопаснее. Положительно, тут зацепочка какая-то...»

— В опочивальню ко мне Стахор заявился в первую же ночь, — продолжала Литта. — Я тебе ручаюсь чем угодно: он пытался забыть, что я — это я и видеть во мне настоящую Эгле, попавшую в лапы этому ничтожеству... Полный свет оставил, велел раздеться медленно, потом заставлял говорить непристойность, вытворять черт знает что, практически насиловал... Так себя с женщинами ведут только люди неполноценные... Хорошо еще, что примерно через месяц я, то есть Эгле, ему надела, и он переключился на других. Вел себя, как тупое, капризное дите в кондитерской лавке, где можно жрать в три горла. Пожалуй что, в самом деле поставил себе такую цель: перетрахать во дворце все, что движется, если оно женского пола и симпатичное... Меня это вполне устраивало. Года полтора мы почти что и не общались, случалось, по неделе словечком не перекинемся, разве что на людях сохраняли благолепие — но правдочку-то знали все, до последних поварят... И черт с ним. Говорю же, меня вполне устраивало, что он не лезет ко мне... Года полтора продолжалось это блаженство. Иные фрейлины, полагая, видимо, что окажут мне этим услугу и добьются выгоды, старательно на него доносили. Я не обращала внимания. Честно признаться, я все это время жила с графом. Только с ним, правда. Даже Орка отшила, когда он начал приставать. Я думала, изнасилует, после всего, что о нем наслушалась...

— Да нет, — сказал Сварог. — У него, изволите ли видеть, принцип: женщину он должен получать исключи-

тельно добровольно, мол, насилуют только ущербные, неполноценные. В общем, я в этом с ним согласен...

— Да, он и мне примерно то же самое сказал с улыбочкой и больше никогда не лез... Ну, короче говоря, года полтора мне жилось весьма неплохо. А потом стало плохо... — Литта грустно ссутулилась в кресле, голос стал тусклее, печальнее. — Самое скверное — граф начал ко мне помаленьку остывать, чем дальше, тем больше. Уж такие-то вещи опытная женщина чувствует, как бы мужчина не притворялся, лар он там, или кто... Спали все реже, отношение его ко мне стало меняться, больше равнодушия чувствовалось... Ну, это-то не самое скверное. Оно чуть погодя началось. Муженек наигрался. И вновь обратил внимание на меня. Только за эти два года настолько разболтался, что начались сплошные извращения. Ну, скажем, привел трех гвардейцев и возжелал, чтобы они меня при нем... Что я могла против трех здоровенных мужиков? Как повелел, так и исполнили. Приводил двух потаскушек в дворянских поясах, и они меня, опять-таки на его глазах, учили женской любви... Да там столько было всякого... Рассказывать противно. За месяц превратили в последнюю шлюху. Я пробовала жаловаться графу, но он уже смотрел как бы сквозь меня, обещал «что-нибудь придумать», иногда и в самом деле Стахор от меня на недельку отвязывался, но потом все опять начиналось. Я даже послала Тету к одной колдунье, которую сама знала. Она очень неплохо зарабатывала на отворотных амулетах. Наденешь такой на шею — и у любого мужчины, если ты его сама не хочешь, извини за прямоту, стоять не будет ни за что. Моя знакомая по театру у нее покупала такой, когда к ней, как с ножом к горлу, стал липнуть владелец — и прекрасно сработало... Только Тета вернулась ни с чем. Бабку она застала пьяную в дым, и та сказала: извини, девочка, больше не работаю. И никто не работает. Не понимаю, что происходит, и никто не понимает, но вот уж года полтора, как на территории королевства не действует магия. Никакая. Говорила, люди специально уезжали из столицы, в другие провинции, в захолустье, в горы... Бесполезно. Нигде не действует. Никакая. Говорила, куча ее собра-

тьев по ремеслу, видя такое дело, потихонечку сбежала из Горрота, она и сама собирается на старости лет... Потому что работать невозможно, а накопления почти проедены... Правда, дня через два я все же решилась, снова послала к ней Тету, чтобы спросила: может, у нее найдется что-нибудь с т а р о е, вдруг да у меня и работает...

— Набор предметов, чтобы вызвать хохлика?

В ее глазах мелькнул испуг:

— Откуда ты знаешь?

— Ты же сама говорила, что она собиралась уезжать, — сказал Сварог. — Она и уехала. В Глан. А там попалась моей тайной полиции, и много интересного рассказала, в том числе и про тебя.

— А-а... Ну да, хотела вызвать хохлика. Догадываешься, какое у меня было бы первое желание?

— Ну, еще бы, — сказал Сварог. — Куда-нибудь подалее от Горрота...

— Только у меня ничего не получилось. Бабка подробно рассказала Тете, что делать и какие заклинания производить.... но ничего не получилось. А потом пришел Брашери и с улыбкой мне сообщил, что не стоит зря тратить время и силы: в Горроте давно уже не работает никакая магия. Он даже не отобрал все эти штуки.

— Я бы на его месте тоже не отбирал, — усмехнулся Сварог. — Потому что печальная истина такова: бабка тебе подсунула н е п о л н ы й набор рун. И еще — нужны три черных свечи, а не две, и заклинания следует производить, будучи без всяких украшений...

— Ой, а я не сняла... Она не говорила Тете...

— Да все просто, — сказал Сварог. — Она тебе подсунула свой старый хлам, который из-за неполноты уже не годился в дело...

— Сволочь старая, — сказала Литта и затейливо выругалась.

— На дураках жулье живет, — пожал плечами Сварог.

Он не сомневался, что старая проныра наверняка слиняла из города сразу же после ухода Теты. Была полностью готова к отъезду, а тут подвернулся шанс заработать напоследок легкие денежки...

«Мать твою так, — подумал Сварог. — Как только будет свободная минутка, соберу начальников разведок и тайных полиций и вломлю по первое число. Ни единая контора из множества не зафиксировала массового бегства магов и колдуний из Горрота — а ведь не исключено, кое-кто из них мог бы что-то полезное и рассказать...»

— Потом начались развлечения вообще прежде невиданные, — продолжала Литта тем же тусклым голосом. — Стахор где-то раздобыл такую штучку... небольшую, вроде портсигара. Она делает картинку — в секунду. Вот наводят ее на тебя — и картинка готова, твое изображение в цвете... Он этим долго развлекался, получилась целая груда альбомов, я прихватила один, на случай, если ты не поверишь...

«Да уж что тут не поверить в обычный фотоаппарат?» — мысленно ответил ей Сварог, а вслух ничего не сказал, конечно.

Порывшись в своем узле, Литта сунула ему альбом в черном бархатном переплете, на коем золотом была вытеснена горротская королевская корона и надпись: «Моя очаровательная Эгле». Без всякого интереса полистал. Да, хороший фотоаппарат, снимки не только цветные, но и объемные. Обнаженная Литта во всевозможных позах — причем снимки безусловно нужно отнести не к эротике, а к порнографии. Король-фотолюбитель, ага...

Когда он вернул альбом, Литта сердито швырнула его на пол и продолжала:

— Альбомов таких уже штук двадцать, это я взяла самый тоненький и маленький, чтобы много места не занимал... Потом началось вовсе уж грязное... Я ведь два года смотрю телевизор, знаю, что такое «фильм». Он притащил другую штучку, чуть побольше и посложнее на вид — и стал делать фильмы. В главной роли, если ты не догадался, всегда я. Длинные фильмы, костюмированные, с диалогами, разговорами... Сюжеты — на одну колодку. Невеста ехала венчаться, но ее карету на лесной дороге перехватили трое разбойников... Юная дворянка нечаянно зашла в подозрительный кабак и оказалась в задней комнате с

тамошними бандитами... Девушка переделалась юнгой и уплыла на корабле, но матросы обнаружили, что это не парень, а девушка... И тому подобное. Всегда с насилием, всегда по несколько человек, они меня по-настоящему и по-всякому... Я пошла к Брашеро — а он сидит и с интересом смотрит «Невесту на лесной дороге»... Тебе не кажется, что от о д н о г о этого сбежишь к черту на рога?

— Пожалуй, — сказал Сварог. — Так, стоп... Интересная обмолочка: «От одного этого». Значит, было что-то еще?

— И гораздо посерьезнее фильмов, — сказала Литта, вся напрягшись. — Они решили с нами кончать. Со Стахором и со мной. Ничего такого я не подслушивала, никакого обсуждения зловещих планов, но... женской интуицией чуяла. Очень уж изменилось отношение и ко мне и к муженьку, однажды я перехватила взгляд Брашеро, когда он смотрел на Стахора, — так на охоте поверх дула мушкета смотрят, когда прицеливаются. Я бывала на королевских охотах... И не один Брашеро. У многих из его шайки взгляды украдкой были... как у охотника на дичь. И еще... Граф знал, что я умная, и прекрасно видел, что меня эти альбомы и фильмы довели уже черт знает до какого состояния, что я могу сорваться. А ведь ему это было бы крайне невыгодно. И тем не менее он позволял, чтобы со мной это проделывали, почти перестал со мной спать, однажды буквально рывкнул, когда я что-то не так сказала: «Ты, кукла в короне!» Я не буду все свои наблюдения и впечатления пересказывать, ладно? И так достаточно... Объяснение такому его поведению, я подумала, можно дать одно: мы ему не нужны н а д о л г о, и не так уж много времени осталось...

— Логично, — задумчиво сказал Сварог. — Действительно, с в а м и только лишние хлопоты и расходы, если подумать... Королевскую чету зарубит спятивший стражник, которого тут же сгоряча пристукнут сослуживцы, на троне окажется десятилетний король... Кстати, как там с мальчишкой?

— Маленькая скотина, — отрезала Литта. — Звереныш. Такое впечатление, что подобрали где-то в трущобах. Я с

ним практически и не общалась, разве что на иных официальных церемониях, да и Стахору на него, сам понимаешь, плевать. Ну, никто особенно не удивляется, в королевских семьях сплошь и рядом отцы-матери с детьми мало общаются... Этот паршивец очень подружился с Орком, хвостиком за ним ходит. Змееныш, так бы и удавила... Тета точно вызнала, что он самых красивых своих служанок сделал «флейтистками», а одну уже и... А ведь десять лет щенку... К совершеннолетию они из него, точно, сообщника сделают, и убивать не придется... Слушай! — воскликнула она с пьяной настойчивостью. — Ну, сделай что-нибудь, чтобы вытащить Тету! Ради твоего же удобства — она ведь не выдержит пыток, расскажет все, как было...

— Вытащу, — сказал Сварог. — Непременно. Эй, ты куда? — спросил он, увидев, что Литта, уже не спрашивая разрешения, направляется к шкафчику за новой порцией. Махнул рукой: — А, ладно...

В конце концов, допрос, собственно, и закончен, на сегодня хватит — так что пусть хоть в хлам теперь нарежется. Правда, не успеет — лету оставалось минут пять.

— Бутылку принеси, когда себе нальешь, — распорядился он.

И задумчиво сидел с бокалом в руке, отхлебнув лишь пару глотков. Включил музыку — снова что-то из коллекции Фаларена, приятная мелодия без слов, напоминающая танго, но не грустное. Угроза оказалась еще серьезнее, чем ему казалось: чертовы «хвATALки» в их руках... Где гарантия, что они не захотят повторить трюк, но уже, в буквальном смысле слова, п о в ы ш е? Что-то надо предпринимать уже сегодня...

Мелодично мякнул сигнал — вимана вертикально шла на посадку, и за окнами справа всего-то уардах в двадцати виднелся залитый огнями Вентордеран.

— Ну, пошли, — сказал Сварог. — Прибыли.

Взял ее узел и помог спуститься по лесенке — ее уже явственно пошатывало. Литта огляделась, чуть поеживаясь от ночной сырости:

— Это, я так понимаю, и есть твой замок? А почему он на земле? Я думала, мы за облаками уже...

— Сейчас взлетит, — сказал Сварог. — Так надежнее, след сбиваем...

Он не стал говорить ничего про Хелльстад — чего доброго, перепугается, устроит истерику, за шиворот волоочь придется... Посмотрел вверх — чуть левее на небосклоне виднелся словно бы овальный вырез без единой звездочки — ну да, комендант, как обычно, в точности выполнил приказ, и манор ждет...

— Пошли, — распорядился он.

— Подожди, — Литта довольно крепко взяла его за отворот камзола. — Отношение ко мне — какое?

«Умная девочка, — подумал Сварог. — Надралась, а соображения не теряет...»

— Хочешь чистую правду? — спросил он. — Любить тебя мне не за что, осуждать и ненавидеть, впрочем, тоже... Сформулируем так: нормальнее отношение. С ноткой дружеского расположения. С ноткой...

— Вот оно как...

— Ага. Именно так. Устраивает?

— Могло быть хуже... — побормотала она и направилась к замку.

Оказавшись в роскошной прихожей, она нацелилась было разглядывать окружающие диковины, но Сварог, нетерпеливо сцапав ее за локоть, повел на второй этаж. Не особенно раздумывая, затолкнул в одну из маленьких спален, включил свет и мысленно произнес одно из заклинаний. Спросил:

— Подходит?

— Да я бы сейчас и в шалаше от радости пела, — сказала Литта. — А выпить мне здесь дадут?

— Сколько хочешь, — фыркнул Сварог. — Значит, так... Жить будешь здесь. Я обязательно прилечу днем. Выйти даже и не пробуй, на входе заклинание, на окне тоже.

— Как велишь... — с пьяной улыбочкой приняла Литта некое подобие стойки «смирно». — Какое окно, куда мне бежать...

— Ну вот и прекрасно, — сказал он. — До встречи.

Повернулся и вышел. Обнаружив в коридоре Мяуса, присел на корточки и тихо сказал:

— Дама будет жить здесь. Она пленница. Понятно?

— Конечно, государь. Будут какие-то особые распоряжения?

— Никаких, — сказал Сварог.

Вытянул перед собой руки, пошептал — и руки тут же потянуло вниз под тяжестью подноса с блюдами, тарелочками и четырьмя бутылками вина — пусть хоть в хлам нажрется, сейчас это несущественно. На миг снял «запор», поставил поднос на столик перед устроившейся уже в кресле Литтой, молча вышел, поставив «запор» обратно и почти бегом направился прочь из замка. На ходу бросил золотому истукану-привратнику:

— Лестницу поднять. Защиту включить. Дислокации не менять.

И уже бегом кинулся к вимане. Упал на сиденье, взял резкий старт — и уже через пару минут приземлялся перед парадным входом в девятый стол, на обширном лугу, где стояли аккуратным рядом браганты. Сбежал по лестенке, сразу усмотрев некую неправильность... ага! Томи в Латеране, значит, прилететь должны были семь человек — а брагантов всего шесть, что за несуразица?

Влетев в вестибюль, он, однако, обнаружил там всех семерых, тут же вскочивших при его появлении. Семь человек, шесть брагантов... ладно, не до того сейчас. Так, одеты по-походному, сумки тут же...

Все же он спросил:

— Снаряжение взяли все? Согласно инструкциям коменданта?

— Конечно, командир, — словно бы даже чуточку обиженно ответила белокурая красавица Канилла.

— Тогда за мной, — нетерпеливо распорядился он. — Все в виману, быстренько!

Когда они взлетели, и вимана вышла на максимальную скорость, Сварог наконец позволил себе расслабиться. Сидя в своем кресле, неторопливо выкурил сигарету, потом встал и, заложив руки за спину, повернулся лицом к

остальным. Бравая юная команда взирала на него с азартом и немым вопросом.

— Слушаем внимательно, — начал он. — У нас впереди сорок минут полета, так что сумеем все обсудить вдумчиво и подробно. Но вот что я вам скажу сразу: мы обязаны сработать молниеносно. Прямо-таки молниеносно. Это первое, это главное, это самое важное: молниеносно. Теперь — об акции...

...Канцлер, стоя с заложенными за спину руками, с непонятым выражением лица рассматривал крохотный дворец, отведенный для горротской королевской четы. Два высоких окна опочивальни Эгле были не то чтобы выбиты — просто большая часть стекол исчезла начисто, а сохранившиеся в рамках остатки неострыми осколками торчали, а шли по всему периметру — этакой волнистой линией. Из обоих окон еще тянулись становившиеся все тоньше струйки белесоватого дыма.

— Черт знает на что способны демоны... — сказал Сварог тихо.

Он стоял тут же, в парадном мундире девятого стола — черном с сиреневым, вышитым на груди золотыми генеральскими лотосами, а по обшлагам и фалдам — затейливыми золотыми узорами.

— Наглости у вас... — фыркнул Канцлер.

— Демоны... — с притворой наивностью развел руками Сварог. — Злокозненные, твари...

— Вы же не рассчитываете, что я всерьез в это повею? — спросил Канцлер мрачно.

— Нет, конечно, — сказал Сварог. — Просто в роль вхожу, мне же сейчас со Стахором беседовать...

— Вам не кажется, что вы чересчур заигрались?

— Простите, Канцлер?

— Вам не кажется, что украсть королеву Эгле — уже перебор?

— Я никого не крал...

— Вообще-то я могу поверить, что она ушла с вами без сопротивления, — сказал Канцлер. — Записи камер наблюдения показали такую сцену: к вашей вимане

прошли двое, один высокий, другой пониже, причем не походило, чтобы первый увлекал второго силой... Ладно, вы ее не крали. Вы ее у в е з л и. А примерно через полтора часа ваша вимана вернулась, оттуда вышли восемь человек в «невидимках». Войдя в здание, направились в «горротский» домик, где пробыли не более десяти секунд, после чего в королевской опочивальне началось черт знает что... — он угрюмо засопел. — Вообще-то, надо отдать вам должное — вы великолепно подготовили ваших сопляков и соплячек, штурм-бросок, занявший не более десяти секунд — это отличный результат... Но я повторяю свой вопрос, пусть в иной формулировке: вам не кажется, что вы заигрались? Какого черта вы увезли королеву?

— Потому что у меня не было другого выхода, — сказал Сварог спокойно. — Потому что она сама ко мне пришла и попросила увезти ее к нам, обещая в обмен рассказать все, что ей известно. Оказалось, ей известны кое-какие любопытные вещи... Как бы вы поступили на моем месте, когда т а к о й свидетель сдается сам? И дает интереснейшие показания.

Канцлер долго молчал, все так же созерцая увечный особняк. Как всегда, понять по его лицу, о чем он думает, было решительно невозможно. Наконец он протянул:

— Значит, она занималась черной магией, что-то напортачила, и ее уволокли демоны... «Стахор», я думаю, поверит... а поверят ли те, в Горроте? Коли уж там лары, кто-то из них может знать о некоторых свойствах здешнего защитного колпака...

— Даже если не поверят, наплевать, — сказал Сварог. — Всем на это нужно плевать... — он достал маленькую прозрачную коробочку с небольшим золотистым диском. — Мы летели сорок минут, все это время она рассказывала, и я записал весь разговор... Я вас прошу... я вас прямо-таки умоляю, Канцлер: оставьте мне весь цирк с расследованием, а сами в одном из кабинетов прослушайте запись. И сами поймете, ч т о грозит Империи...

Канцлер поднял бровь:

— И м п е р и и?

— Да вот представьте себе, — сказал Сварог отчаянно и зло. — Я, вы, императрица — все под ударом. Честное слово, я не преувеличиваю. Это даже не Белая Тревога, не чрезвычайное положение, это гораздо хуже, не знаю даже, как и назвать...

Повертев в толстых пальцах коробочку, Канцлер сказал:

— Я еще никогда не видел у вас такого лица...

— Потому что мне сейчас п о н а с т о я щ е м у страшно, — честно признался Сварог. — Наверное, как никогда в жизни... Канцлер, я вас умоляю, немедленно прослушайте запись!

— Где королева?

— У меня в Хелльстаде.

— Почему не в восьмом департаменте или девятом столе?

— Потому что я сейчас никому не верю, — сказал Сварог, чувствуя, как лицо стягивает застывшей маской. — То есть я верю своей молодежи, вам, императрице... а вот больше не верю никому. Когда вы прослушаете запись, вы, вполне вероятно, будете рассуждать точно так же... Канцлер, я вас умоляю, не тяните!

— Ну, хорошо, — сказал Канцлер без выражения. — В конце концов, сорок минут ничего не решают, а таким я вижу вас впервые...

Он не особенно и быстрым шагом направился ко дворцу. Оставшись в одиночестве, Сварог выхватил из бокового кармана плоскую коробочку и надавил на клавишу, не отпуская. Очень быстро Яна откликнулась, судя по голосу, уже проснувшись.

— Вита, ты мне веришь? — спросил Сварог.

— Ну что за вопрос, конечно... пока не касается женщин. Тут я допускаю варианты...

Ее голосок был веселым, беззаботным, даже игристым.

— Вита, положение такое, что не до шуток, — сказал Сварог насколько мог убедительнее. — Если ты мне веришь, если я для тебя что-то и правда значу, не задавай вопросов, а делай все, что я сейчас скажу...

Уже через несколько минут он вошел в Синий коридор. У резных дверей ведущей в горротский особняк галереи стояли двое верзил из спецназа девятого стола. При виде Сварога они подтянулись, держа свои замысловатые, серебристого цвета пушки в полном соответствии с уставом: ствол на сорок пять градусов.

— Было что-нибудь? — спросил Сварог.

Тот, что стоял справа, позволил себе намек на усмешку:

— Их величества, все до одного, включая принцессу Шагана, минут десять здесь толпились, как самые обычные уличные зеваки. Все выглядели до предела удивленными, только ее величество королева Сегура поглядывала в потолок и загадочно ухмылялась...

«Сообразительный бесенок, а как же», — одобрительно подумал Сварог. Спросил:

— Вы им вежливо предложили разойтись?

— Конечно. Согласно полученным инструкциям. Предельно вежливо. Они разошлись, разве что королева Сегура то и дело оглядывалась, хмыкала, ухмылялась, крутила головой... Его величество король Горрота у себя в резиденции... в крайне расстроенном состоянии. Специалисты, согласно полученным приказам, туда еще не входили...

— Ну да, ну да... — сказал Сварог. — Дайте-ка пройти...

Верзилы расступились, и Сварог неторопливо направился по галерее — следовало тянуть время как можно дольше, чтобы Канцлер успел прослушать всю запись. А тогда мы посмотрим на его лицо... И послушаем, какие приказы он станет отдавать... нет, конечно, не удастся, он это непременно сделает в одиночестве...

Он уверенно шагал по коридору, куда свернул из прихожей — всего пару часов назад сам был здесь с ребятами, так что знал дорогу... Ага! Не может на месте усидеть, нервишки звенят...

В роскошной прихожей, за которой располагалась опочивальня королевы, от стены к окну и обратно, прямо-таки челноком расхаживал трусцой поддельный король Стахор. Он даже не пытался в опочивальню попасть: дверь надежно загромождали двое верзил, таких же, что стояли

в коридоре. Вид у них был столь грозный и непреклонный, что король даже глянуть в их сторону боялся, не говоря уж о том, чтобы попытаться пройти.

Сварог усмехнулся. Это была не самая плохая мысль — зачислить на службу в качестве спецназа девятого стола свою личную дружину, все равно сидевшую без дела. Ни в каких боях или операциях они, конечно, отроду не участвовали, как и дружины всех прочих ларов — но все равно, тренировали их регулярно и неплохо. Лучше уж держать на таком месте людей, в которых заранее уверен. В р а ж и й агент в личную дружину никак затесаться не может, правда, осведомители Канцлера среди них могут оказаться, но это дело житейское...

— Король Сварог?

— В данную минуту — нет, — сказал Сварог чистую правду. — Лорд Сварог, граф Гэйр, камергер двора, начальник восьмого департамента и девятого стола. Уж вам-то прекрасно известно, что это за учреждения... Прибыл вести расследование.

С полувзгляда становилось ясно, что Литта нисколько не преувеличивала, выставляя своего «супруга» полным ничтожеством, дешევкой. Таковым он, несомненно, и являлся. Суслик. Крысеныш. Точная копия Стахора, но в лице ни намек на энергию и волю, коими в избытке обладал настоящий. Пришибленный, жалкий, с бегающими глазами, готов встать перед Сварогом навзятжку. Угодив в т а к у ю ситуацию, расклеился без помощи и поддержки, без х о з я е в. Затащить в сортир, дать пару раз по морде — и можно вербануть в три минуты. Вот только смысла никакого нет: этот любитель порнографии в отличие от Литты не знает ничегошеньки, наверняка никогда и не пытался проникнуть в тайны хозяев. Кстати, есть в этой ситуации и свой юмор: впервые после нескольких тысячелетий на земле заработала киностудия, снимающая порнофильмы. До Шторма их была куча — когда Сварог просматривал видеотеку дома отдыха для моряков, обнаружил, что добрых три четверти тамошних дисков — либо эротика, либо откровенное порно. Ну, конечно, бравые морские офице-

ры на отдыхе свою жажду культуры утоляли отнюдь не классикой...

— Господин камергер... граф... директор...

— Обращайтесь ко мне просто: лорд Сварог, — сказал Сварог и подпустил в голос немного легкой, отеческой укоризны: — Ваше величество, со всем почтением к вашему сану вынужден все же заметить, что вам не следовало позволять супруге заниматься черной магией...

— Да что вы такое говорите? — прямо-таки взвизгнул двойник. — Я не знаю ничего такого...

— Не сомневаюсь, — сказал Сварог. — У вас вид человека, говорящего правду. Значит, супруга занималась этим втайне от вас... Случается.

Теперь-то уж совершенно ясно: все послания, которые получал Сварог в качестве земного короля от «Стахора», писаны наверняка не кем иным, как Брашеро: легкий, изящный слог, тонкая ирония... Письма вполне соответствуют образу графа, каким его описывала Литта... Сильный противник, никаких сомнений...

— Пойдемте посмотрим? — предложил Сварог, сделав небрежный жест своим орлам.

Они расступились, Сварог первым вошел в опочивальню, за ним прямо-таки вбежал двойник — и остановился на пороге. Зрелище и впрямь жутковатое. На месте огромного, богато украшенного гардероба с платьями королевы — куча невесомого серого пепла (это Родрик, граф Телле, хваткий парень, как две капли воды похожий на Маугли из советского мультфильма, швырнул туда маленькую такую термическую гранатку). Балдахин огромной постели — и атласное постельное белье — там и сям зияют дырками с опаленными краями (это красавица Канилла лупила из поставленного на малую мощность бластера). Стены покрыты хаотичными, иногда пересекавшимися выжженными полосами — работа Палема, маркиза Кладеро (лучшие результаты на стрельбище, первенство держит с самого начала). На полу, на мягком ковре, огромный, чуть неровный выжженный круг — это уже постарался сам Сварог. А в круге — опрокинутый столик, возле него рассыпаны разнообразнейшие пред-

меты. Тут не только набор Литты для вызова хохлика, но и «черное веретено», и «чертова рогулька», и метелка из омелы, и «ведьмин горшок» — никаких подделок, имитаций, доподлинные атрибуты черного мага либо злой колдуньи, к приезду Сварога в девятый стол доставленные Элконом из секретной кладовой восьмого департамента, хранилища «вещественных доказательств». Комар носа не подточит...

— Так-так-так... — произнес Сварог тоном опытного эксперта, зайдя в круг, наклонившись и разглядывая все это непотребство. — Вы когда-нибудь видели такие вещи, ваше величество? Не у супруги, вообще? Подойдите смелее, никакой опасности уже нет. Ну?

Подменыш приблизился бочком-бочком-бочком, так и не осмелившись вступить в круг, посмотрел издали и прямо-таки возопил:

— В жизни не видел ничего подобного!

— Ваше счастье, — сказал Сварог меланхолично. — Что ни возьми — атрибуты черной магии, которые здравомыслящему человеку лучше обходить десятой дорогой. Если вам интересно, вон то...

— Избавьте! И слушать не хочу!

— Наверное, вы правы, — столь же меланхолично сказал Сварог. — И слушать не стоит...

— Но где же она?

Сварог с глубокомысленным видом указал на окна опочивальни (работа маркиза Шамона):

— Видите? Так уж сложилось, что мне давно придется заниматься охотой за черными магами, и кое-какой опыт у меня есть. Мне совершенно ясно, что ваша супруга пыталась вызвать демона — подбор предметов как раз об этом и свидетельствует. И что-то у нее не сложилось, она не справилась. А демоны — создания весьма злобные. Есть у них скверная привычка: увлакивать бедолагу, не сумевшего взять над ними власть...

— Куда? — вырвалось у подменыша.

Сварог пожал плечами:

— Честно признаться, никто, даже лучшие специалисты, не знаю... Есть разные версии... и все до одной весьма

неприятные, так что лучше и говорить не стоит... Ваша супруга оказалась очень неосторожна и самоуверенна... Ваше величество, как это ни прискорбно, но после т а к о г о я просто вынужден взять у вас... объяснения. Имперские законы касаются черной магии, знаете ли.

— Я понимаю... Конечно... Конечно...

— Вот и пойдете побеседуем, — сказал Сварог.

Минут десять он м у р ы ж и л подменыша, твердившего, что он ни о чем подобном и представления не имел — это было чистейшей правдой, но Сварогу следовало как-то убить время, пока Канцлер прослушает запись до конца. Потом принялся за служанок, поодиночке вызывая их в королевский кабинет, который хозяин уступил ему с величайшей готовностью, — самым активным образом сотрудничал со следствием, суслик...

Две из них, твердившие с ужасом, что ни о чем знать не знают, ведать не ведают, были совершенно искренни. Не то, что Тета — симпатичная девочка, смышленная, неглупая. С самым невинным видом глядя Сварогу в глаза, она честнейшим голосом твердила, что королева в жизни не занималась черной магией и не имела дел с какими бы то ни было магами, ведьмаками, знахарями и колдуньями — и, разумеется, безбожно лгала. Но с таким искренним и убедительным видом... Хорошая девочка. Преданная настоящему. Коли уж обещал, надо спасать...

Отыскав подменыша, Сварог суровым тоном сообщил ему, что властью, данной ему законами Империи, арестовывает и забирает с собой немедленно всех трех служанок. «Его величество» пребывал в таком расстройстве чувств, что не то что не протестовал — вообще ни словечка не выдал, только покорно кивал, и лишь в самом конце разговора осмелился открыть рот и поинтересоваться смиренно, можно ли ему теперь отбыть в родное королевство. Сварог не без скрытого злорадства сообщил, что его величеству, увы, еще придется на какое-то время здесь задержаться. И велел своим ребятам увести всех трех служанок. На двух остальных ему, было, в принципе, наплевать — но как-то не хотелось, чтобы их пытал в Горроте Брашери. Да и у них, быть может, удастся выведать хоть крохи полезной информации...

Когда он следом за убитыми горем арестантками и их конвоем вышел в Синий коридор, сразу увидел нетерпеливо переминавшегося у охраняемой двери субъекта в сине-сером мундире Кабинета Канцлера, судя по знакам различия, чина не такого уж мелкого. Тот сразу же бросился к Сварогу и тихонько сообщил:

— Лорд Сварог, Канцлер просил вас немедленно прийти...

— Пойдемте, — охотно согласился Сварог. Глянул на часы — ну да, Канцлер одолел запись...

Канцлер сидел в небольшом кабинетике, судя по пультам и креслам, рассчитанном на троих человек — ну да, одна из комнаток его людей здесь, что тут гадать? На лице Канцлера Сварог не увидел ни страха, ни тревоги — оно попросту выглядело застывшей маской: что ж, Канцлер всегда неплохо умел скрывать свои чувства. Хотя, быть может, пару минут назад, наедине с собой, он и дал волю эмоциям, и лицо у него, не исключено, было, как недавно у Сварога...

Небрежно махнув Сварогу на свободное кресло, Канцлер сказал бесстрастно:

— Вы были правы. Это очень серьезно.

— При том, что она все время говорила только правду, — сказал Сварог.

— Конечно, таких результатов можно было добиться только с применением «хвatalок»... Но давайте сначала о другом, — он уперся в Сварога тяжелым хмурым взглядом. — Я никак не могу связаться с императрицей, даже по каналу, предназначенному для каких-то чрезвычайных обстоятельств, который круглосуточно открыт... Я уже успел установить, что т а к связь прерывается в единственном случае... — и он многозначительно замолчал.

— Совершенно верно, — сказал Сварог. — Она в Хелльстаде. Уж там-то она в полнейшей безопасности.

Он ожидал протеста или недовольства, но Канцлер, чуть кивнув, сказал вовсе не сердито:

— Возможно, вы поступили совершенно правильно...

— В Келл Инире ведь нет защиты от «хвatalок»?

— Нет, — сказал Канцлер. — Никто не ожидал, что они могут оказаться все же изготовленными — при том строжайшем контроле, что установлен за Магистериумом... Многие там, конечно, вольнодумцы, если не хуже — там, думаю, и сегодня сыщется пара-тройка человек, которых следовало бы арестовать... Но это совсем другое. Как бы там ни обстояло с состоянием умов, контроль за всеми абсолютно технологическими процессами налажен строжайший. Там просто невозможно в т а й н е собрать какое бы то ни было мало-мальски сложное устройство, тем более из запретного списка, — он не усмехнулся — просто пошевелил губами так, что это походило на улыбку. — Судя по вашему лицу, лорд Сварог, вы сейчас последними словами костерите старых ретроградов, прохлопавших, проглядевших, не предусмотревших... Что-то вроде, а?

— Ну... — пожал плечами Сварог.

По правде говоря, именно этим он мысленно и занимался.

— А вот это зря, — сказал Канцлер с металлом в голосе. — Потому что в ы оказались ничуть не предусмотрительнее. Вы до беседы с этой вашей Литтой принимали хоть какие-то меры предосторожности против «хвата-лок»?

— Никаких, — признался Сварог чутьчку смущенно. — Кто же мог знать

— Вот видите... — сказал Канцлер без всякого укора. — Нет никаких старых ретроградов, прохлопавших ушами. Никто не мог предвидеть, вы сами в том числе... Ну что же. Императрице и в самом деле лучше всего провести недельку в Хелльстаде. Мы, сами понимаете, пока что не в состоянии ничего предпринять. Выбрасывать туда десант бессмысленно — транспортные средства, аппаратура и оружие тут же откажут. Вы, конечно, можете бросить в Горрот ваши земные армии... но где гарантия, что их не встретят убийственные сюрпризы вроде тех, с которыми вы уже сталкивались?

— Вот именно, — зло сказал Сварог. — Я бы мог хоть сейчас вторгнуться в Горрот силами, втрое-вчетверо пре-

восходящими его о б ы ч н у ю армию... Но вы правы, Канцлер. Могут быть сюрпризы, и еще более масштабные. И снова не будет никаких доказательств. Руки чешутся испробовать «Белый шквал»... правда, его у меня нет.

— Испробовано, — бесстрастно сказал Канцлер. — Две недели назад. Ночью, благо «Шквал» действует без всяких звуковых и световых Эффектов. Орбитал ударил, естественно, по совершенно безлюдному месту — по горам, примыкающим к гланской границе. Возле нее, на территории Глана, как раз и расположились наблюдатели... — он все же усмехнулся, но очень скупое. — Простите уж, ваше величество, что мои агенты без спросу болтались по вашему королевству...

— Пустяки, — сажал Сварог.

— Так вот. Удар «Белого швала» был произведен на одну пятую мощности — но и этого бы хватило, чтобы превратить в пыль тамошнюю горную гряду на площади лиг в сто в длину и ширину. Но наблюдатели не увидели н и ч е г о. Не сработало. Как это ни унижительно признать, но оружия против них у нас пока нет. Придется какое-то время держаться в глухой защите. Примерно через неделю будет произведено достаточное количество аппаратуры, нейтрализующей действие «хваталок», — чтобы защитить Келл Инир и важнейшие учреждения, их виманы, раздать определенному количеству человек, в первую очередь, понятно, императрице, портативные защитные средства, размером не более портсигара. Производство будет продолжаться, чтобы защитить все и всех... Что вы хмуритесь?

— Это, конечно, неплохо, — сказал Сварог. — А что, если у них есть сообщник в Магистериуме, и они, все узнав, кое о чем догадаются? Пока что у нас есть некоторый шанс, что они поверят версии с демоном...

Канцлер поднял бровь. Положительно, его голос был веселым:

— А при чем тут Магистериум? Зачем ему вообще знать?

— Ах, вот оно что... — произнес Сварог после недолгого молчания. — То-то в документах вашего Кабинета... да

и некоторых других контор иногда упоминается некий Технион. Просто упоминается, такое впечатление, будто все и так прекрасно знают, что это такое... Причем даже в тех бумагах, что не помечены и низшей степенью секретности... Ваш противовес Магистериуму? Интересно, не уступающий по масштабам, или?

— Ну конечно, уступающий, — сказал Канцлер. — Однако, если перевести на земные мерки, это все же не мастерская ремесленника, а полноценная фабрика. В Магистериуме пятьдесят шесть человек, а у меня только девятнадцать... но зато мои люди, не уступая талантами и способностями, все, как один, обладают п р а в и л ь н ы м и взглядами на жизнь. Никакого свойственного Магистериуму легкого брожения в умах, иногда приводящему черт знает к чему... Короче говоря, они справятся быстро. Через неделю Яну можно будет возвращать из Хелльстада.

— Нет, — сказал Сварог.

— Простите? — поднял бровь Канцлер.

— Она там останется, пока я не разделаюсь с горротской шайкой, — твердо сказал Сварог. — Подождите, не перебивайте... Уже два года, как эта банда п о м е н я л а монархов на горртоском троне. Граф Брашеро, как его описывают все свидетели, — волчина серьезный. П л а ц д а р м они себе создали. А что, если их замыслы простираются дальше и шире? Я верю, что защита надежна. Но что, если они у ж е поработали «хваталками»? Никто ничего не подозревал... Не столь уж глупая версия, Канцлер, мне кажется. И если у них у ж е готовы двойники? Яны, ваш, мой? Хотя нет, со мной наверняка будет обстоять по-другому. Случись что, меня не станут подменять двойником, а просто убьют. З д е с ь очень мало людей, способных обнаружить подмену, я мало общаюсь со з д е ш н и м и — но вот внизу таких людей множество. И хотя это всего лишь земля, но непременно пойдут слухи, будут предприняты какие-то действия, информация достигнет з д е ш н и х контор... Я тут прикинул, быть может, и не вполне прав, но... Мне представляется, что для успеха предприятия достаточно убрать всего-то человек

двадцать: вас, меня, всех моих ребят — они друзья Яны с детства, уж они-то сразу заметят... Обоих принцев, нескольких министров... Со всеми остальными она всегда держалась на некотором расстоянии, изменения в ее поведении припишут взбалмошности, которая ей, увы, свойственна, хотя и понемногу пропадает...

— Ну, что же, — сказал Канцлер. — Вовсе не глупая версия. С одним дополнением: меня т о ж е не будут заменять двойником. Из опасения, что знают не всех, способных определить подмену... Однако... Вы так браво произнесли: «Разделаюсь с горротской шайкой», А ведь это не так просто... — он впился в Сварога пытливым взглядом. — Или у вас в Хелльстаде все же есть средства, способные в этом предприятии помочь? Но вы — вполне логично, согласен — не хотите о них говорить, предпочитая придерживать козырные розы в рукаве? Вполне понятное поведение, я бы на вашем месте так и держался...

«Умен, сволочь, — подумал Сварог, — проницателен и хитер. Ну, другой бы не продержался столько лет на этом посту, особенно при дедушке Яны...»

— Честное слово, Канцлер, — сказал Сварог. — С е й ч а с у меня в Хелльстаде нет ничего такого, возможно, в будущем появится, но я не особенно на это рассчитываю...

— Ну, в таком случае дело может затянуться.

— Жилы надорву, — сказал Сварог. — Из кожи вон вывернусь. Как говорил герой одной пьесы — я удачлив, ваше сиятельство. А я и в самом деле удачлив, жизнь показала. Давно и часто некоторые утверждают, что везение — чисто физическая категория.

— Допускаю, — сказал Канцлер. — И все равно... Если затянется надолго? Настолько, что ей с а м о й надоест в Хелльстаде? У меня нет ни малейшей возможности извлечь ее оттуда силой, мы оба это прекрасно понимаем... но если она захочет уйти сама? Вы ведь, надеюсь, понимаете, что не сможете ее удержать? На нее снова н а к а т и т, и она одним взглядом запеленает вас в ковер...

— Знаю, — сказал Сварог понуро. — Можете вы мне наконец рассказать правду, Канцлер? Почему она т а к а я?

Вы прекрасно знаете, что магия ларов в Хелльстаде не действует... Впрочем, открою вам одну из своих государственных тайн — все же действует. Но остается лишь частичка, позволяющая лару совершать действия, направленные исключительно в н у т р ь, в обеспечение собственных потребностей: залечить рану, создать сигарету, пирожное, вино... Не более того. А вы очень уж уверенно говорите, словно заранее знаете, что Яна и в Хелльстаде способна на внешнее воздействие... А она и правда способна. Дважды на моих глазах применяла внешнее воздействие, и серьезное. Почему она т а к а я?

Канцлер молчал недолго.

— Ну что же, в конце концов это тоже государственная тайна, — сказал он бесстрастно. — Но она давно перестала быть тайной, все и так знают, в чем дело... Яна — единственная в Империи, кто обладает д р у г о й магией. Древней, «доштормовой». Давным-давно, когда в ходу были еще р а з н ы е языки, это стало называться Дор Террах — Древний Ветер. Это нечто совсем другое, совсем... Ладно. Получайте н а с т о я щ у ю государственную тайну, очень уж вы глубоко погрузились в самые секретные дела. Но если проговоритесь хоть единому человеку — убью, — добавил он спокойно, без всякой аффектации. — Верите?

— Верю, — сказал Сварог серьезно. — Уж вы-то способны...

— Часть официальной истории Империи — ложь, — сказал Канцлер. — В той ее части, что касается апейрона. Он был н е в с е г д а. Поток шел из глубины Галактики и достиг Солнечной системы так, что это совпало со Штормом. Не спрашивайте меня, есть ли какая-то связь между этим событием и Штормом. Никто не знает. До сих пор не удастся выяснить. Собственно, проект «Алмазная стрела» — ну, что скрывать, если вы о нем давно знаете — то есть разработка машины времени, затеян для одной цели: прорваться все же в прошлое и точно установить, есть ли какая-то связь между приходом апейрона и Штормом... Это была преамбула. Теперь главное. В с я нынешняя магия, наша ли, земная ли, основана на апейроне, который для нее так же необходим, как кислород для дыхания.

Одни только далекие предки Яны владели Древним Ветром. Потому и основали императорскую династию. Потому у нас случались убийства монархов, но никогда не было переворотов с попытками сменить династию. Лары просто не будут подчиняться императору, такому же, как они сами. Другое дело — обладательница Древнего Ветра... Ну, или обладатель. Правда, у мужчин это отчего-то выражено гораздо слабее, им доступна примерно половина того, на что способны женщины. Отца Яны даже Древний Ветер не уберет от хитрого яда... а вот женщина почувствовала бы... И никакая здешняя магия на Яну не действует.

— Т а к... — сказал Сварог. — А ее предки, случайно, были не из Керуани?

— Вполне возможно, — сказал Канцлер. — Но в точности неизвестно. О Керуани и до Шторма было известно очень мало, они, в отличие от некоторых нынешних магов и колдунов, являли собой по-настоящему т а й н о е сообщество. Мы знаем одно: когда начался Шторм, они исчезли. Несомненно, предвидя катаклизм заранее. То письмо, что вы привезли — ну, то, где девица пишет моряку — эту гипотезу подтверждает. По некоторым деталям, девушка — несомненная Керуани. Но, повторяю, они же исчезли и никогда более не появлялись. Впрочем, Яна может быть и не из Керуани — до Шторма существовали и другие разновидности магии, со Штормом и исчезнувшие. Как бы то ни было, семейство Яны — единственные, кто владеет Древним Ветром, — он скупно усмехнулся. — Другое дело, что даже у Яны не возникает нужды пускать свое умение в ход. Багряную Звезду, кстати, она не сумела остановить, хотя и пыталась — видимо, против нее Древний Ветер тоже был бессилён, из очень уж древних он времен... Принцу Диамеру-Сонирилу доступный ему Древний Ветер совершенно не нужен, он вполне доволен жизнью и своим положением, даже от престола отказался, ему достаточно своей конторы. И уж тем более Ветер не нужен принцу Элвару — кроме тех случаев, когда дело касается его каталаунских странствий... К чему я все это говорю? Вы должны прекрасно понимать, что силой ее ни

за что не удержите. В е с ь Хелльстад она вам, быть может, и не разнесет, но способна на многое...

— Я знаю, — сказал Сварог.

У него вновь встала перед глазами равнина, усеянная не менее чем полусотней дико метавшихся, дико завывавших огненных клубков. Стая руkerов растерзала очередную самку гарма с детенышем. Яна — уже получившая от Сварога своего щенка — случайно оказалась поблизости. И р а з ь я р и л а с ь...

— Что же, придется из кожи вон лезть... — сказал он мрачно. — Узнать бы еще, кто такой Брашеро, быть может, что-то прояснится...

— Пока что не вижу возможности это выяснить, — сказал Канцлер. — Я бы с превеликим удовольствием арестовал Орка и как следует допросил, он, безусловно, если не замешан, то кое-что все же знает, но нет законных оснований, мне тут же напомним о Хартии Вольностей, а ее я обязан соблюдать даже в этих условиях. Ему невозможно предъявить никаких улик. Уж вы-то знаете, в свое время, как ни старались, не нашли... Хотя мы прекрасно знаем, что они должны быть... Его пребывание в Горроте само по себе не улика, все знают, что он лет шесть болтается по земле, проводя там больше времени, чем здесь, что в Горроте он о т и р а л с я еще задолго до подмены... Вот кстати, касаясь Брашеро. Следовало бы в самое ближайшее время изыскать способ в полной тайне привезти ее сюда и с н я т ь воспоминания...

— Ничего не имею против, — сказал Сварог. — Но когда еще будут результаты? Сколько ваши люди бьются с воспоминаниями Тагарона? Уже больше месяца, и до финала далеко...

Канцлер сердито вздохнул. Сварог его прекрасно понимал. Нельзя извлечь из человеческого мозга в ы б о р о ч н о какие-то конкретные воспоминания. У Тагарона (не причинив ему тем самым ни малейшего вреда) с ч и т а л и из мозга в с е воспоминания о проведенных им в Горроте годах — но чтобы их расшифровать и разбить на отдельные картинки, потребуется еще не меньше месяца работы мощных компьютеров. Элкон объяснил Сварогу,

в чем тут трудность: снятые таким образом воспоминания напоминают телевизор, на который подают картинки одновременно несколько тысяч станций. Или лист бумаги, на котором разными почерками, разными чернилами, в разных направлениях нанесено опять-таки пару тысяч записей. И «чистить луковицу», как это именуется неофициально — адски сложное и долгое занятие...

— Все равно следует, не откладывая, снять воспоминания и с вашей Литты, — сказал Канцлер. — Пара месяцев — это все же не год... Кстати, вы не догадались, зачем он ей прикладывал к виску «часы»? Нет? Да все очень просто, он читал с п е к т р...

— Ах, вот оно что... — сказал Сварог. — А я и правда не додумался...

«Спектром» официально именовалась у соответствующих специалистов та до сих пор загадочная штука, что в том мире, откуда Сварог пришел, звалась биополем, аурой, излучениями мозга. Спектр не столь уникален и неповторим, как отпечатки пальцев, спектры у двух человек из примерно десяти тысяч могут совпадать практически полностью, быть идентичными. Теперь понятно, почему Брашерио все же рискнул взять у м н и ц у — у него не было другого выхода, неизвестно, сколько времени пришлось бы искать другую, с точно так же совпадающим спектром. Теперь понятно, почему во время визита мнимых Стахора и Эгле в Канцелярию земных дел и в Ковенант их не смогли р а с к л о т ь, как ни изошрялись с аппаратурой: исследовали главным образом спектры, а они-то как раз и совпадали...

Канцлер нетерпеливо пошевелился в кресле:

— Если у вас нет больше с е р ь з н ы х вопросов... Мне нужно лететь в Технион.

— Никаких, — сказал Сварог, охотно вставая. — Мне тоже срочно нужно в Латерану, там у меня министр тайной полиции, похоже, снова откопал что-то интересное, раз оно помечено Красной тревогой. Но никакой угрозы, иначе была бы Белая...

Еще издали, подходя к стоянке (где сейчас виман и брагантов стояло втрое больше, чем обычно), он увидел

своих непринужденно расположившихся прямо на траве ребят-девчат. И обратил внимание на одно интересное обстоятельство: красавица Канилла и Родрик-Маугли сидят наособицу от остальных, вернее, полулежат, держась за руки, и златовласая головка Каниллы у парня на плече, а все остальные не обращают внимания с видом людей, прекрасно все знающих, понимающих, тактичных.

Ах, вот оно что, подумал Сварог. Ну, они, в принципе, совершеннолетние... Теперь понятно, почему на семь человек пришлось только шесть брагантов — именно эта парочка посреди ночи пребывала вместе и, не соблюдая особой конспирации, прилетела на одном. Вот только где они уединяются, интересно? Уж безусловно не в замке родителей кого-то из них — здешний этикет такого не допускает. На собственный манор никто не имеет права до выхода замуж, женитьбы или достижения пятидесятилетнего возраста. Приютили какие-нибудь знакомые, молодожены немногим старше, прекрасно все понимающие и сочувствующие? Нужно будет уточнить — командир такие вещи о своих подчиненных обязан знать...

Завидев его, все, в том числе и влюблённая парочка, проворно вскочили и выстроились в стройную шеренгу. «Надо будет повесить коменданту какую-нибудь медальку, — подумал Сварог, — по строевой части он их хорошо вымуштровал. Это нужно, это дисциплинирует».

— Вольно, — сказал он, останавливаясь перед строем. — Элкон остается, а все остальные — в замок. Составьте официальный протокол осмотра места происшествия сотрудниками девятого стола. Канилла ты не только красавица и хороший специалист, ты самая хитрющая лиса из всех здесь присутствующих. Тебе и писать протокол — так, чтобы описание всего сожженного-опаленного ни в малейшей степени не напоминало результаты действия на ш его оружия — а именно что следы ярости демона... Возьмите письменные показания у этой паскуды, мнимого короля — но держась предельно уважительно, он пусть и земной, но король, а вы хотя и лары, но всего лишь гвардейцы в невеликих чинах... Потом — письменные показания всех трех служанок. Ту, которую зовут Тета, заберете с

собой и устройте у нас в маноре. Приглядывайте — она не арестованная, но и не гостя... Две остальные меня абсолютно не интересуют... правда, тоже могут пригодиться... пожалуй что, отправьте их в Келл Инир, в какой-нибудь из домов для слуг. Пусть пока что бездельничают... Что еще? Видеозаписей опочивальни, конечно, не делать — а то еще кто-то посторонний догадается об истинном характере повреждений. Следов не останется, мы хорошо поговорили с Канцлером, он приказал провести полный ремонт в опочивальне сразу же после того, как вы закончите... Ну да, отсутствие видеозаписи — это серьезный служебный промах... Ну, мы его спишем на вашу неопытность и недолгий срок службы. Я вам официальным приказом влеплю выговор, а неофициально прошу на этот выговор начихать... Шагом марш! Если что, я в Латеране.

Шестеро быстрым шагом направились к зданию. Стоянки вертикально, на форсаже взмыл синий с золотом брагант Канцлера, следом взметнулись еще два, с охраной, надо полагать — и правильно, мало ли что...

— Элкон, я опять взвалю на вас нешуточную работу, — сказал Сварог. — Вы ведь наверняка знаете: еще не меньше месяца пройдет, пока расшифруют воспоминания Тагарона...

— Конечно.

— А Брашери, чтоб ему сдохнуть, мне нужен уже сегодня, вчера... — сказал Сварог. — Мне тут пришла в голову очередная гениальная идея — ну, что поделать, бывает такое со мной... Судя по тому, что он постоянно пребывает в Горроте, здесь он нигде не служит, ни по военной части, ни по гражданской. Следовательно, проходит по разряду «светское общество». Отправляйтесь в манор и ступайте в Геральдическую коллегия, в ее отдел Гербовых книг. Начинаете понимать?

— Начинаю, — сказал Элкон не без азарта.

— Отлично, — сказал Сварог. — Светских бездельников у нас двенадцать с чем-то тысяч...

— Тринадцать с чем-то.

— Не столь уж существенная разница... В первую очередь исключаем, разумеется, женщин. Оставляем только

мужчин в возрасте... от трехсот пятидесяти до пятисот... нет, до пятисот пятидесяти, он может выглядеть моложе своих лет, что не столь уж редко встречается... Как полагаете, сколько в этом случае останется потенциальных кандидатов?

Элкон что-то прикинул в уме, шевеля губами:

— Полагаю, четверть... или побольше, но никак не меньше.

— В а м потребуется, я так думаю, всего-то с полчасика, чтобы скачать портреты тех, кто нас интересует. Вот потом — да, будет тягомотина... Полетите в Хелльстад, усадите Литту к компьютеру и покажете ей все портреты. Примерно тысячи три, а то и четыре... Кладем по четверти минуты на портрет, она сообразительная девушка, ей достаточно четверти минуты... Конечно, это работа, я так прикидываю, часов на двенадцать примерно...

— Пожалуй.

— Но это все же не месяц, — сказал Сварог. — Не утомляйте ее особенно, через каждые пару часов делайте перерывы.

И не возвращайтесь оттуда, пока она не посмотрит в с е... или не наткнется на Брашерио раньше.

— А если он с Сильваны? — деловито спросил Элкон. — Или все же служил, но в отставке?

— Проверим тем же способом сильванцев и отставников, — сказал Сварог. — Если не поможет, проверим всех соответствующего возраста, в крайнем случае, прихватим и тех, кто старше пятисот пятидесяти. При самом пессимистичном раскладе это отнимет не более недели?

— Да, примерно.

— Все-таки не месяц?.. — сказал Сварог. — Да, вот еще что... Вы в некоторых смыслах человек вполне взрослый, ни в кого не влюблены, просто романы крутите. Я даже знаю с кем вы крутите роман в Латеране, во дворце — Интагар у меня не зря золотой пояс таскает... — Сварог хмыкнул. — Ну, вот видите, с полгода назад вы бы малость покраснели, а сейчас улыбаетесь загадочно, с оттенком гордости, как и положено опытному покорителю женских сердец... И правильно, я так думаю. К чему все это я? Литта, чувствует

мое сердце, попытается установить с вами самые тесные, дружеские отношения, такая уж у нее манера. Проще говоря, потащит в постель. Если так произойдет, не отказывайтесь, в конце концов это не старая мегера, а молодая красотка, как две капли воды похожая на королеву Эгле. Вопросов нет? Тогда летите. Я договорился, чтобы вам дали вон тот брагант, зеленый с черным, берите смело.

И удачи вам, удачи...

Сварог бил наверняка и не мог не выиграть. В упомянутом им отделе хранятся гербовые книги каждого рода — с незапамятных времен, с самого начала. Давненько уж — не только в бумажном, но и в электронном варианте. И тех родов, что пресеклись, и тех, что здравствуют. Всех. Согласно давней традиции, в «электронке» хранится фотография всякого и всякой — ребенка и старика, мужчины и женщины. И обновляется она регулярно: от года до двадцати (именно в двадцать кончается «взросление») — раз в год, далее — раз в десять лет. Кто ввел такое правило и зачем, не ведают даже всезнающие старички из Геральдической коллегии. Не затем же, чтобы разоблачить затесавшегося к ларам самозванца с земли? Такое совершенно невозможно. Или это как-то связано с существованием на земле Вингельта и его собратьев? Тайна сия велика есть.

С этой системой Сварог столкнулся год назад, когда из чистого любопытства просматривал гербовую книгу Борна. И изучил систему хорошо. Естественно, по вполне понятным причинам не могут обновляться фотографии тех, кто ушел на землю в отшельники (как Ройл и, оказалось, еще несколько), тех, кто затерялся на земле, оборвав всякие связи с Империей, но отшельничеством не мается, наоборот (как Борн, и не он один), тех, кто пропал без вести (как его отец и, оказалось, еще с полдюжины ларов за последнее столетие). Все остальные там есть. По тем же самым древним законам бумажный отдел охраняется строжайше, а электронный устроен так, что любой желающий может навести любые справки — и не более того. Ни один компьютерный гений не в состоянии изменить хотя бы запятую в имеющихся данных. И никто

не способен украсть б у м а г и. Так что Брашери, хоть возьми он в подмогу Князя Тьмы, не мог бы уничтожить записи о себе и свою фотографию. Она там есть, должна быть. И вряд ли Брашери обосновался в Горроте н а с т о л ь к о давно, что по последнему снимку его теперь невозможно узнать. Сомнительно, чтобы он там просидел хотя бы десять лет. Ледяной Доктор, кстати, был убит (или все же как-то ухитрился обмануть всех и уцелеть) шесть с половиной лет назад. Перед тем, как бежать, он не только уничтожил в прах и пепел парочку своих лабораторий (изрядных размеров здания), но и хладнокровнейшим образом перебил всех своих сотрудников. Трех ларов — ножом в спину, в разных комнатах, восьмерых антланцев попросту собрал в одном из залов и расстрелял из бластера. Сотрудники его известны наперечет, так что Брашери никак не может оказаться одним из них, чудом спасшимся. И самым коварно уцелевшим Ледяным Доктором он оказаться не может — доктору было крепенько за шестьсот, а пластическая хирургия может удалить морщины и жир, подправить изъяны внешности, но не способна сделать так, чтобы человек выглядел моложе на двести лет. И п о л н о с т ь ю, до неузнаваемости изменить внешность Брашери не мог — согласно каким-то древним законам природы лар, полностью изменивший внешность, теряет все способности лара, ничем теперь не отличаясь от обычного человека. А Брашери способности лара сохранил — вспомним рассказ Тагарона о вазе, падавшей графу прямехонько на голову, но отлетевшей в сторону. Есть подозрения, что это не природа постаралась насчет неминуемой после полного изменения внешности утраты способностей, а в самом н а ч а л е, когда многое только формировалось, какой-то умный и предусмотрительный император намеренно ввел такое правило, и оно сохранилось неизменным. Вполне возможно — чтобы не возникло, скажем, проблем с питающими коварные замыслы двойниками — тут вам и претенденты на престол, и претенденты на чужое наследство, и мало ли что еще... Так что все зависит исключительно от того, достаточно быстро Литта

наткнется на нужный снимок или придется перебрать чуть ли не все. В любом случае это отнимет не более недели...

Не глядя вслед Элкону, он быстрым шагом направился к своей вимане, поднялся в кабину и задал автопилоту курс на Латерану. В квадранс должен был уложиться. Поразмыслив, плеснул с полбокала келимаса и включил музыку. Тарина Тареми, еще одна звезда доштормовых времен из коллекции Фаларена, ему весьма нравилась. Как она выглядела, он представления не имел, но голос был красивый, молодой, с долей трагического надрыва, цеплявшим за душу и трезвого, ну, а уж выпивать под ее песни, если есть соответствующее настроение...

Никаких особых музыкальных изысков — только два виолона и что-то крайне напоминавшее скрипку. И звонкий голос с легкой хрипотцой:

— Жизни скорбная стезя —
путь к обещанному краю
вне тревог.
Хоть сойти с него нельзя,
как плутаем мы, блуждая,
без дорог!
В путь пускаемся с рожденья,
и в житейской круговерти
день за днем,
а прибудем в час усенья
и, выходит, лишь по смерти
отдохнем...

Он вовсе не стремился нагонять на себя тоску, еще чего не хватало — просто песня идеально подходила к его настроению...

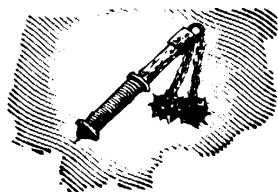
— Этот мир — одна тщета,
и жалеть о нем негоже,
ибо зря им
дорожим и неспроста
то, что нам всего дороже,
мы теряем.

*Обирают нас года
каждый час и каждый миг —
в не меньшей мере.
Оглядишься — ни следа,
все, что с муками достиг,
одни потери...*

Пригубив келимаса, он подумал, что потом нужно послушать еще «Слепых солдат», как раз хватит времени. И подумал еще, что все они сейчас напоминают тех самых солдат из песни Тарины, внезапно ослепленных волей злого колдуна. Они великолепные бойцы, прекрасно владеют оружием и способны победить любого врага — но оказались вдруг слепыми и стоят, поводя наугад клинками, не зная, где враг и что он делает, не в силах нанести меткий удар...

Ему пришло в голову, что с ним самим и его сподвижниками обстоит еще хуже — все мы сейчас не просто слепые солдаты, у нас и оружия нет, а то, что есть, придется пустить в ход лишь в самом крайнем случае, когда другого выхода просто не останется, да и неизвестно еще, подействует ли оно, — отправленная в Горрот Золотая Щука вернется еще не скоро... если вернется вообще. Но вернулся же невредимым «Рагнарок»? Или после его визита в Горроте приняли какие-то меры предосторожности? Ну, подождем пару дней, примерно таков расчетный срок, вот если она и тогда не вернется, повесим нос, а пока что не стоит заранее списывать со счетов проворную рыбку...

Глава XII

СИНЕГЛАЗОЕ ГОРЕ

Барон Фаторус, снольдерский коллега Интагара, выглядел полной противоположностью тому: сухопарый, с копной седых волос, тонкими ладонями и длинными изящными пальцами скрипача. Больше всего он походил именно что на музыканта, но, Сварог достоверно знал, никогда в жизни ни на каких музыкальных инструментах он не играл. Просто так уж сложилась жизнь: юный барон, согласно категорическому заключению медиков, оказался чересчур subtilen для военной службы (к которой не особенно и не стремился), а потому пошел служить по гражданской части. Побывал в министерстве иностранных дел — не приглянулось, перешел в казначейство — и оттуда ушел еще быстрее. Как-то так само собой получилось, что он оказался в рядах тайной полиции и за тридцать лет службы поднялся до ее главы. Человек на своем месте, вполне надежный — активнейшим образом участвовал в перевороте, забросившем Сварога на снольдерский трон, потому что, как многие, считал, что прежний король попросту губит страну.

— Простите за прямоту, ваше величество, но вы чересчур мало внимания уделяете Харлану, — говорил он негромким, звучным голосом, словно лекцию студентам читал. — Поскольку прямоту в н а ш и х скучных делах вы только приветствуете, я не опасюсь вашего гнева...

— И правильно делаете, — сказал Сварог. — Там что-то серьезное?

— Я не сказал бы, что слишком серьезное, но достаточно хлопотное. Очередной заговор. Тамошний начальник тайной полиции, простите за резкость, тряпка и трус. Он попросту б о и т с я знать слишком много, а с такими настроениями на подобной должности находиться никак нельзя.

— Честно признаться, кого привели, того и назначил, — сказал Сварог. — Мне гарантировали, что человек верный...

— Безусловно. Но верность в сочетании с т а к и м и качествами немного стоит. Я бы осмелился предложить вам хорошую кандидатуру...

— Мы это обсудим попозже, — сказал Сварог. — Что за заговор?

— Как сообщают мои люди — тамошняя тайная полиция фактически самоустранилась — замешаны самое малое трое влиятельных баронов с обширными владениями и большими дружинами, не менее полудюжины царедворцев, кроме того, они не без оснований рассчитывают на один из драгунских полков. Не слишком серьезно, но, безусловно, и не мелко.

— Меня убить собираются? — деловито осведомился Сварог.

— И речи не заходило. Считают, что вы им не по зубам, Расчеты у них другие. Где-то в глуши откопали дальнего родственника покойной герцогини Мораг — мы проверили, настоящего. Ну, а дальнейшее предугадать было несложно: мятеж под предводительством законного, пусть и дальнего родственника правившей династии против чужеземного узурпатора... Под т а к и м лозунгом вполне можно устроить серьезную смуту. Шансов на успех, конечно, никаких, но смута может разгореться серьезная, Тем более что там, не в первый раз, замечены лоранские агенты и лоранское золото...

«Говоря по совести, во всем этом есть толика сермяжной правды», — подумал Сварог. Из всех его владений Харлан единственный был каким-то н е с к л а д н ы м.

Если все остальные королевства, и Ганза, и Балонг (ну, не считая Вольных Маноров, которые легонечко принудили по причине их слабости), харланским тронем Сварог, что уж там, завладел исключительно своим хотением, вынудив тогда Хартога отречься в свою пользу. Хартог был официально утвержден императрицей, Сварог тоже, но все равно... Как-то не лежала у него душа к Харлану, скучному, кондовому, ничем не интересному герцогству, он там побывал всего-то раз. И держал в хозяйстве единственно как неплохой плацдарм для возможных военных действий против Лорана...

— Конечно, в открытом бою вы их разобьете, — продолжал барон. — Однако выдвинутый ими лозунг может долго будоражить сознание... Позвольте указать вам на одну вашу несомненную ошибку?

— Указывайте, — сказал Сварог без всякого раздражения.

— Все это время вы откровенно пренебрегали Харланом, — сказал барон мягко. — Заезжали туда всего раз, да и то как-то мимоходом... Они не чувствуют в вас своего великого герцога. Даже те, кто не собираются бунтовать, недовольны. Герцог вроде бы есть, но не посещает свои владения... По моему глубокому убеждению, вам бы следовало, несмотря на занятость, поехать в Харлан — со всей возможной пышностью — и побыть там не менее недели. Устроить парочку больших придворных балов, закатить пир до небес для дворянства, раздать пригоршню-другую орденов, устроить для простого народа что-нибудь эффектное... ну, знаете, с жареными быками, бочками вина и кулачными боями или там фехтованием на пастушьих посохах, чтобы победитель получил какую-нибудь мелочь, но непременно из ваших рук... — барон тонко улыбнулся. — Простите старика за вульгарность, но неплохо было бы еще уложить пару-тройку самых распутных придворных красоток, а уж если еще и благодетельствовать на сеновале какую-нибудь смазливую крестьяночку, подарив ей потом перстень с брильянтом... Вам следует показать себя там, эффектно, щедро и пышно. Монеты побросать в толпу горожан, произнести

пару речей, хваля Харлан... Это заставит заговорщиков стать овечками, их все равно придется брать, прежде чем выступят — но вот память вы о себе оставите неплохую. Да, еще, конечно, нужно публично снести головы парочке очень уж явных знатных казнокрадов и повесить с полдюжины представителей сельских властей, особо ненавидимых простым людом. У меня есть список кандидатов — и на казнь, и на награждение, оба очень хорошо продуманы... ну, а красавиц вы, конечно, вольны выбирать сами, не могу же я и здесь давать вам советы, не знаток...

— Правда? — весело спросил Сварог.

Барон любил выглядеть едва ли не дряхлым старичком, но было-то ему всего шестьдесят один, и, как Сварог точно знал, в данный момент вдовый барон крутил амуры с небогатой дворяночкой вдвое его младше (по отчетам, дело не только в подарках, дама вполне им довольна в постели).

Барон, судя по всему, прекрасно все понял, но нисколько не смутился. Сказал спокойно:

— Всякий мужчина предпочитает сам выбирать себе женщин, а не полагаться на советы...

— Именно, — сказал Сварог. — Хорошо, я постараюсь выкроить недельку, если это так важно...

— Это о ч е н ь важно, — убежденно сказал барон. — И, кроме того, вам крайне не помешало бы точно таким же образом провести недельку в Снольдере...

— Что, и там заговор?

— Слава Единому, ничего подобного, — сказал барон. — Была парочка сопливых гвардейских лейтенантов, всерьез собиравшихся совершить на вас покушение, если появитесь у нас, — у одного дядя при вашем восшествии на престол потерял хорошую должность при дворе и впал в немилость, у второго погиб брат во время... трагических событий в загородном дворце покойного короля. Обоих мы аккуратно взяли — а в остальном все тихо, можно сказать, благостно. Знать и купечество, можете мне поверить, ценят ваши меры, предпринятые для процветания страны, правительство ваше сидит п р о ч н о, военные равняются на маршала

Гарайлу, а уж Ратагайская пушта за вас порвет глотку любому. И тем не менее... Многие ощущают себя как бы брошенными, понимаете? Они ничуть не настроены против вас, они чуточку обижены, что вы давно не уделяли им времени. Так что неделька в Снольдере — в принципе, по тому же практически сценарию — пошла бы на пользу...

— Знаю, — вздохнул Сварог. — И в Ронеро от меня ждут того же самого, и в Глане. Вот покончу с одним очень серьезным делом — и объеду все четыре страны, да и по Вольным Манорам нужно хотя бы рысью проскакать, Три Королевства навестить... Ганзейцы и те меня просят присутствовать на каком-то грандиозном морском параде... Я обязательно все это сделаю, барон... как только покончу с делами. Очень серьезные дела, поверьте...

— Г о р р о т? — совсем тихо спросил барон.

— Именно, — сказал Сварог. — У вас нет ли оттуда каких сведений?

— Как у всех, — пожал плечами барон. — Никаких. Поверьте, я бессилен...

— Верю и нисколько не упрекаю, — сказал Сварог. — Что-то еще?

— Да. Я, правда, не знаю, насколько это важно... — барон извлек из кармана конверт и подал Сварогу. — Здесь два стихотворения Асверуса. Коллега Интагар в свое время просил меня, если отыщутся хоть какие-то материалы по Асверусу, прислать ему. Вот и нашлись. В архивах моего же ведомства. Судя по сопроводительной бумаге, они были найдены соответствующими специалистами в архиве покойной королевы Дайни Барг, когда после ее смерти и последовавшей легкой смуты наши войска заняли Латерану...

«Ну, это ерунда, — подумал Сварог. — Два стихотворения Асверуса — невеликое приобретение...»

— К сожалению, мы не нашли в тех архивах никаких следов д о с ъ е, — сказал барон. — А ведь, согласно правилам тайных служб, оно просто обязано было существовать... Быть может, уничтожено?

— Все возможно, — сказал Сварог.

Он прекрасно понимал, о чем говорит барон: о досье на токеретов. В Снольдском Морском бюро оно, полное, заведенное еще двадцать лет назад и, пусть скуднейшее, но иногда пополняемое, и сегодня лежит среди незакрытых. Сварог его давно прочитал. Сначала лет десять случайным свидетеля никто не верил, потом нашлись убедительные доказательства, и открыли досье. Несмотря на все усилия, так и не удалось ни захватить подлодку, ни обнаружить, где находится Токеранг, — но снольдерская морская разведка, пусть и при скуднейших результатах, дела не закрывала...

Так вот, в свое время просто обязано было существовать такое же досье и в Ронеро. Судя по косвенным данным, Асверус выступил тогда к озеру не с бухты-барахты, он прекрасно знал, к о г о именно намеревается поймать в ловушку. Отсюда проистекало, что просто обязаны были быть какие-то п р е д в а р и т е л ь н ы е донесения, данные наблюдений, заключения спецов... короче говоря, досье, открытое дело. Но ни в одном архиве на него еще не наткнулись, как ни искали, даже в Балонге, даже по Вольным Манорам...

— Ваше величество, — мягко, но настойчиво сказал барон. — Право же, зря вы так небрежно сунули в карман конверт со стихами. Когда мне их разыскали, они около ста двадцати лет пролежали в пакете, помеченном высшей степенью секретности — «только для глаз короля». Я сам ни за что не позволил бы себе при таких обстоятельствах сорвать печати, но все дело в том, что пакет обнаружил молодой, не лишенный некоторой бесшабашности сотрудник. Вроде вашего графа Гаржака, о котором я немного слышал. И распечатал, оправдывая себя тем, что согласно одному из параграфов Уложения о секретных архивах истек срок давности. Кстати, с точки зрения закона, он прав, я не стал его особенно наказывать, ограничившись словесной выволочкой. Благо он сам чувствовал себя неуютно — прочитав, примчался ко мне каяться... Я тоже прочитал — и понял, что дело безусловно выходит за пределы моей компетентности...

Очень уж серьезный был у него вид. Сварог достал конверт, извлек два листочка пожелтевшей от времени бумаги — ну

да, знакомый уже почерк Асверуса, на обоих проставлены даты: Асверус, к нешуточной радости литературоведов, датировал каждое свое стихотворение, которое считал законченным. Прежде всего Сварог как-то машинально сосчитал строчки: в одном восемнадцать, в другом всего-то восемь. Прочитал то, что длиннее, удивленно пожал плечами:

— И что здесь такого? Почему «Только для глаз короля»?

— Есть там интересные строчки... — без выражения произнес барон. — Разъяснения вам тут же даст господин Интагар, коли уж ему поручено в с е дело, а я, с вашего позволения, устраниюсь. Дела я не веду, и это совершенно не в моей компетенции. Но вот в другом есть строчка, не требующая пояснений...

Сварог быстренько прочитал короткое — и уже вторая строчка...

— Черт побери! — воскликнул он.

— Да, так и обстоит, ваше величество... Надеюсь, теперь вы понимаете мотивы, по которым я устраниюсь?

Сварог встал:

— У вас есть еще в а ж н ы е дела?

— Нет, ваше величество. Мне хотелось бы обсудить с вами разные текущие мелочи, но это подождет...

— В таком случае я вас, простите, оставляю, — сказал Сварог. — Не сомневаюсь, что вас разместили должным образом...

— Да, все в порядке.

— Отлично, отлично... — нетерпеливо сказал Сварог.

В коридоре, помня о королевском достоинстве, пошел неторопливо — хотя хотелось нестись сломя голову. На одной из широких лестниц буквально нос к носу столкнулся с Марой, спускавшейся вниз. На ней снова красовался сегурский генеральский мундир. Сварог представления не имел, что она успела его опередить первой прилететь сюда из Виглафа.

— Ага, — догадался он. — С адмиралами собралась совещаться?

— Ну да, — сказала Мара. — Время-то поджигает...

Поодаль обнаружился главный церемониймейстер, взиравший на них с крайней печалью. Бедняга жизнь

прожил, долгую службу отслужил в убеждении, что любая встреча двух монархов непременно должна сопровождаться пышными церемониями с пушечной пальбой, торжественными въездом в столицу и прочими красотами. То, что королева Сегура заявлялась вот так, запросто, его просто убивало, — но перечить он не осмеливался после краткого внушения, сделанного ему Сварогом...

— Рад за тебя, — сказал Сварог. — Только, умоляю, не вздумай проситься на корабль *регулярного* флота. На суше у тебя есть кое-какая репутация, да и пираты, пусть вздыхая в душе, пустят тебя на мостик — но в военно-морских флотах традиции прежние: никаких женщин, будь она хоть трижды королева...

— Да знаю. Мне уже объяснили... и убедили, — Мара обворожительно улыбнулась, понизила голос: — Я могу нынче вечером рассчитывать на приглашение в твою спальню? А то что-то долго мы в разлуке...

— Я не знаю, буду ли ночевать в Латеране, — сказал Сварог, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. — Вообще не знаю, где буду сегодня вечером. Кошка, тут заворачивались такие дела...

Мара мгновенно стала серьезной:

— Ага, то-то у тебя такой вид, будто ты готов галопом припустить... Ладно, подождем другого случая, — сказала она без малейшей обиды (уж боевой-то подруге такие вещи положено понимать с полуслова, что всегда и происходит). — Вот только... Я тут заглядывала к Интагару кое о чем посоветоваться... Даже не знаю, что и сказать, но такое впечатление, что он малость подвинулся умом...

— С чего вдруг?

— Интагар читает Асверуса, — округлив глаза в неподдельном изумлении, сказала Мара тихонечко. — Вот-вот, именно так и обстоит. Обложился мало того, что книгами Асверуса, но и трудами литературоведов... Интагар и Асверус, вообще, Интагар и изящная словесность... Категорически несовместимо. Может, лейб-медика к нему отправить?

— Да нет, — сказал Сварог. — Он делом занят.

— Тьфу, а я-то подумала... — облегченно вздохнула Мара. — Значит, есть чем заниматься? Новые следы?

— Еще какие, — сказал Сварог. — Тебе отвели комнаты, где обычно?

— Разумеется.

— Если найдется время, я к тебе загляну, — сказал Сварог. — Масса нового и интересного... Все, я спешу...

Пренебрегая присутствием церемониймейстера, поцеловал ее в щеку и двинулся вверх по лестнице со всей возможной скоростью, какую только позволял королевский сан.

Интагара он отыскал не в кабинете, а в соседней комнате, побольше. Обстановку оценил с порога: действительно, тот, кто хорошо знает Интагара, но представления не имеет о его нынешнем задании, начнет о медиках подумывать... Это была не комната, а скорее уж кабинет профессора изящной словесности Ремиденума: два стола (и третий, за которым сидел Интагар) завалены тонкими книжками, толстыми томами, какими-то рукописями. На тех корешках, что оказались обращены к Сварогу, — соответствующие заголовки: «Погода и атмосферные явления в поэзии Асверуса», «Асверус и каталунские легенды», «Влияние окружающих пейзажей на творчество Кагинарского кружка»... и тому подобные изыски пытливой научной мысли. Интагар, когда Сварог вошел, как раз читал фолиант под заглавием «Морские темы у Асверуса».

— Толково подготовились, я смотрю, — сказал Сварог, присаживаясь напротив и доставая сигарету.

— Ох, ваше величество... — на бульдожьей физиономии читалась откровенная тоска. — Этак, чего доброго, если прогоните, смогу подрабатывать литературоведом... даже слово это клятвое уже выучился без запинки произносить... — он отложил книгу переплетом вверх. — Я, конечно, шучу — когда это п р о г н а н н о у министру тайной полиции удавалось потом не то что на стороне подрабатывать, а вообще в живых остаться...

— Ну, вас-то это не должно пугать, — сказал Сварог.

— Очень надеюсь... Просто шутки у меня всегда... такие. Ваше величество, честно признаться, в толк не возьму,

з а ч е м нужно это чертово литературоведение? Поэзия сама по себе — это понятно, это нужно. Сам я первый раз в жизни стихи читаю, но ведь многим нужно. Дочки вон у меня взалхлеб... Опять-таки из поэзии получаются песни... а я, когда был молодой, тоже любил за столом попеть... а вот теперь оказалось, что пару раз как раз и пел Асверуса... Ну так, к чему это я? Вот жил человек, писал стихи, отличные, раз их и через двадцать лет читают, песнями поют... Ну, поставили памятник — может, и заслужил. Но вот на кой черт все это? — он широким жестом обвел груды книг. — Все эти морские темы в творчестве и влияние насморка в таком-то году... Что, стихи лучше станут, или хуже? А уж это... — он брезгливо, словно дохлого мыша за хвост, поднял толстый том, озаглавленными «Женщины в жизни Асверуса». — Эти-то сплетни к чему вытаскивать? И расходятся эти книги среди кучки чокнутых профессоров, в отличие от самих стихов. И ведь все это за казенный счет печатается... — в его глазах пылало искреннее недоумение. — З а ч е м?

— Хотите правду, Интагар? — усмехнулся Сварог. — Я и сам абсолютно не поймаю, зачем это все, за каким чертом... Ну, вот повелось так. Не нами, как говорится, заведено. Вот и приходится отстегивать денежки из казны... Положено так...

— Положено... — пробурчал Интагар. — Я вот тут, между прочим, прочитал Барзака — и знаете, интересно. Я кое к чему подходил исключительно с точки зрения ремесла — так что быстро вычислил, кто именно среди них стучал в тайную полицию — а ведь и не подумаешь, как это обычно водится. Но вообще, интересно. Но, обратите внимание: Барзак книгу свою издавал на собственные деньги. Вот бы и эти, коли уж им без этого жизнь не в жизнь...

— Так то Барзак... — сказал Сварог. — А эти предполагают за счет казны забавляться. Ладно, давайте о делах. Коли уж дали Красную тревогу...

Интагар мгновенно подобрался, лицо стало соответствующим:

— Ваше величество, позвольте начать издалека, с самого начала?

— Валяйте, — сказал Сварог. — Времени у меня много.

— Поскольку речь пойдет именно о женщине, я на эту тему и составил экстракт... — он положил короткопалую руку на невеликую стопку исписанных аккуратным почерком листов. — Ну, врать не стану, не я сам, есть у меня полезный человек по этой части...

Сварог нисколько не удивился. «Полезные люди» у Интагара имелись решительно везде — от великосветских салонов и университетов до портовых борделей и подозрительных трактиров. Хозяйственный человек Интагар...

— Профессор? — с большим знанием дела спросил Сварог.

— Нет, хватило студента, — сказал Интагар. — Ремиденум, выпускной курс кафедры изящной словесности. Ну, вы же знаете эту необузданную публику, хоть они там и таланты, а на каждого лежит куча полицейских протоколов за разные художества... Чтобы ему было проще выбираться из полицейских каталажек, я ему выдал нашу бляху с наказом не злоупотреблять — а он мне иногда помогает. Толковый парень, без него я бы гораздо дольше... Дело выглядит так. Граф Асверус, как лично мне кажется, в отношениях с женщинами был, попросту говоря, мужиком правильным. Романов имел кучу, но хвастать победами не любил, а уж своих замужних подруг и вовсе прятал. — Интагар грустно усмехнулся. — Но бабы есть бабы... Гораздо позже, когда Асверус стал посмертной знаменитостью, двое из них, при живых мужьях, сами издали мемуары — про себя и Асверуса. И уж так расписали... И та, и другая, изволите видеть, были единственными л ю б о в я м и... Уж не знаю, как к тому мужья отнеслись, лень было копать... Но дело-то в том, что, как неопровержимо доказал мне студент с кучей конкретных примеров, у Асверуса до самого последнего времени не было никаких т а к и х л ю б о в е й. Вообще. Жил легко, крутил легкие, ни к чему не обязывающие романчики — полюбились и разошлись, по обоюдному согласию. Ни разу не попадалось упоминаний, чтобы кто-то из женщин потом страдал или травиться пытался... Оказалось, он в свое время тоже по-

бывал в любовниках Дайни Барг. Но и там все прошло легко — две недели тру-ля-ля в постели, потом дружески улыбнулись и преспокойно разошлись, так оно у него и протекало всю сознательную жизнь... только вот примерно за месяц до гибели его, никаких сомнений, н а к р ы л о всерьез. Вы знаете эту историю или вам рассказать?

— Знаю, — сказал Сварог без всякого интереса. — Ну да, классический случай: он-то влюбился всерьез, может быть, впервые в жизни, а ей, кроме легкого романа, ничего и не было нужно. Как же... Златовласка, она же Синеглазка, она же сначала Синеглазое чудо, после разрыва — Синеглазое Горе. Все обращенные к ней стихи собраны в цикл «Златовласка»...

— Вот и у меня в точности такой экстракт... А вы знаете, что она — самая загадочная из его женщин?

— Ну да, — сказал Сварог. — В отличие от большинства его подруг о ней практически ничего не известно. Даже имени, — он усмехнулся, — Благодаря чему наши гробокопатели в беретах с совами получили возможность написать целую кучу книг, подобрали дюжины две кандидатов, и каждый свою отстаивает так, что пух и перья летят...

— Вот именно. Барзак, если вы читали, очень над этой загадкой бился...

— Читал, помню, — сказал Сварог. — И ничего не добился, в отличие от ученых мужей, оказался то ли умнее, то ли совестливее, и кандидаток не искал... Ну, а у вас что?

— А я ее нашел, — просто и буднично сказал Интагар. — это ларисса. Я твердо уверен.

— Вот оно как! — сказал Сварог, моментально стряхнув легкую скуку. — Аргументы?

— Сейчас... — Интагар покопался в листках своего Экстракта, нашел нужный и прочитал вслух:

*— В нежданном, тихом, плавном повороте
Из-под бедняги уплыла земля.
Ведь вы напротив, Синеглазка, вы напротив
и между нами чаща разноцветья хрусталья...*

— Объясните подробно, — сказал Сварог. — Откровенно скажу, не понимаю, где тут ключ.

— Все не так уж сложно, ваше величество... позвольте, я сейчас...

Интагар взял со стола книги, унес их на другой, развернул длинный, широкий, пергаментный свиток, судя по виду, довольно старый. Пока он старательно придавливал все четыре угла — который чернильницей, который извлеченным из ящика стола коротким пистолетом, Сварог успел присмотреться. Золотой тушью высшего сорта там был изображен прямоугольник, со всех сторон окруженный направленными к нему под углом девяносто градусов надписями. Свободное место украшено очень мастерски нарисованными виньетками и узорами, а в уголке золотой же тушью — ронерский королевский герб.

— Хрусталь — это сам по себе след, — сказал Интагар. — Не просто хрусталь, а разноцветный и в большом количестве — «чаща»... Я и это изучил, нашелся полезный человек... В те времена, сто двадцать пять лет назад, секрет знаменитого марранского разноцветного хрусталя был давно утрачен — как-то так получилось, ну, нам это должно быть неинтересно... Чуть ли не сотня лет прошла, как потеряли секрет. Естественно, сохранившийся был в бешеной цене? Знатные господа друг перед другом хвастали, у кого сервиз больше и разнообразнее, мне в старых бумагах попался случай, когда некий барон слугу за разбитое блюдо тут же, в столовой, кинжалом проткнул... Ну, а у королей, понятно, были вовсе уж роскошные, ценились дороже, чем золотая посуда — кого, в конце концов, удивить золотом, даже мастерской работы... Золотых дел мастера никуда не делись, а вот разноцветный хрусталь... Теперь посмотрите сюда, вот имя: Шеллон, граф Асверус...

— Подождите. А что это за прием?

— Ах да... Простите, тороплюсь... Это — так называемый малый торжественный прием, то есть, как правило, для добрых знакомых, фаворитов и фавориток... в общем, то, что именуется «ближний круг». Даже высшие государственные сановники сплошь и рядом на такие приемы не попадают, если король или королева к ним, в принци-

пе, равнодушны. Обратите внимание, гостей достаточно мало, всего тридцать четыре, а здесь, на торце, где располагаются кресла королевской четы, значится только имя Дайни Барг — супруг видимо, как обычно, носился по лесам... Кресла расставлены так, что люди сидят аккуратно напротив друг друга. Вот Асверус...

— Ага, — сказал Сварог, наклоняясь над листом. — А напротив... А напротив — Гражина, маркиза Таугели... Имя скорее горротское, чем ронерское...

— Все совпадает, — сказал Интагар, азартно блестя глазами. — Синеглазка напротив, чаща разноцветья хрустала, стихотворение датировано тем днем, когда состоялся обед. Это убедительно?

— Довольно-таки... — сказал Сварог.

— Судя по дате, меж ними, еще, возможно, и не начался роман, — продолжал Интагар. — Быть может, он вообще впервые ее увидел... Т о ч н ы е даты, когда именно н а ч а л о с ь, никому не известны — это разрыв и последующие его метания очень точно датируются по стихам...

— Короче, — сказал Сварог. — Из чего следует вывод, что она — ларисса?

— Во-первых, из самого имени, — сказал Интагар. — великолепно просто, что вы изволили пожаловать мне компьютер. Без него я бы, конечно, и так все выяснил, но ушли бы недели... В общем, такого дворянского рода, Таугели, в о о б щ е нет. Нет его на Харуме, нигде в геральдических книгах не значится. А меж тем никакая самозванка не смогла бы проникнуть на т а к о й прием. Где королева лично отбирала гостей и каждого знала. Конечно, иные шустрые самозванцы и при дворе ухитрялись быть приняты — но, повторяю, на такой прием им в жизни не попасть. Все они там поголовно должны были быть добрыми знакомыми королевы...

— Ну, и что вы накопили касаясь этой Гражины? — спросил Сварог. — Зная вас, не сомневаюсь, что вы немедленно кинулись копать...

— Она появилась н и о т к у д а примерно за две недели до приема, — сказал Интагар. — Бумаги прекрасно сохранились — ничуть не секретные архивы Нотариальной

палаты. Есть точная дата, когда именно Гражина, маркиза Таугели, сняла особняк в Равене — по всем правилам, через помянутую палату, с оплатой на три месяца вперед. Судя по адресу, недостатка в деньгах она не испытывала. Всего через день она, опять-таки должным образом, снимает не менее роскошный особняк в Латеране... Ч е р е з д е н ь...

Сварог понятливо кивнул. Все было ясно и так. Самолетов тогда еще не было, расстояние меж Равеной и Латераной приличное, современные речные пароходы, отнюдь не медленные, преодолевают его дня за три... а тогда и пароходы были хуже. Обычный земной человек такое расстояние за день преодолеть не может. Вариантов не слишком много: либо она из тех немногочисленных колдуний, что еще сохранили умение летать по воздуху, либо у нее была под рукой вимана или брагант...

— В обоих городах сделки она заключала сама, — сказал Интагар. — Подписи идентичны. Далее. Уже через два дня после прибытия в Латерану ее имя появляется в списке гостей дворцового маскарада — полное впечатление, что она к нему и подгадала... Обратите внимание: никому прежде неизвестная женщина объявляется в Латеране, и тут же принята при дворе. Конечно, бывает разного рода протекция, но, учитывая вышеизложенное... Появление ниоткуда и д е н ь, разделяющий ее появление в Равене и Латеране — это доказательства?

Сварог снова кивнул:

— Доказательства.

— Я, конечно, могу только строить предположения... Но если она ларисса, она вполне могла познакомиться с королевой у в а с. Я откопал дворцовые журналы. За неделю до появления Гражины Дайни Барг, подобно другим земным монархам, присутствовала на большом балу в Келл Инире — это в последнее время утраивают маскарады и балы, где немало земных дворян, а в те годы ничего подобного не было, никаких дворцов вроде того, где мы с вами тогда были на маскараде. З а о б л а к а в виде особой милости приглашались только короли. По-моему, весьма правдоподобная версия: они познакомились на том балу, и Гражина — ну конечно, имя вымышленное, я за всю

жизнь только раз сталкивался со случаем, когда высокие господа небес появляются на земле под собственным именем, речь, конечно же, о герцоге Орке... Словом, Гражина прилетела в гости. Судя по договорам найма, месяца на три. Не первый случай, сплошь и рядом... Ну вот. Дальше нам и так все известно — Асверус влюбился всерьез, а она явно ответила что-то вроде «поиграли — и будет». А исчезла она так же внезапно и в никуда, как внезапно появилась из ниоткуда. В тех самых договорах найма значится: нанимательница вышла из особняка в Равене и более не появлялась ни там, ни в Латеране. Кстати, она могла получить назад плату за полтора месяца, с вычетом каких-то процентов — но так никогда и не обращалась ни к домовладельцам, ни в Нотариальную палату... Пришла из ниоткуда, исчезла в никуда... — он конфузливо улыбнулся. — Черт, прямо первая строчка стиха получается... Я вас убедил, ваше величество?

— Убедили, — сказал Сварог. — Убедили бы даже, не будь другого источника. А он есть. К нам приехал барон Фаторус, вы, конечно, знаете?

— Конечно. Мы должны добыли встретиться вечером, как следует потолковать о делах...

— Он привез с собой документы, которые решил отдать мне, не дожидаясь встречи с вами, — Сварог достал два пожелтевших листочка и показал Интагару. — Это два стихотворения Асверуса, их тайная полиция отыскала в архивах после взятия Латераны, сто двадцать лет они хранились в архивах с пометой: «Только для глаз короля». Почему, сейчас поймете сами... Читайте.

Он подал Интагару листок с коротким стихотворением.

*Я был наивен, любовь — легка,
но вы вернётесь за облака,
играть другими, как нынче мной —
с веселой, чистой, пустой душой...
Я вас придумал в приятном сне,
и сам виновен, что снились мне
и ваши чувства — пожар, дурман! —
и ваша нежность, и вы сама...*

— Вот так, — сказал Сварог, когда Интагар опустил руку с листком. — Вторая строчка — неопровержимое доказательство, вкупе с тем, что вы уже накопили... Теперь вот что... Я прекрасно понимаю, почему это стихотворение оказалось под таким графом секретности, почему барон с превеликим облегчением перепоручил его мне, раньше, чем встретился с вами. Ну конечно, кто бы вмешивался в дела Высоких Господ Небес... Это понятно. Но мне совершенно непонятно, почему вместе с этим стихотворением в тот же конверт попало и второе, на мой взгляд, безобиднейшее... Вот, читайте, может, вы мне что-нибудь объясните...

*Было: теплый ливень, звона полный,
тяжело ворочалась гроза.
Отражались желтые зигзаги молний
в ваших синих и восторженных глазах.
Стало: под высоким небосклоном
лирика корява и груба...
Мимоходом я убит грифоном
с вашего герба...
Было: сколько раз я падал на колени,
и не знал, что я наивен, юн и туп,
полагая в глупом самомнении,
будто я — хозяин ваших губ.
Стало: взгляд чужой и непокорный,
не в каприз, а навсегда уже.
Вот и проскакал ваш всадник черный
по моей душе...
Как ни искал я к сердцу ключ,
но ваш шиповник был так колюч...*

— Понятно... — тихо сказал Интагар, дочитав.

— Что? — жадно спросил Сварог.

— По ф о р м е — это так называемые «гербовые вирши в стиле балерио», — сказал Интагар. — Я запомнил, пока рылся в книгах, на всякие вещи натыкался... Среди поэтов тогда было в большой моде сочинять вирши, в которых они описывали фигуры в гербе предмета своего воздыха-

ния, сплетая всякие там ассоциации и прочие красоты. Иногда это касалось тех, с кем роман успешно проходил, а иногда — грусть после разрыва, вот как здесь... Это описание ее герба, полагалось делать полное. Грифон, черный всадник — точнее, как принято в геральдике, «черный рыцарь», и шиповник...

— Ну и что? Вымышленное имя, вымышленный герб... Человек, выступающий в образе земного дворянина, обязательно должен иметь еще и герб...

— Она не могла пользоваться э д е с ь этим гербом, коли уж выдавала себя за земную дворянку, — тихо сказал Интагар. — Иначе всем моментально стало бы ясно, кто она — а ведь никто и словечком не упоминает о л а р р и с с е... Видите ли, ваше величество, всевозможные рыцари, пешие и конные, в земной геральдике встречаются частенько, как и шиповник с прочими цветами. Но есть две гербовых фигуры, которые позволены только ларам, а на земле запрещены в геральдике — грифон и лилия... Это ее н а с т о я щ и й герб, ваше величество, — он смотрел так, словно Сварог сам должен был о чем-то догадаться. — Вряд ли она выглядела старше Асверуса, прошло в с е г о сто двадцать пять лет...

И тут до Сварога дошло.

— Да ведь она и сейчас должна быть жива! И даже не особенно стара! — буквально рявкнул он.

— Именно, ваше величество...

— Ага! Думаете, у нее могут оказаться какие-то бумаги?

— Не знаю, ваше величество. Вот тут уж не берусь ни о чем судить...

— Где у вас стоит компьютер? Ага!

В два прыжка оказавшись возле столика с компьютером в дальнем углу, Сварог прямо-таки забарабанил по клавишам. И, едва на экране появился Элкон, выпалил:

— Где вы сейчас?

— В конторе, — спокойно ответил Элкон, — как раз закончил со снимками, набралось четыре с небольшим тысячи. Сейчас лечу в Хелльстад...

— Задержитесь, — сказал Сварог. — Слушайте внимательно. Мне нужно срочно выяснить, кому из ларов при-

надлежит некий герб. Я не знаю, какой он формы, и как разделен, но совершенно точно известно: на нем грифон, черный конный рыцарь и шиповник... не знаю, белый или красный. Все это можно выяснить в считанные минуты. Далее. Мне нужно знать, что за женщина пользовалась этим гербом сто двадцать пять лет назад. Тогда она была молодой, значит, и сейчас не стара. В те времена она могла быть незамужней, потом выйти замуж и пользоваться теперь гербом мужа... но герб-то все равно остался в гербовнике... Элкон, мне это нужно немедленно! Если нет в точности такого герба, подберите все схожие. Элкон, это срочно!

— Пустяки, командир, — Элкон невозмутимо пожал плечами. — Займет от силы квадранс, а то и меньше...

Когда он исчез с Экрана, Сварог, вновь плюхнувшись в кресло, закурил, достал из воздуха стопку келимаса. Поставил вторую перед Интагаром:

— За успех! Вам в любом случае полагается орден... Заслужили.

— Но получается, после этих стихов, что я работал зря...

— Вот это уж вздор, — сказал Сварог. — Вы отлично провернули серьезную работу... а стихи отыскиались случайно, могли и не найтись. Так что все заслуги — за вами.

Только тут он сообразил, что это можно проверить совершенно точно — просто не подумал о таком варианте, поскольку он был стопроцентно легальным, а Сварогу вечно приходилось иметь дело с совершеннейшей нелегальщиной... Ну ладно, не стоит сейчас отрывать Элкона, пусть ищет...

Вот кем Интагар никогда не был, так это трезвенником. Стопку он осушил с явным удовольствием. Посидел немного и осторожно спросил:

— Ваше величество, я точно могу быть уверенным, что мне э т о сойдет с рук — и кивнул в сторону компьютера. — Маркиза Томи как-то все же проговорила, что его работу наверху могут обнаружить...

— Ну да, — сказал Сварог, ухмыляясь не без цинизма. — И все донесения об этом лягут ко мне на стол... Все

в порядке, Интагар, вас это совершенно не должно волновать.

Он самую чуточку лукавил. Компьютер Томи настроила так, чтобы Интагар полной ложкой черпал любую информацию о земных делах из архивов Канцелярии земных дел — там она полная и богатейшая. А Элкон озаботился, чтобы «дорожка» проходила окольными путями и невозможно было отследить, кто именно шарит по архивам, да и сами поиски останутся неведомы для тамошних спецов. Но, увы, с а м у работу компьютера не скроешь, его могут очень быстро вычислить, определить, где он находится. И донесения ложатся не только на стол Сварогу в «восьмерке» и «девятке» (как уже ложились две недели), но и на стол Канцлера. И коли уж Канцлер за эти две недели не предпринял никаких мер, ни словечком не намекнул Сварогу, что знает (а он должен прекрасно понимать, к т о тут развлекается), — выходит, смотрит сквозь пальцы на очередное Сварогово мелкое хулиганство, понимает, что это исключительно для пользы дела...

— Еще по стопке? — предложил Сварог.

— Не отказался бы...

— Держите. За...

Компьютер мелодично мявкнул, и Сварог, поставив нетронутую стопку, кинулся к нему, мельком глянул на часы — девять минут, ай да Элкон, пожалуй, по итогам операции и ему следует медальку повесить...

— Ничего сложного, командир, — сказал Элкон со свойственной ему в таких случаях напускной небрежностью. — Н е с к о л ь к и х гербов нет, есть только один, в точности отвечающий описанию. Вот, смотрите (Сварог поманил Интагара, и тот буквально подскочил к столу). Вывожу на экран.

Изображение превратилось в два — правую половинку экрана занимал Элкон, вторую — герб. Классический гербовый щит ларов — домблон, только с двумя вырезами по сторонам, у верхней кромки. Рассечен по вертикали пополам. Справа — золотой с черным грифон, слева — черный конный рыцарь, У верхней кромки, на рассекающей линии — колючая веточка алого шиповника.

Сварог не успел открыть рта — Элкон, предвидя дальнейшие вопросы, продолжал:

— Сто двадцать пять лет назад это был родовой герб Эльтилеты, маркизы Белуа. Тогда ей было двадцать. Восемнадцать лет спустя она вышла замуж, теперь, естественно, пользуется гербом мужа. Теперь она Эльтилета, графиня Дореак. Муж в долгой командировке на Сильване, она тоже там, но завтра поутру должна вернуться. Последний снимок из Гербовой книги сделан два года назад.

На месте герба появилась златовласая, синеглазая красotka, с затейливой прической замужней женщины, в открытом белом платье, с сапфировым, в тон глазам, ожерельем на шее. Выглядела она лет на двадцать с небольшим — ну конечно, всего сто сорок пять... И не казалась ни порочной, ни жестокосердной, наоборот, довольно милой. Именно такой, в точности такой она должна была предстать перед Асверусом — Синеглазое Чудо, Синеглазое Горе...

— Теперь вот что, — сказал Сварог. — Проверьте быстренько по архивам восьмого департамента — регистрировалась ли она для полета на землю. С большой долей вероятности — в фионе три тысячи пятьсот восемьдесят первого Харумской эры — мне некогда переводить это в наши даты, а вам — раз плюнуть...

— Ну, это и вовсе быстро, — сказал Элкон. — Я даже отключаться не буду...

Он опустил глаза, судя по движениям плеч, его пальцы порхали по клавиатуре. Не прошло и минуты, как он поднял взгляд:

— Регистрировалась. Под именем Гражины, маркизы Таугели.

— Отлично, — сказал Сварог. — больше поручений нет, отправляйтесь в Хелльстад и делайте, как оговорено.

Когда экран погас и они вернулись за стол, Сварог вновь наполнил стопки:

— За это, право же, стоит выпить. И за успех дела, и за ваш орден. Заслужили. Даже не будь бумаг барона, я бы ее нашел, коли уж она регистрировалась... Это вообще-то секрет, но вы со мной одной веревочкой повязаны на всю

оставшуюся жизнь... Видите ли, благородные лары и лариссы в силу извечных вольностей могут отправляться на землю, вообще не ставя никого в известность. И пребывать там, сколько душе угодно. Правда, из всех таких один Орк совершенно не скрывает, кто он, даже настоящее имя не держит в тайне — а прочие все же притворяются землянами. Но иные официально регистрируются в восьмом департаменте — выбранное имя, место назначения... Это, в общем, не из законопослушности — чаще всего так поступают молодые, робкие девушки и... прямо скажем, трусоватые любители развлечений. Зарегистрированный получает датчик и устройство, позволяющее подать сигнал тревоги, в случае опасности помощь подоспеет очень быстро...

— Да это не секрет, — признался Интагар. — По крайней мере, для начальников тайных полиций. За то время, что я на нынешнем посту, раз двадцать получал из восьмого департамента — имя и указание обеспечить постоянную негласную охрану. Вот тут вы совершенно правы, — он деликатно усмехнулся. — Судя по моим наблюдениям, это всякий раз были либо совсем молодые девушки, либо трусоватые любители развлечений. Я давно уже понял, что и с т и н н ы е искатели приключений, вроде Орка, отправляются на свой страх и риск... как и дамы определенного склада, ищущие определенных развлечений. Вроде герцогини Аколема... вы ведь знаете такую?

— Знаю, — сказал Сварог с безразличным видом (ну, как же, немало в свое время побегал от этой распутной красотки, жаждавшей его присоединить к своей немаленькой коллекции). — Она все еще на Бараглайском холме?

— Ну да, — сказал Интагар. — Если вам нужны сведения...

— Ни малейших, — отмахнулся Сварог. — Сведения будут удручающе однообразны, разница лишь в именах и адресах. На кой она мне сдалась... Просматриваете?

— Конечно, — сказал Интагар. — Все-таки герцогиня, жена камергера императорского двора... Вообще стараемся присматривать за в ы я в л е н н ы м и — мало ли что, хоть они и не регистрируются, и указаний насчет них я не получаю... Супруга камергера...

«У которого рога не во всякие ворота пройдут», — мысленно добавил Сварог. Впрочем, камергера это нисколько не волнует, поскольку и он, со своей стороны, нимало не удручаясь художествами супруги, волочится за каждой юбкой, в прошлом году даже вокруг Яны со всей деликатностью круги нарезал. Одним словом, здоровая, устойчивая, крепкая семья, счастливый брак...

Он как-то сразу расслабился, обмяк. Не нужно было никуда мчаться, что-то срочно предпринимать, выяснять, пресекать, принимать меры... Графиня вернется только завтра, результаты у Элкона появятся, может быть, даже послезавтра, Золотая Щука и вовсе должна объявиться, если уцелела, дня через два... Никаких срочных дел. Лететь в Хелльстад, или... Или.

— Вы прекрасно поработали, Интагар, — сказал он, вставая. — Орден за мной. Пойду немного отдохну...

— Ваше величество...

— Не смотрите на меня так умоляюще, — усмехнулся Сварог. — Если завтра окажется, что у нее в самом деле остались какие-то бумаги и она их не выкинула, вы с ними первым после меня познакомитесь, вам по должности положено...

Он кивнул, вышел и направился в закатное крыло вялой, расслабленной походкой — так приятно было никуда не спешить и знать, что нет на сегодня никаких дел... Никто его сегодня больше не побеспокоил неприятными сюрпризами, вообще новостями. Так что он лежал, довольный и покойный, обнимая прильнувшую к нему Мару, в бледно-сиреновом свете единственной карбамильской лампы, слушая Тарину Тареми:

— Скажи, Бога ради,
вдруг былого лед
не растаял сзади,
а уплыл вперед.
и в грядущем только
дней прошедших наст
предательски тонко
поджидает нас?

Мара пошевелилась, спросила чуть обиженно:

— А почему ты даже не спрашиваешь, как у меня дела с предстоящей кампанией?

— А зачем спрашивать? — лениво ответил Сварог. — Коли уж морскую операцию разрабатывал адмирал Амонд, а действия конницы — князь Гарайла, тут и спрашивать ничего не надо. Ты уж только постарайся особенно не высовываться и не лезть в самое пекло...

— Постараюсь, — самым искренним тоном заверила Мара (но Сварог прекрасно зная боевую подругу, что-то не особенно ей верил). — Буду держаться, как королеве положено...

— Ага, — сказал Сварог, — великолепный образец уклончивой формулировки. Королевы разные бывают, взять хотя бы Джалию Гланскую, та лично кавалерийские атаки возглавляла...

— Да ладно, — фыркнула Мара. — Не буду я в самое пекло, уговорил...

— Послушай, — осторожно начал Сварог. — А вот как ты отнесешься к тому, что я женюсь?

Мара живо приподнялась на локте, заглянула ему в глаза:

— Я искренне надеюсь, ты не мне собрался замужество предлагать? Я вовсе не собираюсь за тебя замуж, мне с тобой и так хорошо, да и гордой, независимой королевой побыть хочется. Так-так-так. На Яне?

— Да, — сказал он все так же осторожно.

— Блеск! — воскликнула Мара, наклонилась и звонко его расцеловала. — Ты, как всегда, великолепен. Т а м? — она показала пальцем в потолок.

— Да что ты, — сказал Сварог. — От т а к о й перспективы я бы отбивался руками и ногами... В Хелльстаде. Ну, вот хочет она быть еще и королевой Хелльстада...

— И правильно, — чуть подумав, заключила Мара. — Наверху перед ней в струнку вытянутся и на цыпочках ходить будут, они ж тоже Хелльстада боятся... Вот здорово! — воскликнула она с неподдельным энтузиазмом. — Соберем всех старых друзей, на свадьбе погуляем... Я, со своей стороны, берусь дать ей немало полезных советов касательно ублажения мужа...

— Ничуть ты не изменилась, рыжее чудовище, — фыркнул Сварог.

— И не собираюсь, — отрезала Мара. — Какая есть, такой и останусь навсегда. Это не тупость и не упрямство, а целеустремленность и постоянство характера... Так что я за тебя очень рада. А то в последнее время, с тех пор, как я на Сегуре, за тобой толком и присмотреть некому. Чуть отвернешься — а ты шмыгнешь учинить очередное геройство... Ничего, теперь Яна за тобой будет присматривать, она девушка рассудительная... Можешь меня потом убить, но я ей обязательно объясню, толково и обстоятельно, как за тобой следует присматривать... Нет, точно здорово! А когда?

— Довольно скоро, думаю, — сказал Сварог.

— Ну, Дике я взять успею... Надо будет какое-нибудь платье придумать... Слушай! — воскликнула она вдруг. — А когда мы, наконец, будем громить Горрот? И крохотулек? Ведь давно пора, а то как гвоздь в башмаке...

— Дойдет черед, — сказал Сварог, не желая встречать в серьезные разговоры о нешуточных сложностях. — Иди сюда...

...Вылезши из служебного браганта, он шагал к замковой лестнице четким, едва ли не маршевым шагом — в парадном черно-сиреновом мундире, со всеми орденами, имперскими и земными, при мече, пусть и коротком, церемониальном. Вполне возможно, графиня сейчас наблюдала за ним из окна, и Сварог с самого начала старался предстать не пустым светским визитером, а мрачным генералом, пребывавшим при исполнении не самых веселых служебных обязанностей...

У входа, по обе стороны высокой двери, стояли шесть дружинников в парадной форме — все по этикету, именно так и надлежит встречать и генерала, и камергера двора, если он является в мундире, кто-то вовремя подсуетился... а вот, как и следовало ожидать, дворецкий объявился, разряженный, как павлин-мавлин...

Сверкнули шесть огненных мечей, бравые молодцы дружно рывкнули приветствие, дворецкий осыпал его по-

током затейливых фраз, все по этикету, черти б его побрали. Сам виноват, вырядился в мундир, но тут уж ничего не поделаешь, нужно с самого начала чуточку надавить на нее о ф и ц и а л ь н о с т ь ю, по данным восьмого департамента — ни крупинки железа в характере, мягкая такая, из тех, что зовутся «домашними» — хотя балы и развлечения любит, часто посещает, двое детей, фрейлина императрицы (в Империи, в отличие от земли, во фрейлинах могут оставаться и после замужества, и получить эту почетную должность, будучи замужними), в изменах мужу не замечена. Супруг, правда, порой гуляет на стороне, хотя не так уж часто...

Графиня встретила его в холле — знак отменной вежливости. Да, она по-прежнему выглядела на двадцать с небольшим, и такой ей оставаться еще долго — Синеглазое Чудо, Синеглазое Горе, простое, но изящное домашнее палевое платье, простая домашняя прическа, украшений нет, кроме небольших сережек...

Сварог выполнил полагавшийся церемонный поклон.

— Граф Гэйр? Я не ждала вашего визита, но все равно, рада вас видеть, о вас рассказывают столько интересного...

Спокойный, ровный, мелодичный голос — вот только взгляд задержался на мече, без малейшей тревоги, но с несказанным удивлением. Конечно же, она прекрасно знала этикет и понимала, что человек при мече может явиться исключительно ради каких-то служебных обязанностей.

— Быть может, вам нужен мой муж, — спросила она чуть недоуменно, видя, что он перехватил и понял ее взгляд. — Он еще с неделю будет на Сильване...

— Мне нужны именно вы, графиня, — сказал Сварог с вежливой непреклонностью. — Хотелось бы с вами побеседовать. Извините, служба требует...

— Ну конечно, если так нужно, — сказала она просто. — Я еще не видела таких мундиров... Это девятый стол, надо полагать?

— Да, — сказал Сварог.

— О нем тоже ходят разные интересные разговоры... но никто ничего не знает толком. Маркиза Ролатан, баро-

несса Лейт, мать Томи — моя давняя подруга, но Томи ей ничего не рассказывает, ссылается на служебные тайны... Ох! Что же я держу вас в холле... Пойдемте? Кофе?

— Пожалуй, — сказал Сварог, отстегивая меч, как и полагалось приглашенному к столу офицеру, пусть явившемуся исключительно по служебной надобности. При оружии остаются до конца, лишь когда проводят арест, а какие тут могут быть аресты...

Раззолоченный лакей, как полагалось, унес его меч на вытянутых руках к вешалке для оружия — сейчас, конечно, пустовавшей. Небольшая гостиная, выдержанная в палевых, в тон ее платью, тонах, легкий столик с позолоченными углами, фарфоровый сервиз в сине-красной росписи... Сварог постарался выпить свой кофе со всей быстротой, позволявшей этикетом, — графиня, едва пригубив, неотрывно смотрела на него, без малейшего напряжения и тревоги, с несказанным удивлением и, пожалуй что, с любопытством: женщины остаются женщинами...

— Я бы хотел задать вам несколько вопросов, графиня, — сказал Сварог. — О... былых временах. Возможно, иные из них будут не вполне тактичными, но такова уж служба... Если какие-то покажутся вам в о в с е уж нетактичными, скажите прямо. В конце концов, это не допрос... хотя дело официальное и весьма серьезное.

— Вы меня заинтриговали, — сказала она, чуть улыбаясь. — Как любую на моем месте... Вряд ли вы станете задавать в о в с е уж нетактичные вопросы, так что начинайте, мне очень любопытно. Представления не имею, зачем я понадобилась вашей службе, но это и есть самое интригующее...

— Сто двадцать пять лет назад вы посещали землю, — сказал Сварог. — Равена, Латерана... бывали где-то еще?

— Нет, только в этих двух городах, — охотно ответила она.

— Насколько я догадываюсь, в Келл Инире, на большом балу, вы познакомились с королевой Ронеро Дайни Барг?

— Да, — так же легко ответила она. — Балы и торжества продолжались неделю, так что мы, можно сказать, подружились. Знаете, женщины не знают с е р е д и н ы. Либо сразу становятся подругами, либо с первой же

встречи понимают, что терпеть не могут друг друга. Мы как-то очень быстро сблизились, нам было друг с другом интересно. Я впервые видела жительницу земли, причем королеву, а Дайни до того бывала у нас исключительно по официальным делам, в Канцелярии земных дел, — графиня улыбнулась. — Впрочем, она моментально освоилась и веселилась, я бы сказала, очень энергично.

«Ну конечно, — подумал Сварог. — Зная вольный нрав Дайни, легко догадаться, что за эту неделю в ее спальне побывал не один здешний кавалер. Ну, такова уж была Дайни Барг, да и муженек ей достался, если вспомнить...»

— Когда мы прощались, она пригласила меня в гости, — продолжала графиня. — Я зарегистрировалась должным образом в восьмом департаменте — мне тогда едва исполнилось двадцать, я никогда прежде не была на земле, а теперь предстояло отправиться туда в одиночку... Не то чтобы я чего-то боялась, но некоторую робость испытывала. Почти сразу же я попала на малый прием, торжественный обед для ближнего круга...

— И там вы познакомились с Шеллоном, графом Асверусом?

Без сомнения, она прекрасно помнила и те события, и Асверуса — ее взгляд стал отстраненным, словно бы затуманенным, на губах играла отрешенная улыбка — с таким лицом люди обычно вспоминают безусловно приятные события своей юности...

— Да, именно там... Он уже через пару часов преподнес мне сочиненный тогда же мадригал...

Сварог негромко процитировал:

— В неожиданном, тихом, плавном повороте из-под бедняги уплыла земля... Это?

— Да, — сказала она, ничуть не удивившись. — Вы читали, конечно... Оказалось со временем... уже п о с л е... что он был большим поэтом, ему даже поставили памятник... где он ничуть на себя не похож, он всегда очень просто держался и не принимал столь напыщенных, горделивых поз...

— Ну, что же вы хотите, графиня, с памятниками так сплошь и рядом обстоит...

— Т о г д а я не видела в нем большого поэта, — призналась графиня. — Приятный, остроумный, что скрывать, интересный придворный кавалер... Стихи писали и пишут очень многие, только время дает возможность оценить, кто чего стоит. Стоил...

Сварог уже понял, что она далеко не глупа.

— Об Асверусе мне и нужно с вами поговорить, — сказал он без малейших колебаний. — Обо всех тогдашних делах.

Ее светлые брови удивленно взлетели:

— Эти дела до сих пор могут кого-то интересовать? Все давно умерли, столько времени прошло...

— Э т и д е л а оказались настолько живучими, что и сейчас продолжают... — сказал Сварог. — Вот теперь, графиня, и последует, быть может, нетактичный вопрос... Ваши отношения с Асверусом...

Она промедлила лишь самую чуточку:

— По-моему, здесь нет ничего особенно нетактичного... Коли уж вы не светский сплетник, а генерал на службе... В конце концов, во всем этом не было ничего постыдного. Я не монашенка была в то время, у меня уже случилась парочка н а с т о я щ и х романов, тем более я тогда была незамужней и свободной от обязательств перед кем бы то ни было... У нас очень быстро начался роман... и очень быстро стал н а с т о я щ и м, — она на миг опустила глаза. — Классический, легкий, ни к чему не обязывающий... то есть это мне так казалось... недели три все шло просто прекрасно, а потом... — она снова замялась на миг, но решительно продолжила: — Оказалось, что о н влюблен по-настоящему, впервые в жизни, как он клялся дворянской честью, потерял голову... Но я-то ничего такого не хотела! У меня не было к нему ровным счетом никаких чувств — ровно столько, сколько отведено на мимолетный роман. Я ему это говорила с самого начала, никогда не врала будто люблю. А он... Он ничего не хотел слушать, совершенно потерял голову... Все это стало очень тягостно, у нас состоялось решительное объяснение... называя вещи своими именами, разрыв. А он... Он никак не хотел с этим примириться, не мог взять в толк, что я его не люблю. Дважды буквально врвался ко мне в особняк, и оба

раза были тяжелые объяснения... В конце концов, я велела слугам не пускать его в дом ни под каким видом... Граф, ну что мне еще оставалось делать? — воскликнула она прямо-таки беспомощно. — Я не любила его и не считала, будто когда-нибудь полюблю! Разве я в чем-то виновата?

— Ну что вы, графиня, — сказал Сварог искренне. — Если подумать, история банальнейшая, различие лишь в том, что иногда нелюбящей бывает женщина, а иногда мужчина не любит... (он вспомнил Томи, хвала небесам, давно излечившуюся от очередной пылкой влюбленности — на сей раз в него). — Ни в чем вы не виноваты.

Он входил сюда, ощущая легкую злость на эту синеглазую красавицу, но теперь все это схлынуло. Перед ним сидела не великосветская шлюха и не роковая красотка, обожавшая коллекционировать сердца. Банальный мимолетный роман, ну вот не любила она его, и все тут... Если бы Асверус, скажем, застрелился из-за нее или иным способом покончил с собой, еще можно было бы зло ворчать про себя: погубила великого поэта, стервочка бесчужственная... Ни в чем она не виновата.

— Это становилось тягостным, — тихо продолжала графиня. — Он бродил под окнами, словно юнец... На мое счастье, он куда-то уехал, а Дайни пригласила меня в Латерану. Правда, я там надолго не задержалась... — она снова ненадолго опустила глаза. — Если вы столько знаете о тех временах... вам ведь известно, что такое Академия Лилий?

— Конечно, — сказал Сварог.

— Я говорила, что не монашенка, — сказала графиня самую чуточку смущенно. — И потом, до замужества, у меня случались романы... как у всех. Но Академия Лилий... Для меня это было чересчур. Т а к и х забав я всегда сторонилась, это не мое... Дайни сначала настойчиво приглашала меня участвовать, я отказалась наотрез. Она ничуть не обиделась, она была умница — но все равно, в Латеране мне стало как-то чуточку неуютно. Выпадала из общей картины. Весь двор очень увлеченно предавался нескончаемому... веселью, меня форменным образом осаждали кавалеры, иные сами по себе, а иные пытались вовлечь в игры наподобие Академии Лилий. Конечно, все было строго в

пределах этикета, но мне т а к не хотелось. И, оставаясь там, я себя чувствовала совершенно инородным телом... В общем, я вернулась в Равену и решила, что, пожалуй, пора возвращаться домой. Разве что намеревалась задержаться на пару дней, чтобы посмотреть Шествие Гильдий, мне говорили, это очень красивая и пышная церемония...

— Простите, графиня, я перебую... — сказал Сварог, форменным образом затаив дыхание, весь в нешуточном напряжении. — Асверус, случайно, не передавал вам на хранение каких-нибудь бумаг?

— Да, оставлял, — нимало не промедлив, ответила она. — Неужели они и сейчас кому-то интересны?

— И что с ними стало? — спросил он, явственно ощущая, как напряжена каждая клеточка, каждый нерв.

— Они и сейчас лежат у меня в секретере, в дальнем ящике. В полной сохранности, — безмятежно сказала графиня. — Сама не знаю, зачем сохранила... просто они о с т а л и с ь лежать там, знаете, как это бывает со всякими безделушками, особенно памятными? Граф! — воскликнула она с легкой тревогой. — Простите, но у вас такое лицо... Вам нехорошо?

— Ну что вы, — сказал Сварог, не ощущая ни облегчения, ни радости, просто чувствуя себя ватной куклой. — Вы не представляете, что эти бумаги для меня значат, и как я боялся, что они пропали навсегда...

— В чем же дело? — пожала она плечами. — Мне они совершенно не нужны, а вам, видимо, необходимы... Позвать лакея, чтобы принес прямо сейчас?

— Нет, не обязательно, — сказал Сварог, о т х о д я. — У меня еще пара вопросов, чтобы уточнить кое-что...

Перехватив его тоскливый взгляд, графиня чуть улыбнулась:

— Забудьте об этикете, вам сейчас просто необходимо, я же вижу. Я неплохо знаю мужчин... Вот чистая чашка...

Наполнив кофейную чашку до краев выдержанным, судя по запаху, келимасом, Сварог ее вульгарно ж а х н у л так, словно сидел сейчас в солдатском бивуаке.

— Отлично. А теперь налейте себе вторую, — заботливо сказала графиня. — Я видела мужчин в подобных ситуа-

циях... Кстати, можете курить, если хотите, муж у меня курит...

Опустошив вторую и закулив, Сварог чуть посидел с закрытыми глазами. Он еще не знал, что выиграл — но, безусловно, не медяки...

— Как это все произошло? — спросил он.

— Он объявился у меня внезапно, буквально ворвался, слуги не успели доложить... Вообще не понимаю, как они его пустили, до этого они старательно выполняли мой приказ... Это были надежные люди, не польстились бы на золото и не испугались бы оружия...

Для Сварога тут ничего непонятного не было. Конечно же, на сей раз у Асверуса была при себе какая-то грозная бляха... да нет, бери выше, у него тогда оставалась ж у т к а я королевская байза, наверняка украшенная знаками, вещавшими, что ее владелец волен повесить кого угодно, не сходя с места, тут же, на воротах... Тертые столичные слуги не могли не разбираться в таких вещах, они попросту струхнули... Было от чего.

— Я сначала решила, что предстоит очередное тягостное объяснение, — сказала графиня. — Но нет... Да он и выглядел прямо-таки незнакомым — осунувшийся, небритый, весь в дорожной пыли, не то что грустный, а прямо-таки угнетенный... У него была с собой кожаная укладка для бумаг, довольно тяжелая на вид... Ни о каких чувствах и речи не заходило. Он попросил... да что там, он форменным образом умолял взять его бумаги на сохранение. «Ради всего святого...» И так далее... Он, право же, готов был умолять на коленях... — графиня тихонечко вздохнула. — Мне стало его попросту жалко, он был в таком виде... Я велела принести келимаса, он его пил почище, чем сейчас вы... Сказал, что эти бумаги невероятно важны, что за ними уже идет охота, а он сейчас никому не доверяет, потому что Дайни погибла, и в Латеране творится что-то скверное... но для меня никакой опасности нет, никто и не подумает, что бумаги у меня, он совершенно уверен, что за ним не следили... Когда — и е с л и — все обойдется, он напишет мне через канцелярию земных дел, как это принято, и я отошлю ему бумаги назад... Я заверила, что все так и сделаю, — она печально pokrиви-

ла губы. — Он выглядел таким разбитым, опустошенным... словно потерпел некое серьезнейшее поражение... И вооружен был до зубов, кроме меча и кинжала, четыре пистолета на поясе, под плащом... Он сказал, что мне следовало бы побыстрее вернуться к себе... Посмотрел так печально, поцеловал в щеку и быстро ушел. Через несколько часов его убили на улице, я об этом узнала назавтра, Асверус был в Равене весьма заметной фигурой... Назавтра же по Равене покатились слухи, разговоры, крайне неприятные новости... Дайни и в самом деле погибла вместе со многими из ближнего круга, никто не знал точных обстоятельств, но слухи кружили самые жуткие — что всех их убили демоны, что вскоре и в Равене начнется разгул нечистой силы, что снольдерские войска уже переходят границу, идут напрямик на Равену... Я сама видела — флаг над королевским дворцом был наполовину приспущен и увит белыми лентами — значит, Королева и правда умерла... На улицах появились войска, одни стояли караулами вместе с полицией, другие куда-то проходили через город, конные и пешие... Вы не представляете, что творилось в городе, простолудины бежали, нагрузив на повозки домашний скарб, да и иные дворяне торопливо покидали Равену, особенно те, чьи поместья располагались на закате, куда снольдерцы добрались бы в последнюю очередь, а то и не добрались бы вообще... Мне стало страшно, я подала сигнал тревоги, и за мной очень быстро прилетели на «невидимке»... Вот и все. Я больше никогда не бывала на земле, мне как-то хватило одного такого приключения... ну разе что, сопровождала императрицу на Ковенант в качестве дежурной фрейлины, но это было совсем другое... Правда, это все. Наверное, теперь... — Она коснулась одного из позолоченных завитков и, когда за ее плечом бесшумно возник предупредительный лакей, не глядя на него, распорядилась: — Мой кабинет, секретер из розового дерева, правый нижний ящик. Там лежит портфель, принесите... Граф, налейте себе еще, если хотите.

И минуты не пошло, как лакей вернулся — с большим портфелем из светло-коричневого сафьяна. В углу золотом вытиснен тот же герб, что красовался над входом в замок.

— Возьмите, — просто сказала графиня. — Там не только бумаги, там еще и мешочек с ожерельем, быть может, вы и о нем знаете...

— С крохотными, оправленными в золото черепами?

— Да. Какое-то время, пару лет, я его носила — к нам тогда попала с земли мода на «балерио»... вы наверняка знаете, что это такое, при вашей-то осведомленности...

— Когда Асверус дарил его вам, ничего о нем не рассказывал?

— Нет. Просто подарил, и я охотно приняла — мода на «балерио» тогда прямо-таки свирепствовала, как это частенько с модой случается... Берите, мне оно совершенно не нужно. Прошрое я иногда вспоминаю, как многие, но у меня нет привычки перебирать какие-то памятные вещички... У вас такой вид, словно вы хотите немедленно куда-то мчаться... Что ж, не стану задерживать... хотя с удовольствием увидела бы вас еще в качестве о б ы ч н о г о г о с т я. Я говорю искренне. Всегда буду рада...

Она поднялась, и Сварог поднялся следом, сжимая в левой руке золоченую ручку довольно тяжелого портфеля. Златовласка, глядя на него как-то печально, спросила:

— Ведь я, правда, ни в чем не виновата?

— Совершенно ни в чем, — сказал он, целуя тонкие пальчики, — клянусь чем угодно. Человек никогда не виноват в том, что он — е с т ь.

...Он гнал брагант на высокой, совершенно не нужной сейчас скорости, несясь низко над облаками, напоминаяшими покрытую сугробами снежную равнину. Сидел с застывшим лицом, держа так и не раскрытый портфель на коленях, слушал Тарину Тареми:

— Не в злато и не в латы,
не в шелка яркий цвет —
всяк ком земли когда-то
был в саван свой одет,
и были его крылья
не за спиной — в груди —
ком злого изобилья
безоблачной земли...

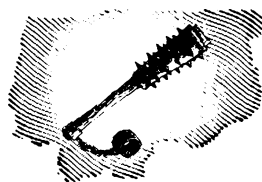
Его захлестывали чувства, которые пришли впервые в жизни, и им не удавалось подыскать названия.

Прошло сто двадцать пять лет, на земле давным-давно умерли все, кто помнил те времена, — а Златовласка осталась в точности такой же, какой была т о г д а...

Только теперь он в полной мере осознал, что такое долголетие ларов, только теперь п р о н и к с я и понял, насколько это жутко, по крайней мере, для него. Если его все же где-нибудь не ухайдакают, он проживет не меньше своих юных сподвижников — когда попал сюда, долголетие ему включили с самого н а ч а л а. Лет семьсот. На его глазах будут стареть и дряхлеть, у х о д и т ь все добрые знакомые, и Мара... а он останется таким же, как сейчас. Ну, предположим, Странную Компанию от такой участи легко избавить, в Хелльстаде кое-что найдется... но там не хватит на в с е х, кого он знает и ценит, к кому испытывает дружеское расположение... или просто нужду в отличном мастере своего дела. Они в с е когда-нибудь уйдут, все до одного, появятся совершенно новые люди, и это повторится снова, и снова... И ничего с этим не поделать, ничего не изменить. Жутко-то как...

Механическими движениями он отстегнул позолоченные застёжки портфеля, небрежно отложил на сиденье мешочек с ожерельем, наполовину вытянул немаленькую стопу листов, поворошил. Иные украшены гербами, эмблемами, типографским способом выполненными надписями: министерство двора... тайная полиция... третий стол дворцовой стражи, ясно, что за контора, она и сейчас существует с теми же функциями... иные бумаги написаны почерком Асверуса... Донесения, рапорты... ага, военно-морская разведка...

Это, вне всякого сомнения, и есть считавшееся утраченным досье. Только радости нет, одна тяжкая усталость, как не раз прежде случалось в подобных случаях...

Глава XIII

ОТНЮДЬ НЕ ПОСЛЕДНЯЯ

О н р а с к р ы л поле зрения главного перископа «Рагнарока» так, что обзор был на сто восемьдесят из трехсот шестидесяти румбов.

Особенных изменений пока что не произошло — парусные корабли и пароходы все так же шли вереницей, идеальным кильватерным строем, их обращенные к берегу правые борта то и дело заволакивались густым дымом, взлетали ракеты с «горродельским огнем», оставляя за собой тонкие, черные дымные полосы. Все они били по крепости Кортан, прикрывавшей вход в огромную бухту, где располагался главный порт Дике и примыкавший к нему немаленький город. Крепость — черный гранитный полумесяц, выгнутый в сторону моря, с тремя башнями — ожесточенно огрызалась. Однако ее снаряды большей частью взметали фонтаны воды далеко от атакующих кораблей — а вот те били гораздо метче, добрая половина пушек Кортана выведена из строя. Кортан строили в свое время неплохие военные инженеры, и расположили грамотно, там, когда все началось, было сорок с лишним пушек и десятков установок для ракет с «горродельским огнем». Однако в последний раз бой она принимала тридцать восемь лет назад, когда приплыла снольдерская эскадра, так что уже несколько поколений канониров по-

просту не имели ни малейшего боевого опыта, тренировки, конечно, были, но вряд ли уж частые — кажется, по уставу полагается четырежды в год. А штурмовали крепость морские волки, понаторевшие в сражениях... Так что добрая половина крепостных широких бойниц уже курилась изнутри дымом, и тамошние пушки молчали...

Слева красовались верфи, которые надлежало оставить нетронутыми, — самим пригодятся. Справа от Кортана как-то меланхолично пылал горротский корвет, не успевший сняться с якорей, давно покинутый командой, — его подожгли первые же корабли, вынырнувшие из рассветного тумана, как призраки. Атакующие корабли огибали его на приличном расстоянии — там вот-вот должен был рвануть пороховой погреб.

Даже не превращая перископ в мощную подзорную трубу, Сварог видел отсюда, что в бухте так и стоят у причалов многочисленные корабли — ни одного военного там не оказалось, и гражданские морячки, как люди разумные, с них попросту сбежали в город — даже возникни у них желание геройствовать, воевать было бы нечем. Совсем неподалеку от них медленно крейсировал взад-вперед пароход под ронерским флагом, ухитрившийся почти без повреждений прорваться в бухту сразу же, на рассвете. Пушки Котана ему были неопасны, они расположены так, что не могут обстреливать бухту, — а на берегу что-то никто не горел желанием открыть боевые действия. И пароход попросту п р и с м а т р и в а л, готовый открыть огонь, если на берегу все же возникнет некая угроза.

Атакующие корабли тянулись бесконечной вереницей, под самыми разными флагами, их было много, очень много, добрая половина военных флотов трех королевств и Ганзы и изрядное число пиратских под сегурским флагом.

Что, собственно говоря, произошло, господа мои? Да ничего особенного. Нечто такое, что случалось десятки раз. Несколько государств подписали договор о создании Морской Лиги, военный флот которой обязывался немедленно прийти на помощь любому члену Лиги, подвергнутому нападению на море. Если конкретно, договор

подписали королева Сегура, короли Снольдера, Ронеро и Глана, а также Генерал-Старшина Ганзейской Палаты. То, что последние четверо были одним и тем же лицом, разве что расписавшимся четырежды и поставившим четыре разных печати, делу повредить никак не могло. Очередная прореха в законах, земных и небесных. Очередная каверза, которую никто не предусмотрел...

Сварог не имел права объединять свои королевства в одно — но не имелось законов, запрещавших бы означенным королевствам заключать меж собой самые разнообразные союзы — морские договоры, военные, торговые и прочие. Никто не мог запретить Сварогу заключать эти договора и союзы самому с собой. Цинизм ситуации немного смягчало наличие королевы Сегура — а в последний момент к договору примкнул и Бони Первый, король Арира: два из шести его Маноров примыкали к Ителу, следовательно, имели полное право на речной и морской флаг. Прежде Маноры эти, княжество и маркизат, ограничивались небольшим речным торговым флотом да всюю торговали «правом на морской флаг» — за какое щедро платила специфическая публика вроде капитана Зо, Бутаса и их коллег по увлекательному ремеслу. Однако теперь Бони, обрадовавшись настоящему делу, поставил под свой флаг пиратскую эскадру капитана Лугера из трех вымпелов — и сейчас важно стоял на мостике одного из них в свежешитом адмиральском мундире. Вроде бы и Паколет с ним сорвался, движимый теми же побуждениями борьбы со скукой и ожирением, это не игрушки — Лугер старый, опытный волк, и на его кораблях больше сотни пушек...

А там и случай подвернулся, бывает же такое очень кстати, уж если везет, так везет...

Стоявший в одном из ганзейских портов горрооткий фрегат вдруг взял да и шарахнул по соседу слева, мирному, торговому, не несшему никакого вооружения ганзейскому гукору — причем сразу из трех орудий, поганец этакий, перед рассветом, когда было еще темно. Пожар на гукоре не возник, никого не убило и даже не ранило, но повреждения корабль получил серьезные. Мирный

корабль в своем собственном порту приписки подвергся откровенному нападению горротского военного корабля. Это, знаете ли, кое-чем попахивало...

Срочно прибывший в капитанат порта командир горротского фрегата, бледный, как полотно, твердил, что он здесь совершенно ни при чем, что никаких приказов открыть огонь по мирному кораблю он не отдавал, и никто не отдавал, что с фрегата, как выяснилось, исчезли трое канониров нижней палубы, которые, безусловно, самоchinно все это и устроили.

Чины капитаната, отнюдь не дружески расположенные к гостю, качали головами, переглядывались и не особенно скрывали, что подобное объяснение их совершенно не устраивает, что, собственно говоря, никто этих канониров не видел, а потому само их существование под большим вопросом.

Самое пикантное, что о н и нисколько не лицедействовали — для н и х случившееся тоже было полной неожиданностью. Зато пара-тройка неприметных людей, вообще не состоявших на ганзейской службе, прекрасно знала, где именно сейчас пребывают означенные канониры, попивая винцо и весело считая только что полученные золотые. Но неприметные ни за что не проболтались бы...

В общем, горротца не особенно и слушали. Все было ясно и так: вероломное нападение на одного из членов Лиги... далее все по договору...

Второе счастливое совпадение заключалось в том, что немаленький военный флот членов Лиги в момент злодейского нападения на ганзейский гукор не в гаванях стоял, а, сведенный в четыре эскадры, находился на полпути от Дике. Куда немедленно и направился, получив известие о злодейском нападении на одного из членов Лиги — боевые корабли, транспортные суда, везущие полк ратагайской конницы, и восемь сотен Вольных Топоров под командой Шега Шедариса (и, соответственно, коней для них).

Третье счастливое совпадение — подлодок токеретов можно было не бояться, потому что тем же маршрутом в подводном положении двигались целых девятнадцать

«ящеров» — боевых машин Морской бригады. Маркиз Оклер во главе, и трое его подчиненных, каждый из которых возглавлял пятерку беспилотников. Боже упаси, они вовсе не участвовали в событиях, они просто-напросто вышли на боевое патрулирование, охотясь за токеретами. Ну, а то, что совпали маршруты их и эскадры — случаются совпадения и удивительнее...

И, наконец, четвертый счастливый случай... Почти весь горротский военный флот, разбившись на две эскадры, прикрывал у Харума берега родного королевства. Поскольку горротская военно-морская разведка за приличные деньги купила в Равене у продажного чиновника Адмиралтейства подробный план предстоящего вторжения в Горрот крупными силами Морской Лиги: согласно ему, одна сводная эскадра намеревалась через залив Даглати войти в устье Итела и ударить по горротской столице, а вторая — высадить серьезный десант у входа в залив Мардин. Чиновник этот давненько работал на Горрот, информацию поставлял дельную и толковую, ему безоговорочно верили... но совсем недавно он оказался в длинной шеренге коллег, вдоль которой неторопливо шагал Сварог и задушевно спрашивал каждого:

— А вы не шпионите ли для иностранцев?

В конце концов, никто не заставлял горротцев покупать этот план и верить в него. Сами лопухнулись, сами и виноваты...

Сварог посмотрел на экран. Бой продолжался, он теперь кипел и на берегу, у редутов, прикрывавших крепость с суши. Несколько сотен спешившихся Вольных Топоров немалым числом пушек обстреливали укрепления. Где сидели точно такие же лопухи, как и в крепости, отродясь не нюхавшие настоящей войны, тем более с Топорами...

Сварог досадливо поморщился. Категорически ему не нравилась правая башня крепости — оттуда палили гораздо метче и эффективнее, чем все остальные. Вот фрегат под снольдерским флагом накрыло прямым попаданием, и он резко взял влево, уходя из строя в открытое море: с заметным креном на правыми борт, с возникшим на юте пожаром, с обрушившейся за борт, сбитой ядром

грот-мачтой, тормозившей ход. Сварог видел, как суетятся моряки, торопливо рубя такелаж, чтобы освободиться от мачты.

Пожалуй что, это неспроста — есть сильные подозрения, что пушкарей крепости усилили людьми, имевшими боевой опыт... Твою мать! В щепки разлетелось правое колесо ронерского парохода, и он нелепо закружился вокруг собственной оси, остановив движение колонны...

Сварог не колебался. Пробежался по клавишам, отдал нужные команды бесстрастному Глаину. «Рагнарок» чуть заметно дрогнул, справа и слева в белопенных фонтанах брызг из-под воды взмыли шесть продолговатых черных тел, и, моментально выпустив крылья, светя короткими оранжевыми «факелами», ушли к крепости по высокой параболе, над атакующими кораблями.

Спустя несколько секунд шесть крылатых ракет, как и следовало ожидать, вцепились точнехонько в бойницы верхнего и предпоследнего этажей правой башни, откуда тотчас же выплеснулись длинные полосы черного дыма, и там, внутри, полыхнуло пламя. Нижний этаж правой башни уцелел, но от него-то и было меньше всего вреда...

Сварог цинично усмехнулся: в горячке боя пройдет незамеченным, а если прицепится кто-нибудь с в е р х у, можно с невинной рожей сослаться на плохое техническое состояние «Рагнарока» и небольшой опыт Сварога в умении с ним обращаться — что и повлекло за собой произвольный пуск ракет. Воюй они с Лораном, еще можно было бы ожидать выволочки от Канцлера, но коли уж дело касается Горрота, он промолчит. В любом случае «Рагнарок» с некоторых пор официально числился в арсенале девятого стола, так что отбросимся как-нибудь...

Справа в нескольких местах густо дымили пожары — Топоры неплохо работали против редутов, а заодно подожгли здание, стоявшее у самого берега уардах в двухстах правее. Вряд ли они в столь ответственный момент стали бы развлекаться бесцельными поджогами. Очень уж подозрительно близко от горящего корвета здание стояло — вполне возможно, там засели моряки и начали

палить по Топорам. Наверняка у Щега была какая-то военная необходимость...

Ратагайской конницы (под личным командованием Гайрайлы, одетого в скромный капитанский мундир) он не видел да и не должен был видеть — она, вместе с несколькими отрядами конных Топоров, описав широкую дугу по суше вдали от берега, должна была ударить по казармам пехотного и драгунского полков, а также конной стражи. А раз должна была, значит, и ударила — на Черного Князя можно полагаться...

Заметив непонятный взрыв слева — точнее, самый его краешек — Сварог развернул туда перископ. И аж при-сви-стнул. Высоко, чуть ли не на сотню уардов, взметнулся исполинский столб выброшенной нешуточным взрывом земли, он еще с т о я л в воздухе, очень медленно опускаясь, истаявая, рассеиваясь — но это должно было продлиться долго. Ага. Сейчас, безусловно...

И точно, на левом экране показались три точки, идущих колонной с приличной скоростью, и тут же ожил Глаин:

— Слева — три подводных объекта. Идут расходящимся курсом на фар-фар-ней, скорость...

— Оставить без внимания, — распорядился Сварог.

Что тут было голову ломать? Токереты удирали сломя голову со своей самолично подорванной базы, Сварогу они нисколько не мешали, было кому ими заняться и без него, самым официальным образом...

— Слева по курсу — два объекта, идущих нор-нор-бра, скорость...

— Оставить без внимания, — повторил Сварог.

Там, на Экране, навстречу трем быстро перемещавшимся точкам вышли три других, остановились, развернувшись в шеренгу. Пару секунд ничего не происходило, потом три удиравших подлодки как-то странно д е р н у л и с ь, будто налетев на невидимую стену, резко сбавили ход, расплылись в разные стороны, как-то хаотически закружили, становясь все меньше...

— Три первых объекта идут на погружение, — прилежно доложил Глаин.

Сварог мог бы его (ее?) подправить: не идут на погружение, а тонут с мертвыми уже экипажами. Теоретические расчеты блестяще подтвердились на практике. Первое же боевое применение, оно же испытание направленных инфразвуковых излучателей прошло успешно, Оклер, пожалуй, заработает медаль, и не он один. О т с т р е л и в а т ь подлодки токеретов обычными торпедами, разнося их в лохмотья, безусловно не стоило, чтобы не устраивать радиоактивное заражение моря. Инфразвуковой удар гораздо предпочтительнее — при достаточной мощности человека ждет сначала паника и безумие, потом, очень быстро, остановка сердца... как только что выяснилось, и токерета тоже. Глубины здесь не особенно большие, подлодки легко удастся извлечь еще сегодня и как следует изучить...

Вот они! Справа, на широком пространстве меж пылающими редутами и горящим домом, промчался маленький отряд конницы, перед которым скакал знаменосец с сегурским флагом. Поотстав от него на один корпус, неслась на вороном коне уступавшая прочим ростом фигурка в синем плаще и сверкнувшем на солнце, ярко начищенном рокантоне. Следом густой колонной мчались всадники.

Сварог облегченно вздохнул. Мара, конечно, слукавила, пообещав не соваться в самое пекло, — поди определи, где именно оно тут располагается, — но его наставления выполнила: не надела, как собиралась было, красный плащ (очень уж хорошая мишень), зато каску надела и, кажется, кирасу. Все ж меньше беспокойства. Конечно, где-то рядом с ней там скачет сейчас Шег Шедарис, твердо намеренный собственной грудью закрыть и от клинков, и от пуль, — но мало ли как может обернуться — так что Сварог волновался всерьез, прекрасно зная, что такое бои и какие глупые случайности иногда выпадают. Но нельзя было ее туда не пустить, на всю жизнь обиделась бы...

Последние всадники исчезли в заволочшем редуты дыму. Колонна кораблей продолжала размеренное движение, она казалась бесконечной. Огонь из крепости становился все слабее, все больше бойниц дымили, из некото-

рых вырывалось пламя. Лишившийся грот-мачты фрегат лежал поодаль в дрейфе, все так же кренясь на правый борт, но тонуть явно не собирался — да и пожар там уже потушили. Подбитый пароход, остановивший уцелевшее колесо, уводил на буксире в открытое море двухмачтовый парусник под снольдерским флагом — вот там пожар еще тушили...

Прошло не так уж много времени, и Сварог увидел шевеление на плоской зубчатой крыше центральной башни, главной, высотой наполовину превосходившей остальные. Присмотрелся, не включая «подзорную трубу» — все и так было ясно.

Пушки крепости больше не стреляли, ни одна. Несколько казавшихся отсюда крохотными фигурок появились на крыше, у высокого флагштока, на котором все еще полохался на ветру белый флаг с черным солнцем — и одна фигурка, в синем плаще и рокантоне, была пониже ростом остальных. У Сварога отлегло от сердца. Горротский флаг рывками пополз вниз, опустился окончательно, там вспыхнуло яркое пламя — ну конечно, фирменный стиль Вольных Топоров, у которых издавна принято поджигать спущенные вражеские флаги перед тем, как их сбросить вниз...

Пылающий горротский флаг, разгораясь все ярче и ярче, быстро пожираемый огнем, нелепым лоскутом падал вдоль черной гранитной стены, пролетая мимо дымящихся бойниц. А на флагштоке рывками поднимался другой, сине-красный сегурский, вот он достиг вершины и развернулся на ветру — честное слово, гордо. С палубы переднего корабля высоко взлетела зеленая ракета, и корабли стали замедлять ход, видно было, как там убирают паруса.

Все. Как там закончилось у Гарайлы, если уже закончилось, и думать не стоит — ратагайским полком и Вольными Топорами он в два счета расколошматит здешних байбаков... Все. Остров Дике перешел во владение сегурской короны — а если горротцы сюда сунутся, их встретит весь присутствующий флот, которому еще долго оставаться в бухте, часть которой вскоре отведут под базу Морской Лиги. И, между прочим, добрых семьдесят процентов

ежегодного дохода горротской казны составляли именно доходы от Дике. Пусть Брашерио и его шайка попробуют э т о поправить... Никак не получится...

— Справа на небольшой скорости приближается подводный объект, — доложил Глаин. — Подходит практически вплотную...

— Оставить без внимания! — весело рявкнул Сварог. — Подвсплытие по основание рубки!

Они поднялись над спокойной темно-зеленой водой почти одновременно: башня «Рагнарока», на которую уже поднялся Сварог, и верхняя часть «ящера», судя по эмблеме, управлявшегося маркизом Оклером. «Ящер» значительно уступал размерами и был гораздо ниже — так что Сварог, открыв крышку прикрепленного на перилах резервного пульта управления, осторожно погружал лодку, пока над водой не осталось всего-то с полуарда башни. Теперь он был на одном уровне с маркизом, стоявшим у перил кабины. Оклер все тот же — лихой усатый красавец в известных всей гвардии и армии пижонских белоснежных сапогах, вот только мундир, естественно, другой. Он улыбнулся Сварогу — их разделяло метров пять — и приподнял возникшую у него в руке чарку с келимасом:

— Не могу чокнуться, — блеснул он великолепными зубами. — Но это пустяки. За удачу!

— За удачу! — ответил Сварог, поднимая свою чарку.

Окружавшие Мару на башне Топоры весело палили в воздух. Небо было безоблачным, лазурным, жизнь — не столь уж угрюмой. Кое-какую победу они все же одержали, оставаясь слепыми солдатами...

Когда они осушили чарки и по морскому обычаю швырнули их за борт, Оклер ухмыльнулся:

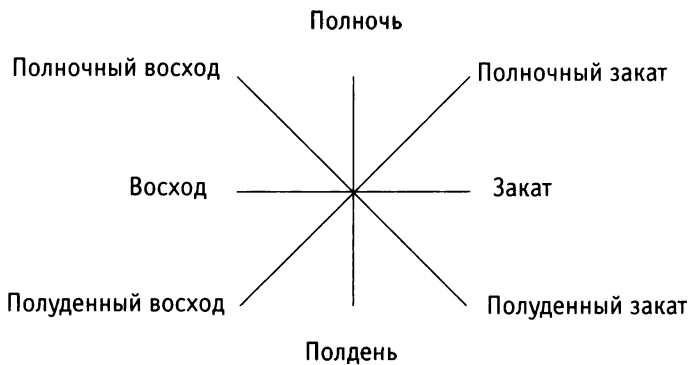
— А знаете, лорд Сварог, в море, оказывается, очень интересно, чертовски, я и не предполагал...

— Я знаю, — без улыбки кивнул Сварог. — Вам еще столько предстоит увидеть, мой друг... Подозреваю, и мне тоже...

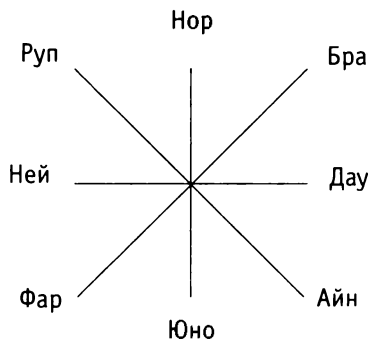
Сегурский флаг на главной башне реял по ветру г о р д о.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стороны света по таларской традиции

Стороны света в морской терминологии Талара

При изучении хронологии следует непременно иметь в виду, что не существует до сих пор какой-то единой точки отсчета. Даже летосчисление ларов, Небесные Годы, было введено лишь через некоторое количество лет после окончания Шторма и переселения ларов в небеса. И это количество до сих пор не определено точно, разные исследователи называют разные цифры (от 7 лет до 11). К тому же ни у ларов, ни у кого-либо другого нет точно фиксированной даты окончания Шторма — ибо какое-то время его затухающие волны все еще прокатывались по планете.

Первые семьсот с лишним лет после Шторма на земле не существовало ни упорядоченной хронологии, ни четко датированных летописей (по крайней мере, современная наука не располагает фактами, способными как доказать, так и опровергнуть эту точку зрения). В дальнейшем, на протяжении долгих столетий, соперничавшие государства и отдаленные страны, порой вообще представления не имевшие о существовании друг друга, придерживались своих собственных систем летосчисления (более-менее полное представление об этом периоде дает труд Гармара Кора «Хаос и хронология», Магистериум, 3466 г. Х. Э.) Впоследствии из-за диктуемого жизнью стремления к упорядоченности после многих попыток достичь взаимопонимания и согласия (и даже нескольких войн по этому поводу) почти повсеместно было установлено единое летосчисление — так называемая Харумская Эра.

В настоящее время текущий год у ларов — 5506 год Небесных Лет (в этой системе датируются все императорские указы, предназначенные для жителей земли).

На земле — 3716 год Харумской Эры, однако есть два исключения:

1. Великие магистры, правители Святой Земли, двести сорок три года назад ввели летосчисление «со дня Гнева Господнего». Таким образом, в Святой Земле сегодня — 5511 год СДГГ.

2. После отделения Глана от Ронеро первый гланский король повелел «считать нынешний год первым годом Вольности». Сегодня в Глане — 613 год Вольности.

Таларский год состоит из семи месяцев — Датуш, Элул, Фион, Квинтилий, Ревун, Атум, Северус. Каждый месяц — из семи недель по семь дней. В конце первых шести месяцев есть еще по три дня без чисел, именуемых Безымянными Днями, или Календами. После Северуса следуют семь дней Календ. Календы Датуша, Квинтилия и Атума считаются «скверными днями», в этот период стараются воздержаться от дел, не пускаются в путешествия или плавание, не играют свадеб, не устраивают никаких торжеств. В древности на эти Календы даже прекращались войны. Календы Элула, Фиона и Ревуна, наоборот, считаются крайне благоприятными для начинаний и временем праздников. Календы Северуса — канун Нового Года, в эти дни торжества особенно пышны, именно к Календам Северуса дворяне стараются приурочивать свадьбы, а гильдии — свои праздники.

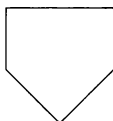
ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ЩИТЫ

Согласно правилам геральдики, существует лишь семь разновидностей гербовых щитов — для гербов государств, городов, дворян. Разновидности эти следующие:

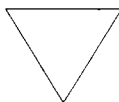
1. Дотир

2. Джунарг

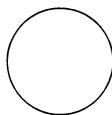

3. Даугар

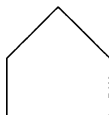
4. Дроглор

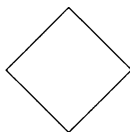
5. Домблон

6. Дегоар

7. Дуарат

Как правило, дотир и дуарат служат гербовыми щитами лишь для дворян, не имеющих титула, а гербы городов чаще всего имеют форму домблона.

ФЛАГИ ГОСУДАРСТВ

Флаги Виглафского Ковенанта*

Лоран — горизонтальные синяя и зеленая полосы, флаг обведен белой каймой (добавленной как знак траура после завершения строительства Великого Канала и потери провинций, оставшихся на континенте).

Харлан — «шахматная доска» из 6 черных квадратов, 6 белых и 6 коричневых.

* Ковенант — от слова «ковенантус», означавшего на одном из древних языков «согласие». Виглафский Ковенант, или Большой Концерт, — принятое в обиходе название ежегодного конгресса семи королей и великого герцога Харланского, съезжавшихся в ронерском городе Виглаф, где решаются самые важные дела и принимаются решения по вопросам большой политики.

Снольдер — желтое полотнище с черным силуэтом сфинкса.
Ронеро — горизонтальные синяя и черная полосы.
Глан — горизонтальные черная и красная полосы.
Горрот — белое полотнище с черным солнцем.
Шаган — вертикальные зеленая, желтая и черная полосы.
Сегур — горизонтальные синяя и красная полосы.

Прочие флаги

Святая Земля — фиолетовое полотнище с желтым крылатым диском.

Балонг — синее полотнище, затканное золотыми пчелами.

Ганза — темно-синее полотнище с белым кругом. В круге — черный силуэт корабля с зарифленными парусами.

Некоторые сведения о геральдическом значении иных цветов. Синий цвет издавна символизировал честь, честность, благородство. Фиолетовый — мудрость. Зеленый — надежду. Черный — упорство. Красный — отвагу, жизненную силу. Желтый — богатство. Белый вообще-то символизирует чистоту помыслов, но из-за того, что он издавна почитается символом смерти, в геральдике его стараются не употреблять.

ГЕРБЫ ГОСУДАРСТВ

Виглафский Ковенант

Лоран — дотир. Две синих и одна зеленая вертикальные полосы. На зеленой — три золотых кольца. На синих — по золотому якорю.

Харлан — дотир. Разделен на четыре квадрата, два белых и два коричневых. В белых квадратах — по коричневому мечу острием вверх. В коричневых — по белому мечу острием вверх.

Снольдер — даугар в фиолетово-желтую клетку. В центре щита — золотой лев, стоящий на задних лапах.

Ронеро — даугар. Разделен по вертикали на синюю и черную половины. На синей — золотая лилия, на черной — Зеркало Аннура, имеющее вид серебряного круга в золотой оправе.

Глан — дегаар. Щит — черный с золотой каймой. В центре — золотой силуэт медвежьей головы, по пяти углам — золотые цветы чертополоха.

Горрот — домблон. На белом фоне — черное весло, скрещенное с золотым скипетром.

Шаган — дроглор. На синем поле — золотой колокол.

Сегур — дуарат. Разделен горизонтальной линией на две половины. Верхняя — золотой парус на зеленом поле, нижняя — пять вертикальных полос (две зеленых, две желтых), и на их фоне — черный герб Морских Королей.

(Нужно добавить, что герб государства является и гербом его короля.)

ПРОЧИЕ ГЕРБЫ

Святая Земля — дуарат. На зеленом поле — золотой одноглавый орел (акилла), держащий в лапах меч и крест Единого Творца.

Балонг — джунарг. На красном поле с пятью узкими вертикальными линиями — золотые весы. Шит окаймлен золотыми пчелами.

Ганза — дроглор. На темно-синем фоне — красная ладонь.

КОРОНЫ ВИГЛАФСКОГО КОВЕНАНТА

Лоран — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма* с изображением дубовых листьев. Шестнадцать зубцов в виде шипов, отклоненных на 45° наружу от вертикальной оси обруча. У основания каждого — рубин, ограненный «розой». Закрыта остроконечным колпаком из синего бархата на золотом внешнем каркасе в виде 8 сходящихся дуг.

Харлан — обычная герцогская корона, но украшенная четырнадцатью ограненными бриллиантами и закрытая решетчатым плетением в форме полусферы.

Снольдер — корона закрытая. Два разомкнутых круга, каждый шириной в джайм, соединенных четырьмя перемычками. На перемычках — по рубину, ограненному в форме полусферы. В каждом секторе меж перемычками — по три бриллианта, ограненных «розой». Впереди, надо лбом, — золотое изображение кобры с раздутым капюшоном и бриллиантовыми глазами. Туловище кобры, изогнутое дугой выпуклостью вверх, закрывает корону, касаясь противоположного ее края, где вделан черный алмаз Бараини (неограненный, весом 480 квинутнов**). Зубцы отсутствуют.

* Джайм — мера длины, применяемая лишь в геральдике (около 3 см).

** Квинутн — мера веса в ювелирном деле (0,25 г).

Ронеро — корона открытая. Обруч шириной в два джайма, по которому проходят три пояса из накладных линий, и в центре каждого цветка — рубин, ограненный полусферой. Восемь зубцов в виде равнобедренных треугольников, слегка отклоненных от вертикальной оси обруча.

Глан — корона открытая. Кольцо шириной в джайм, двенадцать зубцов (6 в виде цветков чертополоха, 6 — в виде трилистников клевера). В основании каждого зубца — рубин «ленточной» огранки. Впереди, надо лбом, — желтый алмаз Индари (неограненный, вес 300 квинтунов).

Горрот — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма, по верхней и нижней кромкам проходят два накладных пояса, имеющих форму цепи с овальными звеньями. В центре каждого звена — рубин, ограненный в форме трехгранной пирамиды. Восемь прямоугольных зубцов. Закрыта двумя полукруглыми дугами, в точке пересечения которых — солнце, выточенное из черного опала.

Шаган — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с семью зубцами в виде «ласточкина хвоста». У основания трех — ограненные рубины, у основания четырех — ограненные изумруды.

Сегур — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с гравировкой в виде якорей и скрещенных весел. Семь зубцов в виде трезубца Руагату, у основания трезубцев — ограненные сапфиры.

ПРОЧИЕ КОРОНЫ

Корона Великого Магистра Святой Земли — открытая. Обруч шириной в джайм. Впереди, надо лбом, — крылатый диск с неограненным рубином в центре, на противоположной стороне — крест Единого Творца. Зубцы отсутствуют.

Балонг. Избираемый на три года Старшина Патрициев Круглой Башни носит корону в виде обруча шириной в два джайма с семью зубцами, повторяющими формой Круглую Башню.

Все короны изготовлены из чистого золота, не считая короны Великого Магистра — она из железа.

Дворяне Виглафского Ковенанта и Пограничья носят следующие титулы:

1. Принцы короны.
2. Принцы крови.
3. Герцог.
4. Князь.
5. Граф.
6. Барон.
7. Маркиз.

Принцы и принцессы короны — потомки правящего монарха. Они носят корону в виде обруча шириной в джайм, закрытого двумя полукружьями-дугами, в точке пересечения которых — миниатюрное подобие королевской короны.

Принцы и принцессы крови — потомки братьев и сестер правящего монарха. Носят корону, повторяющую герцогскую, но закрытую полукружием-дугой с миниатюрным подобием государственного герба.

Герцогская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью дубовыми листьями.

Княжеская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью земляничными листьями.

Графская корона — обруч с четырнадцатью шариками.

Баронская корона — обруч с семью треугольными зубцами, перемежаемыми семью шариками.

Корона маркиза — обруч с семью полукруглыми зубцами, и в центре каждого — прорезь в форме дуарата.

Короны титулованных дворян, имеющих права Вольных Ярлов, и украшены рубинами (в 3711 г. Х. Э. Виглафский Ковенант лишил владетелей Вольных Маноров, в том числе и королев, прав Вольных Ярлов, сохранив таковые лишь за ярлами Пограничья, но и для последних введены ограничения по количеству лиц, коих ярлы вольны в течение года возвести в дворянство).

При посещении титулованным дворянином королевского дворца, а также в дни некоторых торжеств следует непременно быть в приличествующей титулу короне. В обычные же дни можно ограничиться золотой цепью, золотыми шпорами и перстнем с миниатюрным подобием короны.

Дворяне, дабы отличить свое положение, носят золотую цепь установленного образца и золотые шпоры.

Гланские обычаи несколько отличаются от иных, там существует своя система, признанная Виглафским Ковенантом:

1. Гланфорт (нетитулованный дворянин) носит золотую цепь и золотые шпоры.

2. Глэв (соответствует маркизу, барону или графу) — золотые шпоры и золотую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха.

3. Глэрд (соответствует князю или герцогу) — золотые шпоры, золотую цепь с медальоном, на коем изображена медвежья голова.

В Балонге дворянства нет, но для знатнейших и богатейших граждан существуют титулы нобилия и патриция. Нобиль носит на груди золотой медальон с гравировкой в виде весов, окруженных пчелами, стоящий выше нобилия патриций — золотую пектораль с такой же гравировкой и жезл, увенчанный миниатюрным подобием Круглой Башни. Семеро Патрициев Круглой Башни, правящие Балонгом, обязаны во всякое время появляться на публике в алом плаще, затканном золотыми пчелами, и синей шапочке-митре, с четырех сторон украшенной золотыми изображениями Круглой Башни; при сем они опираются на посох с навершием в виде государственного герба. (Всякие попытки Балонга добиться приравнения нобилей и патрициев к дворянам неизменно отклонялись Ковенантом.)

О правилах, заведенных в Святой Земле, более полное представление даст соответствующий фрагмент из книги реверена Гонзака.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕВЕРЕНЕ ГОНЗАКЕ

Реверен Гонзак* (3627 Х. Э. — ?) — скрибанос, служивший при Царской библиотеке в Астрее (Гиперборея, Сильвана). В 3668 г. Х. Э. прибыл на Талар. В период с 3668-го по 3679-й работал в библиотеках разных стран, жил в Лоране, Снольдере, Ронеро, побывал в Пограничье, Иллюзоре, Глане, Балонге, пяти из Вольных Маноров, совершил три морских путешествия. Не-

* Реверен — «почтенный». Так именуются на Сильване люди из сословия книжников — скрибаносы. Соответствует таларскому «мэтр».

которые историки считают его шпионом царя Гипербореи, но люди из таларских тайных служб никогда не высказывали своего отношения к этой версии. Необходимо учитывать, что порой крайне трудно провести границу меж профессиональным разведчиком и любознательным путешественником из дальних стран, поскольку кропотливо собираемая первым информация частенько попадает на тот же стол, что и ученые записки второго (о чем второй ничего не подозревает). Как бы то ни было, в Равене трудами Коллегии Ремиденума в 3681 г. Х. Э. вышла в свет книга Гонзака «Трижды семь писем скромного книжника Гонзака на Сильвану, другу своему Чей Чедогону о таларских делах, обычаях и установлениях». Вопреки заглавию, писем в книге всего шестнадцать. Гонзак пропал без вести в промежутке меж 36 Северуса 3679 г. и 14 Датуша 3680 г. Его следы теряются в полуночных провинциях Ронеро, малонаселенных и пользующихся дурной славой «диковых мест». Не исключено, что сильванский скрибанос, человек отнюдь не бедный, любивший жить и путешествовать с комфортом, стал жертвой разбойников или Волчьих Голов. Известно также, что Гонзак намеревался предпринять экспедицию в Хелльстад, для чего, быть может, и отправился в те места, где оборвался его след.

Книга Гонзака, пусть и незавершенная, помимо многих интересных наблюдений, представляет собой еще и своеобразную краткую энциклопедию, дающую постороннему читателю неплохое представление о таларском укладе жизни. Благодаря чему она и была в 4998 г. Н. Г. включена Императорской Коллегией Просвещения в список учебных пособий для благородных ларов по теме «Современный Талар». Выпущена в компьютерном и типографском вариантах.

О ТИТУЛАХ, СОСЛОВИЯХ И МНОГОМ ДРУГОМ

Письмо третье, реверена Гонзака

Рассказ об устройении общества, друг мой Чей Чедогон, я начну с королей, чему ты вряд ли удивишься, ибо, когда нам случится озирать гору, взгляд наш непременно падет прежде всего на вершину, а уж оттуда странствовать будет к земле.

Короли таларские — воистину самовластные владыки, что отражено и в тамошних законах, гласящих, что монарх пре-

бывает превыше закона, сам же, буде возникнет такая надобность (или, увы, каприз, как нам известно о венценосцах двух планет), может решать многие дела не по писаным законам, а исключительно по своей воле. Должен тут же оговориться, что самовластье это, кажущееся всеобъемлющим, ограничено иными древними традициями. Есть права дворян, и сословий, и гильдий, и даже крестьян, на кои посягать и король не волен. Однако ж за пределами сих ограничений открывается весьма обширная область для самодержавного произвола, и подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры.

Как и в нашем отечестве, дворяне здесь первенствуют над всеми иными. Нельзя стать офицером, ни сухопутным, ни морским, если ты не дворянин. И высшие пять гражданских чинов доступны одним лишь дворянам, и землю с крестьянами могут владеть одни дворяне, и ордена иные жалуются одним дворянам. Им одним дозволено строить в домах балконы и иметь в окнах витражи.

Следом идут так называемые Семь Высоких Сословий.

Сословие Чернильницы объединяет судейских, адвокатов и чиновничество с первого гражданского чина по двенадцатый. Отличительным знаком одного служит серебряный пояс с серебряной же чернильницей установленного образца. Образцы таковые в разных государствах разные, а у чиновников есть еще и мундиры, в каждом ведомстве свои, и каждый гражданский чин имеет свои отличия, подобно тому, как это обстоит с воинскими чинами.

Сословие Храма составляют разных богов служители, коих отличают одеяния и атрибуты, единые для всего Талара, независимо от страны (о Святой Земле же поговорим подробнее в другой раз).

Сословие Мер и Весов образуют купцы, банкиры и ювелиры, причем не всякие купцы, а лишь те, что имеют капиталы не ниже определенного предела. Отличительным знаком сего Сословия служит серебряный пояс с замшевым кошельком особого вида.

Сословие Циркуля — это инженеры и архитекторы, коих отличает короткий плащ особого фасона, скрепленный у горла

серебряной цепочкой, крепящейся двумя серебряными же бляхами с изображением циркуля.

Сословие Совы — это ученые, книжники, книготорговцы и учителя. Они носят плащ особого фасона с пелериной, где цепочку крепят две серебряные бляхи с изображением книги и пера, а также круглый берет с серебряным изображением совы. В разных государствах цвет одного наряда бывает разным. Живимы на Таларе, друг Чедогон, в таком наряде и щеголяли бы, что, впрочем, не лучше и не хуже наших с тобой шапочек реверенов, украшенных жемчужинами, да плащей и посохов.

Сословие Свободных Искусств (художники, музыканты, скульпторы и актеры) знаком своим имеет серебряную цепь с серебряной же бляхой, на коей изящно выгравирована мифологическая птица Сирин, издавна почитаемая символом творческого вдохновения. И не всякие актеры состоят в сем Сословии, а лишь те, что происходят из семей потомственных актеров театров, имеющих статус королевских. А прочие же актеры именуются пренебрежительно фиглярами, и место им отведено в одной из последних гильдий, о чем напишу ниже.

Сословие Чаши и Ланцета составляют медики и аптекари. Знаком им служит длинная мантия особого фасона, черная шапочка, украшенная серебряной бляхой с изображением обвивающей чашу змеи, а также своеобразного вида кожаная сумка, служащая также и практическим целям, ибо в ней носят снадобья, инструменты и прочее, потребное в работе.

Сословия эти обладают правом на покупку земли, но крестьяне во владение им не положены. В виде особой милости, случается, король жалует кому-либо право в течение определенного срока получать доход с того или иного коронного имения, и срок этот редко превышает год. Понятно, есть имения крайне прибыльные, а есть и скудные, что при оказании монаршей милости непременно и учитывается. Те, кто входит в Сословия, имеют право носить золотые украшения без ограничения количества, но без драгоценных камней — разве что король пожалует кому перстень с драгоценным камнем. Равным образом их столовая утварь из драгоценных металлов может быть украшена самоцветами лишь с соизволения короля.

Здесь стоит добавить, что согласно незыблемым законам природы, применимым и к жизни человеческого общества, недостаток чего-либо немедленно восполняется за счет иного качества — подобно тому, как слепые обладают невероятно тонким слухом, а горбуны бывают необыкновенно сильны. Вот и выходит — Сословия восполняют отсутствие драгоценных камней искусством выделки, а потому украшения их и утварь порой превосходят дворянские изощренностью выработки и мастерством украшения.

Дворяне поступают на службу во множестве, ибо на Таларе повсюду действует закон первородства, согласно коему все сыновья имеют право на дворянское звание или титул, а вот имение движимое и недвижимое достается в целости самому старшему (или дочери, если нет потомков мужского пола). Прочие же сыновья, получив малое денежное вспомоществование, вынуждены искать службы за жалование либо по талантам своим искать себе места в одном из Сословий. Предпочтительнее всего военная служба, а также и полицейская, но непременно на должностях, приравненных к офицерским. Кроме военной службы, для дворян, по традиции, более всего предпочтительны занятия, входящие в компетенцию Сословий Чернильницы и Соы, а также Циркуля (но в областях, относящихся к военному делу и мореплаванию). Не возбраняется и войти в иные Сословия, но дворянин, попавший в таковые, стоит в глазах общества несравненно ниже. Что до Сословия Мер и Весов, то дворянину зазорно заниматься торговлей либо банкирским делом. Промыслы, приличествующие дворянину, сводятся к четырем вещам: коневодству, виноторговле, изготовлению винных бутылок, морским перевозкам на собственных судах и ювелирному делу. Дворянин имеет право устраивать в своих землях заводы, но при строгом условии: заводы эти должны работать непременно на сырье, производимом в своих же поместьях, а если сырья этого нет, то и заводы устраивать нельзя. Дворянин еще обладает правом на речные перевозки на собственных судах — но опять-таки при строгом условии, что перевозит произведенное в собственных поместьях или закупленное для нужд такового. Все эти установления заведены в свое время весьма умными людьми, ибо служат к выгоде общества и бесперебойной работе государственного механизма. Гильдии таларские имеют следующий вид:

1. Оружейники (цехи: Доспешных дел мастеров, Мечных дел мастеров, Арбалетных дел мастеров, Копейных дел мастеров, Пушечных дел мастеров, Ружейных дел мастеров, Ракетных дел мастеров, Пороховых дел мастеров).

2. Мастера тонких работ (Ювелирные подмастерья, Мастера врачебного инструмента, Мастера счетных устройств, Оптики, Часовщики, Мастера утвари для ученых).

3. Похоронных дел мастера.

4. Приказчики торговые и банкирские.

5. Мехаовщики.

6. Мастера каменного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и подновителей мостов).

7. Мастера деревянного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

8. Водопроводных дел мастера.

9. Фонарщики (цехи: Фонарщиков, Мастеров фейерверка, Мастеров домашних светильников из металлов).

10. Стеклодувы (цехи: Стеклодувов, Стеклойной посуды, Уличных фонарей, Домашних светильников из стекла, Витражных дел мастеров).

СЕРЕБРЯНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Кораблестроители.

2. Моряки.

3. Речные матросы.

4. Мастера изящных работ (цехи: Изящной мебели, Благородной посуды, Благородных тканей).

5. Стражи порядка (сюда входят палачи, тюремная стража, полиция и ночные сторожа).

6. Содержатели псарен и псары.

7. Содержатели постоянных дворов и трактиров, игорных и танцевальных залов (сюда включены лишь те заведения, кои имеют высший разряд и предназначены для благородной публики — дворян и Сословий. А содержатели заведе-

ний рангом пониже включены в гильдию градских обывателей).

8. Гуртовщики.

9. Ремесленники по дереву (цехи: Столяров, Каретников, Тележников, Сундучников).

10. Парикмахеры (опять-таки тех, кто обслуживает благородную публику. Прочие же именуются скопом цирюльниками).

БРОНЗОВЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Пожарные.

2. Кузнецы.

3. Ветеринары.

4. Почтари и телеграфисты.

5. Шляпники.

6. Садовники и огородники.

7. Горнорабочие.

8. Содержатели домашней птицы, мелкого скота, птицеловы и пчеловоды.

9. Посудных дел мастера (Гончары, Бочары).

10. Торговцы провизией и изготовители таковой (цехи: Мукомолов, Хлебопеков, Виноделов, Пивоваров, Мясников, Зеленщиков, Бакалейщиков).

МЕДНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Портные.

2. Сапожники и обувщики.

3. Печники.

4. Водолазы.

5. Извозный промысел.

6. Вольные слуги.

7. Повара.

8. Мостильщики улиц.

9. Кровельщики.

10. Градские обыватели (к сей гильдии приписаны представители многих ремесел, не вошедших в прочие).

1. Заводские мастеровые.
2. Мусорщики.
3. Мастера паровых машин.
4. Мастера воздушных шаров и планеров.
5. Маляры, фигляры, циркачи, газетиры.
6. Портовые рабочие.
7. Ткачи, шерстобиты и обойщики.
8. Нищие и проститутки.
9. Цирюльники.
10. Типографские мастеровые.

У каждой из гильдий есть залы для собраний, гильдейские знамена и праздники, отмечаемые в определенные дни, подчас с превеликой пышностью, когда речь идет о трех высших гильдейских разрядах. Золотые украшения дозволены лишь Золотым и Серебряным гильдиям, но одновременно можно носить не более одного, а во владении иметь неограниченное количество. Серебряные украшения дозволены Золотым, Серебряным и Бронзовым гильдиям — со схожими правилами ношения, не более двух одновременно. Медным же и Железным гильдиям запрещено строить для собственного проживания дома выше одного этажа, а также им не полагается держать в услужении слуг и служанок и запрягать в повозку более одной лошади (исключение составляют извозчики, но и то лишь в тех случаях, когда выезжают на свой промысел).

Легко понять, что система таковая имеет как свои достоинства (скажем, изощренное совершенство, ведущее к более спокойному и плавному течению жизни, равно как и устойчивости общественной пирамиды), так и недостатки. Недостатком, безусловно, следует посчитать то, что человек, будь он талантлив и многообещающ несказанно, не получит хода в ту область, где мог бы принести не в пример большую пользу (а область таковая, не пополняемая притоком свежих сил, неминуемо придет в упадок). Мысли такие, несомненно, посетили в старые времена кого-то из власть предержащих — ибо

в каждой державе есть министерство, ведающее Сословиями и гильдиями, в обязанность коего входит устройство экзаменов и иных испытаний, служащих для пополнения гильдий и Сословий новыми членами, достойными сего. Правда, из этого еще не следует, что каждый, кто достоин занять место ступенькою выше, на ступеньку эту поднимется, — увы, слишком часто мы в этой жизни видим примеры обратного, и ни одни писанные правила, сколь бы мудро они ни были составлены, не обеспечат каждому место, его достойное. В особенности если вспомнить о корыстолюбии одних и изворотливости других и предположить, что в иных случаях презренный металл быстрее и успешнее позволит подняться вверх, нежели таланты и способности...

Добавлю еще, что каждый приписанный к гильдии с того момента, как начнет трудиться если не мастером, то подмастерьем, повинен постоянно носить на груди гильдейский знак. Бляха эта очертаниями повторяет гербовый щит государства, разделена на две части, и в верхней помещен герб города (если город гербовый), либо герб короля (если город коронный) а в нижней — эмблема данной гильдии. Кроме того, знак снабжен отличиями, наглядно сообщающими окружающим, к какому из пяти гильдейских разрядов его владелец принадлежит.

Жены же членов гильдии носят уменьшенное подобие сего знака на груди, на цепочке. Если женщина не супруга чья-то, а сама есть мастер некоего ремесла (скажем, кондитерша, повариха либо содержательница таверны), то знак она носит на груди, как мужчины.

Есть у разных гильдейских разрядов и правила ношения одежды (запрещающие иным гильдиям иные ткани, признанные чрезмерно для них роскошными), но обширная сия тема требует отдельного письма.

И завершу рассказом о крестьянстве. Оно делится на крестьян сеньоров, крестьян короны и фригольдеров. Первые обитают во владениях дворян, вторые — в землях, числящихся королевскими доменами. Есть у них свои права, нельзя их убивать, пытать членовредительно и отнимать нажитое, но переходить к другим хозяевам они не вправе. Была у них некогда такая привилегия, но давно отнята, и не скажу, чтобы крестьяне

смириться с этим окончательно, иначе не бунтовали бы порой. Фригольдеры же имеют статус вольных, за каковой, легко догадаться, держатся паче жизни.

Фригольдеры повинны носить на шапке оловянный медальон с изображением пшеничного колоса. У крестьян короны таковой снабжен еще короной, а у крестьян сеньоров — гербом хозяина.

Нужно упомянуть, что законы жестоко карают за присвоение человеком отличительных знаков, на которые он не имеет права, пусть даже это совершенно шуточки ради. А если он пошел на это ради получения выгод, то наказание еще тяжелее. Как ни странно покажется, но наказание, пусть не столь суровое, ждет и того, кто выдает себя за особу, стоящую на общественной лестнице ниже, чем это есть в действительности. Впрочем, в таковых порядках, если призадуматься, есть здравый смысл — человек, добровольно спустившийся ниже, чем его поставила судьба, попросту глуп, если только это не служитель божий, взыскующий аскетизма, или юный влюбленный, не нашедший других путей, дабы видаться со своей возлюбленной.

В чем-то, похоже, стройная система гильдий некритически следует заостеренным традициям. Так, заводские мастеровые и мастеровые паровых машин — люди изрядно образованные и умелые, и Железная гильдия для них, многие соглашались, чересчур уж низка. Но представители молодых ремесел, увы, явились, когда лучшие места были уже заняты. В том-то и суть, что против повышения статуса вышепоименованных возражают в первую очередь сами высшие гильдии, ссылаясь на тысячелетний уклад жизни. Не вижу в том ничего удивительного, ибо давно ведомо, что люди сплошь и рядом питают к ближнему своему даже более сильную неприязнь, ревность и зависть, нежели к высшим. Высшее далеко, и завидовать им нелепо, ибо не всегда и представляешь толком, чему именно из жизни высших завидуешь, ибо не осведомлен о таковой в должной мере. Ближний же — рядом, на глазах, и негоже позволять ему превзойти тебя, особенно если знаешь в глубине души, что он такого превосходства заслуживает... Несовершенен человек, друг мой Чедогон, и не нам изменить природу его...

О КУПЕЧЕСКОМ СОЮЗЕ, ИМЕНУЕМОМ ГАНЗА

Выдержки из шестого письма реверена Гонзака

Расскажу теперь, друг Чедогон, как выглядит на Таларе Ганза, чьих купцов нам доводилось встречать и на Сильване.

В противоположность Балонгу, своему извечному сопернику, Ганза не составляет государства в привычном понимании сего слова. Ганза есть союз ста одиннадцати городов, расположенных как на Харуме, так и на значимых морских островах, причем все без исключения города эти помешаются на берегах, морских и речных. А произошло так оттого, что Ганза возникла в древние времена, когда из-за слабости тронов, непрерывных войн на суше и разгула пиратов на водах торговое плавание что по морям, что по рекам было занятием крайне рискованным, и единственной защитой тут был собственный меч. Так и сложился союз купцов-корабельщиков, к вящей своей выгоде и безопасности неустанно укреплявших флот свой и города. И поскольку цели Ганзы были несложными, ясными и четкими, а укрепление государств — процессом не в пример более долгим, путаным и хаотичным, означенная Ганза, пусть и лишившаяся с бегом столетий прежней вовсе уж невиданной мощи, остается все же сильной. Есть у них торговый флот, есть военный, даже с пароходами, а города их изрядно укреплены и располагают сильными гарнизонами. И не подчиняются они законам того государства, где расположены, — не совершая, со своей стороны, ничего такого, что шло бы вразрез с законами «прилегающей державы» (как любят выражаться ганзейцы, коим похвальба и честолюбие свойственны в той же степени, что и всем прочим). А если какой король, что случается даже теперь, посягнет на лежащий в пределах его державы город Ганзы, то все прочие ганзейские города, объявив тревогу, идут на выручку, и сила их такова, что объявленная ими какой державе война способна державу сию не на шутку озаботить. А общего сговора всех королей и владык против Ганзы ждать не приходится — ибо не случалось еще в истории, да и не случится, мне думается, чтобы все без исключения монархи пришли к полному согласию касаясь столь сложного вопроса. Столь сердечного согласия удастся достигнуть лишь в делах более простых, да еще направленных против слабейшего — как это было с Сандоварским

Уложением*. Так что Ганзой за последние семьсот лет утрачено лишь четыре города (не включая в это число тех, что оставлены самими ганзейцами под натиском Глаз Сатаны).

Промышляют ганзейцы главным образом торговлей и перевозкой товаров. Занимаются они и банкирским делом, но такое почти повсеместно в руках Балонга, и успехи Ганзы на сем поприще ничтожны (что ее, говорят, злит). Сословия и гильдии у них те же, что и у большинства держав, хотя число гильдий и составляет у ганзейцев не пятьдесят, а сорок восемь, нет в Ганзе ни гуртовщиков, ни мастеров воздушных шаров и планеров — одиночным городам-государствам, стесненным по территории, сии ремесла ни к чему, равно как и телеграфисты. Кроме того, иные гильдии вроде корабельщиков и моряков с речными матросами стоят выше, чем в других державах, а иные — не в пример ниже. Крестьяне есть при сорока шести городах, и все они фригольдеры. А дворянства своего не имеется. Те из ронинов** (а таких немало), кто поступает на службу Ганзе, не располагают в ее городах теми привилегиями, что имеют дворяне других держав, зато пользуются всеми правами вольного ганзейца, а это им обеспечивает известное благополучие и защиту. Нужно еще добавить, что преступлений в ганзейских городах не в пример меньше из-за малого притока посторонних. В этом отношении города Ганзы, даже крупные, схожи с деревнями, живущими патриархально, размеренно и замкнуто. Что, впрочем, не означает идиллии, ибо природа человеческая несовершенна.

Единого правителя у них нет, но раз в год собирается Ганзейская Палата из представителей всех городов для обсуждения накопившихся проблем и решения дел, буде таковые возникнут. Палата эта назначает в каждый союз (ганзейские города на континенте, числом 89, делятся на семнадцать союзов, а остальные, что разбросаны на островах, приравниваются к союзу каждый) Легата Палаты, и означенные Легаты по иным своим обязанностям и должностным функциям выполняют роль правителей.

Относительно ганзейского герба ходит старинная легенда — что-де во времена оны некий богатый судовладелец, готовясь

* Сандоварское Уложение узаконило упоминавшееся выше решение о запрете владыкам Вольных Маноров возводить людей в дворянство.

** Ронины — младшие сыновья из дворянских родов, не имеющие права на наследство.

перейти в иной мир, завещал корабль свой тому из сыновей, кто, обойдя в шлюпочном состязании остальных, первым коснется рукой палубы. И один из сыновей якобы, видя, что победа от него ускользает, отсек себе руку и кинул ее на палубу, соблюдая тем самым букву уговора. Иные сказке этой верят, но я подобную слышал частенько и на Таларе, и на Сильване, причем речь шла о иных купцах, не ганзейских. И потому подозреваю, что имеем мы дело с бродячим сюжетом, переходящим от народа к народу.

Вот и все, пожалуй, о Ганзе.

О ЗАГАДОЧНОЙ И ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ СТРАНЕ ИЛЛЮЗОР

Письмо седьмое реверена Гонзака

Приступая к рассказу о преудивительном крае Иллюзор, опасаюсь, друг мой Чедогон, что ты можешь не поверить, хоть и знаешь прекрасно, что не в моем обычае предаваться шуткам и розыгрышам, когда речь идет о накоплении знаний об окружающем нас мире. И все же места, коим тысячи лет назад кто-то мудрый присвоил удивительно точное название Иллюзор, до того поразительны, что окончательно поверить в их существование можно, лишь повидав собственными глазами. Я и сам, каюсь, считал рассказы преувеличенными, проистекающими из призрачной иным странникам манеры сваливать в одну кучу и собственные наблюдения, и пересказы из третьих уст, и упражнения шутников, — мы с тобой и сами, будучи юными студентами, находили порой забавы в том, чтобы угощать наивных чужеземцев байками о чудесах и диковинах, рожденными за кувшином черного пенистого... Иные из этих наших придумок попали и на страницы серьезных книг, за что мне потом было стыдно. Но с Иллюзором все обстоит иначе. Он существует, именно такой — к непреходящей головной боли ученых книжников, перерастающей порой в уныние и тупое изумление многообразию и изощренности загадок, подсунутых нам то ли добрыми духами, то ли злыми, то ли лишенными разума и души силами природы...

Представь, друг мой, что едешь ты верхом по стране, прямо-таки брызжащей жизнью. В лесах рыскают дикие звери, олени и кабаны, на лугах пасутся стада, за плугом ходят пахари, по большим дорогам движется нескончаемый поток путников, обгоняя тебя и спеша навстречу, — тут и пешие, и конные, и

повозки купцов, и блестящие дворянские кавалькады, и воинские отряды. Проезжаешь ты городами и деревнями, где кипит жизнь во всем ее многообразии и блеске, и обитатели заняты когда каждодневными своими делами, когда торжествами и праздниками.

Таким предстает перед путником Иллюзор. Но очень скоро ты заметишь, что все окружающее немо — ни единый звук, кроме топота твоего коня и звяканья уздечки, не нарушает всеохватывающей жуткой тишины. И если пойдешь ты прямо на встречного, пройдешь сквозь, не встретив на пути ничего, кроме пустого воздуха. Ибо все, что ты видишь, и все, кого ты видишь, — суть иллюзия. Не замечают они тебя, не видят, живя своей странной, иллюзорной, несуществующей жизнью. Люди, искушенные в познании, а также причастные к магии и ведовству, уверяли меня, что с призраками и иной нечистью бесплотные обитатели Иллюзора ничего общего не имеют. Скорее уж это запечатленные неведомым путем изображения, никому не делающие дурного и слепые ко всякой попытке установить с ними общение. Истина эта подтверждена за тысячелетия, ибо Иллюзор существовал уже в дописьменные времена, последовавшие за Штормом.

Надобно сказать, что иные строения Иллюзора существуют реально, точнее, остатки таковых — где фундаменты, где стена, где целое почти здание, особо прочно возведенное некогда неведомыми строителями. Но определить это можно лишь на ощупь — ведь всякий дом, амбар или мост взору твоему представляется совершенно целехоньким, будто вчера законченной постройкою. (Правда, там и сям валяются истлевшие доски и груды рухнувшего камня, так что дома предстают одновременно и в виде развалин, и в первозданном своем виде, и зрелище, признаюсь, экстраординарное.) Равно же, если повезет, можешь отыскать и утварь, а то и драгоценности — но немного, потому что лихие кладоискатели за пять тысячелетий постарались изрядно. А подчас отыщется и книга, достаточно сохранившаяся. Но читать тех книг не может никто — написаны они на непонятном языке неизвестными буквами. А храмы их, где бесплотные обитатели Иллюзора поклоняются богам, нам непонятны, и боги такие неизвестны.

Поскольку находимые там предметы выглядят именно так, как и должны смотреться пролежавшие тысячелетия вещи, в иллюзорном своем состоянии представляющие новехонькими, поскольку налицо развалины, легко понять, что Иллюзор есть тень минувшего, отображение существовавшей в неизвестные времена страны, где впоследствии все живое сгинуло неведомо куда (ибо нет там множества скелетов), а неживое понемногу ветшало. Вот только никто не знает, что это была за страна, что за бедствия на нее обрушились и какие причины вызвали нынешнее, столь диковинное и поразительное, состояние дел. Объяснений за тысячелетия накопилось множество, есть и пространные, изложенные весьма ученым языком, да вот беда — во-первых, каждое из них всем прочим противоречит, а во-вторых, ни единое проверить невозможно.

Опасностей Иллюзор не содержит почти никаких. Забредет иногда из других мест настоящий зверь, но редко — звери не любят Иллюзора. Кое-где, рассказывают, обитает нечисть, по всем признакам, укрывшаяся в Иллюзоре, дабы избежать преследований, коим нечистую силу успешно подвергают в иных уголках Талара. Бывает и разбойный народ, пересидевшая погоню и укрывая клады, ибо лучшего укрытия и не придумаешь. Заходят сюда и книжники, ищущие истины, и просто любопытные, кому средства позволяют снарядить экспедицию.

А постоянно никто из живых тут не селится, разве что беглые крестьяне, коим податься уж вовсе некуда. Первоначально я, не освоившись, удивился было, отчего окрестные владельцы не воспользовались столь легкой и удобной возможностью расширить свои рубежи, однако ж, проведя в Иллюзоре две недели, принужден был признать правоту моих проводников, толковавших допрежь, что жить здесь «тягостно». Поистине так. С каждым днем, проведенным среди немых теней Иллюзора, нарастает в душе тягостное ощущение то ли тоски, то ли тревоги. Возможно, ты его сам себе внушаешь, возможно, так дразнит твои чувства диковинность окружающего, да только от того не легче. К вечеру пятнадцатого дня не выдержал я и велел поворачивать коней к границам Вольных Маноров, хоть многое, достойное внимания, следовало бы еще осмотреть, и немало

любопытного осталось неизученным. Злясь на себя, досадуя, но не в силах превозмочь незримое тягостное давление, ехал я прочь во главе своего повеселевшего отряда...

Словом, Иллюзор необитаем. Лишь в полуночных его областях, где простираются прилегающие к морю обширные степи, что ни год появляются снольдерские и ронерские гуртовщики, пригоняя на летние выпасы рогатую скотину, ибо пастбища там богатейшие, хоть реальные травы и мешаются там с иллюзорными. Лошади, животные умные, тонко чувствующие и наделенные повышенной восприимчивостью ко всему необычайному, а также имеющему отношение к потусторонним силам, тех пастбищ не любят, постигнув в меру разумения диковинность Иллюзора. Бык же, тварь тупая, виденным не тяготится, и странность иллюзорских пастбищ его не беспокоит — знай жрет, нагуливая тушу и покрывая степи диковинного края навозом.

На сей низменной ноте я, пожалуй, и закончу, ибо нечего более добавить к описанию странностей Иллюзора.

О КРАЕ, ИМЕНУЕМОМ СВЯТОЙ ЗЕМЛЕЙ

Выдержки из восьмого письма реверена Гонзака

Святая Земля, повествуют, была некогда обычным королевством, где уклад жизни ничем не отличался от налаженного в других державах. Но четыреста с лишним лет назад, когда страна, сотрясаемая многими невзгодами, от засухи до баронских бунтов, находилась в крайне расстроенном состоянии, некий священник по имени отец Патаран, служитель столичного храма Единого Творца, человек незаурядный, наделенный и красноречием, и умением доходчиво излагать толпе свои мысли, встал во главе движения, нареченного «Братством Совершенных», к которому примыкали не одни лишь простолюдины, но и немалое число гильдейских, членов Сословий, дворян, в том числе и титулованных. Братство это, проповедовавшее борьбу против всяческой несправедливости и греховности путем отказа от мирской роскоши и разномыслия, в короткое время снискало себе изрядное множество сторонников — ибо во времена потрясений и бед, как мы не единожды имели случай убедиться, нетрудно возбудить в обществе ярость и жажду действия, в

особенности если четко обозначить виновных и обещать, что с незамедлительным устранением таковых жизнь наладится быстро...

Из всего этого возникла великая смута, принявшая характер большой войны сторонников короля против приверженцев Братства, причем в обоих лагерях хватало и титулованных дворян, и самого подлого люда, ибо раскол прошел не меж Сословиями, а внутри самих Сословий, не миновав ни одного. Продлившись с переменным успехом около полутора лет, война эта привела к гибели королевской фамилии, большим людским жертвам. Немалое число городов было разгромлено и сожжено. Победа Братства вынесла на опустевший трон отца Патарана, и новоявленный правитель немедленно приступил к преобразованиям, проходившим быстро и энергично благодаря поддержке закаленной в боях армии. Вот и получилось, что на волне успеха отец Патаран произвел изменения столь всеохватные и решительные, что в иные, мирные времена для таковых потребовалось бы не одно десятилетие (а посему и жертв, как расставшихся с жизнью, так и принужденных бежать в изгнание, нашлось преизрядно).

Ныне Святая Земля управляется Великим Магистром, происходящим от потомков отца Патарана (он, вопреки канонам, безбрачия не соблюдал). И жизнь сего государства всецело посвящена, как заявляется, служению Единому Творцу и подготовке воинских сил, способных выйти против сатанинских полчищ. Это напоминает мне орден монахов-воинов из Гурганского царства, на родной нашей Сильване находящегося, но по обширности территории и многолюдству народонаселения Святая Земля многократно превосходит владения ордена. Прежнее деление на дворянство, Сословия и гильдии давно уничтожено. Есть там Божьи Дворяне — они начальствуют над полками, а землями с крестьянами не владеют, являясь лишь управителями. Есть Божьи Книжники, занятые богословием, есть Божьи Инженеры, Божьи Купцы, Божьи Ремесленники и Божьи Мореходы, суть занятий коих ясна из одних названий сих людских общностей. Есть также Братья Монахи, коих немало, и часть их организована в воинские полки, должным образом вооруженные и вышколенные. Ну а Крестьяне Божьи, как легко уразуметь, пашут и сеют. Изящные искусства там, слышно, не в чести, как

и почитаемая преступлением роскошь, а храмы всех иных богов, кроме Единого, давно порушены. И нет там ни наград, ни гильдейского деления, ни сословного, ни титулов, ни сеньоров. Иными словами, по рассказам бывавших в Святой Земле путешественников, жизнь там по сравнению с иными краями не в пример аскетичнее и бесцветнее. Разное говорят о заведенных в Святой Земле порядках, кто одобряет их, кто не принимает. Я же остаюсь верным старой привычке писать только о том, что видел собственными глазами или по крайней мере изучил вдумчиво по множеству книг, представляющих противоположные точки зрения. Памятую к тому же, что правом выносить окончательные суждения наделена лишь сама История. Пока же у меня недостаточно знаний о Святой Земле, в чем не стыжусь признаться, и от суждений воздержусь до путешествия туда, каковое твердо намерен предпринять в ближайшие годы.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Выдержки из одиннадцатого письма реверена Гонзака

Армии на Таларе не собираются от случая к случаю ради той или иной кампании, а постоянны. Содержатся они на долю доходов от королевских имений, а также на долю от налогов, взимаемых со всех, и с дворян в том числе. Армии Виглафского Ковенанта устроены все на единый образец и состоят из гвардии, «безымянных полков» и легионов. Гвардия, пешая и конная, набирается частью из ронинов, частью из горожан. Есть полки, состоящие целиком из дворян, хоть число таких полков и невелико. Гвардейские полки именуются по цвету мундиров и по роду войск — например, ронерские Синие Мушкетеры или горротские Черные Драгуны. Знамена у них четырехугольной формы, и древки их увенчаны позолоченным орлом, именуемым «акилла». Понятно, что офицеры гвардейских полков происходят из знатнейших дворян, большей частью титулованных, а солдаты получают повышенное жалованье как деньгами, так и в иной форме.

Следом идут «безымянные полки», конные и пешие, артиллерийские, ракетные и саперные. Набираются они из горожан и фригольдеров, хотя попадают там и ронины. Полки эти именуются номерами и по роду войск — например, «пятый ки-

расирский» или «десятый пикинерский». Вместо знамен у них вексиллумы. Вексиллум есть древко с поперечной перекладиной, прикрепленной пониже вершины, — а уж на этой перекладине и подвешивается полотнище, четырехугольное чаще всего, иногда с бахромой, иногда с кистями. Древко вексиллума увенчано посеребренным акиллой. Служба в сих полках далеко не так почетна, как в гвардейских.

И, наконец, легионы. Эти набираются, что конные, что пешие, из крестьян короны либо сеньоров, именуются также номерами и по роду войск, и офицеры тамошние почитаются ниже всех других. Вместо знамен у них «копье» — древко, увенчанное посеребренным изображением государственного герба и небольшой перекладиной, короче, чем на вексиллумах, с коей свисают ленты определенного цвета.

На службе у каждого короля есть отряды Вольных Топоров, однако таковые используются главным образом на морских островах либо в мелких стычках на границе, когда война по всем правилам не объявляется, а бои тем не менее идут. Впрочем, порой им и в больших войнах доводится участвовать. В офицеры к ним армейские чины идут неохотно, ибо Вольные Топоры, иными спесивцами почитаемые даже ниже легионов, сами о себе весьма высокого мнения. Народ это своенравный, и не всякий офицер с ними уживется.

Есть еще королевская гвардия, почитаемая личной дружиной монарха, и подбору ее самим королем уделяется особое внимание, причем обычные правила в счет как бы и не идут, потому что полки эти — все равно что меч короля, охраняющий его персону и фамилию. По древней традиции (нам на Сильване прекрасно знакомой исстари) королевскую гвардию предпочитают набирать из иноземцев, гланцев в первую очередь, кои славятся высокой боевой выучкой и особенной верностью присяге. Земля в Глане скудна, многие ищут пропитания за его пределами, выбирая в первую очередь военную стезю, как наиболее приличествующую гланскому горцу. Случается еще, что в королевскую гвардию берут крестьян без различия их принадлежности, отдавая предпочтение как раз уроженцам самых глухих и отдаленных провинций — они по неразвитости своей чтят короля как сверхъестественное поистине существо, а в городах не имеют ни корней, ни знакомых,

ни родни. Королевская гвардия превосходно обучена бою на улицах, защите зданий и штурму таковых — всему, для чего она в первую очередь и предназначена. Помимо того, учат еще рукопашному бою, владению неуставным оружием, обращению с караульными собаками, стрельбе из арбалетов и мушкетов со зрительными трубками, именуемыми оптическими прицелами, а также, несомненно, и другим хитрым воинским искусствам, о которых широкой публике не разглашается. Служба офицером в королевской гвардии, пусть даже в таком полку, что составлен из темных провинциалов (коих долго учат различать правые и левые конечности, привязывая к оным при муштровке то сено и солому, то, ради пущего поощрения, колбасу и рыбу, кои солдат получает для съедения, как только перестанет путаться), — одна из почетнейших, и многие ее добиваются. Однако отбор туда строжайший — ведь немало в истории случаев, когда король становился жертвой гвардейцев, направляемых узурпаторами. Одним словом, друг мой Чедогон, все, что касается таларской королевской гвардии, мы исстари наблюдаем на Сильване, только что под другими названиями: есть области, где мышление венценосных особ движется совершенно новыми путями, какую державу или планету ни возьми...

Вернемся к армии. Что полком, что легионом командует офицер в чине полковника. И полк, и легион, как правило, состоят из пяти рот (только в кавалерии рота именуется «ала»), и в каждой из этих рот от двухсот до трехсот человек, разделенных на десять платунгов. Ротой командует капитан, и в подчинении у него находятся три-пять лейтенантов и десяток сержантов, командующих по необходимости кто одним платунгом, кто несколькими, в зависимости от обстановки и боевой задачи. При каждом полку имеются: артиллерийская батарея, ракетная батарея (в пехотных еще и особая рота, устанавливающая при нужде рогатки для защиты от неприятельской кавалерии), обоз, походные мастерские, штаб под командой офицера, лекарский отряд, один-два платунга (конные, независимо от рода войск), служащие исключительно для охраны штаба, ибо там много тайных бумаг, ценных для противника. А еще — полицейская команда и особое подразделение, именуемое «волчья сотня», — там собраны головорезы сметливые и дерзкие, способные и разведку провести, и заложить пороховую мину, и посеять панику в тылу противника,

перехватывая его курьеров, громя обозы. Вопреки общепринятым правилам войны, «волчья сотня» частенько переодевается в мундиры противника, отчего ставит себя вне законов войны, и при поимке их вешают, как шпионов. Впрочем, в сии сотни набирается столь отчаянный народ, иногда прямо с каторги, что подобная бесчестная участь их не особенно и пугает.

Словом, все вышеупомянутые мною вспомогательные отряды каждого полка, пожалуй, не уступают в численности его пяти строевым ротам, также и «алам».

Артиллерийские полки и ракетные делятся на батареи и роты под командою лейтенантов и капитанов. Солдаты их грамотнее и развитее прочих, поскольку имеют дело со сложными устройствами, — то же и с саперами, обязанными уметь обращаться со сложными осадными машинами, закладывать мины и контрмины и выполнять иные нелегкие задания. В помянутых полках также есть и свои штабы, и лекарские группы, и «волчьи сотни», и мастерские, и отряды воинского прикрытия.

У лейтенантов, капитанов и полковников с генералами чин обозначает золотое шитье на мундирах, а также обилие оного. Так уж сложилось, что знаками различия для лейтенантов стали повсеместно шитые лавровые ветви, для капитанов — тисовые, для полковников — виноградные листья, а для генералов — дубовые (по сему поводу один лейтенант, подвыпив, загадал мне загадку: «Что такое — дуб, и листья на нем золотые?» Оказалось, недалекий умом генерал). К чему в разных державах добавляются свои эмблемы разнообразного типа*.

Есть еще полки воздушные, оснащенные воздушными шарами и планерами. Первые, поднятые на привязи, служат для наблюдения за неприятелем, а со вторых, бывает, метают и гранаты в осажденную крепость или на позиции, и, хоть урон от таких атак обычно ничтожен, ущерб для боевого духа подвергнутых такому нападению велик. По этой причине повсеместная ненависть сопровождала воздушные войска при их появлении, как это, рассказывают, было в старину с огнестрельным оружием при его начавшемся в войсках распространении. Ненависть эта достигала такого накала, что еще на памяти нынешнего поколения военных пленного летуна, будь он и дворянин, вешали

* С тех пор как были написаны эти строки, в этой области военного дела произошли определенные изменения.

совершенно как шпиона, если не подвергали худшей участи. Специально созванная по сему поводу ассамблея Виглафского Ковенанта после долгих прений постановила такую практику недопустимой, и каждый монарх клялся королевской честью соблюдать законы войны по отношению к летунам, а нарушителей сего карать смертью. А король Снольдера, единственный, кто располагает летательными машинами под названием «самолет», понуждаемыми к летанию особыми механизмами (но ничуть не похожими на наши воздушные колесницы), набирает летунов из одних дворян и присваивает каждому офицерский чин, дабы полностью его обезопасить, — ведь убийство пленного офицера считается поступком недопустимейшим, и дворянство всех держав строго следит за соблюдением сего правила.

Флот таларский состоит из парусных кораблей, пароходов, а также судов, способных ходить и под парусом, и посредством колес. Вооружены они пушками, ракетными станками, метательными устройствами и огнеметами*. Малыми кораблями командуют лейтенанты, большими — капитаны, имеющие в подчинении несколько лейтенантов (причем лейтенант, командующий отдельным кораблем, именуется «флаг-лейтенант» и по рангу считается выше обычного лейтенанта, что подчеркивается дополнением к знакам различия). Эскадры же управляются адмиралами. В отличие от суши, где генеральский чин не делится на разряды, адмиральский практически повсеместно на разряды делится, в какой стране на два разряда, в какой — на три. Знаками различия для лейтенантов служит шитье в виде якорной цепи, для капитанов — таковой же цепи с якорями, а в отношении адмиралов существует большое разнообразие. Так, в Снольдере есть адмиралы Трех, Двух и Одного Фонаря, в Ронеро — адмиралы Красной, Синей и Белой эскадр, а в Лоране — адмиралы Небесные и Звездные (чины эти, как говорят, произошли от наименования парусов — один их ряд, средний, в морской практике именуется Небесным, а верхний — Звездным).

Служат в войсках и девушки, главным образом из дворянских семей, иногда и в офицерских званиях, их не столь уж много, но и не настолько мало, чтобы они считались диковинкой. Снисхождения к ним по сравнению с мужчинами не делается

* Пулеметы в те времена на вооружении еще не появились.

никакого, а вот лишние опасности существуют: если попавшая в плен девушка не имеет офицерского звания, то при недосмотре начальников (а то и их попустительстве) может в неразберихе сражения подвергнуться самому разнузданному насилию. Причем порой надругательство оное имеет причиной вовсе даже не распутство, а выражает убеждение иных, что воевать женскому полу негоже. В военный же флот лица женского пола служить категорически не допускаются, чему причиной древняя традиция. Даже в качестве пассажира иные капитаны женщину, будь она в офицерском звании, берут неохотно. Ради курьеза упомяну, что лет десять назад один ронерский крейсер самым натуральным образом взбунтовался, когда его палубу вознамерилась посетить королева, и даже король, заслуженно прозванный Ужасным, вынужден был простить бунтовщиков, ибо очень уж древний и незыблемый обычай был затронут (но запрет таковой сохраняется лишь в регулярном военном флоте, ибо в торговом, сообщали мне, женщины плавают в небольшом количестве а у пиратов — и в большом).

Есть на Таларе военные школы, где год, а то и два-три готовят морских офицеров, артиллерийских и саперных. Конница же и пехота обучения в особом заведении не требуют. Молодые люди из дворян, зачисленные в конный либо пеший полк кадетами, там непосредственно постигают военную науку. Когда (речь идет о мирном времени) вышестоящие командиры признают, что кадет достоин звания, ему присваивают чин «кадет-лейтенант», в коем он и пребывает до освобождения вакансии. Бывают и кадет-капитаны (а среди молодых офицеров кружит байка о некоем невезучем кадет-генерале, до кончины своей пробывшем в таком чине в ожидании вакансии, но это не более чем ходячий анекдот). На войне, понятное дело, производство в чин случается быстрее. Нужно заметить, что во многих полках, гвардейских особенно, в полковники простым продвижением на освободившиеся вакансии не выбьешься — я о полках, где полковников назначает сам король, а не военное министерство.

В солдатах и матросах служат не менее десяти лет, а верхнего предела не назначено — лишь бы был крепок и не увечен, а там служи хоть до седых волос. Отслужившие десять лет могут при соблюдении определенных условий выйти в отставку, од-

нако еще семь лет находятся во «второй очереди», и в случае большой войны их могут вновь определить на службу, потому что так проще и выгоднее, чем брать необученного. Если вышедший в отставку после десяти лет беспорочной службы был до того крестьянином сеньора или короны, он получает статус фригольдера либо право приписаться к одной из трех низших гильдий, а если имеет не менее трех медалей — и к Серебряной. Если же отставник горожанин, может подняться гильдией выше, а при наличии медалей — и шагнуть через разряд. Порядки такие побуждают многих и многих искать военной службы — благо, в полном соответствии с таларской пословицей «У акиллы из-под крыла не выскочишь», достаточно беглому тюремному сидельцу или сбжавшему от хозяина крестьянину попасть в списки полка и принести присягу, как ни полиция, ни сеньор уже не вправе его из казарм извлечь.

В военном флоте есть свои особые полки морской пехоты, действующие в морском сражении абордажными командами, либо штурмующие прибрежные города, когда произойдет такая надобность. Иные из этих полков целиком набираются из каторжников, изловленных пиратов и тому подобного сброда, обязанного в обмен на свободу прослужить равным счетом пятнадцать лет. Свободой такой удел можно назвать с превеликой натяжкой, ибо надзор за ними строгий и за попытку дезертирства вешают немедля, да и за многие другие проступки наказанием петля гораздо чаще служит, чем розга. И все же приток охотников в такие полки велик — лучше служить в морской пехоте, чем надрываться в каменоломнях или висеть на рее, к тому же бывает и военная добыча, а отслуживший пятнадцать лет получает полное прощение прошлых грехов. Вот только доживает до окончания срока не более одной десятой, поскольку их бросают в самые горячие места — да так уж человек устроен, что всегда надеется, будто убьют непременно другого...

Ганза тоже содержит на часть своих доходов и постоянную армию, и военный флот, и отряды Вольных Топоров. В Глане же постоянной армии почти что и нет — лишь два-три королевских полка, обычно размещенных на границах. Зато при угрозе извне тамошний воинственный народ, сызмальства обученный владеть оружием независимо от пола, быстро собирается под

знамена своих кланов, и армия эта весьма грозна, ибо защищает свою родную землю.

Постоянную армию не заменишь быстро неопытными рекрутами, стоит она дорого, и часто рисковать ею в крупных сражениях неразумно. Потому, как и у нас на Сильване, особо крупные войны, истощающие государство и требующие предельного напряжения всех сил, на Таларе бывают, но весьма редки. Те же, что вспыхивают и ведутся часто, сводятся к двум-трем битвам, где обе стороны выставляют лишь по несколько полков. Так же обстоит и с морскими сражениями, где сходятся не более десятка-другого вымпелов с каждой стороны. Иные войны ограничиваются осадой крепостей, иные — рейдами одного-двух полков на вражескую территорию.

Мирное же население, считается, не должно участвовать в войне, как бы к ней ни относилось. Единственным исключением предстает лишь воинственный Глан, чьи рубежи сильнее мечей охраняет ясное осознание того, что любому вторгшемуся придется ждать удара от каждой руки, из-за каждого куста. С другой стороны, по законам современной войны и у армии противника нет привычки зверствовать против мирного населения, хотя оно несет неизбежный ущерб в виде увода скота, грабежей и насилий над женским полом, а порой и взятые города бывают отдаваемы войску на разграбление. Такова уж война, сама по себе являющаяся бедствием...

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О МОРСКИХ ОСТРОВАХ

Выдержки из четырнадцатого письма реверена Гонзака

О всевозможных чудесах, диковинах, встречах и впечатлениях, с коими я столкнулся во время трех своих морских путешествий, напишу еще отдельную книгу, каковая, похвастаюсь, на две трети уже готова*. А пока что, друг мой Чедогон, ограничусь тем, что перечислю самые заметные морские острова и опишу их кратко.

Надобно прежде всего заметить с превеликой завистью, что мореплаванию на Таларе благоприятствует одно существеннейшее обстоятельство — моря там, в отличие от наших, пресно-

* Ни этой книги, ни каких-либо относившихся бы к ней заметок в бумагах Гонзака не обнаружено.

водные, и корабельщикам не грозит смерть от жажды. (Ходят даже разговоры среди ученых, что великая река Ител — есть поток, вытекающий из моря, подземным течением проделывающий часть пути и выходящий в Хелльстаде на поверхность. К этому предположению стоит прислушаться, учитывая странное строение реки Ител, словно бы из ниоткуда берущей немалое количество полноводных рукавов, на каковые она разделяется, — а ведь со всеми прочими реками обстоит как раз наоборот: притоки питают реки, а не реки в обилии порождают рукава. Однако проверить это предположение трудно: экспедиции к устью Итела опасны. Пробовали иные сбрасывать с кораблей в Фалейском заливе изрядное количество плотно закупоренных пустых бутылок, надеясь, что некоторые из них, пройдя гипотетическим подводным течением, всплывут в низовьях реки, но не слышно, чтобы принесло это успех, что, впрочем, как не доказывает существование подземного потока, так и не отвергает.)

Так вот, планета Талар делится на Полушарие Восхода и Полушарие Заката. В первом и лежит Харум. К полудню от него расположены острова Бару, числом одиннадцать. Четыре из них, более обширные, принадлежат Снольдеру, а прочие семь — Горроту. Острова эти никакой пользы почти не приносят, не разведано там ни ценных руд, ни благородных металлов, а земля большей частью скудна для земледелия или скотоводства, так что владеющий ими извлекает выгоду главным образом моральную. Ибо государства подобны малым детям, каждый клочок земли для них — что любимая безделушка, каковую не отдадут другому, даже если надоела...

К закату от Харума лежит Катайр Крофинд, остров большой, размерами не уступающий Харлану. Там текут две реки, есть обширные пастбища, оловянные и медные рудники, месторождения мрамора и каменоломни, на коих трудятся каторжники. Есть там города и деревни. Катайр Крофинд принадлежит Снольдеру.

К полуночному закату от Катайр Крофинда находится Инбер Колбта. Островов в данном архипелаге около девятисот, но редкий из них превышает размерами двух-трех югеров*, и расположены они крайне густо, очень близко друг к другу собраны, так что разделяющие их воды весьма узки, где шириною в полет

* Югер — квадратная лига.

стрелы, а где можно без труда перебросить камень с островка на островок. Протоки Инбер Колбта являют собой сущий лабиринт, где незнакомый с архипелагом кормщик может блуждать неделями, не находя выхода в океан, да и опытные лоцманы не рискуют углубляться в самое сердце Инбер Колбта, благо что и делать там занятому человеку нечего. Только на внешних островах останавливаются проплывающие корабли, ибо у Инбер Колбта проходит один из оживленных морских путей, и вездесущие ганзейцы еще в древние времена устроили там три порта, а в позднейшие годы разные государства заложили угольные склады для своих пароходов. В глубине же Инбер Колбта любят укрываться превосходно знающие те места пираты, и погоня за ними затруднительна, хотя случается. Всякое болтают о центральных областях Инбер Колбта, но я к этому еще вернусь в своей книге о тайнах океана. Инбер Колбта никому не принадлежит, и большинство его островов необитаемы. На таларском древнем языке, ныне вышедшем из употребления, «инбер колбта» означает «устье реки», и ученые люди уверяют, будто с птичьего полета архипелаг и впрямь напоминает, если мысленно дорисовать недостающее, устье гигантской реки, дельту с многочисленными островками. Возможно, есть правда в легендах, утверждающих, будто до Шторма места те были сушей с протекающей по ней рекой — от чего только и осталось, что Инбер Колбта.

Примерно на равном расстоянии меж Инбер Колбта и Лораном, только лигах в ста к полуночи, лежит остров Стагар, и он невелик. Жители его пользуются мрачной славой первых на Таларе морских колдунов, весьма сведущих во всем, что касается погоды, течений, бурь, дождей и ветров, а также морской нечисти. И слава эта вполне заслуженна — оттого-то, по некоему молчаливому уговору, харумские державы претензий на Стагар не предъявляют, стараясь с ним не связываться, благо и взять с него нечего. Формально остров принадлежит лоранской короне, от каковой на Стагаре присутствует губернатор с небольшим количеством чиновников и солдат, но вмешательства в местную жизнь он не оказывает, и последняя идет своим чередом. Коренных обитателей там насчитывается около трех тысяч, малая часть живет плугом, а большая — рыбной ловлей. Лоранцы туда не переселяются, ибо Стагар скуден и каменист. Есть там при городке, также именуемом

Стагаром, большой порт. В городке и пребывают губернатор с гарнизоном, а также некоторое число ссыльных, среди коих есть и знатные.

Примерно в полутора тысячах лиг к полуночному закату от Стагара лежит Темайр. Остров сей служит ларам портом, откуда летают на Сильвану и обратно те межпланетные исполинские ладьи, на одной из которых я сюда и прибыл. На Темайре есть большой порт, куда приплывают корабли, перевоза убывающих на Сильвану и прибывающих оттуда, вкуне с их товарами. Всем на Темайре распоряжаются лары.

Вот и все о Полушарии Восхода. Перейдем теперь к Полушарию Заката, изучая его сверху вниз.

На полуночи лежит Диори, огромный и загадочный остров, весь закованный льдами, что необъяснимо при таларском климате, везде одинаково ровном, не знающем зимы, снега и льда. А посему все сходятся, что льды Диори имеют объяснение неестественное. В глубь сей жуткой земли никто не рискует углубляться, да и на берегах Диори появляется еще меньше дерзких смельчаков, чем на рубежах Хелльстада. Если хоть десятая часть страшных рассказов о поджидающих на Диори опасностях верна (а так оно, безусловно, и обстоит), то рекомо сокрытые там клады имеют надежнейших сторожей...

Ниже, на одной примерно широте, расположены Ферейские острова, Хай Грон и Бран Луг.

Ферейские острова, числом пять, принадлежали когда-то королевству Демур, ныне стертому с лица земли Глазами Сатаны. После гибели метрополии жители острова, оказавшись без подданства и защиты, переселились на Бран Луг. Так же поступил и гарнизон имевшегося на одном из островов военного порта, перейдя на ронерскую службу. Ныне на одном из них ронерцы заняли опустевший порт, приспособив его для своих нужд, ибо мимо того острова проходит морское течение, облегчающее путь их кораблям к Бран Лугу. А остальные четыре необитаемы, там пасутся стада одичавших коров, на которых охотится и гарнизон, и пираты, и проплывающие честные мореходы, имеющие потребность в свежем мясе.

Далее лежит Хай Грон. Остров этот мал, площадью около двадцати югеров, и почти весь представляет собой бесплод-

ные скалы, если не считать узкой прибрежной полоски на закатной окраине, где расположился город с портом, наполовину принадлежащим Ганзе. Однако знаменит этот остров на весь Талар. В самой высокой точке Хай Грона стоит храм морского бога Руагату, и легенда гласит, что под этим именно храмом зарыто знаменитое копье Морских Королей, коим только и можно убить Великого Кракена. Поверье это идет из седой древности и чересчур устойчиво для простой сказки. Но поскольку его сопровождает столь же древнее поверье, гласящее, что разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет страшное наводнение, всемирный потоп, не уступающий Шторму, державы Виглафского Ковенанта, все без исключения, держат на острове свои воинские команды, бдительно охраняющие храм днем и ночью. Признаюсь, впервые я столкнулся со случаем, когда все государства столь единодушны в серьезнейшем своем отношении к старинной легенде. Так что поневоле начинаю думать, что для такого поведения у них есть свои причины, и пророчество оное в старые времена действительно прозвучало из уст кого-то, чьи слова сбывались... Но не возьму в толк, где можно было зарыть копье. Храм я посетил немедленно, туда пускают в сопровождении чиновников в дневное время, за умеренную плату. И уверяю тебя со всей ответственностью: храм сей стоит на сплошной скале, где невозможно зарыть что бы то ни было. Позже, уже на Харуме, в кругу ученых, я со всем пылом новичка предположил, что речь идет об устроенном в подземелье храма тайнике, но мои догадки тут же опровергли, рассказав, что за минувшие тысячи лет там, не выдавая своего подлинного лица, побывали многие колдуны и маги, а также горные инженеры и лозоходцы, поднаторевшие в поиске тайников и подземных полостей; и все они пришли к заключению, что подземелье храма (невеликое, кстати) тайников не содержит. Остается разве что предположить, что легендарное копье это, если и впрямь существует, магическим образом заключено в толще камня, откуда извлечь его может лишь посвященный. Случаи таковые нам известны на обеих планетах. И таларские ученые со мной всецело согласились, ибо сами так думали: если копье существует, то разве что заключенным во внутренность камня, подобно мечу фоморов или копыю Гримтаса.

Далее расположен Бран Луг, размерами не уступающий Кайтайр Крофинду, а то и превосходящий. Владение это ронерское. Только там, в силу неких природных особенностей, и растет на Таларе хлопок (коим занято две трети острова). Также и сахарный тростник, хоть и растущий в иных уголках планеты, на Бран Луге наиболее хорош и обилен. Им засажена оставшаяся треть острова, из него добывают как сахар, так и излюбленный моряками ром — каковой, очищенный должным образом, весьма хорош. Труд по возделыванию обеих этих культур крайне тяжел, и своей волей туда редко кого заманишь, разве что от крайней нужды. И потому ронерцы посылают туда каторжников, а также нанятых у нас на Сильване рабочих.

К восходу от Бран Луга лежит Сегур. Остров этот невелик, размеров в пятьсот югеров, но история его удивительна. Сегур — последний сохранившийся над уровнем моря клочок некогда обширного и богатого королевства, размерами не уступавшего некогда доброй четверти Харума и включавшего в себя также Бран Луг (но Бран Луг был глухой окраиной, а Сегур — землями, расположенными вокруг столицы). Девятьсот с лишним лет назад земля эта стала вдруг погружаться в океан и на протяжении примерно семидесяти лет погрузилась почти вся, после чего море уже ни Сегур, ни Бран Луг не тревожило. Людей за те семьдесят лет погибло немало, но, поскольку погружение сие было не единовременной катастрофой, а постепенным опусканием суши, жертв все же насчитывается неизмеримо меньше, чем было бы при внезапном могучем катаклизме, и очень многие, прихватив то, что смогли погрузить на корабли, рассеялись по иным землям. А поскольку столица бывшего королевства, современный город Сегур, пребывает и ныне на суше, то за уцелевшей королевской фамилией сохранены все права, а за островом Сегур — права королевства, в качестве какового Сегур и состоит в Виглафском Ковенанте. Сам я, обремененный житейским опытом и толикой проистекающего отсюда цинизма, полагал, что причиной такого великодушия послужил отказ сегурского короля от образовавшегося острова Бран Луг в пользу великих держав (добавлю, что державы долго вели войны за единоличное обладание сим островом, пока там окончательно и безраздельно не утвердился Ронеро). Есть историки на Таларе, втихомолку со мной согласные, но в архивах письменных следов такой сделки нет, разве

что в королевских, нам недоступных. Ныне на Сегуре, кроме одноименной столицы (понятно, весьма обезлюдевшей), сохранился еще невыразимо прекрасный город Сегула, о котором толкуют, что за красоту его пощадили даже морские демоны — или сам Руагату, коего суеверная молва почитает виновником гибели королевства. Население Сегура сейчас не превышает десяти тысяч. Там обитает королевская фамилия с изрядным количеством дворян, и жизненный уклад разительно отличается от бытующего в иных странах. Из-за того, что крестьян и ремесленников осталось крайне мало, ибо именно они в первую очередь бежали из гибнущей страны, а дворян, так и не покинувших в свое время Сегур, насчитывается преогромное количество, то большинству из них ради пропитания пришлось освоить занятия, почитавшиеся до того презренными. И нынешний Сегур являет собой зрелище редкостное. На каждом шагу там можно встретить бакалейщика или гончара, а то и пахаря, щеголяющего при прадедовских золотых шпорах и золотой цепи, дабы подчеркнуть свое происхождение. Дворяне составляют девять десятых всего населения, но подлинно дворянский образ жизни ведут не более двух сотен из них, а прочие заняты делами, относящимися в других краях к обязанностям Золотых, Серебряных, Бронзовых и частью Медных гильдий. Жизнь на Сегуре была бы и вовсе скудна, не сдавай короли три порта в аренду ганзейцам.

Почти в центре Полушария Заката расположены острова Девайкир, числом девять. Иные из них богаты золотом и серебром. По одному острову принадлежит Снольдеру, Ронеро и Горроту, устроившим в своих владениях рудники. Два заняты Ганзой, но не слышно, чтобы там добывали драгоценные металлы (разве что, по купеческой привычке, это держится в тайне). По одному острову досталось Лорану и Харлану, безрезультатно пока что ведущим поиски. Два острова бесхозны, и все, кому вздумается, и государственные рудознатцы, и одинокие ловцы удачи, ищут там следы ценных руд. Если найдут, следует ждать войны за обладание данными островами. Поскольку оттуда на континент часто отплывают корабли, груженные золотом и серебром, вокруг островов Девайкир прямо-таки роятся пираты (правда, остается неподсчитанным, сколько из них старается ради собственной выгоды, а сколько — замаскированные морские офицеры соперничающих держав или попросту нанятые означенными державами каперы).

На полуночном восходе лежит Море Мрака — таинственная обширная область, укутанная нетающим густым туманом, куда даже пароходы с запасом угля заходить не рискуют. С превеликим трудом, выложив столько золота, что хватило бы на покупку неплохого трехмачтового корабля, мне удалось уговорить капитана (далеко не самого трусливого из известных мне таларских мореходов) углубиться в Море Мрака на лигу — и многое я понял, так что отныне не стану упрекать в трусости тех, кто опасается входить в Море Мрака. Но сам туда непременно вернусь для обстоятельной экспедиции, как только подыщу надежную команду и добрый корабль*.

На полудне лежит остров Дике, немногим менее Бран Луга, принадлежит он Горроту, обитаем и многолюден, но не пашни и пастбища составляют главную его ценность. В горах, в срединной его части, добывают знаменитый пещерный жемчуг, синее чудо, приносящее королям Горрота немалый доход. Растет там еще красное дерево, а в горных коях добывают красную яшму и полосатую**, а также особый род аметиста, именуемого «бархатным», — фиолетовый цвет его при вечернем освещении изменяется в густо-красный. Есть там и рубиновые копи, и месторождения полудрагоценных минералов — из них более всего известны венис*** и бакан****. Словом, недра острова Дике столь богаты, что горротских королей подозревают в сговоре с гномами, но слухи эти, верней всего, рождены одной лишь завистью, ибо кто слышал, чтобы гномы обитали на острове, пусть и большом? Даже если Дике, как слышно, есть осколок затонувшей в незапамятные времена земли, гномы давно покинули бы его, ибо островов не любят.

В океане насчитывается несколько десятков прихотливо разбросанных одиноких островов, но они малы, большей частью необитаемы, и для нашего повествования интереса не представляют ни малейшего — разве что из-за связанных с иными легенд и примечательных случаев, поверий и курьезов, которые я постараюсь изложить в своей книге о море.

* Намерение это осталось неосуществленным, хотя кое-какие шаги Гонзак успел предпринять.

** За «полосатую яшму» малосведущий в горном деле Гонзак принял одну из разновидностей орлеца.

*** Речь идет о гранате-альмандине.

**** Бакан — родонит, или орлец.

О ГОРОДАХ

Выдержки из пятнадцатого письма реверена Гонзака

Города таларские делятся на дворянские, коронные и гербовые. Первые целиком принадлежат дворянам, на землях коих расположены, вторые — королю, а третьи — вольные, в означение чего и наделены гербом, коим жители такого города крайне горды. Случается, конечно, что гербовый город лежит в границах дворянских владений, бывает, город окружен коронными землями, а случается, что столица, например, ронерская Равена, не королевский город, а гербовый. Происходит это оттого, что владения не раз меняли принадлежность, иным городам герб жаловался за заслуги, а у других отбирался за вину мнимую или подлинную. В городах всех трех разновидностей существуют одни и те же гильдии и сословия. Разница лишь в том, что в дворянском городе, будь он наполовину населен людьми вольными, власть дворянина весьма ощутима, как в коронном — власть короля. Зато гербовые города управляются исключительно своими магистратами, ревностно хранящими старинные привилегии. Для каждой разновидности городов существует известная разница в судопроизводстве и отправлении правосудия, а также в персоналиях, оное отправляющих. Однако система эта чересчур сложна для короткого пересказа, как показались бы сложны чужеземцу наши правила на сей счет.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГОЛОВНЫХ УБОРАХ

Головной убор играет на Таларе очень большую роль. По нему безошибочно узнают род занятий и социальное положение владельца. Появиться на людях с непокрытой головой — поступок крайне предосудительный, достойный последнего бродяги.

Бадагар — фетровая широкополая шляпа, обычный головной убор военных и дворян (у дворян украшена перьями, лентами, пряжками из драгоценных металлов с самоцветами).

Бонилон — твердая шляпа с высокой тульей в виде усеченного конуса и неширокими полями. Головной убор членов

Золотой, Серебряной и Бронзовой гильдий. В зависимости от гильдии бывает украшена золотым, серебряным или бронзовым медальоном, вместо ленты — крученный шнурок.

Капарат — круглая твердая шапка, как правило, темных тонов. Ее носят члены сословия Мер и Весов. Бывает украшена ярким матерчатым верхом, золотом и серебряным шитьем, отшлифованными полудрагоценными камнями.

Каталана — фетровая или кожаная шляпа с высокой тульей и узкими полями, заломленными сзади. Наиболее распространена по обе стороны Католаунского хребта, где ее носят дворяне, пограничные егеря, вообще все Сословия, кроме крестьян. В других местах — излюбленный головной убор охотников (поскольку шляпа этого фасона наиболее удобна для ходьбы по чащобе).

Лангила — матерчатая шляпа с очень широкими полями и круглым верхом, плотно сидящая на голове. Пропитывается водоотталкивающими составами и представляет обычный головной убор моряков и рыбаков. По-другому она именуется «штормовая лангила», или попросту «штормовка». Для ясной хорошей погоды существует разновидность, называемая «лангилатан» — твердая, поля не столь широкие. Лангилатан с металлическими головками и кокардами — форменный головной убор военных моряков.

Буниль — остроконечный колпак, войлочный или из плотной материи, с круглыми наушниками и квадратным на затыльнике. Будничный головной убор крестьян. Праздничным служит габуниль — вязаный колпак, украшенный лентами.

Виклер — форменный головной убор чиновников, шляпа из твердой лакированной кожи, цилиндрическая, с узкими полями. Высота шляпы, наличие украшений, равно как и их количество, зависят от чина.

Крапон — твердая шляпа с тульей в виде конуса и узкими полями. Головной убор членов Медной и Железной гильдий.

Мурмалка — остроконечный матерчатый колпак с меховой оторочкой, старинный головной убор жителей Ратагайской степи, который носят все без исключения мужчины (сорт материала, разновидность меха, наличие перьев и украшений зависит от положения в обществе).

В Глане мужчины носят разнообразные береты. Все прочие головные уборы совершенно не в обиходе и именуются насмешливыми прозвищами.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ

Камзол — короткая мужская одежда, едва прикрывающая бедра. *Кафтан* — более длинный, почти до колен. *Колет* — камзол без рукавов. Если упоминается, что на военном был мундир, это означает, что его штаны и камзол (или кафтан) — одного цвета. Дворяне, военные и члены некоторых сословий никогда не появляются на людях без плаща. Чиновники носят мундир или сюртук до колен длиной, с пуговицами сверху до низу. Сюртук всегда должен быть застегнут на все пуговицы — как и одежда купцов, длиннополый хомерик. Военные и дворяне, наоборот, держат верхнюю одежду полурасстегнутой или расстегнутой вовсе, открывая кружевное жабо или форменный шейный платок.

Дворянки могут появляться в мужской одежде, но исключительно незамужние (замужним приличия такое позволяют лишь в долгой поездке).

ЗАМЕЧАНИЯ О БОГАХ И ХРАМАХ

Храмы ЕДИНОГО ТВОРЦА существуют во всех государствах и обитаемых землях (хотя и не везде окружены доброжелательством). Возведенные в старые времена легко отличить по трем-пяти золоченым куполам, каждый из которых увенчан крестом Единого. Храмы более современной постройки несколько выше и уже, с остроконечными четырехгранными крышами, и крест лишь один, в самой высокой точке храма. При всяком есть колокольня. Внутри нет ни изображений, ни статуй Единого — Творец никогда не показывался людям, и воплощать его в изображении не принято. Зато, как правило, по сторонам алтаря стоят статуи наиболее почитаемых в данной местности святых, окна украшены витражами, а у порога на полу сделано мозаичное или вырезанное в камне изображение дьявола, которого входящие попирают ногами.

Кроме Сословия храмовых священников существует еще четыре монашеских ордена: святого Роха, святого Круахана, святого Катберта-Молота и святого Сколота, занятые самой разнообразной деятельностью — от благотворительности и устройства школ до борьбы с приверженцами Черной Троицы.

АШОРЕМИ — в древности богиня охоты и лесов. Впоследствии стала и повелительницей ночи, каковое обстоятельство по прошествии лет привело к несколько комической ситуации, о какой будет сказано ниже. Первая ипостась богини, то есть патронаж над лесами, всем обитающим в них зверьем, а также теми, чьи труды связаны с лесом (охотники, птицеловы, бортники, смолокуры, дровосеки и т. д.), со временем окончательно перешла к Кернунносу. Ашореми осталась исключительно Царицей Ночи, а потому ее считают своей покровительницей и влюбленные, и разбойники с ворами (иронически прозванные «ночными служителями Ашореми»), и странствующие купцы, для которых ночь, заставшая их в дороге, — самое опасное время. Эти категории в основном и составляют паству храмов Ашореми. По старинке богине поклоняются и представители вышеприведенных «лесных» ремесел — те, кто живет вдали от Каталауна и других горных районов. Горожанки всех сословий и слоев общества верят, что молитва Ашореми облегчает роды и помогает вернуть любовь мужа.

Кое-где, в самых древних храмах, еще можно увидеть изображения Ашореми в облике мифологической ночной птицы Валари с восьмиконечной Полярной Звездой на груди. Но в основном богиня предстает прекрасной девушкой с луком и колчаном за плечами (это оружие уже считается не символом охоты, а стрелами любви, поражающими сердца).

Самый большой и старинный Храм Ашореми находится в Пограничье и пришел в изрядное запустение, хотя туда до сих пор приходят паломники и там совершаются богослужения. Храмы Ашореми отличаются обилием колонн, полным отсутствием окон и плоской крышей, увенчанной статуей богини над входом и Полярной Звездой по всем четырем углам. Служителями Ашореми могут быть и мужчины, и женщины. К алтарю богини приносят цветы, перед ним жгут благовонную смолу. Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями. Животное Ашореми — кошка.

БРИГИТА — богиня знаний, мудрости и изящных искусств. Изображается в виде птицы с женской головой или, что реже, совы. Ее приверженцы происходят главным образом из Сословий Свободных Искусств, Совы и Циркуля. Храмов Бригиты, собственно говоря, не существует — лишь часовни, выполненные в виде каменных, закрытых с трех сторон навесов с изображением богини внутри. Служителей богини, как профессиональной касты, нет, эту роль выполняют особо уважаемые члены городских Общин Бригиты, носящие звание «смотрителей часовен». Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями.

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ — самое загадочное божество Талара, в чьи секреты так и не смогли проникнуть полностью ни книжники, ни тайная полиция. Главные приверженцы этой богини — крестьяне обоего пола (исключая побережье, где силен Руагату, Каталун и горные районы). Святилища Великой Матери, изображаемой в виде примитивно вытесанной из камня или дерева тучной женщины, можно увидеть в каждой деревне. Есть еще священные рощи и заветные места, посвященные Матери. И те и другие, по неписаному обычаю, идущему из глубины веков, настрого запрещено посещать мужчинам (слухи о том, что иные убийства были местью за нарушение запрета, так до сих пор не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, несмотря на все усилия властей).

Жрицами Великой Матери могут стать исключительно женщины, причем их возраст сплошь и рядом не имеет значения (считается, что будущая жрица с колыбели отмечена богиней, и посвященные это легко определяют). Праздники в честь Великой Матери приурочены к севу, жатве, обмолоту и другим видам полевых работ. В жертву богине приносят злаки, плоды и перворожденных ягнят (слухи о человеческих жертвах были тщательнейшим образом проверены имперской разведкой, но не подтвердились).

Помимо внешней, обрядовой стороны ритуалов, лицезреть которые допускается любой посторонний, существует, вне всякого сомнения, и некое тайное знание, но до нынешних пор не удалось узнать о нем ничего конкретного. Известно, что Великая Матьери олицетворяет Природу, животворящую силу (а по некоторым источникам, и всю планету, полагаемую жрицами Великой Матери живым и чуть ли не разумным существом). Одно время бродили упорные слухи (в городах, естественно), что реверен Гонзак пытался про-

никнуть в тайны Домов Великой Матери (нечто вроде монастырей, где живут женщины, посвятившие всю свою жизнь служению богине), за что и был убит при самых удивительных обстоятельствах. Насколько известно, проверкой этих слухов никто всерьез не занимался — ибо подобные сплетни во множестве появлялись и раньше в связи со смертью других известных особ, но подтверждения никогда не находили, и к ним перестали относиться серьезно*.

Следует отметить, что в военное время даже наиболее буйная и недисциплинированная солдатня обходит стороной Дома Великой Матери и избегает оскорблять жриц. Эта укоренившаяся в древние времена традиция чересчур устойчива для простого суеверия, что неоднократно отмечалось исследователями (так и не докопавшимися, правда, до причин).

КЕРНУННОС — бог лесов, охоты, диких животных и грома. Изображается в виде оленя с лошадиным хвостом или человека с оленьей головой. Главным образом ему поклоняются в области Каталаунского хребта, гор Адантел и Оттершо. Служители Кернунноса — исключительно мужчины. Храмы, как правило, располагаются в лесу (или окружены самое малое семью деревьями), они небольшие, кубической формы, с узкими высокими окнами, крыша крыта оленьими рогами. При храме обязательно имеется башенка, где по особым праздникам (так называемые «дни грома») зажигают священный огонь. Есть заповедные Леса Кернунноса. В общем, Кернунноса нельзя назвать «злым богом», но порой по отношению к людям (особенно тем, кто неподобающим поведением в лесу навлек его гнев) он бывает жесток и мстителен. Особых жертв ему не приносят, но принято оставлять в лесу часть охотничьей добычи или, проезжая мимо заповедного леса, украсить одно из крайних деревьев каким-нибудь подношением. Зверем Кернунноса исстари считается каталаунский тигр, и под особым покровительством бога находятся белые олени.

РУАГАТУ — бог моря, имеющий огромное число приверженцев на побережье и на Островах, особенно среди моряков и

* Точности ради стоит упомянуть, что существует одиннадцать противоречащих друг другу версий исчезновения Гонзака, сведенных воедино и проанализированных в книге профессора Латеранского университета Пага Альмадовара «Путешествие в никуда» (Латерана, типография «Хоневир и сыновья», 3706 г. Х. Э.).

рыбаков (а также купцов, плавающих по морю). Изображается в виде могучего бородача с трезубцем, восседающего на касатке. Храмы Руагату (которые полагается возводить не далее чем в лиге от берега), пожалуй, самые пышные и красивые среди всех. Стены в них заменяют ряды колонн, крыши из нескольких куполов ярко раскрашены разноцветными красками в виде чешуи, снаружи и внутри храмы украшены мозаикой, статуями и изображениями как мифологических обитателей моря, так и реальных. Во время богослужения жгут благовония трех видов. У мореходов принято во исполнение обетов дарить храмам модели своих кораблей, зачастую из драгоценных металлов. Среди служителей — и мужчины, и женщины. При некоторых храмах есть приюты для старых и увечных мореходов. Любимицами Руагату считаются касатки, поэтому охотиться на них рискнет лишь самый отпетый, не верящий ни в бога, ни в черта. И наоборот, убить гривастого крокодила или кракена считается угодным Руагату делом.

СИМАРГЛ (КРЫЛАТЫЙ ПЕС) — бог войны. Около двух тысяч лет назад его культ был занесен с Сильваны, и, в отличие от схожих случаев с другими сильванскими богами, не только прижился, но и широко распространился — главным образом среди военных, части обитателей Полуденного Каталауна и в Ратагайской Пуште. Изображается в виде пса с орлиными крыльями. Храмы сложены из красного кирпича разных оттенков, по виду напоминают старинные замки — с высокими крутыми крышами, зубцами по их кромке, машикулями, толстыми стенами, узкими стрельчатыми окнами (с витражами, изображающими сражения). Внутри — статуя Крылатого Пса, стены обычно увешаны пожертвованным по обету или дареным оружием (все древние храмы славятся прекрасными коллекциями старинного оружия). Принято освящать в храме купленное у мастера оружие. В старые времена полагалось оставлять перед статуей капельку своей крови, уколов палец, но вот уже несколько столетий, как этот обычай исчез.

При иных храмах есть приюты для старых и увечных солдат (каковых немало и среди служителей Симаргла). В противоположность сильванским обычаям, служители Симаргла — исключительно мужчины. Возле храмов Симаргла всегда можно

увидеть собак — их подкармливают, так как собакам Крылатый Пес особо благоволит, выделяя среди прочих животных. Для приверженцев Симаргла убить или обидеть собаку — грех (зато отношение к кошкам насквозь противоположное).

Существуют Братства Симаргла — военные ордена. Их членов обязывает равенство независимо от происхождения, обет супружеской верности, клятва участвовать в любой войне, какую ведет государство. Ныне таких Братств семь — три в Снольдере, два в Ронеро, по одному в Глане и Лоране. Они могут выставить отряды, не уступающие по численности полку. На звоннице каждого храма установлен птелос. Симаргл — покровитель гильдии Оружейников.

ХОРС — бог солнца. Изображается в виде всадника на рыжем коне или золотого солнечного диска. Почитается главным образом в городах. Храмы возводятся в виде пирамиды из семи уступов, увенчанной солнечным диском. Внутри стоит статуя Солнечного Всадника и поддерживается неугасимый огонь (возжигаемый от солнца с помощью особых стекол). При храмах (или при главном храме, если в городе их несколько) содержится отобранный в соответствии со сложными каноническими правилами рыжий, «солнечный» конь, символизирующий Хорса в торжественных процессиях по праздничным дням (считается, что на нем невидимо восседает тогда сам Хорс). Служители бога — исключительно мужчины. Хорс покровительствует в животном мире лошадям и петухам («птице Хорса»), а из мастеров его особенным покровительством пользуются кузнецы. На вершинах храмов установлены гонги.

Времена Храмовых Войн давно минули, но определенные трения сохранились до нашего времени — взаимная неприязнь и отчуждение меж приверженцами Ашореми и Симаргла, Симаргла и Кернунноса, Кернунноса и Хорса, Хорса и Ашореми.

По недостатку места нет возможности рассказать о «потаенном народце» — лесных феях, духах источников, «болотных сидельцах» и пр., и пр. Лучше всего отослать читателя к классическому труду Уро Монкагера «Рассказ и размышления о Потаенном Народце» (лучшее иллюстрированное издание вышло в 3710 г. Х. Э. в Ремиденуме). Неплоха также книга «Каталог

Иномирья» — старинный труд анонимного автора, часто переиздающийся.

ЧЕРНАЯ ТРОИЦА — так именуется три черных бога, чьи храмы были в конце концов разрушены, а оставшиеся приверженцы загнаны в подполье — Сет-Змееног, Кром Круах (Кром Кровавый) и Рогатый (Клыкастый Козел). До сих пор в глухих уголках, несмотря на все преследования, время от времени еще совершаются «черные ритуалы» с человеческими жертвоприношениями. Адепты «черной троицы» в свое время и создали тайные общества, известные под собирательным названием «Черной благодати» или «Черной радуги».

О СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Господствующей религией там объявлено так называемое «учение Совершенства», или «учение святого Патарана, единственного боговдохновенного толкователя воли Единого Творца, очистившего служение Творцу от искажений и излишних сложностей». Но все остальные понтификаты Единого Творца за пределами Святой Земли относятся к этому учению отрицательно, отношений со Святой Землей не поддерживают не признавая самого этого названия, а также не считают Патарана святым.

РОСПИСЬ КЛАССНЫХ ЧИНОВ, ИЛИ ЧИНОВНИЧЬИХ КЛАССОВ

1. Коронный министр.
2. Коронный советник.
3. Тайный советник.
4. Королевский советник.
5. Королевский секретарь.
6. Министерский советник.
7. Министерский секретарь.
8. Советник.
9. Департаментский советник.
10. Департаментский секретарь.
11. Канцелярии советник.
12. Секретарь канцелярии.

13. Секретарь.
14. Канцелярист.
15. Письмоводитель.
16. Писец.

Система эта применяется во всех государствах Харума, за исключением Вольных Маноров, Глана (где существует своя, более простая и патриархальная) и Балонга (где также принята своя). 1—5 классы приравнены к генеральским чинам, и получить их могут лишь дворяне (есть, впрочем, редкие исключения), 6—8 классы приравнены к полковникам, 9—10 — к капитанам, 11—12 — к лейтенантам, 13—14 — к сержантам.

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА

Ронеро

Золотой ауреи = серебряному аурею = 25 серебряным сестерциям. Есть еще золотые монеты «токен» (5 ауреев) и «солд» — 10 ауреев.

Серебряный сестерций = 10 медным сестерциям = 200 медным грошам.

Медные монеты: полугрош, грош, тройной грош, семигрошевик, десятигрошевик, сестерций, ливра (монета в 5 медных сестерциев).

Все монеты — круглые. Для Бряна Луга чеканятся все их виды, но именуются они «островными», и вместо королевской короны на них изображен государственный герб.

Снольдер

Золотой денарий = 50 серебряным артигам. Есть золотые монеты «латеранский золотой артиг» (денария), «двуденарий» (2 денария), «сфинкс» (3 денария), «Цехин» (7 денариев, хождение имеет главным образом в Ратагайской Пуште).

Серебряный артиг = 14 серебряным патагонам = 280 медным гротирам.

Медный гротир = 5 пулам. Есть монеты в 1, 2, 3, 4 пула.

Все монеты — круглые. (Сфинкс еще с отверстием посередине.) Для Катайр Крофинда чеканятся «морские» деньги.

Горрот

Золотой статер = 40 серебряным ассам либо 10 серебряным венталам = 600 медным ассам. Есть двойной статер, тройной статер и «галиа» — монета в 7 статеров.

Медный асс = 3 медным патарам. Есть монеты в поласса, полпатара, двойной патар.

Глан

Златник = 20 серебряникам = 280 медным шелегам. Есть двойной златник, тройной и «медведь» — монета в 5 златников.

Медный шелег = 7 круцежам. Есть полукруцеж.

Шаган

Золотой орт = 14 серебряным фартингам и 140 медным фартингам. Есть двойной орт, «колокол» (монета в три орта).

Серебряный фартинг, двойной серебряный. Медный полуфартинг, фартинг, тройной фартинг. (Монеты всех трех держав — круглые, кроме восьмиугольной в один гланский круцеж.)

Для острова Дике в Горроте особых денег не выпускается, хотя в последние время это, кажется, намерены сделать.

Харлан

Золотой скеллер = 25 серебряным скетам = 500 медным билонам. Есть монеты в 3, 6 и 10 скеллеров.

Серебряный балиган = 5 скетам.

Медные: четверть билона, полубилон, билон, двойной билон, пятерик и семерик.

Все золотые монеты — круглые, балиган — семиугольный, пятерик и семерик — семиугольные с отверстием в середине.

Лоран

Золотой денарий = 28 серебряным фоллисам = 280 медным фоллисам. Есть двойной денарий, «роза» (5 денариев) и «суверен» (15 денариев).

Серебряный фоллис = 7 медным караунам = 10 медным фоллисам.

Медные: полуфоллис, фоллис, караун, «фоллис с барашком» (3 фоллиса), пять фоллисов.

Все золотые и серебряные монеты — прямоугольные (один из лоранских королей, полторы тысячи лет назад заменивший такими монетами круглые, спесиво заявил:

«Пусть они и неудобнее круглых, зато свидетельствуют о нашем величии». В те времена Лоран считался самой мощной державой континента, каковую роль со временем утратил, но облик денег остался прежним).

Все медные монеты — круглые, с отверстием посередине.

Балонг

Вместо золотых монет там находятся в обращении денежные знаки в 5, 7, 10, 14, 40 и 100 дукатов, с большим мастерством изготовленные из ввозимого с Сильваны в малых количествах самшитового дерева, на Таларе не произрастающего. Они обеспечены сокровищами особой кладовой Круглой Башни, довольно большого размера, круглые и охотно принимаются на всем Таларе (нужно заметить, что порой их подделывают точно так же, как и металлические деньги).

Есть серебряные монеты в 1, 2, 3 и 4 дуката, медные — в 1, 2, 5 и 10 дирхамов. И серебряные, и медные — все восьмиугольные, серебряные, вдобавок с отверстием посередине.

Ганза

Ганзейцы пользуются в основном деньгами «прилегающих держав», хотя для особых расчетов существуют круглые монеты — золотой и серебряный далер.

Сегур денег не чеканит давно по причине тщательно скрываемой бедности одного государства. В обращении, впрочем, еще находится небольшое количество древних золотых монет под названием «тымф», или «корабль», но ходят они исключительно на острове и скоро пропадут совсем, так как являются объектом охоты коллекционеров, как и фельсы — серебряный и медный.

Вольные Маноры права на чеканку монет были лишены около пятидесяти лет назад решением Виглафского Ковенанта.

«Старые» деньги еще ходят, но понемногу изымаются из обращения, как только сотрутся, к тому же купцы увозят их для коллекционеров, а также для переплавки.

Деньги Святой Земли из-за больших примесей серебра, а то и меди, к золоту повсеместно считаются «худыми», «порченными» и за пределами означенного государства хождения не имеют.

ОРДЕНА И МЕДАЛИ

Глан

Ордена:

Чертополоха.

Пещерного Медведя.

«Громовая гора».

Медали:

«Серебряное кольцо».

«Медное кольцо».

«Железное кольцо».

Все награды исключительно военные. В тех случаях, когда король все же желает наградить кого-то за заслуги на «гражданском» поприще, вместо цепи (так как все три ордена носят на цепи, на шее) орден крепится на бант, прикалываемый к груди.

Балонг

Ордена:

«Круглая башня».

«Ладья богатства».

«Созвездие».

Медали:

«Золотая пчела».

«Серебряная пчела».

«Медная пчела».

«Железная пчела».

Полная противоположность Глану: орденами и медалями награждаются лишь подданные Балонга, «приумножившие его богатства и действовавшие во славу дальнейшего благососто-

яния». За воинские подвиги (например, отвагу, проявленную экипажем судна в бою с корсарами) награждают деньгами или ценным оружием.

Горрот

Ордена:

«Черное солнце», (награждаются и военные, и гражданские).

«Рубиновый клинок» и Орден Симаргла (военный).

Орден Семи Островов*.

Орден Филина (гражданский).

Медали:

«Клинок».

«Орел» (военная).

«Сокровищница» (гражданская).

Харлан

Ордена:

«Трон великих герцогов»
(двойного назначения).

«Меч Славы» (военный).

«Фолиант» (гражданский).

Медали:

«Скрещенные топоры».

«Слава и смелость» (военная).

«Жемчужина мудрости».

«Бронзовое перо» (гражданская).

Ронеро

Высшие, двойного назначения ордена:

«Алмазный венец».

Орден Гербового Щита.

Военные ордена:

«Звезда отваги».

«Золотая лилия».

«Зеркало Аннура».

* В последнее время этим орденом стали награждать и военных моряков, проявивших храбрость в схватке с пиратами (ибо награждать за такое полноценными боевыми орденами в самом деле как-то не вполне уместно).

«Алое пламя».

«Скипетр морских королей» (военно-морской).

Гражданские ордена:

«Камень мудрости Пилу».

Орден Серебряной Совы.

«Бирюзовая цепь»*.

Военные медали:

«За храбрость».

«Серебряный топор».

«Башня» (вручается главным образом за отвагу, проявленную при защите или взятии крепостей).

«Стрела».

«Якорь» (военно-морская).

Гражданские медали:

«За беспорочную службу».

«Корабль».

«Лилия».

Снольдер

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой сфинкс».

«Меч Дорана».

Военные ордена:

«Дракон и солнце».

«Огненный вепрь».

«Радуга и меч».

«Крылатый лев».

«Морской конь» (военно-морской).

Гражданские ордена:

Орден Короны.

Орден Ворона.

«Радуга и ларец».

«Великая Река».

Военные медали:

«Тисовая ветвь».

«Ярость и огонь».

«Дубовый лист».

* Этим орденом награждают главным образом гражданских чиновников, инженеров Сословия Циркуля и высших полицейских чинов.

«Львиный коготь».

«Огненное копьё».

«Абордажная сабля» (военно-морская).

Гражданские медали:

«Процветание» (купеческая).

«Око» (полицейская).

«Ларец».

«Сфинкс».

Лоран

Высшие, двойного назначения ордена:

«Три золотых кольца».

«Отличие Престола».

Военные ордена:

«Рыцарская лента».

Орден Заслуги.

«Меч и кольцо».

«Золотой якорь» (военно-морской).

Орден Тигра.

Гражданские ордена:

«Звезда учености».

Орден Верности.

Орден Черного Медведя.

Орден Золотого Журавля.

«Великий канал».

Военные медали:

«Штандарт».

«Серебряная секира».

«Серебряный самострел».

«Победитель пламени».

«Отвага ратного поля».

Гражданские медали:

«Золотой скипетр».

«Свиток».

«Золотой скипетр».

«Свиток».

«Серебряный циркуль».

«Бронзовый циркуль».

«Солнечный луч».

«Серебряный компас».

Шаган

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой колокол».

Орден святого Сколота.

Военные ордена:

«Меч грома».

«Золотой фрегат» (военно-морской).

«Изумрудный акилла».

Орден Синей Крепости.

«Стрела и скипетр».

Гражданские ордена:

Орден Красного Бобра.

Орден Кедр.

«Золотая кисть».

«Яшмовый кубок».

«Посох святого Роха».

Военные медали:

«Медвежья лапа»

«Алая молния».

«Штурвал и меч» (военно-морская).

«Бастион».

«Трилистник».

Гражданские медали:

«Хрустальный кубок».

«Штурвал и парус».

«Серебряная кисть».

«Жезл мудрости».

«Дубовая ветвь».

В Святой Земле орденов и медалей не существует, зато в ходу так называемые наградные пояса и посохи.

В Ганзе для награждения отличившихся и заслуженных граждан существует схожий с орденом знак трех степеней — «Золотой корабль», «Серебряный корабль» и «Медный корабль».

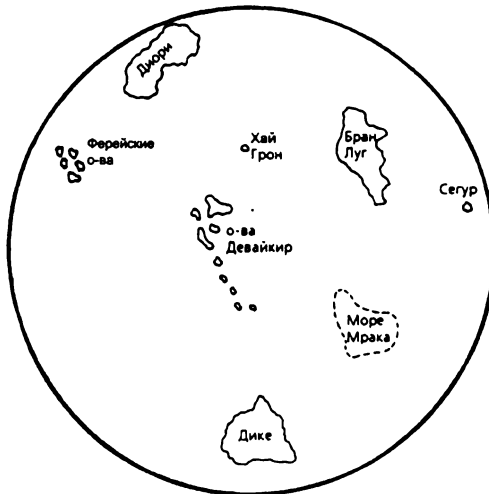
Ордена Вольных Маноров при всем их калейдоскопическом разнообразии чересчур многочисленны, и тому, кто ими интересуется, лучше обратиться к соответствующим книгам.

Ордена Сегура, равно как и медали, сохранены после катастрофы все до единого, однако изрядно утратили свой авторитет. Во-первых, по причине упадка Сегур практически не ведет никаких войн, и боевые награды выглядят несколько нелепо в этих условиях; во-вторых, что важнее, все сегурские награды давно превратились в дополнительный источник дохода для королевской казны: всякий, кто пожелает, может за соответствующую сумму стать обладателем любого тамошнего ордена или медали (за исключением высшего Ордена Морских Королей, вручаемого лично королем. Впрочем, и этот орден порой нетрудно раздобыть при отсутствии всяких заслуг, но при наличии должных связей или услуг, оказанных сегурскому престолу). Поэтому давно уже в обиход вошло выражение «сегурская награда», означающее нечто второсортное или добытое не трудами и заслугами, а с помощью тугого кошелька или интриг.

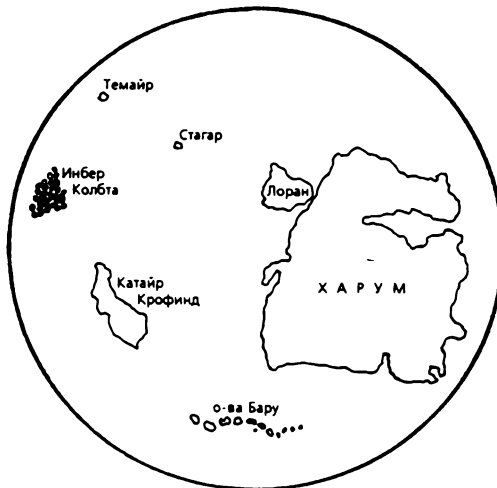
Карты

Планета ТАЛАР

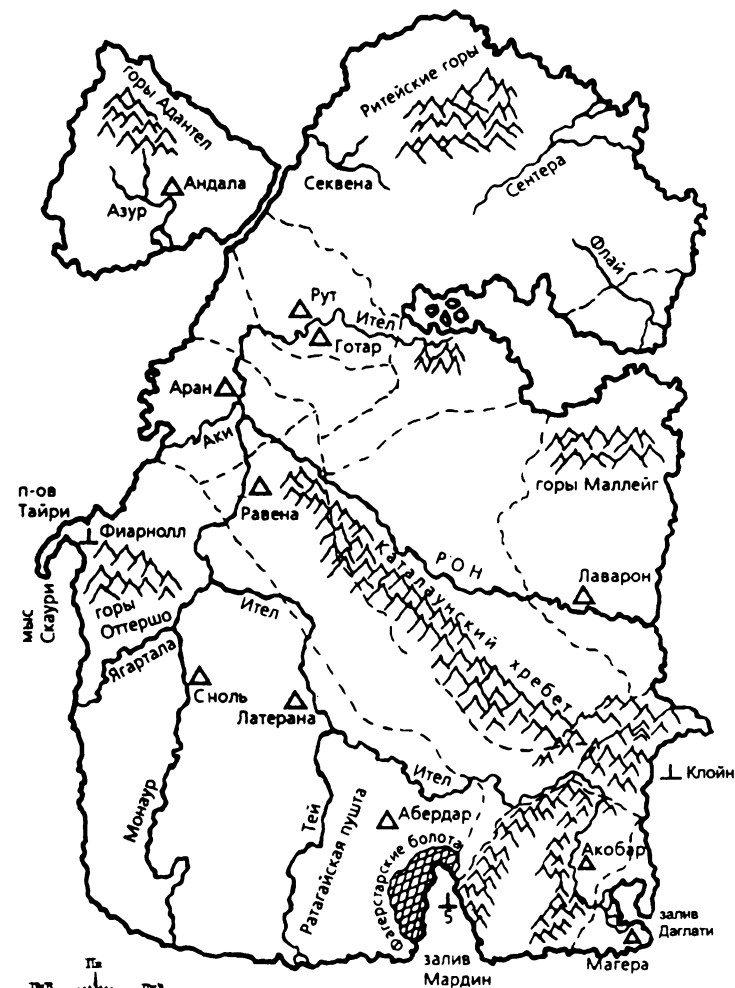
полушарие заката

полушарие восхода

ФИЗИЧЕСКАЯ КАРТА КОНТИНЕНТА ХАРУМ

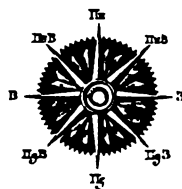
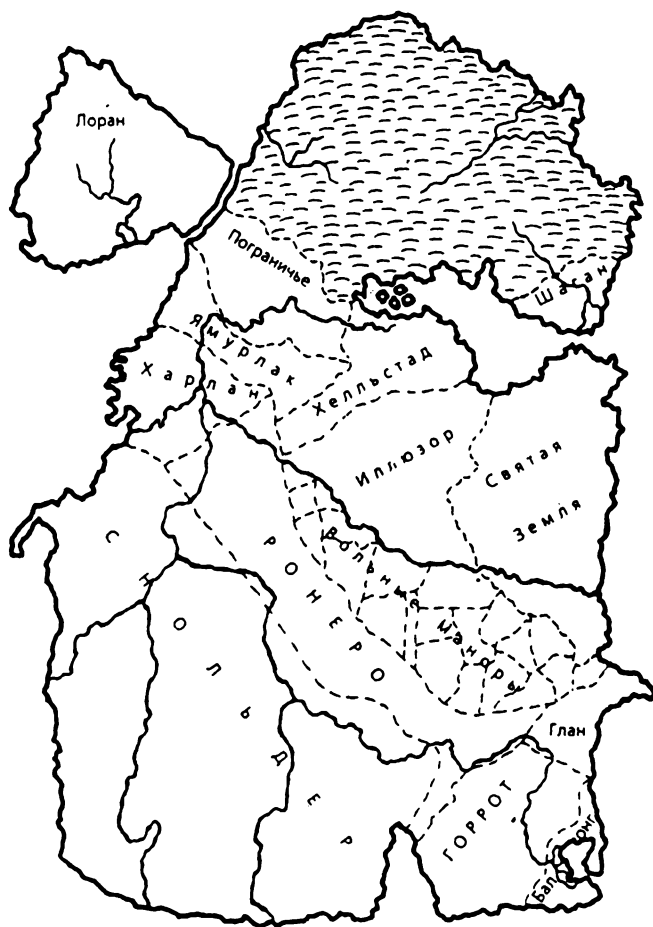
Условные обозначения

Δ - города

⊥ - морские порты

знаком $\frac{1}{5}$ обозначен порт Джетарам

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА КОНТИНЕНТА ХАРУМ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Королевские будни.....	5
Глава II. О скучных финансах	26
Глава III. Жила-была девочка.....	64
Глава IV. Невеста и змей.....	107
Глава V. Новости, претензии, загадки.....	139
Глава VI. Похвастаться нечем	154
Глава VII. Облака под нами	178
Глава VIII. Вредный вред и безвредный вред	199
Глава IX. О методах воспитания и прочем.....	231
Глава X. Перебежчица.....	242
Глава XI, Повествующая о том, что в театре сплошь и рядом самое интересное происходит не на сцене, а за кулисами	271
Глава XII. Синеглазое горе.....	341
Глава XIII. отнюдь не последняя	376
Приложения.....	386
Карты	444

Официальный сайт А. А. Бушкова — www.shantarsk.ru

Литературно-художественное издание

Бушков Александр Александрович

СЛЕПЫЕ СОЛДАТЫ

Роман

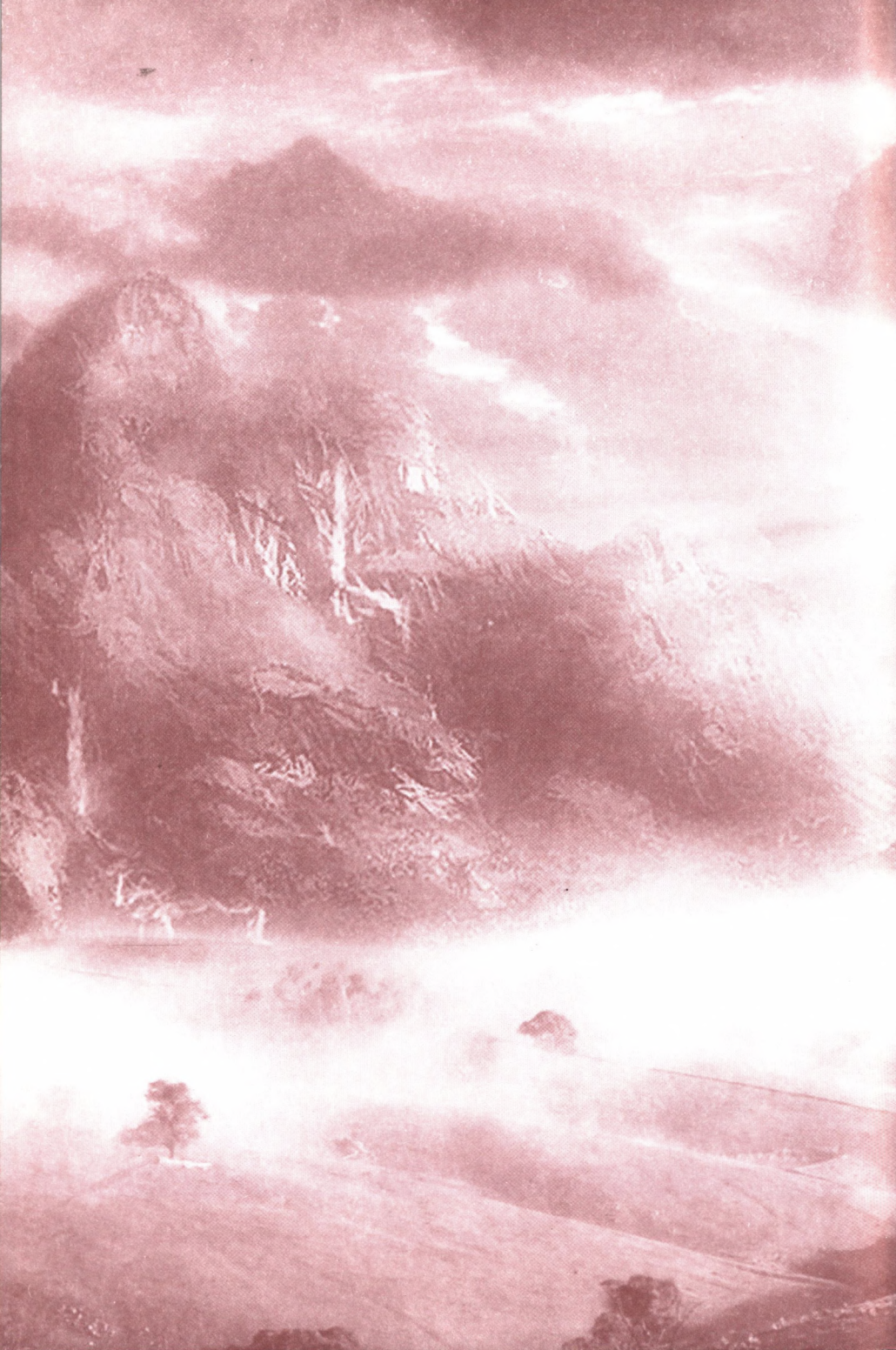
Ответственный за выпуск *В. В. Кузьмин*
Художественный редактор *А. Я. Гладышев*
Виньетки *В. А. Кагане*
Компьютерная верстка *О. О. Тарвид*
Корректор *Л. А. Пруткова*

Подписано в печать 25.02.2013.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура «Palatino Linotype», «OfficinaSansC».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,0. Тираж 25 000 экз.
Изд. № 13-10883. Заказ № 8797/13.

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 16 лет

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 3, п. 1, к. 5
Почтовый адрес: 143421, Московская обл., Красногорский район,
26 км автодороги «Балтия», Бизнес-парк «Рига Лэнд», строение 3
www.olmamedia.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь. www.pareto-print.ru

В пышных церемониальных встречах идет парадная жизнь Сварога, поочередно выступавшего в роли аж семи королей и одного великого герцога. Венценосные особы безмятежно съезжаются в резиденцию Виглафского Ковенанта — величественный замок, сейчас самое безопасное место на всем Таларе.

Все вульгарные пикантности и пороки — измены, ревность, насилие и обман... — скрыты за ставнями королевских покоев. Где-то там зреет заговор, а в ответ ему — праведная месть!

Пусть легкий ветерок лениво колышет многочисленные флаги, гордо реющие над королевскими резиденциями. Но, рассвирепев над морями и океанами, он запросто может превратиться в огненный шквал. Который сорвет белый флаг с черным солнцем на башнях далекого острова Дике.

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

ISBN 978-5-373-00545-6

9 785373 005456